

9/38/
В 19

А. А. Васильевъ.

ЛЕКЦІИ
ПО
ИСТОРИИ ВИЗАНТІИ.

Томъ I-й.

Время до эпохи крестовыхъ походовъ
(до 1081 года).

Цѣна 5 рублей.

959⁶-5

ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія Я. Башмаковъ и К^о. (Надеждинская, 43).

1917.

9/38/
B19

А. А. Васильевъ.

ЛЕКЦІИ
ПО
ИСТОРИИ ВИЗАНТИИ.

Томъ I-й.

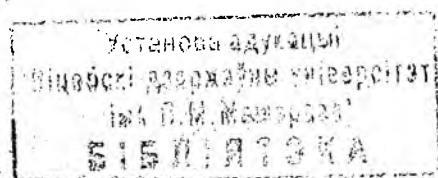
Время до эпохи крестовыхъ походовъ
(до 1081 года).

Цѣна 5 рублей.

ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія Я. Башмаковъ и К°. (Надеждинская, 43).

1917.

524200

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе	СТРАН. VII—VIII
-----------------------	--------------------

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Краткій очеркъ разработки исторіи Византіи	1—42
--	------

1) Краткій очеркъ разработки исторіи Византіи на Западѣ, 1—30. Начало разработки. Роль Франціи. Время Дюканжа, 1—4. XVIII вѣкъ, 4—5. Монтескье, 5—7. Гиббонъ, 7—11. Лебо, 11—12. Ройю, 12. Финлей, 12—17. Папарригопуло, 17—19. Гопфъ, 19—21. Гердбергъ, 21—22. Грегоровіусъ, 22—23. Бьюри, 23—26. Ламбросъ. Гельцеръ. Гесселингъ, 26—28. Общіе популярныя обзоры исторіи Византіи, 28—29. Византійская литература, 29—30.

2) Краткій очеркъ разработки исторіи Византіи въ Россіи, 30—40. Академики-иѣмцы. Западники и славянофилы. В. Г. Васильевскій, 30—32. Ертовъ, 32—33. Ю. А. Кулаковскій, 33—35. Ѡ. И. Успенскій, 35—38. С. П. Шестаковъ, 38. Вопросъ о постановкѣ византиновѣдѣнія въ Россіи, 38—40.

Спеціальныя журналы. Общія пособія по праву, искусству и хронологіи, 40—42.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Восточная имперія въ IV вѣкѣ	43—91
--	-------

Константинъ Великій и христіанство, 43—45. „Обращеніе“ Константина, 45—51. Миланскій эдиктъ, 51—54. Арианство и первый вселенскій соборъ, 54—57. Основаніе Константинополя, 57—61. Государственная реформа имперіи въ эпоху Діоклетіана и Константина, 61—65. Преемники Константина Великаго. Констанцій, 65—67. Юліанъ Отступникъ, 67—77. Церковь и государство въ концѣ IV вѣка. Θεодосій Великій и торжество христіанства, 77—85. Германскій (готскій) вопросъ въ IV вѣкѣ, 85—91.

Литература ко второй главѣ. 91

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Имперія V-го и начала VI-го вѣка (395—518)	92—122
--	--------

Государи V-го и начала VI-го вѣка и ихъ происхожденіе, 92—93. Национальныя и религіозныя интересы эпохи,

93—95. Аркадій. Временщики, 95—96. Разрѣшеніе готскаго вопроса, 96—100. Іоаннъ Златоустъ, 100—102. Феодосій II Малый или Младшій, 102—103. Богословскіе споры и третій вселенскій соборъ, 103—105. Высшая школа въ Константинополѣ. Codex Theodosianus. Константинопольскія стѣны, 105—109. Маркіанъ и Левъ I. Аспаръ. 4-й вселенскій соборъ, 109—112. Зинонъ. Исавры. Одоакръ и Теодорихъ Остготскій. Актъ единенія, 112—115. Анастасій I. Рѣшеніе исаврійскаго вопроса. Персидская война. Нападенія болгаръ и славянъ. Длинная стѣна. Отношенія къ Западу, 115—118. Религіозная политика Анастасія. Возстаніе Виталиана. Внутренняя дѣятельность, 118—122.

Литература къ третьей главѣ 122

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Юстиніанъ Великій и его ближайшіе преемники (518—610) 123—179

Государи даннаго періода, 123—124. Юстиніанъ Великій. Прокопій Кесарійскій. Феодора, 125—127. Внѣшняя политика Юстиніана и его идеологія, 127—130. Войны съ вандалами, остготами и вестготами; ихъ результаты. Персія. Славяне. Значеніе внѣшней политики Юстиніана, 130—136. Законодательная дѣятельность Юстиніана. Трибоніанъ, 136—143. Церковная политика Юстиніана. Закрытіе аеинской школы. Пятый вселенскій соборъ, 143—150. Внутренняя администрація Юстиніана. Возстаніе „Ника“, 150—157. Торговля при Юстиніанѣ. Косьма Индикопловъ. Постройки. Св. Софія. Равенна. Обще выводы, 157—167. Ближайшіе преемники Юстиніана. Церковная политика. Маврикій. Персія. Славяне и авары. Образованіе экзархатовъ. Тираниія Фоки. Переворотъ 610 года, 167—175. Вопросъ о славянахъ въ Греціи, 175—178.

Литература къ четвертой главѣ 179

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Эпоха династіи Ираклія (610—717) 180—218

Династія Ираклія и ея происхожденіе, 180—181. Персидскія войны. Авары и славяне подъ Константинополемъ. Значеніе персидскихъ походовъ Ираклія, 182—187. Арабы. Мухаммедъ и исламъ, 187—197. Причины арабскихъ завоеваній VII вѣка, 197—199. Завоеванія арабовъ до начала VIII вѣка. Константинъ IV и осада арабами Константинополя, 199—206. Славянское продвиженіе на Балканскомъ полуостровѣ и въ Малой Азіи. Основаніе Болгарскаго государства, 206—210. Церковная политика династіи Ираклія. Моновелитство. „Изложеніе вѣры“ (экѳесисъ) Ираклія. „Образецъ вѣры“ (типосъ) Константина III. Шестой вселенскій соборъ, 210—214. Возникновеніе и развитіе еемнаго строя въ эпоху Ираклейской династіи, 214—217. Смута 711—717 годовъ, 217.

Литература къ пятой главѣ 218

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Эпоха Исаврійской или Сирійской династіи (717—802) 219—254

Исаврійская или сирійская династія и ея происхожденіе, 219—220. Отношенія къ арабамъ, болгарамъ и славя-

намъ, 221—224. Внутренняя дѣятельность императоровъ исаврійской или сирійской династїи. Законодательство. Темы, 224—233. Иконоборство. Происхождение иконоборческаго движенія. Первый періодъ иконоборства. Седьмой вселенскій соборъ, 233—248. Коронованіе Карла Великаго и значеніе этого факта для Византіи, 248—252. Итоги дѣятельности исаврійской династїи, 252—254.

Литература къ шестой главѣ 254

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Ближайшіе преемники Исаврійскаго дома (802—820) и время Аморійской или Фригійской династїи (820—867) 255—275

Государя съ 802 по 867 годъ и ихъ происхожденіе, 255—257. Византія и арабы въ эпоху Аморійской династїи. Возстаніе Темы Славянина. Первое нападеніе русскихъ на Константинополь, 257—264. Византія и болгары въ эпоху Аморійской династїи, 264—266. Второй періодъ иконоборства и возстановленіе православія. Раздѣленіе церквей въ IX вѣкѣ, 266—275.

Литература къ седьмой главѣ 275

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Эпоха Македонской династїи (867—1056) 276—336

Вопросъ о происхожденіи Македонской династїи. Чередованіе ея государей, 276—278. 1) Внѣшняя дѣятельность государей Македонской династїи, 278—304. Отношенія Византіи къ арабамъ и къ Арменїи за время Македонской династїи, 278—289. Отношенія Византіи къ болгарамъ и мадьярамъ за время Македонской династїи, 290—294. Византія и Русь за время Македонской династїи, 294—297. Печенѣжскій вопросъ въ эпоху Македонской династїи, 297—300. Отношенія Византіи къ Италїи и Западной Европѣ въ эпоху Македонской династїи, 300—304. 2) Внутренняя дѣятельность государей Македонской династїи, 304—335. Церковныя дѣла въ эпоху Македонской династїи, 304—314. Законодательство эпохи Македонской династїи въ связи съ соціально-экономическими отношеніями въ имперїи. Властели и убогіе, 314—325. Провинціальное управленіе въ эпоху Македонской династїи, 325—327. Просвѣщеніе, наука и литература въ эпоху Македонской династїи, 327—335.

Литература къ восьмой главѣ 335—336

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Смутное время XI вѣка (1056—1081) 337—349

Смѣна императоровъ, 337—340. Турки-сельджуки, 340—345.

Печенѣги, 345—346. Норманны, 346—349.

Литература къ девятой главѣ 349

Важнѣйшія хронологическія даты 350—351

Перечень византійскихъ императоровъ съ Константина Великаго до вступленія на престолъ Комниновъ въ 1081 году . 351—352

Родословныя таблицы царствовавшихъ византійскихъ династїи. 353—355

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Главною причиною напечатанія моихъ Лекцій по исторіи Византіи является желаніе дать въ руки студентовъ и курсистокъ учебное пособіе общаго характера въ данной области. До сихъ поръ еще не было общаго очерка исторіи Византіи, написаннаго русскимъ ученымъ. Переведенная съ нѣмецкаго языка «Исторія Византіи» Герцберга уже довольно давно вышла изъ продажи. Переведенный же также съ нѣмецкаго «Очеркъ политической исторіи Византіи» Гельцера, которымъ, къ крайнему сожалѣнію, въ послѣдніе годы экзаменующіеся вынуждены были пользоваться, представляетъ собою конспективное, сухое, мало обработанное, мѣстами безъ нужды тенденціозное изложеніе фактовъ съ массою хронологическихъ датъ, преслѣдующее справочную цѣль; эта книга ничего общаго съ учебнымъ пособіемъ не имѣетъ и можетъ въ качествѣ экзаменнаго пособія лишь вызвать отвращеніе къ предмету. Вышедшіе въ послѣдніе годы обширные труды по исторіи Византіи русскихъ ученыхъ, а именно: три тома Ю. А. Кулаковскаго и одинъ томъ Ѳ. И. Успенскаго, преслѣдуютъ инья цѣли; для учебнаго руководства они черезчуръ обширны: вышедшіе томы доходятъ лишь до начала VIII вѣка. Большой періодъ времени охватываетъ томъ Лекцій по исторіи Византіи С. Шестакова, доводящій изложеніе до 800 года.

Первоначально у меня было намѣреніе въ одномъ томѣ изложить судьбы Византіи на всемъ протяженіи ея исторіи вплоть до паденія Константинополя въ 1453 году. Но оказавшаяся сложность работы надъ исторіей позднѣйшаго времени Византіи надолго задержала бы появленіе книги. Тогда я и рѣшилъ напечатать пока первый томъ, въ которомъ изложеніе доводится до эпохи крестовыхъ походовъ.

Разсматривая исторію условно называемой Византійской имперіи какъ непосредственное продолженіе имперіи Римской, я начинаю изложеніе съ IV вѣка, когда имперія изъ языческой превращается въ хри-

стіанскую, когда она получаетъ новый политическій центръ въ видѣ Константинополя, когда внутри ея совершается крупная реформа Діоклетіана и Константина и когда, наконецъ, благодаря варварскимъ вторженіямъ начинаетъ видоизмѣняться племенной составъ государства.

Во вниманіе приняты мною не только событія виѣшней исторіи, но и главнѣйшія явленія жизни внутренней. Въ виду того, что въ основу лекцій былъ положенъ принципъ изложенія событій по эпохамъ и династіямъ, т. е. принципъ хронологическій, приходилось часто при изображеніи тѣхъ или другихъ процессовъ внутренней жизни ихъ разбивать, останавливаясь въ одной главѣ и возобновляя изложеніе даннаго процесса въ другой, что, конечно, неблагоприятно отзывалось на наглядности и ясности уразумѣнія самого процесса. Замѣчаю я и неравномѣрность въ изложеніи тѣхъ или другихъ явленій. Невольно выходило, что явленія, которыми мнѣ приходилось заниматься больше, изложены подробнѣе, чѣмъ другія. Нѣкоторая элементарность даваемыхъ иногда въ книгѣ свѣдѣній объясняется первоначальнымъ ея заданіемъ.

Библиографія дается въ концѣ главъ лишь общая; для болѣе подробныхъ библиографическихъ справокъ указаны пособія въ концѣ первой главы. Для большаго удобства въ концѣ книги приложены хронологическая таблица наиболѣе важныхъ датъ и генеалогическія таблицы византійскихъ государей. Въ виду трудныхъ условій печатанія пришлось, къ великому сожалѣнію, отказаться пока отъ столь необходимыхъ для подобной книги историческихъ картъ.

Выпуская не безъ колебаній въ свѣтъ этотъ первый опытъ русскаго ученаго охватить въ одномъ томѣ исторію Византіи до эпохи крестовыхъ походовъ, я понимаю всю сложность и трудность задачи и заранѣе предвижу въ книгѣ цѣлый рядъ недостатковъ, неточностей и ошибокъ, за указаніе которыхъ буду глубоко благодаренъ критикѣ.

А. А. Васильевъ.

Петроградъ. 25 Мая 1917 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Краткій очеркъ разработки исторіи Византіи.

1) Краткій очеркъ разработки исторіи Византіи на Западѣ.

Начало разработки. Эпоха итальянскаго Возрожденія, главнымъ образомъ, увлекалась произведеніями классической греческой и римской литературы. Византійской литературы въ Италіи въ то время почти не знали и знакомиться съ нею не стремились. Но постоянныя поѣздки на востокъ за греческими рукописями и изученіе греческаго языка невольно заставляли, мало по малу, отказываться отъ пренебрежительнаго отношенія къ средневѣковой греческой литературѣ. Первоначальное знакомство съ писателями какъ классическими, такъ и византійскими сводилось къ переводу греческаго текста на латинскій языкъ. Однако, въ XIV—XV вѣкахъ интересъ къ византійской литературѣ проявляется лишь случайно и совершенно поглощается интересомъ къ классическому міру.

Но уже въ XVI вѣкѣ и началѣ XVII-го отношеніе къ византійской исторіи и литературѣ мѣняется, и цѣлый рядъ византійскихъ авторовъ, правда, довольно случайныхъ и неодинаковыхъ по значенію, издается въ Германіи (напр., Геронимомъ Вольфомъ), Нидерландахъ (Меурсіемъ) и Италіи (двумя греками—Алеманномъ и Алляціемъ).

Роль Франціи. Время Дюканжа. Настоящею же основательницею научнаго византиновѣдѣнія является Франція XVII вѣка. Когда французская литература въ блестящую эпоху Людовика XIV стала образцомъ для всей Европы, когда короли, министры, епископы и частныя лица наперерывъ основывали бібліотеки, собирали рукописи и осыпали

знаками своего вниманія и уваженія ученыхъ, тогда и занятія византійскимъ временемъ нашли во Франціи почетное мѣсто.

Людовикъ XIII, предшественникъ Людовика XIV, изучилъ греческій языкъ и перевелъ на французскій языкъ наставленія діакона Агапита императору Юстиніану. Кардиналь Мазарини, будучи любителемъ книгъ и неутомимымъ собирателемъ рукописей, создалъ богатую бібліотеку съ многочисленными греческими рукописями, перешедшую послѣ смерти кардинала въ парижскую королевскую бібліотеку, настоящимъ основателемъ которой былъ король XVI вѣка Францискъ I (теперь Національная бібліотека). Знаменитый министръ Людовика XIV, Кольберъ, который завѣдывалъ также и королевской бібліотекой, употреблялъ всѣ усилія на умноженіе ученыхъ сокровищъ бібліотеки и на приобрѣтеніе рукописей за границей. Богатое частное книгохранилище Кольбера, гдѣ было собрано имъ не мало греческихъ рукописей, было куплено королемъ въ XVIII вѣкѣ для королевской бібліотеки. Кардиналь Ришелье основалъ королевскую типографію въ Парижѣ (Луврская типографія), которая должна была достойнымъ образомъ издавать выдающихся писателей. Королевскіе греческіе шрифты для печатанія отличались красотою. Наконецъ, въ 1648 году, подъ покровительствомъ Людовика XIV и Кольбера, изъ королевской типографіи вышелъ первый томъ перваго собранія византійскихъ историковъ; на протяженіи времени до 1711 года вышло 34 тома in folio этого удивительнаго для своего времени и до сихъ поръ еще не вполне замѣннаго изданія. Въ годъ появленія перваго тома парижскаго собранія французскій ученый издатель, Лаббъ (Labbe, Labbaeus), напечаталъ воззваніе (Protrepticon) къ любителямъ византійской исторіи, въ которомъ онъ говорилъ объ особенномъ интересѣ этой исторіи восточной греческой имперіи, «столь удивительной по количеству событій, столь привлекательной по разнообразію, столь замѣчательной по прочности монархіи»; онъ съ жаромъ убѣждалъ европейскихъ ученыхъ отыскивать и издавать документы, погребенные въ пыли бібліотекъ, обѣщая всѣмъ сотrudникамъ этого великаго дѣла вѣчную славу, «болѣе прочную, чѣмъ мраморъ и мѣдь».

Во главѣ ученыхъ силъ Франціи XVII вѣка стоялъ знаменитый ученый Дюканжъ (1610 — 1688), разнообразныя

и многочисленные труды котораго сохранили свою силу и значеніе до нашихъ дней. Историкъ и филологъ, археологъ и нумизматъ, Дюканжъ во всѣхъ этихъ научныхъ областяхъ выказалъ себя необыкновеннымъ знатокомъ, и неутомимымъ работникомъ, прекраснымъ издателемъ и тонкимъ изслѣдователемъ. Изъ трудовъ Дюканжа, касающихся византійской исторіи, необходимо отмѣтить слѣдующіе: «Исторія Константинопольской имперіи при французскихъ императорахъ» («Histoire de l'empire de Constantinople sous les empereurs français»); въ концѣ своей жизни онъ переработалъ это сочиненіе, увидѣвшее свѣтъ во второмъ изданіи лишь въ XIX вѣкѣ); «О византійскихъ фамиліяхъ» («De familiis byzantinis»), гдѣ собранъ богатѣйшій генеалогическій матеріалъ, и «Христіанскій Константинополь» («Constantinopolis Christiana»), гдѣ сведены точныя и подробныя свѣдѣнія о топографіи Царьграда до 1453 года. Оба эти сочиненія носятъ одно общее заглавіе «Historia Byzantina duplici commentario illustrata». Затѣмъ, имѣя отъ роду уже болѣе семидесяти лѣтъ, Дюканжъ издалъ въ двухъ томахъ in folio «Словарь средневѣкового греческаго языка» («Glossarium ad scriptores mediae et infimae graecitatis»), трудъ, по словамъ русскаго византиста В. Г. Васильевскаго, «безпримѣрный, надъ которымъ, казалось, должно было бы работать цѣлое многочисленное общество ученыхъ». Глоссарій Дюканжа до сихъ поръ остается необходимымъ пособіемъ для всѣхъ занимающихся не только византійской, но и вообще средневѣковой исторіей. Дюканжу также принадлежатъ образцовыя изданія съ глубоко учеными комментаріями цѣлаго ряда важныхъ византійскихъ историковъ. Не малое значеніе для византійскаго времени имѣетъ гигантскій трудъ Дюканжа «Словарь средневѣковой латыни» въ трехъ томахъ in folio («Glossarium ad scriptores mediae et infimae latinitatis»).

Но великій Дюканжъ работалъ не одинъ. Мабилльонъ издалъ въ его время свой безсмертный трудъ «Дипломатику», создавшій совершенно новую науку о документахъ и актахъ. Въ самомъ началѣ XVIII вѣка Монфоконъ издалъ свое капитальное, не потерявшее значенія до сихъ поръ, произведеніе «Греческую палеографію». Къ первой же половинѣ XVIII вѣка относится большое сочиненіе поселившася въ Парижѣ бенедиктинца Бандури «Восточная имперія» («Imperium Orientale»), гдѣ собрано громадное количество историко-гео-

графическаго, историко-топографическаго и археологическаго матеріала византійскаго времени, и капитальный трудъ доминиканца Лекьена (Le Quien) «Христіанскій Востокъ» («Oriens christianus»), гдѣ собраны богатѣйшія свѣдѣнія по исторіи, особенно церковной, Христіанскаго Востока.

Такимъ образомъ, до половины XVIII вѣка Франція стояла безусловно во главѣ византиновѣдѣнія, и многіе труды ея ученыхъ сохранили значеніе до нашихъ дней.

XVIII вѣкъ. Однако, въ томъ же вѣкѣ обстоятельства измѣнились. Франція, вступивъ въ просвѣтительную эпоху XVIII вѣка, съ ея отрицаніемъ прошлаго, со скептицизмомъ въ области религіи и съ критикою монархической власти, не могла уже болѣе интересоваться Византіей. Вся средневѣковая исторія рисовалась тогда какъ «готическая», «варварская» эпоха, какъ источникъ мрака и невѣжества. Византія же, при предвзятомъ и поверхностномъ отношеніи къ ней, давала передовымъ умамъ Франціи XVIII вѣка еще болѣе основаній относиться къ византійскому государству отрицательно.

Твердая идея монархической власти въ Византіи и сильное вліяніе духовенства были тѣми элементами, съ которыми особенно не могли помириться французскіе просвѣтители XVIII вѣка. Никогда серьезно не занимаясь византійскою исторіей, но видя лишь ея внѣшнюю, временами чисто анекдотическую сторону, лучшіе умы XVIII вѣка давали суровые отзывы о средневѣковой греческой имперіи. Вольтеръ, осуждая вообще римскую исторію императорскаго періода, прибавляетъ: «Существуетъ другая исторія, еще болѣе смѣшная (ridicule), чѣмъ исторія римская со времени Тацита: это — исторія византійская. Этотъ недостойный сборникъ (recueil) содержитъ лишь декламацію и чудеса; онъ является позоромъ человѣческаго ума». Монтескье, серьезный историкъ, о которомъ рѣчь будетъ ниже, писалъ, что, начиная съ начала VII вѣка, «исторія греческой имперіи есть не что иное, какъ рядъ возмущеній, возстаній и вѣроломствъ».

Подъ вліяніемъ идей XVIII вѣка писалъ и знаменитый англійскій историкъ Гиббонъ, о которомъ также будетъ сказано ниже.

Во всякомъ случаѣ, отрицательный и пренебрежительный тонъ въ отношеніи къ исторіи Византіи, выработавшійся во второй половинѣ XVIII вѣка, пережилъ время революціи и

перешелъ въ XIX вѣкъ, когда подобный взглядъ, можно сказать, сдѣлался ходячимъ мнѣніемъ.

Извѣстный нѣмецкій философъ Гегель (1770—1831) писалъ, на примѣръ, въ своихъ «Лекціяхъ по философіи исторіи»: «Византійская имперія была внутри раздираема всякими страстями, а извнѣ тѣснили ее варвары, которымъ императоры могли оказывать малое сопротивленіе. Государство находилось въ постоянномъ состояніи небезопасности и представляетъ собою отвратительную картину слабости, гдѣ жалкія, даже абсурдныя страсти не даютъ ничего великаго въ мысляхъ, дѣлахъ и личностяхъ. Возмущеніе вождей, низверженіе императоровъ ими или интригами придворныхъ, убійство или отравленіе императоровъ ихъ собственными супругами и сыновьями, женщины, предававшіяся всяческимъ желаніямъ и безчестнымъ поступкамъ, — вотъ тѣ сцены, которыя развертываетъ тамъ передъ нами исторія, пока гнилое зданіе восточноримскаго государства не было разрушено въ половинѣ XV вѣка мощными турками».

На Византію, какъ на примѣръ, которому не подобало слѣдовать, ссылались государственные люди. Такъ, Наполеонъ I, въ эпоху ста дней, въ іюнѣ 1815 года отвѣчалъ палатамъ такими словами: «Помогите мнѣ спасти отечество... Не будемъ подражать примѣру Византійской имперіи (*N'imitons pas l'exemple du Bas-Empire*), которая будучи тѣснима со всѣхъ сторонъ варварами, сдѣлалась посмѣшищемъ потомства, занимаясь тонкими спорами въ то время, когда таранъ разбивалъ городскія ворота».

Къ половинѣ XIX вѣка отношеніе къ средневѣковью въ научныхъ сферахъ мѣняется. Послѣ бурь революціоннаго времени и наполеоновскихъ войнъ Европа иначе взглянула на средневѣковье. Появился серьезный интересъ къ изученію этой «готической, варварской» исторіи; пробудился интересъ и къ изученію средневѣковой византійской исторіи.

Въ настоящемъ очеркѣ рѣчь будетъ идти лишь объ общихъ трудахъ по исторіи Византіи. Наиболѣе же важныя монографическія изслѣдованія будутъ указываться при изложеніи самой исторіи, въ концѣ соотвѣствующихъ главъ.

Монтескье. Еще въ первой половинѣ XVIII вѣка знаменитый представитель французской просвѣтительной литературы, Монтескье (1689—1755) въ своихъ «Разсужденіяхъ о при-

чинахъ величія и паденія римлянъ» (*Considérations sur les causes de la grandeur des Romains et de leur décadence*»; вышли въ 1734 году), давъ краткій, интересно задуманный и талантливо исполненный, подъ вліяніемъ, конечно, идей XVIII вѣка, очеркъ развитія римской исторіи, начиная съ основанія Рима, посвящаетъ послѣднія четыре главы своего труда византійскому времени и кончаетъ изложеніе взятіемъ Константинополя турками въ 1453 году. Уже изъ этого видно, что Монтескье придерживался совершенно правильнаго взгляда, что такъ называемая исторія Византіи есть не что иное, какъ прямое продолженіе римской исторіи. По его собственнымъ словамъ, онъ со второй половины VI вѣка лишь сталъ называть Римскую имперію «имперіей Греческой». Съ чрезмѣрною суровостью относится Монтескье къ исторіи этой имперіи. Съ однимъ изъ его сужденій мы уже познакомились. Въ представленіи знаменитаго писателя исторія Византіи была исполнена такихъ органическихъ недостатковъ въ социальномъ строѣ, религіи, военномъ дѣлѣ, что съ трудомъ можно было себѣ представить, какъ столь испорченный государственный механизмъ могъ просуществовать до половины XV вѣка. Предложивъ послѣдній вопросъ самому себѣ (въ послѣдней XXIII главѣ), Монтескье объясняетъ причины долговременнаго существованія имперіи раздорами среди побѣдоносныхъ арабовъ, изобрѣтеніемъ «греческаго огня», цвѣтущею торговлею Константинополя, окончательнымъ обоснованіемъ придунайскихъ варваровъ, которые, усѣвшись на мѣстѣ, служили защитой отъ другихъ варваровъ. «Такимъ образомъ, пишетъ авторъ, въ то время какъ имперія одряхлѣла при худомъ управленіи, особыя причины ее поддерживали». Имперія при послѣднихъ Палеологахъ, угрожаемая турками и ограниченная предмѣстями Константинополя, напоминаетъ Монтескье Рейнь, «который представляетъ собою лишь ручей, когда онъ теряется въ океанѣ».

Не занимаясь спеціально исторіей Византіи и отдавъ дань господствующимъ теченіямъ XVIII вѣка, завѣдомо ей неблагопріятнымъ, Монтескье тѣмъ не менѣе подарилъ насъ въ высшей степени содержательными страницами о времени средневѣковой Восточной имперіи, которая будятъ мысль и до сихъ поръ читаются съ большимъ интересомъ и пользою. Одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей Монтескье, француз-

скій ученый Сорель, называетъ его главы о Византіи даже «геніальнымъ очеркомъ и образцовой характеристикой».

Гиббонъ. Тотъ же XVIII вѣкъ далъ наукѣ англійскаго историка Эдварда Гиббона (1737—1794), автора знаменитаго сочиненія «Исторія упадка и разрушенія Римской имперіи» (*The History of the decline and fall of the Roman Empire*).

Гиббонъ оставилъ одну изъ лучшихъ существующихъ автобіографій, о которой ея новѣйшій англійскій издатель (Birkbeck Hill) говоритъ: «Она настолько коротка, что можетъ быть прочитана при свѣтѣ одной пары свѣчей; она настолько интересна по своему содержанію и настолько привлекательна по оборотамъ мысли и стилю, что при второмъ и третьемъ чтеніи она доставляетъ едва ли меньшее удовольствіе, чѣмъ при первомъ».

Гиббонъ родился 27 апрѣля 1737 года въ Англии. Получивъ первоначальное воспитаніе въ школѣ, онъ въ 1752 году былъ отданъ для продолженія образованія въ оксфордскій колледжъ Магдалины. Послѣ кратковременнаго пребыванія въ Оксфордѣ Гиббонъ переѣхалъ въ Швейцарію, именно въ Лозанну, гдѣ поступилъ на воспитаніе къ одному кальвинисту. Въ Лозаннѣ онъ провелъ пять лѣтъ, и это пребываніе оставило на всю жизнь неизгладимое впечатлѣніе въ сердцѣ молодого Гиббона, проводившаго время за чтеніемъ классиковъ и важнѣйшихъ историческихъ и философскихъ сочиненій и усвоившаго въ совершенствѣ французскій языкъ. Швейцарія сдѣлалась для него второю родиной. Гиббонъ писалъ: «Я пересталъ быть англичаниномъ. Въ гибкій періодъ юности, отъ шестнадцати до двадцати одного года, мои мнѣнія, привычки и чувствованія приняли иностранную окраску; слабое и отдаленное воспоминаніе объ Англии почти изгладилось; мой родной языкъ сталъ менѣе близкимъ; и я съ радостью принялъ бы предложеніе небольшого независимаго состоянія на условіи вѣчнаго изгнанія». Въ Лозаннѣ Гиббону удалось увидѣть «самаго необыкновеннаго человѣка того времени, поэта, историка и философа»,—Вольтера.

По возвращеніи въ Лондонъ, Гиббонъ въ 1761 году издалъ свой первый трудъ, написанный на французскомъ языкѣ, «Опытъ изученія литературы» (*Essai sur l'étude de la littérature*), который былъ встрѣченъ весьма сочувственно во Франціи и Голландіи и весьма холодно въ Англии. Прослуживъ

въ теченіе двухъ съ половиной лѣтъ въ военной милиціи, собранной въ виду тогдашней войны между Франціей и Англіей, т. е. Семилѣтней войны, Гиббонъ въ 1763 году черезъ Парижъ возвратился въ любимую Лозанну, а въ слѣдующемъ году совершилъ свое итальянское путешествіе, во время котораго посѣтилъ Флоренцію, Римъ, Неаполь, Венецію и другіе города.

Для послѣдующей ученой дѣятельности Гиббона пребываніе его въ Римѣ имѣло первостепенное значеніе: оно навело его на мысль написать исторію «вѣчнаго» города. «15 октября 1764 года, — писалъ Гиббонъ, — я сидѣлъ, погруженный въ грезы, среди развалинъ Капитолія, въ то время какъ босоногіе монахи пѣли свои вечерни въ храмѣ Юпитера; въ ту минуту впервые блеснула у меня въ умѣ мысль написать исторію упадка и разрушенія Рима». Первоначальный планъ Гиббона былъ написать исторію упадка города Рима, а не Римской имперіи; только нѣсколько позднѣе планъ его расширился и въ результатѣ Гиббонъ написалъ исторію Римской имперіи, западной и восточной, доведя исторію послѣдней до паденія Константинополя въ 1453 году.

По возвращеніи въ Лондонъ Гиббонъ началъ дѣятельно собирать матеріалъ для задуманнаго труда. Въ 1776 году появился первый томъ его труда, начинавшій изложеніе со времени Августа. Успѣхъ его былъ необычаенъ; первое изданіе разошлось въ нѣсколько дней. По словамъ Гиббона, «его книга была на каждомъ столѣ и почти на каждомъ туалетѣ». Слѣдующіе томы его исторіи, содержащіе главы о христіанствѣ, въ которыхъ выяснялись личныя религіозныя воззрѣнія автора въ духѣ XVIII вѣка, подняли цѣлую бурю, особенно среди итальянскихъ католиковъ.

У Гиббона была одна завѣтная мечта, а именно: онъ хотѣлъ, чтобы Лозанна, бывшая школою его юности, сдѣлалась его жизненнымъ убѣжищемъ на склонѣ лѣтъ. Наконецъ, спустя почти двадцать лѣтъ послѣ своего второго отъѣзда изъ Лозанны, Гиббонъ, имѣя достаточныя средства для независимаго существованія, переѣхалъ въ Лозанну, гдѣ и окончилъ свою исторію. Авторъ въ такихъ словахъ описываетъ моментъ окончанія своего многолѣтняго труда: «Въ день, или скорѣе въ ночь, 27 іюня 1787 года, между одиннадцатью и двѣнадцатью часами, на дачѣ въ моемъ саду я написалъ

послѣднія строки послѣдней страницы. Положивъ перо, я нѣсколько разъ прошелся по аллеѣ акацій, съ которой открывается видъ на деревню, озеро и горы. Воздухъ былъ спокоенъ; небо ясно; серебряный кругъ луны отражался въ водѣ, и вся природа молчала. Я не буду скрывать перваго чувства радости при возвращеніи моей свободы и, можетъ быть, при установленіи моей славы. Но гордость моя вскорѣ смирилась, и серьезная печаль овладѣла моимъ умомъ при мысли о томъ, что я навсегда простился со старымъ и приятнымъ товарищемъ, и что, какова бы ни была грядущая судьба моей исторіи, жизнь историка должна быть короткой и непрочной».

Разыгравшаяся французская революція заставила Гиббона возвратиться въ Англію, гдѣ онъ и умеръ въ Лондонѣ въ январѣ 1794 года.

Гиббонъ принадлежитъ къ тѣмъ немногимъ писателямъ, которые занимаютъ выдающееся мѣсто какъ въ литературѣ, такъ и въ исторіи. Гиббонъ—превосходный стилистъ. Одинъ современный византинистъ сравниваетъ его съ Фукидидомъ и Тацитомъ.

Отражая на себѣ вѣянія эпохи, Гиббонъ является въ своей исторіи носителемъ опредѣленной идеи, выраженной имъ такими словами: «Я описалъ торжество варварства и религіи». Другими словами, историческое развитіе человѣческихъ обществъ со II-го вѣка по Р. Х. было, по его мнѣнію, обратнымъ движеніемъ (регрессомъ), въ чемъ главная вина должна падать на христіанство. Конечно, главы Гиббона о христіанствѣ имѣютъ въ настоящее время лишь историческій интересъ.

Не надо забывать, что со времени англійскаго историка историческій матеріалъ чрезвычайно разросся, задачи исторіи измѣнились, появилась критика источниковъ и новѣйшія изданія послѣднихъ, выяснилась зависимость источниковъ другъ отъ друга, получили права гражданства въ исторіи вспомогательныя дисциплины: нумизматика, эпиграфика, сигиллографія (наука о печатяхъ), папирологія и т. д. Все это приходится имѣть въ виду при чтеніи исторіи Гиббона. Не надо также забывать, что Гиббонъ, не достаточно владѣвшій греческимъ языкомъ, имѣлъ до 518 года, т. е. до года смерти императора Анастасія I, превосходнаго предшественника и руково-

дителя, которому онъ очень многимъ обязанъ, а именно — французскаго ученаго Тиллемона (Tillemont), автора извѣстнаго въ свое время труда «Исторія императоровъ» («Histoire des Empereurs» 6 томовъ, Брюссель, 1692 сл.), доведеннаго до 518 года. Въ этой части своей исторіи Гиббонъ писалъ подробнѣе и внимательнѣе.

Что касается до послѣдующей исторіи, т. е. восточно-римской или византійской имперіи, которая наиболѣе насъ въ настоящемъ случаѣ интересуеть, то въ этой части Гиббонъ, встрѣчавшій уже гораздо большія препятствія въ ознакомленіи съ источниками и находившійся подъ сильнымъ вліяніемъ идей XVIII вѣка, не могъ удачно справиться со своей задачей. Англійскій историкъ Фриманъ пишетъ: «При всей удивительной способности Гиббона къ группировкѣ и къ сгущенію красокъ (condensation), которая нигдѣ столь сильно не проявилась, какъ въ его византійскихъ главахъ, съ его живымъ описаніемъ и при его еще болѣе дѣйствующемъ искусствѣ внушенія, — стиль его письма не можетъ, конечно, возбуждать уваженія къ лицамъ и періодамъ, о которыхъ онъ говоритъ, или привлекать многихъ къ болѣе подробному ихъ изученію. Его неподобная способность къ сарказму и униженію никогда не покидаетъ его труда; онъ слишкомъ любитъ анекдоты, показывающіе слабую или смѣшную сторону извѣстнаго вѣка или лица; онъ неспособенъ къ восторженному восхищенію чѣмъ-нибудь или кѣмъ-нибудь. Почти всякая исторія, рассказанная такимъ образомъ, должна оставить въ воображеніи читателя прежде всего ея низкую (презрѣнную) сторону... Можетъ быть, ни одна исторія не могла пройти неповрежденной черезъ такое испытаніе; византійская исторія, изъ всѣхъ другихъ, была наименѣе способна выдержать такой родъ отношенія».

Въ силу этого византійская исторія, изложенная Гиббонъ со свойственными ему особенностями, представлена имъ въ ложномъ освѣщеніи. Личная исторія и семейная дѣла всѣхъ императоровъ, отъ сына Ираклія до Исаака Ангела, собраны въ одной главѣ. «Такой способъ трактовать предметъ вполне согласуется съ презрительнымъ отношеніемъ автора къ «Византійской» или «Низкой» (Lower) имперіи», замѣчаетъ современный англійскій византиистъ Бьюри (Bury). Взглядъ Гиббона на внутреннюю исторію имперіи послѣ Ирак-

лія отличается не только поверхностностью; онъ даетъ совершенно ложное представленіе о фактахъ. Однако, не надо опускать изъ виду, что во времена Гиббона цѣлыя эпохи оставались еще не обработанными и неразъясненными, какъ напр.: эпоха иконоборства, социальная исторія X и XI вѣковъ и т. д. Во всякомъ случаѣ, не смотря на крупные недостатки и пробѣлы и особенно имѣя ихъ въ виду, книгу Гиббона можно читать съ пользою и большимъ интересомъ и въ настоящее время.

Первое изданіе «Исторіи упадка и разрушенія Римской имперіи» Гиббона вышло въ шести томахъ въ Лондонѣ въ 1776—1788 годахъ и съ тѣхъ поръ выдержало цѣлый рядъ изданій. Въ концѣ XIX вѣка англійскій византиистъ Бьюри (Bury) вновь издалъ исторію Гиббона, снабдивъ ее драгоценными примѣчаніями, цѣлымъ рядомъ интересныхъ и свѣжихъ приложеній по разнообразнымъ вопросамъ и превосходнымъ указателемъ (Лондонъ, 1896—1900, 7 томовъ); цѣль Бьюри была показать въ своихъ дополненіяхъ то, чего историческая наука достигла въ наше время сравнительно со временемъ Гиббона. Трудъ послѣдняго переведенъ почти на всѣ европейскіе языки. Особенную цѣну имѣлъ, до появленія изданія Бьюри, благодаря критическимъ и историческимъ примѣчаніямъ французскій переводъ извѣстнаго французскаго историка и политическаго дѣятеля Гизо (Guizot), появившійся въ 13 томахъ въ Парижѣ въ 1828 году. На русскомъ языкѣ «Исторія упадка и разрушенія Римской имперіи», переведенная Невѣдомскимъ, вышла въ свѣтъ въ семи частяхъ въ Москвѣ въ 1883—1886 годахъ.

Лебо. Отрицательное отношеніе къ Византіи лучшихъ представителей французской мысли XVIII вѣка не помѣшало французу Лебо (Lebeau), во второй половинѣ этого же столѣтія, подробно изложить въ двадцати одномъ томѣ событія византійской исторіи. Лебо, не владѣя хорошо греческимъ языкомъ, пользовался, по большей части, латинскими переводами авторовъ, излагалъ источники безъ критическаго къ нимъ отношенія и далъ заглавіе своей компиляціи «Histoire du Bas-Empire» (1757—1786), которое на долгое время сдѣлалось символомъ пренебрежительнаго отношенія къ византійской имперіи. (По-французски прилагательное «bas» имѣетъ двоякое значеніе: мѣстное — «низкій» и временное — «поздній»). Лебо

имѣлъ въ виду послѣднее значеніе). Исторія Лебо, продолженная другимъ лицомъ и доведенная до 27 томовъ, теперь значенія не имѣетъ. Въ XIX вѣкѣ появилось второе изданіе сего исторіи, исправленное и дополненное на основаніи восточныхъ источниковъ двумя оріенталистами, арменовѣдомъ Сень-Мартэномъ и грузиновѣдомъ Броссэ (21 томъ. Парижъ, 1824—36). Послѣднее изданіе, благодаря обильнымъ дополненіямъ изъ восточныхъ, преимущественно армянскихъ, источниковъ, можетъ имѣть нѣкоторое значеніе и въ настоящее время.

Ройю. Въ Наполеоновскую эпоху появилась на французскомъ языкѣ компиляція въ девяти томахъ Ройю (J.-C. Royou), журналиста, адвоката во время Директоріи и театральнаго цензора въ эпоху Реставраціи, носящая одинаковое заглавіе съ сочиненіемъ Лебо, «Исторія Поздней-Имперіи съ Константина до взятія Константинополя въ 1453 году» (*Histoire du Bas-Empire, depuis Constantin jusqu'à la prise de Constantinople en 1453. Paris. An XII. — 1803*). Авторъ, заявивъ въ предисловіи, что большинство написанныхъ по-французски исторій требуютъ передѣлки и переработки, особенно для «Bas-Empire», обращается къ Лебо, который, «не смотря на нѣкоторыя достоинства, едва лишь удобочитаемъ». По мнѣнію Ройю, Лебо забылъ, что «исторія должна быть не рассказомъ о всемъ томъ, что произошло въ мірѣ, но о всемъ томъ, что въ немъ произошло интереснаго; то, что не представляетъ ни поученія (*instruction*), ни удовольствія, должно быть безъ колебанія принесено въ жертву»... Авторъ полагаетъ, что, «наблюдая причины паденія государствъ, можно узнать средства предотвратить его или, по крайней мѣрѣ, замедлить... Наконецъ, въ Константинополѣ съ удовольствіемъ можно слѣдить за тѣнью, нѣкоторымъ образомъ, Римской имперіи: это зрѣлище притягиваетъ до послѣдняго момента». Несамостоятельный, часто анекдотическій текстъ исторіи Ройю не сопровождается никакими ссылками. Уже по взглядамъ автора, приведеннымъ выше, видно, что сочиненіе Ройю не имѣетъ значенія.

Финлей. Большой шагъ впередъ сдѣлала византійская исторія въ трудахъ англійскаго историка Георга Финлея (*George Finlay*), автора «Исторіи Греціи съ эпохи покоренія ея римлянами до настоящаго времени—съ 146 года до Р. X.

по 1864 годъ» (A History of Greece from its conquest by the Romans to the present time B. C. 146 to A. D. 1864). Финлей, подобно Гиббону, оставилъ автобіографію, изъ которой можно познакомиться съ главными фактами интересной жизни автора, повліявшей на созданіе его труда.

Финлей родился въ Англіи въ декабрѣ 1799 года, гдѣ и получилъ свое первоначальное воспитаніе. Нѣсколько позднѣе, для усовершенствованія въ римскомъ правѣ, онъ направился въ германскій городъ Геттингенъ, имѣя въ виду сдѣлаться адвокатомъ. На прощанье дядя молодого Финлея сказалъ ему слѣдующее: «Хорошо, Георгъ! Я надѣюсь, что ты будешь усердно заниматься римскимъ правомъ; но я полагаю, что ты посѣтишь грековъ, раньше чѣмъ я тебя снова увижу». Слова дяди оказались пророческими.

Вспыхнувшая въ то время греческая революція привлекла къ себѣ вниманіе Европы. вмѣсто того, чтобы усердно заниматься римскимъ правомъ, Финлей читалъ сочиненія по исторіи Греціи, знакомился съ греческимъ языкомъ и въ 1823 году рѣшилъ посѣтить Грецію съ цѣлью личнаго ознакомленія съ условіями жизни заинтересовавшаго его народа, а также съ цѣлью на мѣстѣ выяснитъ вопросъ о возможности успѣха возстанія. Во время пребыванія въ Греціи въ 1823—24 году Финлей неоднократно встрѣчался съ лордомъ Байрономъ, приѣхавшимъ, какъ извѣстно, въ Грецію на защиту ея національнаго дѣла и нашедшимъ тамъ безвременную кончину. Въ 1827 году, послѣ пребыванія въ Англіи, Финлей возвратился въ Грецію и принималъ участіе въ экспедиціи генерала Гордона для освобожденія Аѳинъ отъ осады. Наконецъ, прибытіе графа Каподистріи въ качествѣ Президента Греціи и покровительство трехъ великихъ державъ обѣщали, по словамъ Финлея, грекамъ время мирнаго прогресса. Убѣжденный филэллинъ, свято вѣрившій въ великую будущность новаго государства, Финлей, въ порывѣ увлеченія, рѣшилъ навсегда поселиться на почвѣ древней Эллады и приобрѣлъ для этого въ Греціи земельную собственность, на покупку и обработку которой потратилъ все свои деньги. Въ это самое время онъ и задумалъ написать исторію греческой революціи. Умеръ Финлей въ Аѳинахъ въ январѣ 1876 года. Планъ Финлея написать исторію греческой революціи заставилъ его заняться прошлыми судьбами Греціи. Постепенно изъ-подъ пера Финлея появился

цѣлый рядъ отдѣльныхъ трудовъ по исторіи Греціи. Въ 1844 году вышла его книга «Греція подъ римскимъ владычествомъ» (Greece under the Romans), охватывавшая событія со 146 года до Р. Х. до 717 года по Р. Х. Въ 1854 году появилось двухтомное сочиненіе Финлея «Исторія Византійской и Греческой Имперій съ 716 по 1453 годъ» (History of the Byzantine and Greek Empires from 716 to 1453). За этимъ слѣдовали два сочиненія по новой и новѣйшей исторіи Греціи. Позднѣе авторъ просмотрѣлъ всѣ свои труды и подготовилъ ихъ къ новому изданію. Но Финлей умеръ, не успѣвъ довести начатаго дѣла до конца. Послѣ его смерти общая «Исторія Греціи съ эпохи покоренія ея римлянами до настоящаго времени—съ 146 года до Р. Х. по 1864 годъ» была издана въ 1877 году въ семи томахъ Тозеромъ (Tozer), который въ первомъ томѣ напечаталъ и автобіографію Финлея. Послѣднимъ изданіемъ теперь и надлежитъ пользоваться. Въ русскомъ переводѣ существуетъ лишь одно сочиненіе Финлея «Греція подъ римскимъ владычествомъ» (Москва, 1876).

Финлей придерживается слѣдующаго взгляда на исторію Греціи вплоть до XIX вѣка.

Исторія Греціи, — пишетъ онъ, — подъ иностраннымъ владычествомъ повѣствуетъ объ упадкѣ и бѣдствіяхъ той націи, которая въ древнемъ мірѣ достигла высшей степени цивилизаціи. Двѣ тысячи лѣтъ страданій не стерли національнаго характера, не потушили національнаго самолюбія. Исторія народа, который въ теченіе вѣковъ сохранилъ свой языкъ и свою національность, и энергія, которая ожила съ такою силою, что образовала независимое государство, не должны находиться въ полномъ пренебреженіи. Условія Греціи въ долгія времена ея рабства не были условіями однообразнаго вырожденія. Подъ владычествомъ римлянъ и впослѣдствіи османовъ греки представляли собою лишь незначительную часть обширной имперіи. Благодаря своему невоинственному характеру они не играли важной политической роли, и многія изъ крупныхъ перемѣнъ и революцій, имѣвшихъ мѣсто во владѣніяхъ императоровъ и султановъ, не оказывали прямого вліянія на Грецію. Слѣдовательно, ни общая исторія Римской имперіи, ни общая исторія Оттоманской имперіи не являются частью греческой исторіи. Иначе дѣло обстояло при византійскихъ императорахъ; греки были отождествлены тогда съ император-

ской администраціей. Различіе въ политическомъ положеніи націи въ теченіе этихъ періодовъ требуетъ отъ историка различныхъ пріемовъ для выясненія характерныхъ чертъ тѣхъ временъ.

Финлей дѣлитъ исторію грековъ, какъ подчиненнаго народа, на шесть періодовъ: 1) Первый періодъ обнимаетъ исторію Греціи подъ римскимъ владычествомъ; этотъ періодъ преобладающаго вліянія римскихъ началъ кончается только въ первой половинѣ VIII вѣка со вступленіемъ на престолъ Льва III Исаврянина, давашаго константинопольской администраціи новый характеръ. 2) Второй періодъ охватываетъ исторію Восточной Римской имперіи въ ея новой формѣ, подъ условнымъ названіемъ Византійской имперіи. Исторія этого деспотизма, смягченнаго, обновленнаго и снова оживленнаго императорами иконоборцами, представляетъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ и поучительныхъ уроковъ въ исторіи монархическихъ учрежденій. Въ продолженіи этого періода исторія грековъ тѣсно переплетается съ аяналами императорскаго правительства, такъ что исторія Византійской имперіи образуетъ часть исторіи греческаго народа. Византійская исторія тянется отъ вступленія на престолъ Льва Исаврянина въ 716 году до покоренія Константинополя крестоносцами въ 1204 году. 3) Послѣ разрушенія Восточной Римской имперіи греческая исторія расходится по многимъ путямъ. Изгнанные константинопольскіе греки (у Финлея Roman-Greeks) бѣжали въ Азію, утвердили свою столицу въ Никеѣ, продолжали императорскую администрацію въ нѣкоторыхъ провинціяхъ по старому образцу и со старыми именами и меньше чѣмъ черезъ шестьдесятъ лѣтъ снова овладѣли Константинополемъ; но, хотя ихъ правительство удержало гордое названіе Римской имперіи, оно было лишь выродившимся представителемъ даже Византійскаго государства. Этотъ третій періодъ можно назвать Константинопольской греческой имперіей, слабое существованіе которой было прикончено османскими турками при взятіи Константинополя въ 1453 году. 4) Крестоносцы, покоривъ большую часть Византійской имперіи, раздѣлили свои завоеванія съ венеціанцами и основали Латинскую имперію Романии съ ея феодальными княжествами въ Греціи. Владычество латинянъ очень важно тѣмъ, что указываетъ на упадокъ греческаго вліянія на Востокъ и является причиною быстрого уменьшенія

благосостоянія и численности греческой націи. Этотъ періодъ тянется отъ взятія Константинополя крестоносцами въ 1204 году до покоренія острова Наксоса турками въ 1566 году. 5) Покореніе Константинополя въ 1204 году повлекло за собою основаніе новаго греческаго государства въ восточныхъ провинціяхъ Византійской имперіи, извѣстнаго подъ названіемъ Трѣбизондской (Трапезундской) имперіи. Ея существованіе является любопытнымъ эпизодомъ въ греческой исторіи, хотя правительство отличалось особенностями, указывающими скорѣе на вліяніе азіатскихъ, чѣмъ европейскихъ обычаевъ. Она очень походила на Грузинскія и Армянскія монархіи. Въ теченіе двухъ съ половиной столѣтій Трѣбизондская имперія имѣла значительную степень вліянія, основаннаго скорѣе на ея торговомъ значеніи, чѣмъ на политической силѣ или греческой цивилизаціи. Ея существованіе оказывало мало вліянія на судьбы Греціи, и ея паденіе въ 1461 году возбудило мало сочувствія. 6) Шестой и послѣдній періодъ исторіи Греціи подъ чужеземнымъ владычествомъ тянется отъ 1453 до 1821 года и обнимаетъ время османскаго управленія и временнаго занятія Пелопоннеса Венеціанской республикой съ 1685 по 1715 годъ.

Финлей, какъ было уже замѣчено выше, дѣлаетъ въ изученіи исторіи Византіи большой шагъ впередъ. Если его дѣленіе греческой исторіи на періоды, какъ почти всякое подобное схематическое дѣленіе, подлежитъ оспариванію, то несомнѣнная заслуга автора остается въ томъ, что онъ первый обратилъ вниманіе на внутреннюю исторію византійскаго государства, на отношенія юридическія, соціально-экономическія и т. д. Конечно, это не былъ рядъ глубокихъ, самостоятельныхъ изслѣдованій, которыхъ мы по многимъ вопросамъ не имѣемъ и до настоящаго времени; большая часть страницъ, посвященныхъ у Финлея внутренней исторіи, основывалась иногда на общихъ разсужденіяхъ и на позднѣйшихъ аналогіяхъ. Но крупная заслуга его заключается уже въ томъ, что онъ намѣтилъ и поднялъ многіе интересные вопросы внутренней исторіи. Сочиненіе Финлея и теперь читается съ большою пользою и интересомъ, несмотря на то, что онъ занялся византійской исторіей просто потому, что не могъ безъ нея рассказать греческую исторію.

По глубинѣ и оригинальности изслѣдованія, — говоритъ

англійскій историкъ Фриманъ, — по умѣнью охватить свой предметъ и особенно по смѣлому и самостоятельному духу изысканія, Финлей можетъ занять мѣсто среди первоклассныхъ историковъ нашего времени. Его книга является однимъ изъ общихъ наиболѣе чистыхъ (sterling) произведеній нашего вѣка. Если принять во вниманіе всѣ обстоятельства, обширность идеи сочиненія и трудности ея выполненія, то книга Финлея есть величайшее историческое произведеніе, какое англійская литература дала со временъ Гиббона (это написано въ 1855 году). Онъ провелъ жизнь въ странѣ и среди народа, о которыхъ писалъ. Можетъ быть, ни одно историческое произведеніе не было столь непосредственно обязано своимъ происхожденіемъ практическимъ явленіямъ (to the practical phenomena) современнаго міра. Живя въ Греціи, будучи человѣкомъ смѣлаго наблюдательнаго ума, скорѣе юристъ и политико-экономъ, чѣмъ профессиональный ученый, онъ былъ вынужденъ глубоко задумываться надъ состояніемъ страны, въ которой онъ жилъ, и открывать причины того, что онъ видѣлъ, въ ихъ началѣ за двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ. При чтеніи сочиненій Финлея легко видѣть, какъ много они выиграли и потеряли отъ тѣхъ своеобразныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ были написаны. Ни одно сочиненіе, написанное обыкновеннымъ ученымъ или обыкновеннымъ политикомъ, никогда не могло приблизиться къ врожденной силѣ и оригинальности произведенія уединеннаго мыслителя, изучающаго, размышляющаго и повѣствующаго о событіяхъ двухъ тысячъ лѣтъ для того, чтобы разрѣшить проблемы, которыя онъ видѣлъ у своихъ собственныхъ дверей (F. Freeman. Historical Essays. III, p. 241—243).

Въ послѣднихъ словахъ Фримана вѣрна схвачена одна изъ отличительныхъ особенностей Финлея, а именно — при помощи древнихъ пережитковъ въ настоящемъ пытаться объяснить аналогичныя явленія въ прошломъ.

Папарригопуло. Въ половинѣ XIX вѣка обращаетъ на себя вниманіе серьезный греческій ученый, профессоръ аѳинскаго университета, Папарригопуло, посвятившій всю жизнь изученію прошлыхъ судебъ своей родины. Уже въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ онъ выступалъ съ интересными, небольшими историческими работами, какъ напр., «О поселеніи нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ въ Пелопоннесѣ»

(*Περὶ τῆς ἐποικίσεως Σλαβικῶν τινῶν φύλων εἰς τὴν Πελοπόννησον*. Аѳины, 1843). Но это были лишь подготовительныя работы къ его большому труду. Главною задачей его жизни было написать исторію своего народа. Плодомъ его тридцатилѣтнихъ трудовъ явилась пятитомная «Исторія греческаго народа съ древнѣйшихъ временъ до новѣйшихъ» (*Ἱστορία τοῦ ἑλληνικοῦ ἔθνους ἀπὸ τῶν ἀρχαιοτάτων χρόνων μέχρι τῶν νεωτέρων*. Аѳины, 1860 — 1877; послѣ этого было нѣсколько изданій). Сочиненіе это излагаетъ исторію греческаго народа до 1832 года. Главнѣйшіе результаты своего довольно громоздкаго, написаннаго по-новогречески и потому далеко не всѣмъ доступнаго труда Папарригопуло изложилъ по-французски въ одномъ томѣ, изданномъ подъ заглавіемъ «Исторія эллинской цивилизаціи» (*Histoire de la civilisation hellénique*. Парижъ, 1878). Незадолго до смерти авторъ предпринялъ нѣчто подобное и на греческомъ языкѣ, но умеръ до окончанія работы. Послѣ его смерти она была издана въ Аѳинахъ подъ заглавіемъ «Наиболѣе поучительные результаты исторіи греческаго народа» (Аѳины, 1899) и представляетъ собою извлеченіе или обзоръ, а иногда и исправленіе того, что было рассказано подробнѣе въ пятитомной исторіи.

Византійскаго времени касаются второй, третій, четвертый и пятый томы послѣдняго сочиненія.

Не смотря на большую тенденціозность, сочиненіе Папарригопуло заслуживаетъ большого вниманія. Авторъ, убѣжденный патріотъ, смотритъ на исторію съ чисто національной, греческой точки зрѣнія; онъ во всѣхъ главнѣйшихъ явленіяхъ видитъ греческое начало и считаетъ римское вліяніе случайнымъ и наноснымъ. Особеннымъ вниманіемъ и исключительною любовью автора пользуется эпоха императоровъ-иконоборцевъ. Не останавливаясь только на религіозной сторонѣ вопроса, греческій ученый видитъ въ этомъ движеніи попытку настоящей соціальной реформы, вышедшей изъ тайниковъ эллинскаго духа, и въ своемъ увлеченіи утверждаетъ, что «въ результатѣ эллинская реформа VIII вѣка, если не касаться основныхъ догматовъ вѣры, была съ точки зрѣнія соціальныхъ измѣненій гораздо болѣе широкой и систематической, чѣмъ реформа, совершившаяся позднѣе въ Западной Европѣ, и проповѣдывала принципы и доктрины, которые съ удивленіемъ встрѣчаютъ въ VIII вѣкѣ». Но подобная реформа

была слишком смѣла и радикальна для византійскаго общества, вслѣдствіе чего за иконоборческой эпохой послѣдовала реакція; поэтому Македонская династія въ исторіи Византіи имѣла консервативное значеніе. Эллинизмъ сохранялъ свою силу въ теченіе всего средневѣковья. Внутреннихъ причинъ, напримѣръ, для паденія Константинополя въ 1204 году не было; столица государства уступила только грубой физической силѣ крестоносцевъ. Если печальное событіе 1204 года нанесло ударъ «византійскому эллинизму», то вскорѣ послѣ этого первое мѣсто занимаетъ «современный эллинизмъ», непосредственными потомками котораго являются греки XIX вѣка. Такимъ образомъ, по мнѣнію Папарригопуло, эллинизмъ въ той или иной формѣ жилъ бодрою жизнью въ продолженіи всей византійской исторіи. Конечно, на трудѣ греческаго ученаго сильно отразилось увлеченіе греческаго патріота. Тѣмъ не менѣе, его большая «Исторія греческаго народа» и французская «Исторія эллинской цивилизаціи», не смотря на указанную выше тенденціозность, являются очень полезными книгами. Главная заслуга Папарригопуло заключается въ томъ, что онъ указалъ на большое значеніе и сложность иконоборческой эпохи. Въ одномъ отношеніи пользованіе его «Исторіей» неудобно: она лишена ученаго аппарата, и поэтому проверка разсказа и выводовъ Папарригопуло сопряжена съ большими трудностями и неудобствами.

Гопфъ. Къ числу весьма серьезныхъ и трудолюбивыхъ ученыхъ въ области византиновѣдѣнія въ половинѣ XIX вѣка принадлежитъ нѣмецкій профессоръ Карлъ Гопфъ (1832 — 1873).

Гопфъ, вестфалецъ родомъ, былъ сыномъ учителя гимназіи, занимавшагося Гомеромъ. Уже съ раннихъ лѣтъ онъ поражалъ своею необыкновенною памятью и способностью къ иностраннымъ языкамъ. По окончаніи образованія въ боннскомъ университетѣ Гопфъ сдѣлался тамъ-же доцентомъ и съ увлеченіемъ отдался выполненію своей главной жизненной, ученой задачи, — а именно: изученію исторіи Греціи подѣ франкскимъ владычествомъ, т. е. послѣ 1204 года. Въ 1853 — 54 году Гопфъ предпринялъ первое путешествіе черезъ Вѣну въ находившуюся тогда еще въ рукахъ Австріи Верхнюю Италію, гдѣ усердно работалъ, особенно въ частныхъ фамильныхъ архивахъ. Результатомъ этихъ работъ былъ рядъ

монографій, посвященныхъ исторіи отдѣльныхъ франкскихъ княжествъ въ Греціи и острововъ Эгейскаго моря, а также изданію архивныхъ документовъ по даннымъ вопросамъ.

Ставъ профессоромъ въ Грейсвальдѣ и затѣмъ главнымъ бібліотекаремъ и профессоромъ университета въ Кенигсбергѣ, Гопфъ продолжалъ заниматься средними вѣками. Во время своего второго ученаго путешествія съ 1861 по 1863 годъ онъ посѣтилъ Геную, Неаполь, Палермо, Мальту, Корфу, Занте, Сиру, Наксосъ и Грецію, гдѣ собралъ громадный рукописный матеріалъ. По возвращеніи на родину Гопфъ принялся за его обработку; но здоровье его пошатнулось, и въ августѣ 1873 года онъ умеръ въ Висбаденѣ въ цвѣтѣ силъ и своего ученаго творчества. Онъ оставилъ послѣ себя не мало монографій и статей и изданія различныхъ памятниковъ франкской эпохи.

Самымъ главнымъ и наиболѣе цѣннымъ трудомъ Гопфа является «Исторія Греціи съ начала средневѣковья до новѣйшаго времени» (*Geschichte Griechenlands vom Beginne des Mittelalters bis auf die neuere Zeit. 1867—1868*).

Исторія Греціи Гопфа прежде всего поражаетъ обширнымъ знакомствомъ автора съ источниками, особенно въ тѣхъ частяхъ книги, гдѣ онъ пользовался собранными имъ рукописными сокровищами. Наибольшее мѣсто въ трудѣ Гопфа занимаетъ исторія франкскаго владычества на Востокѣ; основывая свое изложеніе на массѣ рукописнаго, архивнаго матеріала, онъ, можно сказать, первый подробно изложилъ внѣшнюю исторію этого владычества не только въ главныхъ центрахъ, но и на мелкихъ островахъ Эгейскаго моря. Такъ какъ не всѣ собранные Гопфомъ рукописные матеріалы еще изданы, то въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его книга является не только пособіемъ, но и источникомъ, который, впрочемъ, по сдѣланнымъ иногда провѣркамъ, оказывается не всегда точнымъ.

Въ его же исторіи подробно разобранъ вопросъ о славянахъ въ Греціи. Въ этомъ отдѣлѣ книги Гопфъ выступаетъ противъ извѣстной теоріи Фалльмерайера, утверждавшаго, что въ крови современныхъ грековъ не течетъ ни капли древней эллинской крови, и что современные греки являются потомками вторгнувшихся въ Грецію въ эпоху среднихъ вѣковъ славянъ и албанцевъ. (Объ этомъ любопытномъ вопросѣ рѣчь будетъ ниже).

Къ сожалѣнію, важное и цѣнное сочиненіе Гопфа издано въ старой и мало распространенной «Общей Энциклопедіи наукъ и искусствъ» Эрша и Грубера (Ersch-Gruber. Allgemeine Encyclopädie der Wissenschaften und Künste, томы 85 и 86). Неудовлетворительно исполненное изданіе исторіи Гопфа не имѣетъ не только столь нужнаго для такой работы указателя, но даже простого оглавленія; поэтому пользованіе этимъ изданіемъ, съ чисто внѣшней стороны, представляетъ большія трудности. Затѣмъ, сочиненіе Гопфа въ томъ видѣ, какъ мы теперь его имѣемъ, очевидно, не было еще вполне обработано авторомъ: матеріалъ расположенъ безъ строго опредѣленнаго плана; языкъ — сухой и тяжелый; читается книга нелегко. Но громадное количество свѣжаго, неизданнаго матеріала, введеннаго въ сочиненіе Гопфа и иногда почти открывавшаго цѣлыя новыя страницы средневѣковой исторіи Греціи въ эпоху франкскаго владычества, позволяетъ считать трудъ нѣмецкаго ученаго въ высшей степени важнымъ. Главное вниманіе автора обращено на внѣшнія событія.

Гопфъ умеръ рано, не успѣвъ ни использовать, ни издать всего собраннаго имъ рукописнаго матеріала. Въ настоящее время рукописное наслѣдство Гопфа находится въ Берлинской Королевской Библіотекѣ и представляетъ богатый матеріалъ для историковъ.

Исторія Гопфа была недоступна для большой читающей публики: она была слишкомъ суха, учена и издана въ мало распространенной Энциклопедіи. Нашлись нѣмецкіе историки, которые, воспользовавшись трудами Гопфа, дали обзоръ греческой средневѣковой, т. е. византійской исторіи въ болѣе доступной формѣ. Изъ такихъ историковъ можно назвать двухъ: Герцберга и Грегоровіуса.

Герцбергъ. Герцбергъ (Hertzberg), занимаясь нѣкоторое время исторіей древней Греціи и Рима, перешелъ затѣмъ къ среднимъ вѣкамъ и написалъ два сочиненія общаго характера: 1) «Исторія Греціи со времени окончанія античной жизни до настоящаго времени» («Geschichte Griechenlands seit dem Absterben des antiken Lebens bis zum Gegenwart». 4 части, Гота, 1876—1879). 2) «Исторія византійцевъ и османскаго государства до конца XVI вѣка» («Geschichte der Byzantiner und des Osmanischen Reiches bis gegen Ende des sechszehnten Jahrhunderts». Берлинъ, 1883). Эти два сочиненія, не пред-

ставляя собою самостоятельныхъ изслѣдованій въ полномъ смыслѣ этого слова, ввели, можно сказать, многіе результаты работъ Гопфа въ болѣе обширный кругъ читателей, тѣмъ болѣе, что они написаны хорошимъ, легкимъ языкомъ.

Второе сочиненіе вышло въ русскомъ переводѣ П. В. Безобразова съ примѣчаніями и приложеніями подъ заглавіемъ: Г. Ф. Герцбергъ. «Исторія Византіи» (Москва, 1896). Русский переводъ этого сочиненія, сравнительно съ пѣмецкимъ оригиналомъ, особенно цѣненъ тѣмъ, что П. В. Безобразовъ въ примѣчаніяхъ не только указывалъ новую литературу предмета, но и прибавилъ къ книгѣ нѣсколько приложеній, въ которыя ввелъ главнѣйшіе результаты работъ русскихъ ученыхъ въ области внутренней исторіи Византіи, оставляемой Герцбергомъ въ сторонѣ, а именно: Большой дворецъ и придворный церемоніаль; Ремесленныя и торговыя корпораціи; Крестьяне; Крестьянская община и Земледѣльческій уставъ; Мѣры въ защиту крестьянскаго землевладѣнія и закрѣпощеніе крестіянъ; Положеніе крѣпостныхъ, крестьянскіе надѣлы и писцовыя книги; Податная система и злоупотребленія сборщиковъ податей.

Послѣднее сочиненіе Герцберга, особенно въ русскомъ переводѣ, очень полезно для первоначальнаго ознакомленія съ византійскою исторіей.

Грегоровіусъ. Вторымъ ученымъ, положившимъ труды Гопфа въ основаніе своей работы, былъ Грегоровіусъ (F. Gregorovius), пользовавшійся уже до этого вполне заслуженною извѣстностью благодаря своему большому сочиненію по исторіи Рима въ средніе вѣка. Работа надъ средневѣковой исторіей Рима навела автора на мысль приступить къ средневѣковой исторіи другого культурнаго центра древности—Аѳинъ. Результатомъ послѣдней работы явилась двухтомная «Исторія города Аѳинъ въ средніе вѣка» («Geschichte der Stadt Athen im Mittelalter». Штуттгартъ, 1889). Книга Грегоровіуса построена на трудахъ Гопфа, образовавшихъ, по словамъ автора, прочное основаніе для всѣхъ работъ, которыя съ тѣхъ поръ велись въ данной области и которыя еще появятся въ будущемъ. Но Грегоровіусъ привлекъ для своей работы также культурную жизнь страны, чѣмъ, какъ извѣстно, Гопфъ не занимался. Грегоровіусъ блестяще справился со своей задачей. Воспользовавшись матеріалами, появившимися послѣ

Гопфа, онъ далъ пластическое изложене исторіи средневѣковыхъ Аѳинъ на фонѣ общей исторіи Византіи и довелъ изложеніе событій до провозглашенія греческаго королевства въ XIX вѣкѣ.

Сочиненіе Грегоровіуса существуетъ въ русскомъ переводѣ (СПБ. 1900) и можетъ быть съ большою пользою прочтено всѣми интересующимися исторіей Византіи.

Бьюри. Профессоръ Кембриджскаго университета, нынѣ здравствующій Бьюри (I. V. Bury) написалъ, кромѣ другихъ работъ въ области вазантиновѣдѣнія, три тома по общей исторіи Византіи, которые охватываютъ событія съ 395-го до 867 года. Первые два тома вышли въ 1889 году подъ заглавіемъ «Исторія позднѣйшей Римской Имперіи съ Аркадія до Ирины» (A History of the later Roman Empire from Arcadius to Irene. Лондонъ, 1889). Событія излагаются въ этомъ сочиненіи до 800 года, т. е. до коронованія Карла Великаго папою Львомъ III въ Римѣ. Третій томъ вышелъ черезъ двадцать три года подъ заглавіемъ «Исторія Восточной Римской Имперіи съ паденія Ирины до вступленія на престолъ Василя I» (A History of the Eastern Roman Empire from the fall of Irene to the accession of Basil I. Лондонъ, 1912). Этотъ томъ охватываетъ время съ 802 по 867 годъ. Какъ видно, англійскій ученый задумалъ написать исторію Византіи въ широкихъ рамкахъ.

Бьюри выступаетъ въ своемъ трудѣ представителемъ идеи непрерывной Римской Имперіи съ I вѣка до XV-го. Нѣтъ другого періода въ исторіи, говоритъ онъ въ предисловіи къ первому тому, который былъ бы столь затемненъ неправильными и сбивчивыми названіями, какъ періодъ позднѣйшей Римскій Имперіи. То обстоятельство, что значеніе этого періода исторіи такъ упорно ошибочно понималось и его характеръ такъ часто представлялся въ ложномъ свѣтѣ, зависѣло больше, чѣмъ можно было бы предположить съ перваго взгляда, отъ неподходящихъ именъ, которыя прилагались къ этой исторіи. Первою ступенью къ пониманію исторіи тѣхъ вѣковъ, черезъ которые древній міръ перешелъ въ новый, является уразумѣніе того факта, что древняя Римская Имперія не переставала существовать до 1453 года. Рядъ римскихъ императоровъ продолжался въ непрерывной послѣдовательности отъ Октавіана Августа до Константина Палео-

лога, послѣдняго византійскаго императора. Въ настоящее время этотъ существенный фактъ затемненъ приложеніемъ названія «византійскій» или «греческій» для имперіи въ ея позднѣйшія времена. Историки, стоявшіе за названіе «Византійская Имперія» не сходятся въ опредѣленіи, гдѣ кончается Римская Имперія и начинается Византійская. Иногда границею этихъ двухъ исторій считается основаніе Константинополя Константиномъ Великимъ, иногда смерть Θεодосія Великаго, иногда царствованіе Юстиніана Великаго, иногда, какъ это дѣлаетъ уже извѣстный намъ Финлей, вступленіе на престолъ Льва Исаврянина; при чемъ, историкъ, принимающій одно дѣленіе, не можетъ утверждать, что историкъ, который принимаетъ иное дѣленіе, неправъ, такъ какъ всѣ подобныя дѣленія совершенно произвольны. Римская Имперія не приходила къ концу до 1453 года, и выраженія «Византійская, Греческая, Ромейская или Грекоримская Имперія» лишь затемняютъ важный фактъ и способствуютъ серьезному заблужденію.

Побуждаемый такими соображеніями, Бьюри далъ заглавіе своимъ первымъ двумъ томамъ, доведеннымъ, какъ уже извѣстно, до 800 года, «Исторія позднѣйшей Римской Имперіи». Въ 800 году Карлъ Великій въ Римѣ былъ провозглашенъ императоромъ. Поэтому съ этихъ поръ вполнѣ правильно называть двѣ соперничавшія имперіи Западной и Восточной. Но, къ несчастью, названіе Восточной Римской Имперіи прилагается часто къ тому времени, когда это совершенно неправильно. Говорятъ, на примѣръ, о Восточной и Западной Римской Имперіи въ V вѣкѣ или о паденіи Западной Имперіи въ 476 году. Такія утвержденія, хотя и освященные авторитетомъ выдающихся умовъ, неправильны и ведутъ къ дальнѣйшей путаницѣ. Неправильность подобныхъ утверженій заключается въ слѣдующемъ: Въ V вѣкѣ Римская Имперія была едина и нераздѣльна; хотя въ ней вообще было болѣе одного императора, двухъ имперій никогда не было. Говорить о двухъ имперіяхъ въ V или IV вѣкѣ, это значитъ представлять въ совершенно неправильномъ видѣ теорію императорской конституціи. Никто не говоритъ о двухъ Римскихъ Имперіяхъ въ дни Констанція и Константа (преемниковъ Константина Великаго); отношенія же Аркадія къ Гонорію, Θεодосія Малаго къ Валентиніану III, Льва I къ

Аноемію были точно такими, какъ политическія отношенія между сыновьями Константина. Правители могли быть независимы другъ отъ друга, даже враждебны; единство Имперіи, въ которой они управляли, этимъ теоретически не нарушалось. Имперія въ 476 году не пала; этотъ годъ указываетъ только на ступень, и даже не на самую важную, въ процессѣ разъединенія (дезинтеграціи), который продолжался въ теченіе цѣлаго столѣтія. Отреченіе Ромула Августула даже не пошатнуло Римскую Имперію; тѣмъ менѣе оно привело имперію къ паденію. Къ несчастью, со времени Гиббона, который говорилъ о «Паденіи Западной Имперіи» многие современные писатели дали санкцію этой фразѣ. Итакъ, Римская Имперія существовала съ I вѣка до Р. Х. до половины XV вѣка. Только съ 800 года можно называть ее Восточно-Римской Имперіей, въ виду основанія другой Римской Имперіи на Западѣ. Поэтому Бьюри свой третій томъ, вышедшій въ 1912 году и излагающій событія съ 802 года, озаглавилъ уже «Исторіей Восточной Римской Имперіи» въ отличіе отъ двухъ первыхъ томовъ.

Упомянувъ о томъ пренебреженіи, съ которымъ къ Византіи съ XVIII вѣка относились историки и философы, Бьюри замѣчаетъ, что этимъ они показываютъ свое полное незнакомство съ однимъ изъ самыхъ важныхъ существенныхъ факторовъ въ развитіи западно-европейской цивилизаціи—а именно, съ вліяніемъ позднѣйшей Римской Имперіи и Новаго Рима.

Конечно, взглядъ Бьюри не является чѣмъ либо особенно новымъ. Непрерывность Римской Имперіи до XV вѣка признавали и раньше, напр., Монтескье въ своихъ «Разсужденіяхъ о причинахъ величія римлянъ и ихъ упадка» (*Considérations sur les causes de la grandeur des Romains et de leur décadence*). Но Бьюри съ особенною силою отгѣнилъ этотъ тезисъ и провелъ въ своемъ трудѣ.

Сочиненіе Бьюри, особенно же послѣдній третій томъ, заслуживаетъ самаго большаго вниманія. Излагая судьбы восточной половины имперіи, онъ слѣдитъ также до 800 года за событіями ея западной половины, что вполне, конечно, соответствуетъ его взгляду о единой Римской Имперіи. Бьюри въ своей книгѣ не ограничивается одной политической исторіей; цѣлыя главы у него посвящены вопросамъ администра-

ціи, литературы, общественной жизни, географіи, искусства и т. д. Авторъ прекрасно знакомъ съ русскимъ и другими славянскими языками; поэтому въ третьемъ томѣ его исторіи привлечена къ дѣлу и оцѣнена вся русская и болгарская литература по данной эпохѣ. Надо надѣяться, что Бюри дастъ продолженіе своего въ высшей степени важнаго общаго труда.

Ламбросъ. Спиридонъ Ламбросъ (*Δάμπρος*), современный греческій ученый и профессоръ аѳинскаго университета, дѣятельный издатель рукописныхъ документовъ и историческихъ текстовъ, авторъ каталога греческихъ рукописей Аѳона и т. д., написалъ на протяженіи съ 1886 по 1908 годъ шеститомную «Исторію Греціи съ рисунками, съ древнѣйшихъ временъ до взятія Константинополя» (*Ἱστορία τῆς Ἑλλάδος μετ' εἰκόνων ἀπὸ τῶν ἀρχαιοτάτων χρόνων μέχρι τῆς ἀλώσεως τῆς Κωνσταντινουπόλεως*. Аѳины, 1886—1908, 6 томовъ). Сочиненіе Ламброса, предназначенное преимущественно для большей читающей публики, ясно и толково излагаетъ событія византійской исторіи до конца существованія имперіи. Источники авторомъ не указываются; текстъ иллюстрированъ многочисленными рисунками.

Гельцеръ. Покойный профессоръ іенскаго университета, Генрихъ Гельцеръ, написалъ для второго изданія «Исторіи византійской литературы» Крумбахера «Очеркъ византійской императорской исторіи (*Abriss der byzantinischen Kaisergeschichte*. Мюнхень. 1897). Очеркъ Гельцера касается, главнымъ образомъ, внѣшней исторіи, находится мѣстами въ зависимости отъ извѣстной уже намъ книги Герцберга и въ своемъ послѣшномъ, не всегда точномъ изложеніи фактическаго матеріала не выдѣляетъ существеннаго отъ второстепеннаго. Будучи партійнымъ политическимъ борцомъ, Гельцеръ иногда, безъ всякой нужды, переноситъ свои политическія симпатіи и антипатіи на оцѣнку историческихъ явленій византійской исторіи. Очеркъ Гельцера можетъ быть полезенъ для первоначальныхъ справокъ.

Интересно услышать изъ устъ нѣмецкаго ученаго слѣдующія строки въ заключеніи его очерка: «Русскій царь сочетался бракомъ съ царевной изъ дома Палеологовъ; вѣнецъ Константина Мономаха былъ возложенъ въ Кремль на самодержца всея Руси. Русское государство представляетъ собою

дѣйствительное продолженіе Византійской Имперіи. И если св. Софія будетъ когда-либо возвращена истинной вѣрѣ, если Малая Азія будетъ когда-либо вырвана изъ рукъ отвратительно хозяйничающихъ тамъ турокъ, то это можетъ быть сдѣлано только русскимъ царемъ. Противодѣйствіе Англіи идетъ въ разрѣзъ съ природою и исторіей и поэтому навѣрно, хотя быть можетъ довольно поздно, будетъ сломлено. Константинопольскимъ императоромъ можетъ стать только защитникъ православной вѣры, русскій царь, поскольку онъ серьезно проникнется великими обязанностями, связанными съ этой задачей».

Очеркъ Гельцера существуетъ въ русскомъ переводѣ подъ заглавіемъ «Очеркъ политической исторіи Византіи» (Очерки по Исторіи Византіи подъ редакціей и съ предисловіемъ В. Н. Бенешевича, проф. Спб. Университета. Выпускъ I. СПб. 1912).

Гесселингъ. Въ 1902 году профессоръ Лейденскаго университета въ Голландіи Гесселингъ (D. C. Hesselning) издалъ на голландскомъ языкѣ книгу «Византія. Изслѣдованія въ области нашей духовной культуры со времени основанія Константинополя» (Byzantium. Studien over onze beschaving na de stichting van Konstantinopel. Haarlem, 1902). Въ виду малой распространенности голландскаго языка работа Гесселинга стала, можно сказать, доступной для всѣхъ лишь въ 1907 году, когда появился французскій переводъ его книги съ предисловіемъ извѣстнаго французскаго византиниста, академика Шлембержэ (G. Schlumberger) подъ заглавіемъ «Опытъ византійской цивилизаціи» (Essai sur la civilisation byzantine par D. C. Hesselning. Парижъ, 1907). Во французскомъ предисловіи самого автора нѣсколько загадочно замѣчено, что «переводъ приспособленъ ко вкусу французской публики».

Содержательная, небольшая сравнительно по объему книга Гесселинга въ главныхъ чертахъ рисуеъ картину византійской цивилизаціи, обращая вниманіе на всѣ стороны многообразной жизни Восточной Имперіи. Изъ политическихъ событій авторомъ приняты въ расчетъ лишь тѣ, которыя являются необходимыми для лучшаго уясненія идеи византійской цивилизаціи, а изъ личныхъ именъ и отдѣльныхъ фактовъ упомянуты лишь тѣ, которые имѣютъ отношеніе къ общимъ идеямъ. Большое мѣсто удѣлено въ книгѣ Гесселинга литературѣ и искусству.

«Опытъ византійской цивилизаціи» Гесселинга, написанный, можетъ быть, нѣсколько элементарно для специалистовъ, будетъ очень полезенъ для всѣхъ тѣхъ, кто захотѣлъ бы въ доступномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ серьезно обоснованномъ изложеніи познакомиться съ общимъ значеніемъ Византіи.

Общіе популярныя обзоры исторіи Византіи. Историческая литература имѣетъ въ своемъ распоряженіи нѣсколько обзоровъ византійской исторіи, предназначенныхъ для большой публики и, въ большинствѣ случаевъ, не имѣющихъ серьезнаго научнаго значенія. Тѣмъ не менѣе подобныя популярныя очерки, хотя бы и не самостоятельныя, могутъ принести извѣстную пользу и возбудить у читателя дальнѣйшій интересъ къ судьбамъ Византійской имперіи. Большинство популярныхъ очерковъ по исторіи Византіи написано на англійскомъ языкѣ.

Живо написана и снабжена хорошими рисунками англійская книга Омана «Византійская имперія» (Oman. The Byzantine Empire. 3-е изданіе, Лондонъ, 1892). Англичанинъ Гаррисонъ сдѣлалъ, на основаніи трудовъ Финлея и Бьюри, попытку выяснить значеніе Византіи съ точки зрѣнія западно-европейской цивилизаціи въ своей небольшой книжкѣ (63 стр.) «Византійская исторія въ раннее средневѣковье» (F. Harrison. Byzantine history in the early middle ages. Лондонъ, 1900). Любопытная попытка нарисовать картину соціальной и политической эволюціи Византійской имперіи сдѣлана французомъ Гренье, человекомъ никогда не занимавшимся исторіей Византіи, въ его двухтомномъ трудѣ «Византійская имперія: ея соціальная и политическая эволюція» (Pierre Grenier. L'Empire byzantin: son évolution sociale et politique. Парижъ, 1904). Не смотря на неудовлетворительность общей конструкціи эволюціи и на большое число крупныхъ и мелкихъ промаховъ и недостатковъ, что является вполне понятнымъ у неспеціалиста, пожелавшаго охватить то, что до сихъ поръ было недоступнымъ и для специалистовъ, сочиненіе Гренье можетъ быть прочитано не безъ пользы, такъ какъ даетъ весьма много разнообразныхъ и разностороннихъ свѣдѣній, далеко, правда, не всегда точныхъ, изъ области византійской исторіи.

Краткую, но содержательную исторію Константинополя въ связи съ общей исторіей имперіи можно найти въ англій-

ской книжкѣ Хеттона «Константинополь: Исторія старой столицы Имперіи». (W. N. Hutton. Constantinople: the Story of the old Capital of the Empire. Лондонъ, 1904).

Краткій и очень сухой обзоръ исторіи Византіи написанъ Ротомъ «Исторія Византійскаго государства» (K. Roth. Geschichte des Byzantinischen Reiches. Лейпцигъ, 1904, 125 стр.; есть русскій переводъ). Профессоръ Скала далъ во «Всемирной исторіи» Гельмольта очень содержательный, продуманный, основанный на хорошемъ знакомствѣ съ источниками и литературой очеркъ исторіи Византіи подъ заглавіемъ «Эллинизмъ со времянь Александра Великаго» (R. von Scala. Das Griechentum seit Alexander dem Grossen, въ пятомъ томѣ Helmholt. Weltgeschichte. Лейпцигъ и Вѣна, 1904, 116 стр.; есть русскій плохой переводъ). Въ послѣднемъ очеркѣ авторъ со вниманіемъ остановился на анализѣ византійской цивилизаціи и на выясненіи ея значенія. На англійскомъ языкѣ существуетъ краткій, серьезный и составленный по очень наглядному плану очеркъ румынскаго историка Горга подъ заглавіемъ «Византійская имперія» (N. Iorga. The Byzantine Empire. Лондонъ, 1907). Наконецъ, на англійскомъ же языкѣ, съ прекрасными рисунками, появилась въ 1911 году живо написанная книга Фурда «Византійская имперія—аррьергардъ европейской цивилизаціи» (E. Ford. The Byzantine Empire—the rearguard of European civilization. Лондонъ, 1911). Жаль, что въ этой книгѣ чрезмѣрно кратко и поверхностно изложена исторія Византіи въ эпоху ея паденія, т. е. послѣ 1204 г.

Краткій очеркъ исторіи Византіи можно найти: во «Всеобщей исторіи съ IV вѣка до нашихъ дней» Лависса и Рамбо (E. Lavissee et A. Rambaud. Histoire générale du IV-e siècle à nos jours. Есть русскій переводъ); въ новой The Cambridge Medieval History, planned by I. B. Burg. I—II. 1911—1913 (пока до 717 года).

Византійская литература. Настольною книгою для знакомства съ византійской литературой и для различныхъ справокъ въ ея области является второе изданіе капитальнаго труда покойнаго мюнхенскаго профессора Карла Крумбахера «Исторія византійской литературы отъ Юстиніана до конца Восточно-римскаго государства» (Karl Krumbacher. Geschichte der byzantinischen Litteratur von Justinian bis zum

Ende des oströmischen Reiches. Мюнхенъ, 1897, 1193 стр.). Богословская литература во второмъ изданіи Крумбахера составлена профессоромъ Эрхардомъ (A. Ehrhard); тамъ же помѣщенъ, какъ было уже отмѣчено выше, «Очеркъ политической исторіи Византіи» Гельцера.

Введеніе къ труду Крумбахера и главы объ историкахъ и хронистахъ вышли въ русскомъ переводѣ въ «Очеркахъ по исторіи Византіи», подъ редакціей проф. Бенешевича (вып. III, Спб., 1913 и вып. IV, Петроградъ, 1915, с. 150—154).

Трудъ Крумбахера есть главное, основное пособие для византійской литературы, поражающее громаднымъ количествомъ привлеченнаго матеріала и показывающее глубокія познанія и необычайное трудолюбіе автора. Крумбахеръ былъ хорошо знакомъ съ русскимъ и другими славянскими языками, и поэтому русскія и вообще славянскія работы всегда принимались имъ въ расчетъ. Конечно, трудъ Крумбахера предназначенъ лишь для специалистовъ; обычному читателю онъ не подходитъ. Но самъ Крумбахеръ въ другомъ мѣстѣ изложилъ для большой публики въ доступной формѣ на 50 страницъ исторію византійской литературы подъ заглавіемъ «Греческая литература средневѣковья» (Die griechische Literatur des Mittelalters. Лейпцигъ — Берлинъ, 1912, въ сборномъ изданіи Die Kultur der Gegenwart, подъ редакціей Hinneberg'a). Эта послѣдняя работа Крумбахера вышла въ свѣтъ послѣ его смерти. Для народной греческой литературы имѣетъ значеніе книга К. Дитериха «Исторія византійской и ново-греческой литературы» (K. Dieterich. Geschichte der byzantinischen und neugriechischen Literatur. Лейпцигъ, 1902).

2) Краткій очеркъ разработки исторіи Византіи въ Россіи.

Академики-нѣмцы. Западники и славянофилы. В. Г. Васильевскій. Въ Россіи русскіе ученые стали серьезно заниматься исторіей Византіи со второй половины XIX столѣтія. Въ первой половинѣ этого вѣка исторіей Византіи интересовались у насъ пріѣхавшіе въ Россію нѣмцы, которые, будучи избраны членами нашей Академіи Наукъ, оставались въ Петроградѣ до самой смерти. Главный ихъ интересъ заключался въ выясненіи значенія Византіи и византійскихъ источниковъ для

русской исторіи. Изъ этихъ академиковъ можно назвать Ф. Круга (1764—1844) и А. Куника (1814—1899).

Среди же наиболѣе выдающихся представителей русскаго общества въ первой половинѣ XIX вѣка Византія очень часто служила матеріаломъ для подкрѣпленія тѣхъ или другихъ общественныхъ теченій; такъ напр., нѣкоторые славянофилы черпали изъ исторіи Византіи данныя, полезныя для поддержанія и историческаго оправданія ихъ теорій; западники брали изъ того-же источника данныя, которыя должны были показать отрицательное значеніе византійской исторіи и выяснитъ всю опасность для Россіи, если бы послѣдняя вздумала слѣдовать завѣтамъ погибшей имперіи. Въ одномъ изъ своихъ произведеній Герценъ писалъ: «Древняя Греція изжила свою жизнь, когда римское владычество накрыло ее и спасло, какъ лава и пепель спасли Помпею и Геркуланумъ. Византійскій періодъ поднялъ гробовую крышу, и мертвый остался мертвымъ; имъ завладѣли попы и монахи, какъ всякой могилой, имъ распоряжались евнухи, совершенно на мѣсть, какъ представители бесплодности.... Византія могла жить, но дѣлать ей было нечего; а исторію вообще только народы и занимаютъ, пока они на сценѣ, т. е. пока они что-нибудь дѣлаютъ». Другой нашъ западникъ Чаадаевъ говорилъ: «Мы вступили въ связь съ растлѣнной Византіей». Но надо помнить, что подобныя отзывы этихъ безусловно талантливыхъ и образованныхъ людей не имѣютъ никакой исторической цѣнности, такъ какъ ни тотъ, ни другой никогда исторіей Византіи не занимались.

Но сознаніе важности изученія Византіи было на лицо уже у насъ въ половинѣ XIX вѣка. Одинъ изъ самыхъ глубокихъ славянофиловъ, А. С. Хомяковъ, въ пятидесятыхъ годахъ писалъ: «По нашему мнѣнію, говорить о Византіи съ пренебреженіемъ—значитъ расписываться въ невѣжествѣ». Въ 1850 году знаменитый Т. Н. Грановскій писалъ: «Нужно ли говорить о важности Византійской исторіи для насъ, Русскихъ? Мы приняли отъ Царьграда лучшую часть народнаго достоянія нашего, т. е. религіозныя вѣрованія и начатки образованія. Восточная имперія ввела молодую Русь въ среду христіанскихъ народовъ. Но кромѣ этихъ отношеній, насъ связываетъ съ судьбою Византіи уже то, что мы славяне. Послѣднее обстоятельство не было, да и не могло быть по

достоинству оцѣнено иностранными учеными». Успѣшное рѣшеніе наиболѣе важныхъ задачъ византійской исторіи, по мнѣнію того же Грановскаго, возможно было въ его время только русскимъ или вообще славянскимъ ученымъ. «На насъ лежитъ, по его словамъ, нѣкотораго рода обязанность оцѣнить явленіе, которому мы такъ многимъ обязаны».

Настоящимъ основателемъ ученаго византиновѣдѣнія въ обширномъ смыслѣ этого слова былъ профессоръ петроградскаго университета и академикъ В. Г. Васильевскій (1838—1899), подарившій русской науке цѣлымъ рядомъ важныхъ изслѣдованій по спеціальнымъ вопросамъ византійской исторіи, какъ внѣшней, такъ и внутренней, а также посвятившій много труда и тонкаго аналитическаго таланта на изученіе русско-византійскихъ отношеній. Нѣкоторыя работы Васильевскаго имѣютъ крупное значеніе и для всеобщей исторіи; такъ напр., безъ работы его «Византія и печенѣги» нельзя теперь никому обойтись при изслѣдованіи вопроса о первомъ крестовомъ походѣ, что признается и въ западно-европейской литературѣ. Понынѣ здравствующіе академики, Н. П. Кондаковъ и Ѳ. И. Успенскій, также являются выдающимися работниками въ данной области, — первый особенно въ вопросахъ о византійскомъ искусствѣ, второй — о внутренней исторіи Византіи.

Мы не будемъ здѣсь останавливаться на разборѣ и на сильной оцѣнкѣ трудовъ этихъ трехъ наиболѣе видныхъ представителей нашей науки. Задача настоящаго очерка дать свѣдѣнія объ общихъ трудахъ по исторіи Византіи. Между тѣмъ, В. Г. Васильевскій оставилъ лишь работы по спеціальнымъ вопросамъ; Н. П. Кондаковъ далъ великой цѣнности труды, иногда общаго характера, но въ области искусства. Исключеніе представляетъ Ѳ. И. Успенскій, начавшій недавно изданіе своей общей исторіи Византіи, о чемъ рѣчь будетъ нѣсколько ниже.

Итакъ, до послѣдняго времени главное значеніе нашихъ наиболѣе выдающихся византинистовъ заключалось въ детальной разработкѣ и всестороннемъ освѣщеніи различныхъ спеціальныхъ вопросовъ, иногда въ высшей степени важныхъ.

Ертовъ. Попытки приступить къ печатанію общей исторіи Византіи были сдѣланы русскими учеными лишь въ послѣдніе годы. Правда, еще въ 1837 году было напечатано въ трехъ

частяхъ сочиненіе И. Ертова «Исторія восточно-римской или Константинопольской имперіи, выбранная изъ всеобщей исторіи». Последнее прибавленіе въ заглавіи объясняется тѣмъ, что въ началѣ тридцатыхъ годовъ (1830—1834) была издана въ пятнадцати частяхъ того же автора «Всеобщая исторія и Продолженіе всеобщей исторіи о переселеніи народовъ и образованіи новыхъ государствъ въ Европѣ, Азій и Африкѣ, отъ основанія государства російскаго до разрушенія восточной греческой имперіи». Изъ послѣдняго труда и было извлечено первое сочиненіе. И. Ертовъ, сынъ купца, писатель-самоучка, составилъ свое сочиненіе объ исторіи Византіи, имѣя въ виду, что «для русскихъ читателей нужнѣе напередъ повѣствовательная исторія». Источниками Ертову, по его собственнымъ словамъ, служили, «кромя многихъ извлеченій изъ разныхъ книгъ и журналовъ (на французскомъ языкѣ), исторія Ройю, сокращеніе исторіи восточной имперіи Лебо и исторія Гиббона, сокращенная Адамомъ и переведенная на французскій языкъ». Конечно, компиляція Ертова, излагающая событія византійской исторіи до паденія Константинополя, никакого ученаго значенія не имѣетъ; но я счелъ возможнымъ сказать о его книгѣ нѣсколько словъ, какъ о любопытномъ явленіи для своего времени.

Ю. А. Кулаковскій. Первая попытка написать серьезное сочиненіе по общей исторіи Византіи принадлежитъ профессору университета св. Владимира, Ю. А. Кулаковскому. Будучи специалистомъ въ области римской словесности, проф. Кулаковскій работалъ надъ римской древностью, надъ исторіей римскихъ учрежденій, преимущественно императорскаго періода, и преподавалъ въ университетѣ римскую исторію. Съ 1890 года онъ началъ удѣлять часть своего времени на христіанскую археологію и на византійскую исторію. Какъ бы введеніемъ въ исторію Византіи послужилъ сдѣланный проф. Кулаковскимъ въ началѣ нашего столѣтія (1906—1908) русскій переводъ извѣстнаго римскаго языческаго историка IV вѣка по Р. Х., Амміана Марцеллина. Въ 1910 году авторъ выпустилъ въ свѣтъ первый томъ своей «Исторіи Византіи», охватывающій событія съ 395 по 518 годъ. Въ 1912 году появился второй томъ, а въ 1915 году третій томъ, въ которыхъ излагаются судьбы имперіи съ 518 по 717 годъ, т. е. до эпохи иконоборства. Въ 1913 году вышло

уже второе пересмотрѣнное изданіе перваго тома. Съ необыкновеннымъ трудолюбіемъ и неослабной энергіей авторъ изучилъ византійскіе источники, греческіе, латинскіе и восточные (въ переводахъ), и, на основаніи ихъ и хорошаго знакомства съ литературой предмета, подробно изложилъ внѣшнюю исторію Византіи до выше указаннаго времени. Явленія внутренней исторіи, которыхъ также касается проф. Кулаковскій, теряются въ массѣ подробностей изъ жизни внѣшней.

Въ своемъ изложеніи авторъ, по его собственнымъ словамъ въ предисловіи къ первому тому, старался, предлагая вниманію читателя событія живой дѣйствительности, дать ему возможность чувствовать духъ и настроеніе тѣхъ давнихъ временъ. «Наше русское прошлое, продолжаетъ авторъ, связало насъ нерасторжимыми узами съ Византіей, и на этой основѣ опредѣлилось наше русское національное самосознаніе». Съ горечью въ сердцѣ отмѣчая фактъ устраненія греческаго языка изъ программы средней школы, проф. Кулаковскій пишетъ: «Быть можетъ, поймемъ и мы, русскіе, какъ понимаютъ въ Европѣ, что не въ послѣднемъ словѣ современника, а въ первомъ словѣ эллиновъ заключено творческое начало высокой европейской науки и культуры». Въ предисловіи къ третьему тому авторъ еще разъ опредѣляетъ свой планъ исторіи Византіи такими словами: «Моей цѣлью было представить послѣдовательную, точную въ хронологическомъ отношеніи и по возможности полную картину жизни имперіи на основаніи непосредственнаго изученія свидѣтельствъ источниковъ въ уровень современной разработкѣ матеріала, какъ она дана въ монографіяхъ, относящихся къ этому періоду, а также въ многочисленныхъ изслѣдованіяхъ по отдѣльнымъ частнымъ вопросамъ, появлявшимся въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, посвященныхъ византиновѣдѣнію». Сочиненіе проф. Кулаковскаго можетъ принести немалую пользу тому, кто захотѣлъ бы на русскомъ языкѣ познакомиться подробно съ фактической исторіей Византіи или прочитать въ русскомъ изложеніи главнѣйшее содержаніе источниковъ; попутно читатель ознакомится и съ нѣкоторыми выводами современной исторической литературы по главнѣйшимъ вопросамъ византійской исторіи, какъ внѣшней, такъ и внутренней. Черезчуръ подробное изложеніе факческаго матеріала повело

къ тому, что въ трехъ первыхъ вышедшихъ томахъ, т. е. болѣе чѣмъ на 1400 страницъ, событія доведены лишь до начала VIII вѣка.

Ө. И. Успенскій. Въ 1914 году появился въ свѣтъ первый томъ «Истории Византійской Имперіи» академика и директора Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ, **Ө. И. Успенскаго**, — роскошное, съ картами, таблицами и многочисленными рисунками изданіе, доводящее на 872 страницахъ перваго и пока еще единственнаго вышедшаго тома изложеніе исторіи съ IV вѣка по начало VIII-го, т. е. до эпохи иконоборства. Это — первая попытка написать общую исторію Византіи, сдѣланная специалистомъ въ данной области, однимъ изъ самыхъ извѣстныхъ представителей современнаго нашего византиновѣдѣнія, посвятившимъ всю свою колгую, трудовую жизнь почти исключительно изученію различныхъ сторонъ и разнообразныхъ эпохъ сложной византійской исторіи. Имѣя въ виду дать читающей публикѣ исторію въ общедоступномъ изложеніи, **Ө. И. Успенскій** не даетъ большого научнаго аппарата ни въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, ни въ концѣ главъ, а ограничивается лишь указаніемъ руководящихъ пособій.

Первый томъ труда **Ө. И. Успенскаго** представляетъ собою въ его большей части какъ бы обширное введеніе въ исторію Византіи, когда слагались главные элементы «византизма» и создавалась сложная византійская культура. Авторъ не можетъ удержаться отъ того, чтобы въ явленіяхъ прошлой жизни Византіи не видѣть нѣкоторыхъ «уроковъ» для современности. Говоря о преобладающемъ значеніи для Византіи ея восточныхъ провинцій и указавъ на то, что именно въ Малой Азіи, въ Никейской имперіи, сохранилась и созрѣла идея возстановленія Византійской имперіи въ XIII вѣкѣ, Успенскій заключаетъ: «Урокъ исторіи долженъ быть строго провѣренъ», взвѣшенъ тѣми, кто въ настоящее время ожидаетъ дѣлежа наслѣдства послѣ «опасно больного» на Босфорѣ». Въ другомъ мѣстѣ авторъ говоритъ: «По отношенію къ оставленному Византіей наслѣдству мы напрасно стали бы себя обманывать, что въ нашей волѣ уклониться отъ дѣятельной роли въ ликвидаціи дѣлъ по этому наслѣдству. Хотя вообще отъ наслѣдника зависитъ принимать наслѣдство или отказаться, но роль Россіи въ Восточномъ вопросѣ завѣщана исторіей

и не можетъ быть измѣнена по произволу, если только какое-либо опредѣленное потрясеніе не дастъ намъ способности забвенія», не отшибетъ память о томъ, чѣмъ мы жили, къ чему стремились, «отъ чего страдали».

Обращая въ своемъ изложеніи очень большое вниманіе на выясненіе славяно-византійскихъ отношеній, авторъ въ концѣ предисловія, написаннаго въ октябрѣ 1912 года, говоритъ: «Пусть читатель вдумается въ содержаніе главъ, посвященныхъ южнымъ славянамъ, и поищетъ тамъ иллюстрацій къ переживаемымъ нынѣ печальнымъ событіямъ на Балканскомъ полуостровѣ!», т. е. къ событіямъ второй Балканской войны.

Успенскій поставилъ себѣ цѣлью дать въ руки русскаго читателя такое чтеніе, которое, съ одной стороны, своею строгостью и серьезностью давало бы ему идею о продуманной и тщательно взвѣшенной системѣ, а съ другой—оставило бы добрую память объ авторѣ, который убѣжденъ въ томъ, что утвержденіе знаній о Византіи и выясненіе нашихъ къ пей отношеній въ высшей степени обязательно для русскаго ученаго и не менѣе полезно какъ для образованія, такъ и для направленія на вѣрный путь русскаго политическаго и національнаго самосознанія.

Итакъ, цѣлью автора является дать читателю въ общедоступномъ изложеніи «продуманную и тщательно взвѣшенную систему» въ области исторіи Византіи, что должно сослужить большую службу для русскаго самосознанія. Надо сказать, что въ первомъ томѣ своего труда авторъ не рѣшилъ этой поставленной себѣ трудной и сложной задачи.

Успенскій, выступая защитникомъ византизма, не разъ на протяженіи своего изложенія возвращается къ выясненію этого понятія. По мнѣнію автора, «самая существенная черта, которою открывается византизмъ, заключается въ иммиграціи варваровъ въ имперію и въ культурномъ и религіозномъ кризисѣ III—IV вв.». Въ другомъ мѣстѣ мы читаемъ: «Византизмъ есть историческій принципъ, дѣйствія котораго обнаруживаются въ исторіи народовъ юга и востока Европы; этотъ принципъ заправляетъ развитіемъ многихъ народовъ до настоящаго времени и выражаетъ особый складъ вѣрованій и политическихъ учрежденій и, можно думать, особый видъ организаціи сословныхъ и земельныхъ отношеній». Подъ ви-

зантинизмомъ, который есть результатъ слиянія романизма со старыми культурами: іудейской, персидской и эллинской, «прежде всего разумѣется совокупность всѣхъ началъ, подъ вліяніемъ которыхъ постепенно реформировалась Римская имперія въ V—VIII вв., прежде чѣмъ преобразоваться въ Византійскую имперію». «Многообразныя перемѣны вызвали германская и славянская иммиграціи, произведшія реформы въ социальномъ и экономическомъ строѣ и военной системѣ имперіи. Подъ дѣйствіемъ новыхъ началъ реформируется Римская имперія на востокѣ, приобрѣтая характеръ византизма». Проявляется же византизмъ въ слѣдующихъ признакахъ: 1) «въ постоянной отмѣнѣ господствовавшего латинскаго языка и замѣнѣ его греческимъ или, собственно говоря, византійскимъ; 2) въ борьбѣ національностей изъ-за политическаго преобладанія; 3) въ оригинальномъ характерѣ развитія искусства и въ появленіи новыхъ мотивовъ, вліявшихъ на созданіе новыхъ памятниковъ, равно какъ въ своеобразныхъ чертахъ литературныхъ произведеній, гдѣ вырабатывается постепенно новый и оригинальный методъ подъ вліяніемъ восточныхъ культурныхъ преданій и образцовъ».

Изъ словъ Успенскаго, что Римская имперія на востокѣ приобрѣтаетъ характеръ византизма къ VIII вѣку, видно, что мнѣніе его въ этомъ отношеніи совпадаетъ съ мнѣніемъ англійскаго византиниста Финлея.

Общіе тезисы Успенскаго не доказаны въ первомъ томѣ и поэтому могутъ быть надлежащимъ образомъ обсуждены и оцѣнены лишь тогда, когда мы передъ собою будемъ имѣть законченную исторію Византіи или, по крайней мѣрѣ, доведенную до латинскаго завоеванія.

Наиболѣе важными вопросами въ первомъ томѣ, охватывающемъ, какъ было отмѣчено выше, событія до начала иконоборческаго періода въ VIII вѣкѣ, нужно признать: 1) вопросъ о славянской иммиграціи на Балканскій полуостровъ и о ея послѣдствіяхъ для византійской жизни; 2) о землевладѣніи въ Византіи и 3) о еемномъ, т. е. областномъ, строѣ имперіи. Если данные вопросы и не находятъ настоящаго рѣшенія на страницахъ книги Успенскаго, то, во всякомъ случаѣ, предложенное авторомъ толкованіе ихъ возбуждаетъ желаніе и потребность подвергнуть эти сложныя проблемы дальнѣйшему изученію.

Задуманъ трудъ былъ авторомъ болѣе четверти вѣка тому назадъ и писался, очевидно, давно и съ перерывами; поэтому цѣнность его въ различныхъ частяхъ далеко не одинакова. На ряду съ главами въ высшей степени живыми, свѣжими и интересными, мы имѣемъ главы, основанныя на устарѣвшемъ матеріалѣ и не стоящія на уровнѣ современнаго положенія того или другаго вопроса въ наукѣ. Особенно это чувствуется въ главахъ объ арабахъ и мусульманствѣ. Къ достоинствамъ книги безусловно принадлежитъ то, что авторъ много удѣляетъ мѣста явленіямъ внутренней жизни имперіи.

Первый томъ труда Успенскаго даетъ теперь возможность ознакомиться съ первымъ періодомъ византійской исторіи, написанной яснымъ языкомъ и вышедшей изъ-подъ пера спеціалиста, посвятившаго сорокъ лѣтъ своей ученой работы почти исключительно изученію Византіи.

С. П. Шестаковъ. Въ 1913 году въ Казани вышли «на правахъ рукописи» «Лекціи по исторіи Византіи» профессора Казанскаго университета С. П. Шестакова; а въ 1915 году эти же лекціи напечатаны были 2-мъ изданіемъ, исправленнымъ и дополненнымъ (томъ 1-й); при чемъ, на заглавномъ листѣ «на правахъ рукописи» уже не стояло.

Лекціи Шестакова излагаютъ событія, начиная съ поступательнаго движенія варварскаго міра въ предѣлахъ западной и восточной половинъ Римской имперіи въ III—V вв. и кончая коронованіемъ Карла Великаго въ 800 году. Книга даетъ немало свѣдѣній, иногда неточныхъ, о внѣшнихъ дѣлахъ, внутренней жизни, историографіи и литературѣ предмета.

Вопросъ о постановкѣ византиновѣдѣнія въ Россіи. Давно и часто говорили, что русскимъ въ дѣлѣ изученія Византіи должно принадлежать первое мѣсто, такъ какъ Россія получила наибольшую часть византійскаго культурнаго наслѣдства, такъ какъ она ближе и вѣрнѣе другихъ государствъ и народовъ можетъ понять и оцѣнить явленія византійской жизни. Эта необходимость сознавалась многими наиболѣе выдающимися умами русской науки; но, къ сожалѣнію, вопросъ этотъ далѣе теоретическихъ разсужденій и платоническихъ пожеланій не шелъ.

Обоснованнымъ пессимизмомъ звучатъ слова **Θ. И. Успенскаго**, когда онъ пишетъ о современномъ состояніи вопроса объ изученіи Византіи въ Россіи: «Была пора, — и это не

такъ давно, — когда на русскихъ возлагались надежды, что они возьмутъ на себя всестороннюю разработку темы о византизмѣ и о культурномъ его значеніи и дадутъ разрѣшеніе занимавшей многихъ загадки. Но въ настоящее время, когда изученіемъ византійской исторіи и литературы усердно занимаются нѣмцы, французы, англичане, итальянцы и другіе народы, когда за границей появились спеціальныя научныя органы, посвященные византиновѣдѣнію, нами утрачено и, вѣроятно безповоротно, бывшее за нами право сказать новое слово въ этой области». Въ другомъ мѣстѣ Успенскій замѣчаетъ: «У насъ нѣтъ научной византійской школы и, повидимому, глоснуть и византійскія традиціи».

Дѣйствительно, Западная Европа, для которой византійскіе интересы должны были бы казаться болѣе далекими и чуждыми, чѣмъ намъ, раньше насъ поняла важность изученія Византіи. Починъ принадлежалъ Германіи, гдѣ въ 1892 году, въ Мюнхенѣ, была учреждена баварскимъ правительствомъ при университетѣ кафедра византійской филологіи, порученная покойному Карлу Крумбахеру. Въ 1907 году при парижскомъ университетѣ была также учреждена кафедра византійской исторіи; во главѣ которой всталъ нынѣ здравствующій французскій византинистъ Шарль Диль (Charles Diehl). Конечно, благодаря созданію двухъ такихъ очаговъ византиновѣдѣнія дѣло изученія Византіи пошло въ этихъ странахъ быстро впередъ, и въ семинаріяхъ обоихъ этихъ ученыхъ, прекрасно оборудованныхъ, особенно въ Мюнхенѣ, вспомогательными средствами въ видѣ прекрасно подобранныхъ спеціальныхъ библіотекъ, собранія діапозитивовъ съ памятниковъ искусства и фотографическихъ снимковъ съ рукописей, работали не только нѣмцы и французы, но и цѣлый рядъ пріѣзжающихъ иностранцевъ, въ томъ числѣ славянъ вообще и русскихъ въ частности. Въ 1906 году кафедра византійской филологіи была основана при римскомъ университетѣ, а въ 1907 году профессура по новогреческой филологіи была учреждена въ Лейденѣ (въ Голландіи).

Въ Россіи дѣло византиновѣдѣнія обстояло очень плохо. Въ университетахъ до послѣдняго времени исторія Византіи, приуроченная къ кафедрѣ всеобщей исторіи, не имѣла спеціальныхъ центровъ. Поэтому очень немногія лица, посвящавшія лишь часть своего времени изученію Византіи и обязанныя

главные общіе курсы читать по западно-европейской исторіи, не могли, конечно, отдаться вполне излюбленному дѣлу и создать то, что Россія нравственно давно должна была имѣть и что Западная Европа, какъ мы видѣли, уже имѣетъ, т. е. спеціальную отрасль византиновѣдѣнія въ обширномъ смыслѣ этого слова. Нуженъ былъ исключительный талантъ В. Г. Васильевскаго, который, работая при столь неблагоприятныхъ условіяхъ, смогъ оставить послѣ себя нѣсколькихъ византинистовъ: но работа послѣднихъ, въ смыслѣ близкихъ имъ византийскихъ интересовъ, гдѣ они могли бы принести посильную пользу, протекала въ очень тяжелыхъ условіяхъ.

Правда, въ 1900 году, въ Одессѣ была учреждена экстраординатура по византийской филологіи; но подобная, вызванная случайными обстоятельствами профессура, представитель которой, если только опъ не перейдетъ на другую кафедру, никогда не можетъ сдѣлаться ординарнымъ профессоромъ, конечно, задачи не рѣшала. Поэтому то немногое, что выходило въ Россіи по византиновѣдѣнію, было довольно случайнымъ, хотя въ научномъ отношеніи часто и представляло большую цѣнность. Не мало пользы принесли византийскимъ занятіямъ, особенно въ области изученія церковныхъ вопросовъ, работы Духовныхъ Академій. Основанный въ 1894 году Русскій Археологическій Институтъ въ Константинополѣ, имѣющій ближайшею своею задачею изученіе византийской археологіи и исторіи, также далъ много цѣннаго матеріала для византиновѣдѣнія въ своихъ «Извѣстіяхъ» (вышло 16 томовъ).

Въ настоящее время, при продолжающемся отсутствіи отдѣльной кафедры византиновѣдѣнія, въ обиходъ университетскаго преподаванія введена исторія Византіи въ видѣ отдѣльнаго предмета. Насколько мнѣ извѣстно, проектъ новаго университетскаго устава предусматриваетъ отдѣльную кафедру византиновѣдѣнія.

Спеціальные журналы. Общія пособія по праву, искусству и хронологіи. Первымъ спеціальнымъ органомъ по византиновѣдѣнію былъ нѣмецкій журналъ, издающійся съ 1892 года, «Византийскій Журналь» (*Byzantinische Zeitschrift*); въ немъ, помимо многочисленныхъ статей и рецензій на новыя книги и изданія, ведется подробная библіографія всего того, что появляется въ области византиновѣдѣнія; большое вниманіе

обращается на русскія и вообще славянскія издаванія. Основателемъ и первымъ редакторомъ журнала былъ уже извѣстный намъ мюнхенскій профессоръ Крумбахеръ. До 1914 года вышло двадцать два тома. Къ первымъ двѣнадцати томамъ въ 1909 году изданъ томъ превосходнаго аналитическаго указателя.

Съ 1894 года началъ издаваться при нашей Академіи Наукъ журналъ «Византійскій Временникъ», подъ редакціей В. Г. Васильевскаго и В. Э. Регеля, преслѣдующій одинаковыя съ нѣмецкимъ журналомъ задачи. Въ библиографическомъ отдѣлѣ особое вниманіе было обращено на славянскія страны и страны Христіанскаго Востока. До сихъ поръ вышло двадцать два тома (не напечатанъ еще шестнадцатый томъ, гдѣ предположенъ аналитическій указатель къ первымъ пятнадцати томамъ).

Съ 1909 года началъ выходить въ Аѳинахъ, на новогреческомъ языкѣ, также специальный журналъ по византиновѣдѣнію, издаваемый Аѳинскимъ Византіологическимъ Обществомъ подъ названіемъ «Византія» (Βύζαντις). Въ самое послѣднее время, а именно съ 1915 года, появился новый русскій органъ «Византійское Обзорѣніе», издаваемое при Историко-филологическомъ факультетѣ Императорскаго Юрьевскаго университета подъ редакціей В. Э. Регеля. Пока вышло два тома.

Кромѣ того, много работъ по византиновѣдѣнію появляется въ различныхъ неспеціальныхъ журналахъ, приблизительный перечень которыхъ можно найти, напримѣръ, въ «Очеркахъ по Исторіи Византіи» подъ редакціей В. Н. Бенешевича (Вып. IV, 1915, стр. 87).

Основной трудъ по византійскому праву принадлежитъ перу знаменитаго нѣмецкаго юриста Цахаріэ фонъ Лингенталю «Исторія греко-римскаго права» (Zachariae von Lingenthal. Geschichte des griechisch-römischen Rechts». 3-е изд. Берлинъ, 1892). Болѣе ранніе труды: французское сочиненіе Мортрейля «Исторія византійскаго права» (Mortreuil «Histoire du droit Byzantin». Три тома, Парижъ, 1843—1847); нѣмецкій очеркъ Геймбаха (E. Heimbach) въ Энциклопедіи Эрша и Грубера (Ersch-und Gruber'sche Enzyklopädie. Отдѣлъ I, часть 86, с. 191—471); Азаревичъ «Исторія византійскаго права» (двѣ части, Ярославль, 1876—1877).
чешь содержательный и обильно снабженный библиографіей

очеркъ данъ въ 1906 году итальянскимъ профессоромъ Л. Сицилиано (L. Siciliano) въ «Итальянской Юридической Энциклопедіи» (Enciclopedia Giuridica Italiana. T. IV, часть V, вып. 451 и 460).

Главные общіе труды по византійскому искусству слѣдующіе: Н. П. Кондаковъ «Исторія византійскаго искусства и иконографіи по миниатюрамъ греческихъ рукописей» (Одесса, 1876; атласъ, 1877. Французское переработанное изданіе въ двухъ томахъ. Парижъ, 1886 — 1891). Байэ «Византійское искусство» (Bayet «L'art byzantin». Парижъ, 1883, новое изд. 1904; есть русскій пер. Птр., 1888). Миллэ «Византійское искусство» (Millet «L'art byzantin») во французской «Исторіи искусства» Мишеля (A. Michel «Histoire de l'art». Парижъ, T. I, 1905, и т. III, 1908). Дилъ «Руководство по византійскому искусству» (Ch. Diehl «Manuel d'art byzantin». Парижъ, 1910). Дальтонъ «Византійское искусство и археологія» (O. M. Dalton «Byzantine art and archaeology». Оксфордъ, 1911).

Общіе труды по византійской хронологіи: Клинтонъ (H. F. Clinton) «Fasti Romani» (англ. изданіе. Два тома, Оксфордъ, 1845—1850; доводитъ византійскія событія лишь до смерти императора Ираклія въ 641 году). Муральтъ «Опытъ византійской хронографіи» (Murgalt, «Essai de chronographie Byzantine». Два тома. Петроградъ, 1855—1873). Эта книга охватываетъ всю византійскую исторію до 1453 года; пользоваться ею надо съ большою осторожностью. Новая обработка византійской хронологіи является одной изъ насущнѣйшихъ задачъ современной византологіи.

Библиографическія свѣдѣнія общаго характера по другимъ отраслямъ византиновѣдѣнія, напр., по нумизматикѣ, сигиллографіи, т. е. изученію византійскихъ печатей, папирологіи и т. д., можно найти въ «Исторіи византійской литературы» Крумбахера и въ отдѣлѣ библиографіи специальныхъ византійскихъ журналовъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Восточная имперія въ IV вѣкѣ.

Константинъ Великій и христіанство. Культурный и религиозный кризисъ, который Римская имперія переживала въ IV вѣкѣ, является однимъ изъ самыхъ важныхъ моментовъ, какіе когда либо переживала всемірная исторія. Древняя языческая культура столкнулась съ христіанствомъ, которое, будучи признано Константиномъ Великимъ въ началѣ IV вѣка, было объявлено въ концѣ того же вѣка Θεодосіемъ Великимъ религіей господствующей, религіей государственной. Могло казаться, что эти два столкнувшіеся элемента, исходя изъ совершенно противоположныхъ точекъ зрѣнія, никогда не смогутъ найти путей для соглашенія и будутъ исключать другъ друга. Однако, дѣйствительность показала иное. Христіанство и языческій эллинизмъ слились, мало-по-малу, въ одно цѣлое и создали христіанско-греко-восточную культуру, которая и получила названіе византійской культуры. Центромъ послѣдней сдѣлалась новая столица Римской имперіи—Константинополь.

Главное значеніе въ дѣлѣ созданія новаго положенія вещей въ имперіи принадлежитъ Константину Великому. Приемъ христіанство впервые стало на твердую почву официалнаго признанія; съ него прежняя языческая имперія стала превращаться въ имперію христіанскую.

Обычно, обращеніе народовъ или государствъ въ христіанство происходило въ исторіи на первыхъ шагахъ ихъ исторической жизни, ихъ государственнаго бытія, когда прошлое такихъ народовъ не создало еще твердыхъ, установившихся основъ, или создало нѣкоторыя основы въ грубыхъ, примитивныхъ образахъ и формахъ. Переходъ въ подобномъ случаѣ отъ грубаго язычества къ христіанству не могъ пораждать въ народѣ или государствѣ глубокаго кризиса. Не то пред-

ставлялъ собою IV-й вѣкъ въ исторіи Римской имперіи. Имперія, обладавшая многовѣковою міровою культурою, достигшая совершенныхъ для своего времени формъ государственности, имѣвшая, такимъ образомъ, за собою великое прошлое, съ идеями и воззрѣніями котораго населеніе сжилось и сроднилось, — эта имперія, претворяясь въ IV вѣкѣ въ государство христіанское, т. е. вступая на путь противорѣчія съ прошлымъ, а иногда и полного его отрицанія, должна была пережить въ высшей степени острый и тяжелый кризисъ. Очевидно, древній языческій міръ, по крайней мѣрѣ въ области религіозной, болѣе уже не удовлетворялъ народныхъ потребностей. Народились новые запросы, новыя желанія, которые, въ силу цѣлаго ряда сложныхъ и многообразныхъ причинъ, смогло удовлетворить христіанство.

Если съ моментомъ подобнаго исключительнаго по своей важности кризиса связывается какое-либо историческое лицо, сыгравшее въ немъ выдающуюся роль, то въ исторической наукѣ по вопросу о немъ, конечно, появляется цѣлая литература, стремящаяся оцѣнить значеніе этого лица въ данный періодъ времени и проникнуть въ тайники его духовной жизни. Для IV-го вѣка такимъ лицомъ явился Константинъ Великій, создавшій уже давно громадную литературу, которая въ последнее время еще болѣе увеличилась въ связи съ празднованіемъ въ 1913 году 1600-лѣтней годовщины изданія знаменитаго Миланскаго эдикта.

Константинъ принадлежалъ по своему отцу Констанцію Хлору къ знатному дарданскому роду (Дарданія — область на мѣстѣ части современной Сербіи по р. Моравѣ) и родился въ г. Наиссѣ (совр. Нишѣ). Когда въ 305 году Діоклетіанъ и Максиміанъ, согласно установленному ими положенію, сложили съ себя императорское званіе и удалились въ частную жизнь, августами сдѣлались Галерій на Востокѣ и Константинъ; отецъ Константина, на Западѣ. Но въ слѣдующемъ году Константинъ умеръ въ Британіи, и подчиненныя ему войска провозгласили его сына Константина августомъ. Въ это время противъ Галерія вспыхнуло неудовольствіе въ Римѣ, гдѣ возставшія населеніе и войско провозгласили императоромъ, вмѣсто Галерія, Максенція, сына сложившаго съ себя императорскія полномочія Максиміана. Къ сыну присоединился престарѣлый Максиміанъ, принявшій снова императорскій санъ.

Настала эпоха междоусобной войны, во время которой умерли Максиміанъ и Галерій. Наконецъ, Константинъ, соединившись съ однимъ изъ новыхъ августовъ Лициніемъ, разбилъ въ рѣшительной битвѣ недалеко отъ Рима Максенція, который во время бѣгства утонулъ въ Тибрѣ. Оба императора-побѣдители, Константинъ и Лициній, съѣхались въ Миланъ, гдѣ и обнародовали знаменитый Миланскій эдиктъ, о которомъ рѣчь будетъ ниже. Согласіе между императорами продолжалось, однако, недолго. Между ними возгорѣлась борьба, которая привела къ полной побѣдѣ Константина. Въ 324 году Лициній былъ убитъ, и Константинъ сталъ единодержавнымъ государемъ Римской имперіи.

Двумя событіями изъ времени правленія Константина, имѣвшими первостепенное значеніе для всей послѣдующей исторіи, являются официальное признаніе христіанства и перенесеніе столицы съ береговъ Тибра на берега Босфора, изъ древняго Рима въ «Новый Римъ», т. е. Константинополь.

При изученіи положенія христіанства въ эпоху Константина изслѣдователи обращали особенное вниманіе на два вопроса: на «обращеніе» Константина и на Миланскій эдиктъ.

«Обращеніе» Константина. Въ «обращеніи» Константина историковъ и богослововъ особенно интересовалъ вопросъ о причинахъ «обращенія». Почему Константинъ склонился въ пользу христіанства? Должно ли въ данномъ случаѣ видѣть лишь актъ политической мудрости Константина, который разсматривалъ христіанство, какъ одно изъ средствъ для достиженія его политическихъ цѣлей, ничего общаго съ христіанствомъ не имѣвшихъ? Или Константинъ перешелъ на сторону христіанства путемъ внутренняго убѣжденія? Или, наконецъ, въ процессѣ «обращенія» Константина на него оказывали вліяніе какъ политическіе мотивы, такъ и его внутреннія, склонявшіяся къ христіанству убѣжденія?

Главное затрудненіе въ рѣшеніи этого вопроса заключается въ тѣхъ противорѣчивыхъ свѣдѣніяхъ, которыя оставили намъ въ данной области источники. Константинъ въ изображеніи христіанскаго писателя епископа Евсевія, напримѣръ, совершенно непохожъ на Константина подъ перомъ языческаго писателя Зосима. Поэтому историки, работая надъ Константиномъ, находили богатую почву для привнесенія въ данный запутанный вопросъ своихъ предвзятыхъ точекъ зрѣнія. Французскій исто-

рикъ Буассье (G. Boissier) въ своемъ сочиненіи «Наденіе язычества» пишетъ: «Къ несчастью, когда мы имѣемъ дѣло съ великими людьми, которые играютъ первыя роли въ исторіи, и пытаемся изучить ихъ жизнь и отдать себѣ отчетъ въ ихъ образѣ дѣйствій, то мы съ трудомъ удовлетворяемся самыми естественными объясненіями. Такъ какъ они имѣютъ репутацію людей необыкновенныхъ, то мы никогда не хотимъ вѣрить, чтобы они дѣйствовали такъ же, какъ всѣ. Мы ищемъ скрытыхъ причинъ для самыхъ простыхъ ихъ дѣйствій, приписываемъ имъ утонченность соображеній, глубокомысліе, вѣроломство, о которыхъ они и не помышляли. Это и случилось съ Константиномъ; заранѣе составилось такое убѣжденіе, что этотъ ловкій политикъ захотѣлъ насъ обмануть, что, чѣмъ съ бѣльшимъ жаромъ онъ предавался дѣламъ вѣры и объявлялъ себя искренно вѣрующимъ, тѣмъ болѣе пытались предполагать, что онъ былъ индифферентистъ, скептикъ, который, въ сущности, не заботился ни о какомъ культѣ и который предпочиталъ тотъ культъ, изъ котораго онъ думалъ извлечь наиболѣе выгодъ».

Въ теченіе долгаго времени большое вліяніе оказывали на мнѣніе о Константинѣ скептическія сужденія извѣстнаго нѣмецкаго историка Якова Буркгардта, высказанныя въ его блестяще написанномъ сочиненіи «Время Константина Великаго» (1-е изд. въ 1853 г.). Въ его представленіи Константинъ, геніальный человѣкъ, охваченный честолюбіемъ и стремленіемъ къ власти, приносилъ въ жертву все для исполненія своихъ міровыхъ плановъ. «Часто пытаются, — пишетъ Буркгардтъ, — проникнуть въ религіозное сознаніе Константина и начертать картину предполагаемыхъ измѣненій въ его религіозныхъ воззрѣніяхъ. Это — совершенно напрасный трудъ. Относительно геніальнаго человѣка, которому честолюбіе и жажда власти не оставляютъ спокойнаго часа, не можетъ быть и рѣчи о христіанствѣ и язычествѣ, о сознательной религіозности или нерелигіозности; такой человѣкъ по существу совершенно безрелигіозенъ (unreligiös)... Если онъ, хотя одно мгновеніе, подумаетъ о своемъ истинномъ религіозномъ сознаніи, то это будетъ фатализмъ». Этотъ «убійственный эгоистъ», понявъ, что въ христіанствѣ заключается міровая сила, пользовался имъ именно съ этой точки зрѣнія, въ чемъ заключается великая заслуга Константина. Но послѣдній да-

валь опредѣленные гарантіи и язычеству. Какой либо системы у этого непослѣдовательнаго челоуѣка напрасно было бы искать; была лишь случайность. Константинъ — «эгоистъ въ пурпуровомъ одѣяніи, который все, что дѣлаетъ и допускаетъ, направляетъ къ возвышенію своей собственной власти». Сочиненіе Евсевія «Жизнеописаніе Константина», являющееся однимъ изъ главныхъ источниковъ для его исторіи, совершенно недостоуѣрно. Вотъ въ немногихъ словахъ сужденіе Бурггардта о Константинѣ, не оставлявшее, какъ видно, никакого мѣста для религіознаго обращенія императора.

Исходя изъ другихъ основаній, нѣмецкій богословъ Гарнакъ въ своемъ изслѣдованіи «Проповѣдь и распространеніе христіанства въ первые три вѣка» (1-е изд. въ 1892 г.; 2-е изд. въ 1906 г.) приходитъ къ аналогичнымъ выводамъ. Изучивъ положеніе христіанства въ отдѣльныхъ провинціяхъ имперіи и признавая невозможность опредѣлить число христіанъ въ точныхъ цифрахъ, Гарнакъ заключаетъ, что христіане, будучи къ IV вѣку уже довольно многочисленными и представляя собою значительный факторъ въ государствѣ, тѣмъ не менѣе не составляли еще большинства населенія. Но, по замѣчанію Гарнака, численная сила и вліяніе не вездѣ совпадаютъ другъ съ другомъ: меньшее число можетъ пользоваться очень сильнымъ вліяніемъ, если оно опирается на руководящія классы, и большое число можетъ мало значить, если оно состоитъ изъ низшихъ слоевъ общества или, главнымъ образомъ, изъ сельскаго населенія. Христіанство было городскою религіей: чѣмъ больше городъ, тѣмъ крупнѣе — вѣроятно также относительно — число христіанъ. Это было необычайнымъ преимуществомъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ христіанство проникло въ большомъ числѣ провинцій уже глубоко и въ деревню: это точно мы знаемъ относительно большинства малоазіатскихъ провинцій и далѣе относительно Арменіи, Сиріи и Египта, относительно части Палестины и также сѣверной Африки. Раздѣливъ всѣ провинціи имперіи на четыре разряда по степени большаго или меньшаго распространенія въ нихъ христіанства, и разсмотрѣвъ данный вопросъ въ каждомъ изъ четырехъ разрядовъ. Гарнакъ приходитъ къ заключенію, что главный центръ христіанской церкви въ началѣ IV вѣка былъ въ Малой Азіи. Константинъ до своего отъѣзда въ Галлію много лѣтъ жилъ въ Никомидіи при дворѣ Діоклетіана. Малоазіатскія впечатлѣ-

нія сопровождали его въ Галлію и превратились въ рядъ политическихъ соображеній, которыя привели къ рѣшительнымъ заключеніямъ: онъ могъ опереться на твердые и сильные церковь и епископаты. Праздный вопросъ о томъ, одержала ли бы побѣду церковь безъ Константина. Какой либо Константинъ долженъ былъ бы придти; только съ каждымъ десятилѣтіемъ становилось бы легче быть тѣмъ Константиномъ. Во всякомъ случаѣ, побѣда христіанства во всей Малой Азіи была уже рѣшена до времени Константина; въ другихъ же областяхъ она была хорошо подготовлена. Не было нужды ни въ какомъ особенномъ озареніи, ни въ какомъ небесномъ призывѣ къ войнѣ, чтобы осуществить на дѣлѣ то, что уже было готово. Нуженъ былъ только проницательный и сильный политикъ, который бы въ тоже время имѣлъ внутреннее влеченіе къ религіознымъ переживаніямъ. Такимъ человекомъ былъ Константинъ. Его геніальностью было ясное распознаніе и вѣрное пониманіе того, что должно было случиться.

Какъ видно, въ представленіи Гарнака Константинъ является только геніальнымъ политикомъ. Конечно, статистическій методъ для того времени, даже и весьма относительный, почти невозможенъ. Но тѣмъ не менѣе, теперь наиболѣе серьезные ученые признаютъ, что при Константинѣ язычество являлось преобладающимъ элементомъ въ обществѣ и правительствѣ и что христіанъ было меньшинство. По вычисленіямъ проф. Болотова и нѣкоторыхъ другихъ, «можетъ быть, ко времени Константина христіанское населеніе равнялось $\frac{1}{10}$ всего населенія; но, можетъ быть, и эту цифру нужно понизить. Всякое же представленіе, что христіанъ было болѣе 10% въ массѣ населенія, будетъ рискованнымъ». Въ настоящее время меньшинство христіанъ въ имперіи при Константинѣ признано почти всѣми. Если же это такъ, то политическая теорія въ ея чистомъ видѣ относительно Константина и христіанства должна отпасть. Политикъ не могъ строить свои обширные планы, опираясь на $\frac{1}{10}$ населенія, которая, какъ извѣстно, даже не вмѣшивалась въ политику.

Въ представленіи французскаго историка Дюрюи (Duruy), автора «Исторіи римлянъ», находившагося подъ нѣкоторымъ вліяніемъ Буркгардта, появляется при оцѣнкѣ дѣятельности Константина и религіозная сторона въ видѣ «честнаго и спокойнаго деизма, который образовывалъ его религію». По сло-

вамъ Дюрюи, Константинъ «рано понялъ, что христіанство по своему основному ученію соотвѣтствовало его собственной вѣрѣ въ единого Бога». Но несмотря на это, политика у Константина играла преобладающую роль. «Подобно Бонапарту, старавшемуся примирить церковь и революцію, — пишетъ Дюрюи, — Константинъ задался цѣлью заставить жить въ мирѣ, одинъ рядомъ съ другимъ, старый и новый режимъ, благопріятствуя, однако, послѣднему. Онъ понялъ, въ какую сторону шель міръ, и помогаль этому движенію, не ускоряя его. Слава этого государя заключается въ томъ, что онъ оправдалъ названіе, которое начерталь на своей триумфальной аркѣ: *quietis custos* (стражъ покоя)... Мы попытались, кончаетъ Дюрюи, — проникнуть до глубины души Константина и нашли въ ней скорѣе политику, чѣмъ религію». Въ другомъ мѣстѣ, разбирая значеніе Евсевія, какъ историка Константина, Дюрюи замѣчаетъ: «Константинъ Евсевія видѣлъ часто, между небомъ и землей, вещи, которыя никто никогда не замѣчалъ».

Но большинство историковъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, полагають, что Константинъ перешель на сторону христіанства по убѣжденію. Буассье, напримѣръ, замѣчаетъ, что бросаться въ тѣ времена въ руки христіанъ, которые составляли меньшинство и политической роли не играли, было бы для Константина, какъ политика, испытывать неизвѣстное; если же онъ перемѣнилъ религію не ради интереса, то надо признать, что онъ это сдѣлаль по убѣжденію. Итакъ, большинство ученыхъ стоитъ за искреннее и убѣжденное «обращеніе» Константина. Но, конечно, въ этомъ «обращеніи» Константина нельзя видѣть его дѣйствительнаго обращенія въ христіанство, которое онъ принялъ, какъ извѣстно, въ годъ смерти. Въ теченіе всего своего правленія онъ оставался «*pontifex maximus*»; воскресный день онъ иначе не называль, какъ «день солнца» (*dies solis*); а подъ «непобѣдимымъ солнцемъ» (*sol invictus*), обычно, разумѣли тогда персидскаго бога Митру, культъ котораго пользовался громаднымъ распространеніемъ на всемъ протяженіи имперіи, какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ, и временами являлся серьезнымъ соперникомъ христіанству. Извѣстно, что Константинъ былъ сторонникомъ культа солнца; но какое божество въ частности почиталь онъ подъ этимъ названіемъ, въ точности неизвѣстно; можетъ быть, это былъ Аполлонъ.

Признавая фактъ искренняго тяготѣнія Константина къ

христіанству, нельзя совершенно оставлять безъ вниманія и его политическіе планы; послѣдніе также должны были сыграть роль въ его отношеніяхъ къ христіанству, которое во многомъ могло ему помочь. Но, во всякомъ случаѣ, не политическіе планы явились причиною обращенія Константина; послѣдній обратился къ христіанству въ силу внутренняго убѣжденія, возникшаго и окрѣпшаго не подъ вліяніемъ политики. Въ томъ то и заключается геніальность Константина, что онъ, самъ искренно сочувствуя христіанству, понялъ, что въ будущемъ оно будетъ главнымъ объединяющимъ элементомъ разноплеменной имперіи. «Онъ хотѣлъ, — какъ пишетъ кн. Е. Трубецкой, — скрѣпить единое государство посредствомъ единой церкви».

Обращеніе Константина связывается съ извѣстнымъ разсказомъ о явленіи на небѣ креста во время борьбы Константина съ Максенціемъ, т. е. для объясненія причинъ обращенія вводится элементъ чуда. Однако, источники объ этомъ вызываютъ большія несогласія. Древнѣйшее свидѣтельство о чудесномъ знаменіи принадлежитъ христіанскому современнику Константина Лактанцію, который въ своемъ сочиненіи «О смерти гонителей» (*De mortibus persecutorum*) говоритъ лишь о полученномъ Константиномъ во время сна вразумленія, чтобы онъ изобразилъ на щитахъ небесное знаменіе Христа (*coeleste signum Dei*). О дѣйствительномъ же небесномъ знаменіи, которое будто бы видѣлъ Константинъ, у Лактанція не говорится ни слова.

Другой современникъ Константина, Евсевій Кесарійскій, дважды говоритъ о побѣдѣ его надъ Максенціемъ. Въ болѣе раннемъ произведеніи, въ «Церковной исторіи», Евсевій лишь замѣчаетъ, что Константинъ, идя на защиту Рима, «призвалъ въ молитвѣ въ союзники Бога небеснаго и Его Слово, Спасителя всѣхъ, Іисуса Христа». Какъ видно, ни о снѣ, ни о какихъ знакахъ на щитахъ здѣсь не говорится. Наконецъ, тотъ же Евсевій въ другомъ своемъ произведеніи, написанномъ лѣтъ двадцать пять послѣ побѣды надъ Максенціемъ, а именно въ «Жизнеописаніи Константина», даетъ, со словъ самого императора, клятвенно подтвердившаго свое сообщеніе, извѣстный разсказъ о томъ, будто Константинъ во время похода увидѣлъ надъ солнцемъ знаменіе креста съ надписью: «симъ побѣждай» (*τοῦτο νικά*). Ужасъ объялъ его и войско. Въ ближайшую

ночь явившійся Константину во снѣ Христосъ съ крестомъ повелѣлъ сдѣлать подобіе его и съ такимъ знаменіемъ выступить противъ враговъ. Утромъ императоръ разсказалъ о чудесномъ сновидѣніи, призвалъ мастеровъ и, описавъ имъ видъ явленнаго знаменія, приказалъ приготовить подобное знамя, извѣстное подъ названіемъ *labarum*. Происхожденіе этого слова спорно; теперь многіе думаютъ, что оно заимствовано изъ языка живущаго въ Пиренеяхъ народа басковъ и обозначаетъ «знамя». Лабарумъ представлялъ собою продолговатый крестъ, съ поперечной рей котораго спускался вышитый золотомъ и украшенный драгоценными камнями кусокъ шелковой ткани съ изображеніями Константина и его сыновей; на вершинѣ креста былъ прикрѣпленъ золотой вѣнокъ, внутри котораго была монограмма Христа. Со времени Константина *labarum* сдѣлался знаменемъ Византійской имперіи. Упоминанія о явившемся Константину «богознаменіи» или о видѣнныхъ на небѣ войскахъ, посланныхъ Богомъ ему на помощь, можно найти и у другихъ писателей. Извѣстія по данному вопросу настолько сбивчивы и противорѣчивы, что не могутъ быть въ должной мѣрѣ исторически оцѣнены. Нѣкоторые даже думаютъ, что разсказанное событіе имѣло мѣсто не во время похода противъ Максенція, а еще до выступленія Константина изъ Галліи.

Миланскій эдиктъ. Во время Константина Великаго христіанство получило законное право на существованіе и дальнѣйшее развитіе. Первый указъ въ пользу христіанства вышелъ изъ рукъ одного изъ самыхъ свирѣпыхъ его гонителей, а именно Галерія. Послѣдній въ 311 году издалъ указъ, на основаніи котораго христіане, получая прощеніе за свое прежнее упорство въ борьбѣ съ правительственными распоряженіями, имѣвшими цѣлью вернуть христіанъ къ язычеству, вмѣстѣ съ тѣмъ признавались имѣющими законное право на существованіе. Указъ Галерія объявлялъ: «Пусть снова будутъ христіане, пусть они составляютъ свои собранія, лишь бы не нарушали порядка! За эту нашу милость они должны молить своего Бога о благоденствіи нашемъ, нашего государства и о своемъ собственномъ».

Черезъ два года, послѣ побѣды надъ Максенціемъ Константинъ и вступившій съ нимъ въ соглашеніе Лициній сошлись въ Миланѣ и, обсудивъ положеніе дѣлъ въ имперіи,

издали интереснѣйшій документъ, который, можетъ быть, не совсѣмъ правильно называется Миланскимъ эдиктомъ. Самый текстъ документа до насъ не дошелъ. Но онъ сохранился у христіанскаго писателя Лактанція въ формѣ написаннаго полатыни рескрипта Лицинія, даннаго на имя префекта Никомидіи. Греческій же переводъ латинскаго оригинала помѣщенъ Евсевіемъ въ его «Церковной исторіи».

Вопросъ объ отношеніи между текстами Лактанція и Евсевія и недошедшимъ до насъ оригинальнымъ текстомъ самого Миланскаго эдикта имѣетъ длинную литературу, не приведшую пока ни къ какимъ окончательнымъ выводамъ.

На основаніи этого указа христіанамъ и всѣмъ другимъ предоставлялась полная свобода слѣдовать той вѣрѣ, какой кто пожелаетъ; всякія мѣропріятія, направленные противъ христіанъ, устранялись. «Отнынѣ—объявляетъ указъ—всякій, кто хочетъ соблюдать христіанскую вѣру, пусть соблюдаетъ ее свободно и искренно, безъ всякаго безпокойства и затрудненія. Мы заблагоразсудили объявить это твоей попечительности (т. е. префекту Никомидіи) какъ можно обстоятельнѣе, чтобы ты зналъ, что мы предоставили христіанамъ полное и неограниченное право почитать свою вѣру. Если это мы разрѣшили имъ, то твоей свѣтлости должно быть понятно, что вмѣстѣ съ этимъ и для другихъ предоставляется открытое и свободное право, ради спокойствія нашего времени, соблюдать свои обычаи и свою вѣру, чтобы всякій пользовался свободой почитать то, что избралъ. Такъ опредѣлено нами съ тою цѣлью, чтобы не казалось, будто мы хотимъ унижить чье-либо достоинство или вѣру». Этотъ же указъ повелѣвалъ возвратить христіанамъ безвозмездно и безпрекословно отобранныя у нихъ частныя зданія и церкви.

На основаніи даннаго текста Миланскаго эдикта надо придти къ заключенію, что Константинъ призналъ христіанство религіей равноправной съ другими религіями, значить и съ язычествомъ. Для времени Константина о торжествѣ христіанства говорить еще нельзя; его лишь можно предчувствовать. Христіанство казалось Константину совмѣстимымъ съ язычествомъ. Великое значеніе акта Константина заключается въ томъ, что онъ позволилъ христіанству не только жить, но и взять его подъ защиту государства. Это былъ важнѣйшій моментъ въ исторіи ранняго христіанства. Миланскій эдиктъ,

такимъ образомъ, не даетъ права говорить, какъ утверждаютъ нѣкоторые историки, о томъ, что при Константинѣ христіанство было поставлено во главѣ всѣхъ другихъ религій, которыя признавались лишь терпимыми (А. Лебедевъ), и что Миланскій эдиктъ не толерантность установилъ, а провозгласилъ господство христіанства (Н. Гроссу).

Въ 1891 году нѣмецкій ученый Зеекъ (Seeck) выступилъ съ утвержденіемъ, что Миланскаго эдикта или указа никогда и не существовало, а былъ лишь одинъ уже извѣстный намъ эдиктъ Галерія 311 года. Но современная историческая наука взгляда Зеека не раздѣляетъ.

Итакъ, когда поднимается, на основаніи Миланскаго эдикта, вопросъ о равноправіи или господствѣ христіанства при Константинѣ Великомъ, то приходится рѣшать этотъ вопросъ въ пользу равноправія.

Совершенно правъ проф. Бриллиантовъ, который въ своей недавней прекрасной работѣ «Императоръ Константинъ Великій и Миланскій эдиктъ 313 года» пишетъ: «Въ дѣйствительности, и безъ ненужнаго преувеличенія остается несомнѣннымъ важное значеніе Миланскаго эдикта, какъ акта, положившаго рѣшительный конецъ безправному положенію христіанъ въ имперіи и вмѣстѣ съ этимъ, черезъ объявленіе полной религіозной свободы, низведшаго язычество *de jure* изъ прежняго положенія единой государственной религіи въ рядъ всѣхъ другихъ религій».

Но Константинъ не удовольствовался лишь дарованіемъ христіанству равноправія, какъ опредѣленному религіозному ученію.

Духовенство (клирики-*clerici*) освобождалось при немъ, подобно языческимъ жрецамъ, отъ несенія государственныхъ податей и повинностей, отъ всякаго занятія должностей, которыя могли бы отвлекать клириковъ отъ выполненія ихъ духовныхъ обязанностей (право иммунитета). Каждый человѣкъ имѣлъ право дѣлать завѣщаніе въ пользу церкви, за которою этимъ самымъ признавалось пассивное наследственное право. Такимъ образомъ, одновременно съ объявленіемъ религіозной свободы христіанскія общины стали признаваться за юридическія лица; а послѣднее обстоятельство создавало для христіанства совершенно новое положеніе въ юридическомъ отношеніи.

Очень важныя привилегіи были даны епископскимъ судамъ.

Всякій человекъ имѣлъ право, по соглашенію съ противною стороною, переносить любое гражданское дѣло на епископскій судъ, хотя бы дѣло въ гражданскомъ судѣ и было уже начато. Въ концѣ правленія Константина компетенція епископскихъ судовъ была еще болѣе расширена: 1) рѣшенія епископовъ должны были признаваться окончательными по дѣламъ лицъ всякаго возраста; 2) всякое гражданское дѣло могло быть перенесено въ епископскій судъ въ любой стадіи процесса и даже при нежеланіи противной стороны; 3) приговоры епископскихъ судовъ должны утверждаться свѣтскими судьями. Подобныя судебныя привилегіи епископовъ, возвышая ихъ авторитетъ въ глазахъ общества, въ тоже время являлись для нихъ тяжелымъ бременемъ, такъ какъ создавали не мало осложнений; претерпѣвшая сторона въ силу безапелляціонности епископскаго приговора, который не всегда могъ быть и правильнымъ, сохраняла въ себѣ чувство раздраженія и недовольства. Къ тому же, привлеченіе епископовъ къ исполненію свѣтскихъ функцій вносило въ ихъ среду чрезвычайно много мірскихъ интересовъ.

Затѣмъ, церковь пользовалась богатыми приношеніями изъ государственныхъ средствъ, въ видѣ земельныхъ участковъ, денежныхъ и хлѣбныхъ выдачъ. Христіане не могли быть принуждаемы къ участию въ языческихъ празднествахъ. Подъ вліяніемъ христіанства были введены нѣкоторыя смягченія въ наказаніяхъ.

Аріанство и первый Вселенскій соборъ. При создавшихся новыхъ условіяхъ церковной жизни въ началѣ IV вѣка христіанская церковь переживала время напряженной дѣятельности, которая особенно ярко выражается въ области догматики. Догматическими вопросами въ IV вѣкѣ занимались уже не отдѣльныя лица, какъ то было въ III вѣкѣ, напр. Тертуліанъ или Оригенъ, но цѣлыя многочисленныя по составу партіи, прекрасно организованныя.

Соборы въ IV вѣкѣ становятся обычнымъ явленіемъ, и въ нихъ усматривается единственное средство для разрѣшенія спорныхъ церковныхъ вопросовъ.

Но уже въ соборномъ движеніи IV вѣка замѣчается новая, въ высшей степени важная черта для всей послѣдующей исторіи отношеній между духовной и свѣтской властью, между церковью и государствомъ. Начиная съ Константина Великаго,

государственная власть вмѣшивается въ догматическія движенія и направляетъ ихъ по своему усмотрѣнію. Въ послѣднемъ случаѣ далеко не всегда государственные интересы совпадали съ интересами церковными.

Уже давно главнымъ культурнымъ центромъ Востока была египетская Александрія, гдѣ умственная жизнь была могучимъ ключомъ. Совершенно естественно, что и новыя догматическія движенія развились въ той же Александріи, которая съ конца II вѣка «сдѣлалась, по словамъ проф. А. Спасскаго, центромъ богословскаго развитія Востока и приобрѣла въ христіанскомъ мірѣ особую славу, — славу церкви философской, въ которой никогда не ослабѣвали интересы къ изученію высшихъ вопросовъ вѣры и знанія». Изъ Александріи и вышло аріанство, самое важное еретическое ученіе эпохи Константина.

Основателемъ аріанства былъ александрійскій священникъ Аріи, первый высказавшій открыто мысль о томъ, что Сынъ Божій созданъ, сотворенъ. Это и составило сущность аріанской ереси. Ученіе Арія получило быстрое распространеніе не только въ Египтѣ, но и за его предѣлами. На сторону Арія перешли Евсевій, епископъ кесарійскій, и Евсевій, епископъ никоидійскій. Не смотря на старанія единомышленниковъ Арія, епископъ александрійскій Александръ отказывалъ Арію въ общеніи. Попытки успокоить взволнованную церковь, предпринятія мѣстными средствами, не привели къ желанному результату.

Константинъ, только что побѣдившій Лицинія и сдѣлавшійся единодержавнымъ государемъ, прибылъ въ 324 году въ Никомидію, гдѣ и получилъ цѣлый рядъ жалобъ какъ со стороны противниковъ Арія, такъ и его сторонниковъ. Желая прежде всего сохранить церковный миръ въ государствѣ и не отдавая себѣ отчета въ важности происходившей догматической распри, императоръ обратился съ письмомъ къ Александру александрійскому и Арію, гдѣ убѣждалъ ихъ примириться, взявъ примѣръ съ философовъ, которые, хотя и спорятъ между собою, но уживаются мирно; примириться же имъ легко, такъ какъ оба признаютъ Божественное провидѣніе и Иисуса Христа. «Возвратите же мнѣ мирные дни и спокойныя ночи, — пишетъ въ посланіи Константинъ, — дайте и мнѣ насладиться безмятежною жизнью».

Съ письмомъ Константинъ отправилъ въ Александрію одного

изъ самыхъ довѣренныхъ лицъ, епископа кордубскаго (въ Испаніи) Осію, который, передавъ письмо и разобравъ дѣло на мѣстѣ, по своему возвращеніи разъяснилъ императору всю важность аріанскаго движенія. Тогда Константинъ рѣшилъ созвать соборъ.

Первый вселенскій соборъ былъ созванъ императорскими грамотами въ 325 году въ виоинскомъ городѣ Никей. Число пріѣхавшихъ членовъ собора въ точности неизвѣстно; обычно число никейскихъ отцовъ опредѣляется въ 318 человекъ. Большинство состояло изъ восточныхъ епископовъ. Престарѣлый римскій епископъ прислалъ вмѣсто себя двухъ пресвитеровъ. Изъ дѣлъ, предназначенныхъ для разбора на соборѣ, самымъ важнымъ былъ вопросъ объ аріанскомъ спорѣ. На соборѣ предсѣдательствовали императоръ, который даже руководилъ преніями.

Дѣянія (акты) никейскаго собора не сохранились. Нѣкоторые даже сомнѣваются, составлялись ли вообще протоколы собора. Свѣдѣнія о немъ дошли до насъ въ сочиненіяхъ участниковъ собора и у историковъ. Послѣ жаркихъ споровъ соборъ осудилъ ересь Арія и, послѣ нѣкоторыхъ поправокъ и дополненій, принялъ символъ вѣры, въ которомъ, вопреки ученію Арія, Иисусъ Христосъ признавался Сыномъ Божиимъ, несотвореннымъ, единосущнымъ Отцу.

Съ особымъ рвеніемъ и большимъ искусствомъ возставалъ противъ Арія архидіаконъ александрійской церкви, Аѳанасій. Никейскій символъ подписали многіе изъ аріанскихъ епископовъ. Наиболе же упорные изъ нихъ, въ томъ числѣ и самъ Арій, подверглись изгнанію и заточенію. Соборъ, рѣшивъ другіе намѣченные вопросы, разошелся. Торжественное соборное посланіе возвѣстило всѣмъ общинамъ о наступившемъ церковномъ согласіи и мирѣ. Константинъ писалъ: «Что ни злоумышлялъ противъ насъ діаволь, все (теперь) уничтожено въ самомъ основаніи; двоедушіе, расколы, смуты, смертельный ядъ, такъ сказать, несогласія—все это, по велѣнію Божію, побѣдилъ свѣтъ истины».

Дѣйствительность не оправдала этихъ радужныхъ надеждъ. Никейскій соборъ своимъ осужденіемъ аріанства не только не положилъ конца аріанскимъ спорамъ, но даже явился причиною новыхъ движеній и осложненій. Въ настроеніи самого Константина замѣчается совершенно опредѣленная пе-

ремѣна въ пользу аріанъ. Черезъ три года послѣ собора изъ ссылки были возвращены Аріи и его наиболѣе ревностные приверженцы; вмѣсто нихъ въ ссылку направлены наиболѣе видные защитники никейскаго символа. Если никейскій символъ не былъ оффиціально отвергнутъ и осужденъ, то онъ былъ сознательно забытъ и отчасти замѣненъ иными формулами.

Трудно съ точностью выяснитъ, какимъ образомъ создавалась упорная оппозиція никейскому собору и чѣмъ была вызвана перемѣна въ настроеніи самого Константина. Можетъ быть, въ числѣ различныхъ даваемыхъ объясненій этому изъ области придворныхъ вліяній, интимныхъ семейныхъ отношеній и т. д., надо выдѣлить одно объясненіе, а именно, что Константинъ, приступивъ къ рѣшенію аріанскаго вопроса, не былъ знакомъ съ религіознымъ настроеніемъ Востока, который въ своей большей части сочувствовалъ аріанству; самъ императоръ, наученный вѣрѣ Западомъ и находившійся подъ вліяніемъ своихъ западныхъ руководителей, напр. Осія, епископа кордубскаго, выработалъ въ этомъ смыслѣ и никейскій символъ, не подходившій къ Востоку. Понявъ, что на Востокѣ никейскія опредѣленія шли въ разрѣзъ съ настроеніемъ церковнаго большинства и съ желаніями массы, Константинъ и сталъ склоняться къ аріанству.

Во всякомъ случаѣ, въ послѣдніе годы правленія Константина аріанство проникло ко двору и съ каждымъ годомъ все прочнѣе утверждалось въ восточной половинѣ имперіи. Многіе приверженцы никейскаго символа были лишены каждаго и отправлены въ изгнаніе. Исторія аріанскаго преобладанія за это время, изъ-за состоянія источниковъ, недостаточно еще выяснена наукой.

Какъ извѣстно, Константинъ до послѣдняго года своей жизни оставался оффиціально язычникомъ. Лишь на смертномъ одрѣ онъ принялъ крещеніе изъ рукъ Евсевія никомидійскаго, т. е. аріанина; но, замѣчаетъ проф. Спасскій, умеръ съ завѣщаніемъ на устахъ возвратитъ изъ ссылки Аѳанасія, извѣстнаго противника Арія. Своихъ сыновей Константинъ сдѣлалъ христіанами.

Основаніе Константинополя. Вторымъ событіемъ первостепенной важности, послѣ признанія христіанства, было основаніе Константиномъ новой столицы, на европейскомъ берегу

Босфора, уже при входѣ его въ Мраморное море, на мѣстѣ древней мегарской колоніи Византіи (Βυζάντιον-Byzantium).

Уже древніе, задолго до Константина, прекрасно оцѣнили исключительное по важности военное и торговое положеніе Византіи на границѣ между Европой и Азіей, дававшее господство надъ двумя морями, Чернымъ и Средиземнымъ, и приблизившее имперію къ источникамъ древнихъ блестящихъ культуръ.

Насколько можно судить по дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, мегарскіе выходцы въ первой половинѣ VII вѣка до Р. Х. основали на азіатскомъ берегу южной оконечности Босфора, напротивъ будущаго Константинополя, колонію Халкидонъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого другая партія мегарцевъ основала на европейскомъ берегу южной оконечности Босфора колонію Византію, названіе которой производится отъ имени главы мегарской экспедиціи Визы (Βύζας-Byzas). Преимущества Византіи передъ Халкидономъ уже понимались древними. Греческій историкъ V вѣка до Р. Х., Геродотъ (IV, 144) рассказываетъ, что персидскій полководецъ Мегабазъ, прибывъ въ Византію, назвалъ жителей Халкидона слѣпыми, потому что они, имѣя передъ собою лучшее мѣсто, а именно то, гдѣ черезъ нѣсколько лѣтъ была основана Византія, выбрали худшее. Позднѣйшая литературная традиція, какъ то географъ Страбонъ (VII, 6, с. 320) и римскій историкъ Тацитъ (Ann. XII, 63), приписываетъ нѣсколько измѣненное выраженіе Мегабазы Пелійскому Аполлону, который на вопросъ мегарцевъ у оракула, гдѣ имъ построить городъ, отвѣтилъ, чтобы они искали поселенія противъ земли слѣпыхъ. Византія играла значительную роль въ эпоху греко-персидскихъ войнъ и Филиппа Македонскаго. Превосходно оцѣнилъ политическое и особенно экономическое положеніе Византіи греческій историкъ II вѣка до Р. Х. Полибій (IV, 38 и 44), который, признавая всю важность товарообмѣна между Греціей и городами Черноморскаго побережья, писалъ, что, безъ воли жителей Византіи, ни одно торговое судно не сможетъ ни войти въ Черное море, ни выйти изъ него, и что византійцы держать въ своихъ рукахъ всѣ полезныя для человѣческой жизни продукты, даваемые Понтомъ.

Съ тѣхъ поръ какъ Римское государство перестало быть республикой, императоры не разъ имѣли намѣреніе перенести

столицу изъ республиканскіи настроеннаго Рима на Востокъ. По свидѣтельству римскаго историка Светонія (I, 79), уже Юлій Цезарь собирался переѣхать изъ Рима въ Александрію или Иліонъ, т. е. на мѣсто древней Трои. Императоры первыхъ вѣковъ христіанской эры нерѣдко надолго покидали Римъ благодаря частымъ военнымъ походамъ и разбѣздамъ по государству. Въ концѣ II вѣка Византію постигъ жестокій ударъ, Септимій Северъ, побѣдивъ своего соперника Песценнія Нигра, на сторонѣ котораго была Византія, подвергъ городъ жестокому разгрому и почти полному разрушенію. Между тѣмъ Востокъ продолжалъ привлекать къ себѣ императоровъ. Императоръ Діоклетіанъ (284—305) съ особенною охотою жилъ въ Малой Азіи, въ военскомъ городѣ Никомидіи, который онъ украсилъ великолѣпными постройками.

Константинъ, рѣшивъ создать новую столицу, не сразу остановилъ свой выборъ на Византіи. Нѣкоторое время онъ, повидимому, думалъ о Наиссѣ (Нишѣ), гдѣ онъ родился, о Сардикѣ (совр. Софіи) или о Тессалоникѣ (Солуни). Но особенное вниманіе Константина было привлечено мѣстомъ древней Трои, откуда, по преданію, прибылъ въ Италію, именно въ Лаціумъ, Эней и положилъ основаніе римскому государству. Императоръ лично отправился въ знаменитыя мѣста, гдѣ самъ опредѣлялъ очертанія будущаго города. Ворота были уже построены, какъ, по свидѣтельству христіанскаго писателя V вѣка Созомена, однажды ночью Константину во снѣ явился Господь и убѣдилъ его искать для столицы другое мѣсто. Послѣ этого Константинъ остановилъ окончательно свой выборъ на Византіи. Еще сто лѣтъ спустя проѣзжавшіе на корабляхъ мимо троянскаго берега видѣли съ моря неоконченныя постройки Константина.

Византія, не оправившаяся еще отъ разгрома, учиненнаго Септиміемъ Северомъ, была въ это время незначительнымъ селеніемъ и занимала лишь часть мыса, вдающагося въ Мраморное море. Въ 326 году, а, можетъ быть, и нѣсколько позднѣе (328), Константинъ приступилъ къ постройкѣ новой столицы. Христіанское преданіе рассказываетъ, что императоръ, съ копьемъ въ рукѣ, опредѣлялъ границы города и, когда приближенные, видя чрезвычайные размѣры намѣчаемой столицы, съ удивленіемъ спрашивали его: «Докуда, государь, (ты пойдешь)?» — онъ отвѣчалъ: «(Я пойду) до тѣхъ поръ, пока не остановится».

идуцій впереди меня»; этимъ онъ объяснялъ, что нѣкая небесная сила имъ руководитъ. Рабочіе и матеріалъ для постройки были собраны отовсюду. Лучшіе языческіе памятники Рима, Аѳинъ, Александріи, Эфеса, Антиохіи шли на украшеніе создавшейся новой столицы. 40.000 готскихъ воиновъ, такъ называемыхъ федератовъ, участвовали въ работѣ. Цѣлый рядъ разнообразныхъ льготъ, торговыхъ, денежныхъ и т. д., былъ объявленъ для новой столицы, чтобы привлечь туда населеніе. Наконецъ, къ веснѣ 330 года работы настолько подвинулись впередъ, что Константинъ счелъ возможнымъ официально открыть новую столицу. Открытіе состоялось 11 мая 330 года и сопровождалось празднествами и увеселеніями, длившимися сорокъ дней.

Трудно точно опредѣлить размѣры города времени Константина. Во всякомъ случаѣ, онъ по величинѣ далеко превосходилъ территорію прежней Византіи. Для защиты съ суши противъ внѣшнихъ враговъ Константинъ выстроилъ стѣну, которая шла отъ Золотого Рога до Мраморнаго моря.

Нѣсколько позднѣе древняя Византія, превратившаяся въ столицу міровой державы, стала называться «городомъ Константина», или Константинополемъ. Столица получила муниципальное устройство Рима и дѣлилась, подобно послѣднему, на четырнадцать округовъ—регеоновъ, изъ которыхъ два лежали за городскими стѣнами. Изъ памятниковъ города, современныхъ Константину, до насъ почти ничего не дошло. Однако, къ его времени относится церковь св. Ирины, которая, будучи позднѣе дважды перестроена, особенно при Юстиніанѣ Великомъ и потомъ при Львѣ III существуетъ и понынѣ (въ настоящее время въ ней помѣщается турецкій военный музей). Затѣмъ, знаменитая змѣиная колонна изъ Дельфъ (V вѣка до Р. Х.), сдѣланная въ память сраженія при Платеѣ, перевезенная Константиномъ въ новую столицу и водруженная имъ на Ипподромѣ, находится на томъ же мѣстѣ, правда, въ нѣсколько испорченномъ видѣ, и теперь.

Геніальная прозорливость Константина сумѣла оцѣнить всѣ преимущества положенія прежней Византіи, политическія, экономическія и культурныя. Въ политическомъ отношеніи Константинополь, этотъ «Новый Римъ», какъ часто его называютъ, для борьбы съ внѣшними врагами обладалъ исключительными условіями: съ моря онъ былъ недоступенъ; съ

суши его охраняли стѣны. Въ экономическомъ отношеніи Константинополь держалъ въ своихъ рукахъ всю торговлю Чернаго моря съ Архипелагомъ и Средиземнымъ моремъ и былъ предназначенъ сдѣлаться торговымъ посредникомъ между Европой и Азіей. Наконецъ, въ культурномъ отношеніи Константинополь находился вблизи главнѣйшихъ очаговъ эллинистической культуры, которая, слившись съ христіанствомъ и, конечно, видоизмѣнившись, дала въ результатѣ христіанско-греко-восточную культуру, получившую названіе византійской культуры.

. «Выборъ мѣста для новой столицы, — пишетъ *Θ. И. Успенскій*, — устройство Константинополя и созданіе изъ него всемірно-историческаго города составляетъ неотъемлемую заслугу политическаго и административнаго генія Константина. Не въ эдиктѣ о вѣротерпимости міровая заслуга Константина: не онъ, такъ его ближайшіе преемники принуждены были бы даровать господство христіанству, которое отъ того ни мало не потеряло бы; между тѣмъ какъ своевременнымъ перенесеніемъ столицы міра въ Константинополь онъ въ одно и тоже время и спасъ древнюю культуру, и создалъ благоприятную обстановку для распространенія христіанства».

Со времени Константина Великаго Константинополь дѣлается политическимъ, религіознымъ, экономическимъ и культурнымъ центромъ имперіи.

Государственная реформа имперіи въ эпоху Діоклетіана и Константина. Когда возникаетъ вопросъ о реформахъ Діоклетіана и Константина, на первый планъ выступаетъ установленіе строгой централизаціи и многочисленнаго чиновничества съ отдѣленіемъ гражданской власти отъ военной. Нельзя смотрѣть на эту реформу, какъ на нѣчто новое и неожиданное. На путь централизаціи римское правительство вступило еще со времени Августа; централизація влекла за собою усиленіе бюрократіи и увеличеніе числа исполнительныхъ органовъ. Діоклетіанъ, а за нимъ Константинъ лишь ускорили процессъ, который медленно и съ перерывами развивался при ихъ предшественникахъ, съ первыхъ временъ имперіи. Послѣ смутной эпохи III вѣка, сильно разстроившей внутреннюю организацію государства, задачей Діоклетіана было возсоздать всю государственную машину страны и направить ее на путь нормальной и устроенной жизни. Въ сущности, однако, онъ выполнилъ

лишь большую административную реформу. Но тѣмъ не менѣе, какъ Діоклетіанъ, такъ и Константинъ внесли столь важныя преобразованія во внутренній строй государства, что ихъ можно считать основателями новаго типа монархіи, создавшейся подъ сильнымъ вліяніемъ Востока.

Живя часто въ Никомидіи и имѣя вообще склонность къ Востоку, Діоклетіанъ усвоилъ многія черты восточныхъ монархій. Онъ былъ настоящимъ самодержцемъ, государемъ-богомъ, носившимъ царскую діадему. Восточная роскошь и сложный церемоніаль были введены во дворцѣ. Подданные, получившіе аудіенцію, должны были передъ императоромъ падать на колѣни, едва смѣя поднять глаза на своего государя. Все, что касалось императора, называлось священнымъ: священная особа его, его священныя слова, священный дворецъ, священная казна и т. д. Императора окружалъ многочисленный дворъ, который, будучи со времени Константина перенесенъ въ Константинополь, поглощалъ громадныя деньги и сдѣлался центромъ многочисленныхъ происковъ и интригъ, такъ сильно осложнявшихъ позднѣе жизнь Византійской имперіи. Такимъ образомъ, самодержавіе въ формѣ близкой къ восточнымъ деспотіямъ было установлено Діоклетіаномъ и сдѣлалось однимъ изъ отличительныхъ признаковъ государственнаго строя Византіи.

Для упорядоченія управления обширной и разноплеменной монархіей Діоклетіанъ ввелъ систему тетрархіи, т. е. четверовластія. Власть въ имперіи была раздѣлена между двумя августами съ одинаковыми полномочіями, изъ которыхъ одинъ долженъ былъ жить въ восточной, а другой въ западной части государства; но оба августва должны были работать для одного римскаго государства. Имперія продолжала оставаться единою; назначеніе же двухъ августовъ показывало, что правительство признавало уже въ тѣ времена различіе между греческимъ Востокомъ и латинскимъ Западомъ, управленіе которыми для одного лица было уже не по силамъ. Каждый августъ долженъ былъ взять себѣ въ помощники цезаря, которые послѣ удаленія отъ власти или смерти августа дѣлались бы августами, избирая себѣ новаго цезаря. Создавалась, такимъ образомъ, какъ бы искусственная династическая система, которая должна была избавить государство отъ прежнихъ смуть и происковъ различныхъ честолюбцевъ

и лишить легионы рѣшающаго значенія при выборѣ новаго императора. Первыми августами были Діоклетіанъ и Максиміанъ, а цезарями — Галерій и Констанцій Хлоръ, отецъ Константина Великаго. Діоклетіанъ оставилъ себѣ азіатскія провинціи, Фракію и Египетъ съ центромъ въ Никомидіи, Максиміанъ — Италію, Африку и Испанію съ центромъ въ Медиоланѣ (Миланѣ), Галерій — Балканскій полуостровъ (кромя Фракіи) съ прилегавшими къ нему дунайскими провинціями съ центромъ въ Сирміумѣ на р. Савѣ (вблизи совр. Митровицы) и Констанцій Хлоръ Галлію и Британію съ центрами въ Трирѣ и Эборакаѣ (Йоркѣ). Всѣ четыре правителя считались правителями одинаго цѣлаго, и государственные законы издавались отъ имени всѣхъ четырехъ. При теоретическомъ равенствѣ обоихъ августовъ Діоклетіанъ, какъ императоръ, имѣлъ неоспоримое преобладаніе. Цезари находились въ подчиненіи у августовъ. По истеченіи извѣстнаго времени августы должны были сложить свои полномочія и передать ихъ цезарямъ. Дѣйствительно, въ 305 году Діоклетіанъ и Максиміанъ, сложивъ свое званіе, удалились въ частную жизнь; августами сдѣлались Галерій и Констанцій Хлоръ. Но послѣдующія смуты быстро положили конецъ искусственной системѣ тетрархіи, которая въ началѣ IV вѣка уже прекратила свое существованіе.

Большія измѣненія были введены Діоклетіаномъ въ управленіи провинціями. При немъ прежнее различіе между сенатскими и императорскими провинціями исчезло; всѣ провинціи зависѣли отъ императора. Прежнія сравнительно немногочисленныя провинціи имперіи отличались крупными территориальными размѣрами и давали большую силу лицамъ, стоявшимъ во главѣ ихъ управленія. Оттуда угрожали не разъ серьезныя опасности для центрального правительства: тамъ часто разгорались революціи, и правители провинцій во главѣ перешедшихъ на ихъ сторону провинціальныхъ легионовъ нерѣдко являлись претендентами на императорскій престолъ. Діоклетіанъ, желая уничтожить политическую опасность крупныхъ провинцій, рѣшилъ ихъ раздробить на болѣе мелкія единицы. Изъ 57 провинцій, существовавшихъ въ моментъ вступленія Діоклетіана на престолъ, онъ сдѣлалъ 96 провинцій, а, можетъ быть, и больше.

Дѣло въ томъ, что главнымъ источникомъ провинціального

устройства имперіи въ это время является такъ называемая *Notitia dignitatum*, оффиціальныи перечень придворныхъ, гражданскихъ и военныхъ должностей съ перечисленіемъ провинцій. Но, по опредѣленію ученыхъ, этотъ недатированныи памятникъ относится къ началу V вѣка, когда въ него уже вошли измѣненія, сдѣланныя въ провинціальнои управленіи преемниками Діоклетіана. *Notitia dignitatum* насчитываетъ 120 провинцій. Другіе списки, также сомнительной, но болѣе ранней датировки, даютъ меньшее число провинцій. Вообще надобно имѣть въ виду, что многія детали реформы Діоклетіана, изъза состоянія источниковъ, недостаточно выяснены.

Имперія дѣлилась при Діоклетіанѣ на двѣ префектуры, во главѣ которыхъ стояло два префекта преторіа (*praefecti praetorio*), по одному для каждаго августа. Префектуры дѣлились на діоцезы, которыхъ болѣе ранній веронскій списокъ насчитываетъ двѣнадцать; каждый діоцезъ дѣлился на опредѣленное число провинцій.

Чтобы еще болѣе обезопасить свою власть со стороны возможности провинціальныхъ осложненій, Діоклетіанъ въ провинціяхъ строго отдѣлилъ военную власть отъ гражданской; съ этихъ поръ провинціальные губернаторы имѣли въ своихъ рукахъ лишь судебныя и административныя функціи. Провинціальная реформа Діоклетіана особенно отразилась на Италіи: Италія изъ руководящей области превратилась въ провинцію, а Римъ, древняя столица міровой державы, сдѣлался обыкновеннымъ провинціальнымъ городомъ.

Подобная реформа влекла за собою учрежденіе громаднаго числа чиновниковъ. Установилась сложная бюрократическая система съ многочисленными должностями и разнообразными титулами, со строгимъ подчиненіемъ однихъ чиновниковъ другимъ, низшихъ высшимъ.

Константинъ Великій въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ развилъ и дополнилъ преобразовательное дѣло Діоклетіана.

Итакъ, главными отличительными признаками реформы Діоклетіана и Константина было установленіе неограниченной (абсолютной) власти императора и строгое раздѣленіе военныхъ и гражданскихъ властей, что повлекло за собою учрежденіе громаднаго количества чиновниковъ. Въ византійское время сохранилась первая черта, т. е. неограниченная власть монарха; вторая же черта подверглась сильному измѣненію, пойдя по

нута постепеннаго сосредоточенія въ однѣхъ рукахъ военной и гражданской власти. Многочисленный же штатъ чиновничества перешелъ въ Византію и съ довольно, правда, большими измѣненіями, какъ въ самихъ должностяхъ и титулахъ, такъ и въ названіяхъ ихъ, дожилъ до послѣднихъ временъ имперіи. Большинство названій должностей и чиновъ изъ латинскихъ сдѣлались греческими; многія должности превратились въ простые титулы или чины; но немало было создано и новыхъ должностей и чиновъ.

Очень важнымъ факторомъ въ исторіи имперіи IV вѣка является постепенная иммиграція варваровъ, а именно—германцевъ (готовъ). Но объ этомъ вопросѣ рѣчь будетъ ниже, когда можно будетъ охватить IV-е столѣтіе уже въ его цѣломъ.

Въ 337 году Константинъ Великій умеръ. Его дѣятельность нашла рѣдкую въ исторіи оцѣнку: римскій сенатъ, по свидѣтельству историка IV вѣка Евтропія (X, 8), счелъ Константина достойнымъ возведенія въ боги, исторія признала его Великимъ, а Церковь Святымъ и Равноапостольнымъ.

Преемники Константина Великаго.

Констанцій (337—361). Сыновья Константина, Константинъ, Констанцій и Константъ, принявъ каждый титулъ августа, стали править имперіей послѣ смерти отца. Вражда между братьями, подѣлившими между собою государство, осложнялась еще тѣмъ, что имперія должна была вести изнурительную борьбу съ персами и германцами. Братьевъ разъединяли не только политическіе интересы, но и религіозные. Въ то время какъ Константинъ и Константъ были на сторонѣ никейцевъ, Констанцій, продолжая и развивая религіозное настроеніе послѣднихъ лѣтъ жизни своего отца, открыто стоялъ за арианъ. Въ междоусобныхъ войнахъ погибли насильственной смертью сначала Константинъ, а черезъ нѣсколько лѣтъ Константъ. Констанцій сдѣлался въ концѣ концовъ единственнымъ государемъ имперіи.

Будучи убѣжденнымъ сторонникомъ арианства, Констанцій упорно проводилъ арианскую политику въ ущербъ язычеству, которое при немъ подверглось крупнымъ ограниченіямъ. Одинъ изъ указовъ Констанція провозглашалъ: «Да прекратится суета».

вѣріе, да уничтожится безуміе жертвоприношеній». Но языческіе храмы внѣ городскихъ стѣнъ оставались пока въ неприкосновенности. Черезъ нѣсколько лѣтъ вышелъ указъ о закрытіи языческихъ храмовъ, о запрещеніи доступа въ нихъ и о запрещеніи жертвоприношеній во всѣхъ мѣстностяхъ и городахъ имперіи подъ угрозою смертной казни и конфискаціи имущества. Въ другомъ указѣ читаемъ, что смертная казнь грозила всякому, кто принесъ жертву или поклонялся идоламъ. Когда Констанцій, желая отпраздновать двадцатилѣтіе своего правленія, прибылъ впервые въ Римъ, то онъ, послѣ осмотра многочисленныхъ памятниковъ древности подъ руководствомъ сенаторовъ, которые оставались язычниками, повелѣлъ удалить изъ сената алтарь побѣды, олицетворявшій для язычества все прошлое величіе Рима. Этотъ фактъ произвелъ глубокое впечатлѣніе на язычниковъ, которые почувствовали, что для нихъ наступаютъ послѣднія времена. При Констанціи расширились иммунитеты духовенства; епископы освобождались отъ свѣтскаго суда.

Одновременно съ подобными суровыми мѣрами противъ язычества послѣднее тѣмъ не менѣе продолжаетъ существовать не только само по себѣ, но и продолжаетъ иногда находить нѣкоторое покровительство въ правительствѣ. Весталки и жрецы были оставлены Констанціемъ въ Римѣ. Въ одномъ указѣ онъ приказываетъ избрать жреца (*sacerdos*) для Африки. До конца дней своихъ Констанцій носилъ титулъ *Pontifex Maximus*.

Въ результатъ, язычество при Констанціи пережило цѣлый рядъ ограничительныхъ мѣръ, въ то время какъ христіанство, хотя и въ формѣ аріанства, сдѣлало дальнѣйшіе шаги на пути своего развитія и закрѣпленія.

Послѣдовательная и упорная аріанская политика Констанція приводила его къ столкновеніямъ съ никейцами. Особенною настойчивостью отличалась его долгая борьба съ извѣстнымъ защитникомъ никейства, Аеоанасіемъ Александрійскимъ. Когда въ 361 году Констанцій умеръ, то ни никейцы, ни язычники не могли искренно оплакивать почившаго государя. Язычники радовались тому, что на престолъ вступалъ Юліанъ, открытый сторонникъ язычества. Чувства же православной партіи по поводу смерти Констанція можно выразить словами блаженнаго Иеронима: «Господь пробуждается, онъ повелѣваетъ бурѣ,

звѣрь умираетъ и спокойствіе возстановляется». Торжественное погребеніе Констанція, умершаго во время персидскаго похода въ Киликіи и перевезеннаго въ Константинополь, произошло въ присутствіи новаго императора Юліана въ построенномъ Константиномъ Великимъ храмѣ св. Апостоловъ. Сенатъ причислилъ покойнаго императора къ сонму боговъ.

Юліанъ Отступникъ (361—363). Бездѣтный Констанцій, по смерти своихъ братьевъ, былъ озабоченъ вопросомъ о престолонаслѣдіи. У него оставались два двоюродныхъ брата, Галлъ и Юліанъ, которыхъ онъ держалъ въ отдаленіи отъ столицы. Однако, желая обезпечить тронъ за своей фамиліей, Констанцій сдѣлалъ цезаремъ Галла. Послѣдній, навлекши на себя подозрѣніе императора, былъ убитъ (354 г.). Въ такихъ обстоятельствахъ къ Констанцію былъ вызванъ братъ Галла, Юліанъ, который былъ провозглашенъ цезаремъ (355 г.) и женился на Еленѣ, сестрѣ Констанція.

Съ именемъ Юліана тѣсно связана послѣдняя попытка возстановить язычество въ имперіи.

Юліанъ представляетъ собою въ высшей степени интересную личность, которая давно уже останавливала на себѣ вниманіе ученыхъ и литераторовъ и продолжаетъ увлекать ихъ до настоящаго времени. Литература о Юліанѣ очень обширна. Дошедшія до насъ сочиненія самого Юліана даютъ богатый матеріалъ для сужденія о немъ. Главная цѣль изслѣдователей была разгадать и понять этого увлеченнаго «эллина», который, съ полнымъ убѣжденіемъ въ правотѣ и успѣхѣ своего дѣла, задумалъ во второй половинѣ IV вѣка возродить и оживить язычество и поставить его въ основу религіозной жизни государства.

Юліанъ получилъ для своего времени хорошее образованіе. Евнухъ Мардоній, по происхожденію скиѣ, знатокъ греческой литературы и философіи, обучавшій мать Юліана поэмамъ Гомера и Гезіода, перешелъ въ качествѣ воспитателя и наставника къ ея сыну. Своей матери Юліанъ не зналъ, такъ какъ она умерла немного мѣсяцевъ спустя послѣ его рожденія. Въ то время какъ Мардоній знакомилъ юнаго Юліана съ античною литературой, Евсевій, епископъ никомидійскій и потомъ константинопольскій, убѣжденный аріанинъ, или окружавшіе его представители духовенства вводили Юліана въ изученіе Священнаго Писанія. Такимъ образомъ, Юліанъ, по словамъ

одного историка, получилъ заразъ два различныхъ воспитанія, которыя помѣстились въ немъ одно возлѣ другого, но такъ, что не касались другъ друга. Юліанъ былъ крещенъ. Впослѣдствіи онъ вспоминалъ объ этомъ времени, какъ о мракѣ, который нужно забыть.

Юные годы Юліана прошли въ большой тревогѣ, такъ какъ Констанцій, видѣвшій въ немъ своего возможнаго соперника и подозрѣвавшій его въ честолюбивыхъ замыслахъ, держалъ его то въ провинціи, какъ бы въ ссылкѣ, то призывалъ въ столицу, чтобы имѣть его на глазахъ. Зная о насильственной смерти многихъ родственниковъ, павшихъ отъ руки Констанція, Юліанъ ежедневно долженъ былъ бояться за свою жизнь. Послѣ вынужденнаго пребыванія въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ Каппадокіи, гдѣ онъ продолжалъ подъ руководствомъ сопровождавшаго его Мардонія изученіе древнихъ авторовъ и гдѣ, по всей вѣроятности, онъ хорошо познакомился съ Библіей и Евангеліемъ, Юліанъ для окончанія образованія былъ переведенъ сначала въ Константинополь, затѣмъ въ Никомидію, гдѣ у него и появилось первое серьезное влеченіе къ язычеству.

Въ это время въ Никомидіи преподавалъ лучшій риторъ той эпохи Либаній, настоящій представитель эллинизма, не знавшій и не желавшій знать латинскаго языка, къ которому относился съ пренебреженіемъ, презиравшій христіанство и видѣвшій смыслъ всего лишь въ эллиствѣ. Привязанность Либанія къ язычеству не знала предѣловъ. Лекціи его пользовались громаднымъ успѣхомъ въ Никомидіи. Отправляя Юліана туда и предчувствуя, можетъ быть, какое неизгладимое впечатлѣніе должны будутъ произвести одушевленные лекціи Либанія на молодого слушателя, Констанцій запретилъ Юліану заниматься у знаменитаго ритора. Юліанъ формально не нарушилъ императорскаго запрета; но онъ изучилъ сочиненія Либанія, ознакомился съ его лекціями черезъ слушателей и настолько усвоилъ себѣ стиль и манеру писать Либанія, что позднѣе его считали ученикомъ послѣдняго. Тамъ же Юліанъ съ увлеченіемъ ознакомился съ тайнымъ (окультизмъ) ученіемъ неоплатониковъ, вылившимся въ то время въ формы проникновенія въ будущее, вызыванія при помощи извѣстныхъ заклинательныхъ формулъ не только умершихъ обыкновенныхъ людей, но даже боговъ (теургія). Ученый философъ Максимъ

Эфесскій въ этомъ отношеніи оказалъ на Юліана большое вліяніе.

Переживъ опасное время смерти своего брата Галла, убитаго по приказанію Констанція, Юліанъ былъ для оправданій вызванъ ко двору въ Миланъ и послѣ этого отправленъ въ ссылку въ Грецію, въ Аѳины. Аѳины, славныя своимъ великимъ прошлымъ, во время Констанція представляли собою довольно захолустный, провинціальный городъ, гдѣ, впрочемъ, о минувшихъ вѣкахъ напоминала извѣстная языческая школа. Для Юліана пребываніе въ Аѳинахъ было полно глубокаго интереса. Позднѣе, въ одномъ изъ своихъ писемъ, онъ «съ удовольствіемъ вспоминалъ объ аттическихъ бесѣдахъ... о садахъ, объ аѳинскомъ предмѣстьѣ, о миртовыхъ аллеяхъ и о домикѣ Сократа». Во время аѳинскаго пребыванія, какъ думаетъ большинство историковъ, Юліанъ былъ посвященъ элевзинскимъ іерофантомъ (жрецомъ) въ элевзинскія мистеріи. Это было, по словамъ Буассье, какъ бы крещеніемъ новообращеннаго. Надо замѣтить, что въ послѣднее время нѣкоторые ученые сомнѣваются въ элевзинскомъ обращеніи Юліана (Allard).

Въ 355 году Констанцій провозгласилъ Юліана цезаремъ, женилъ на своей сестрѣ Еленѣ и отправилъ начальникомъ войскъ въ Галлію, гдѣ шла упорная и тяжелая борьба съ наступающими германцами, которые разоряли страну, разрушали города и избивали населеніе. Юліанъ удачно справился съ трудною задачею спасти Галлію и подъ Аргенторатомъ (позднѣйшимъ Страсбургомъ) нанесъ германцамъ сильное пораженіе. Главной резиденціей Юліана въ Галліи сдѣлалась Лютеція (Lutetia Parisiorum; позднѣе Парижъ). Это былъ въ то время небольшой городъ на островѣ Сены, сохранившемъ до сихъ поръ названіе la cité (лат. civitas), т. е. городъ, который былъ соединенъ деревянными мостами съ обоими берегами рѣки. На лѣвомъ берегу Сены, гдѣ уже было не мало домовъ и садовъ, находился построенный, вѣроятно, Констанціемъ Хлоромъ дворецъ, остатки котораго, около музея Клюни, видны и теперь. Юліанъ избралъ, дворецъ своимъ мѣстопробываніемъ. Онъ любилъ Лютецію и въ одномъ изъ своихъ позднѣйшихъ сочиненій вспоминаетъ о зимовкѣ въ «дорогой Лютеціи».

Дѣла Юліана шли удачно, и германцы были отброшены за Рейнь. «Я, будучи еще цезаремъ, — писалъ Юліанъ, — въ

третій разъ перешелъ Рейнъ; я потребовалъ отъ зарейнскихъ варваровъ 20.000 плѣнныхъ... я, по волѣ боговъ, взялъ всѣ города, немногимъ меньше сорока». Среди войска Юліанъ пользовался большою любовью.

Констанцій съ подозрѣніемъ и завистью относился къ успѣхамъ Юліана. Предпринимая персидскій походъ, онъ потребовалъ отъ него присылки изъ Галліи вспомогательныхъ отрядовъ. Галльскіе легіоны возмутились и, поднявъ Юліана на щитъ, провозгласили августомъ. Новый августъ потребовалъ отъ Констанція признанія совершившагося факта. Послѣдній не соглашался. Грозилъ вспыхнуть междоусобная война. Но въ это время Констанцій умеръ. Въ 361 году Юліанъ былъ признанъ императоромъ на всемъ пространствѣ имперіи. Сторонники Констанція и люди, близко къ нему стоявшіе, подверглись жестокимъ преслѣдованіямъ и карамъ со стороны новаго императора.

Будучи въ это время уже убѣжденнымъ сторонникомъ язычества и будучи вынужденъ до смерти Констанція скрывать свои религіозные взгляды, Юліанъ, ставъ полновластнымъ государемъ, прежде всего рѣшилъ приступить къ выполненію своей завѣтной мечты, а именно: къ возстановленію язычества. Въ первыя же недѣли послѣ своего восшествія на престолъ Юліанъ по поводу этого издалъ эдиктъ. Историкъ Амміанъ Марцеллинъ въ такихъ словахъ говоритъ объ этомъ важномъ моментѣ: «Хотя Юліанъ со времени ранняго дѣтства уже чувствовалъ склонность къ почитанію боговъ и по мѣрѣ того, какъ росъ, пылалъ желаніемъ возстановить его, однако изъ-за сильной боязни онъ совершалъ языческіе обряды въ возможно глубокой тайнѣ. Какъ только же Юліанъ увидѣлъ, что за исчезновеніемъ того, чего онъ боялся, у него оказалась полная возможность дѣлать то, что онъ хотѣлъ, онъ открылъ свои тайныя мысли и яснымъ, формальнымъ эдиктомъ приказалъ открыть храмы и для почитанія боговъ приносить на алтаряхъ жертвы». Эдиктъ этотъ не былъ неожиданностью, такъ какъ всѣмъ была извѣстна склонность Юліана къ язычеству. Радость язычниковъ была безмѣрная; для нихъ возстановленіе ихъ религіи знаменовало собою не только свободу, но и побѣду. Не во всѣхъ частяхъ имперіи эдиктъ Юліана могъ найти одинаковое примѣненіе: въ западной части государства было больше язычниковъ, чѣмъ въ восточной.

Ко времени Юліана въ самомъ Константинополѣ не было уже ни одного языческаго храма. Новыхъ храмовъ въ короткій срокъ воздвигнуть было нельзя. Тогда Юліанъ совершилъ торжественное жертвоприношеніе, по всей вѣроятности, въ главной базилікѣ, предназначавшейся для прогулокъ и дѣловыхъ бесѣдъ и украшенной Константиномъ статуей Фортуны. По свидѣтельству церковнаго историка Созомена, здѣсь произошла такая сцена: Слепой старецъ, котораго велъ ребенокъ, приблизившись къ императору, назвалъ его безбожникомъ, отступникомъ, человѣкомъ безъ вѣры. На это Юліанъ ему отвѣчалъ: «Ты слѣпъ, и не твой галилейскій Богъ возвратитъ тебѣ зрѣніе». «Я благодарю Бога,—сказалъ старикъ,—за то, что онъ меня его лишилъ, чтобы я не могъ видѣть твоего безбожія». Юліанъ промолчалъ на эту дерзость и продолжалъ жертвоприношеніе.

Задумавъ возстановить язычество, Юліанъ понималъ, что возстановленіе его въ прошлыхъ чисто матеріальныхъ формахъ невозможно; необходимо было его нѣсколько преобразовать, улучшить, чтобы создать силу, могшую вступить въ борьбу съ христіанской церковью. Для этого императоръ рѣшилъ заимствовать многія стороны христіанской организаци, съ которою онъ былъ хорошо знакомъ. Языческое духовенство онъ организовалъ по образцу іерархіи христіанской церкви; внутренность языческихъ храмовъ была устроена по образцу храмовъ христіанскихъ; было предписано вести въ храмахъ бесѣды и читать о тайнахъ эллинской мудрости (ср. христіанскія проповѣди); во время языческой службы было введено пѣніе; отъ жрецовъ требовалась безупречная жизнь, поощрялась благотворительность; за несоблюденіе религіозныхъ требованій грозили отлученіемъ и покаяніемъ и т. д. Однимъ словомъ, чтобы нѣсколько оживить и приспособить къ жизни возстановленное язычество, Юліанъ обратился къ тому источнику, который онъ всѣми силами своей души презиралъ.

Количество жертвенныхъ животныхъ, принесенныхъ на алтари боговъ, было настолько велико, что вызывало сомнѣнія и нѣкоторую долю насмѣшки даже среди язычниковъ. Самъ императоръ принималъ дѣятельное участіе при жертвоприношеніяхъ и не гнушался самою низкою работою. По словамъ Либанія, онъ бѣгалъ вокругъ алтаря съ кусками дерева въ рукахъ. Въ связи съ необычайнымъ количествомъ убиваемыхъ

жертвенныхъ животныхъ была въ ходу въ то время эпитаграма, нѣкогда обращенная къ другому императору — философу, Марку Аврелію: «Бѣлые быки цезарю Марку привѣтъ! Если ты снова возвратишься съ побѣдой, мы погибнемъ».

Подобное видимое торжество язычества должно было сильно отразиться на положеніи христіанъ въ имперіи. Въ началѣ казалось, что христіанству не грозятъ какихъ либо серьезныхъ опасностей. Пригласивъ изъ христіанъ главарей различныхъ религіозныхъ направленій съ ихъ сторонниками во дворець, Юліанъ объявилъ, что теперь, по окончаніи гражданскихъ усобицъ, каждый могъ безпрепятственно, безъ всякаго опасенія слѣдовать своей вѣрѣ. Итакъ, объявленіе вѣротерпимости было однимъ изъ первыхъ актовъ самостоятельнаго правленія Юліана. Иногда въ его присутствіи христіане поднимали между собою споры, и тогда императоръ, пользуясь словами Марка Аврелія, не разъ говорилъ: «Слушайте меня, какъ меня слушали аламань и франки!» Вскорѣ же былъ изданъ указъ, на основаніи котораго всѣ изгнанные при Констанціи епископы, какихъ бы религіозныхъ воззрѣній ни придерживались, освобождались изъ ссылки, а ихъ конфискованныя имѣнія возвращались прежнимъ владѣльцамъ.

Но возвратившіеся представители духовенства, принадлежа къ различнымъ религіознымъ направленіямъ, совершенно, съ ихъ точки зрѣнія, непримиримымъ между собою, не могли ужиться въ согласіи и начали ожесточенные споры, на что, повидимому, и рассчитывалъ Юліанъ. Даруя кажущуюся вѣротерпимость и хорошо зная психологію христіанъ, онъ былъ увѣренъ, что въ ихъ церкви сейчасъ же начнутся раздоры, и такая разъединенная церковь уже не будетъ представлять для него серьезной опасности. Одновременно съ этимъ Юліанъ обѣщалъ большія выгоды тѣмъ изъ христіанъ, которые согласились бы отречься отъ христіанства. Примѣровъ отреченія было не мало. Св. Иеронимъ называлъ подобный образъ дѣйствія Юліана «преслѣдованіемъ ласковымъ, которое скорѣе манило, чѣмъ принуждало къ жертвоприношенію».

Между тѣмъ, христіане послѣдовательно удалялись изъ чиновнаго и военнаго міра; причемъ, ихъ мѣста замѣщались язычниками. Знаменитый лабарумъ Константина, служившій знаменемъ въ войскахъ, былъ уничтоженъ, и блиставшіе на знаменахъ кресты были замѣнены языческими эмблемами.

Но что нанесло христіанству наиболѣе чувствительный ударъ, это школьная реформа Юліана. Первый указъ касается назначенія профессоровъ въ главные города имперіи. Кандидаты должны быть избираемы городами, но для утвержденія представляемы на усмотрѣніе императора; поэтому послѣдній могъ не утвердить всякаго неугоднаго ему профессора. Въ прежнее время назначеніе профессоровъ находилось въ вѣдѣніи города. Гораздо важнѣе былъ второй указъ, сохранившійся въ письмахъ Юліана. «Всѣ, — говоритъ указъ, — кто собирается чему либо учить, должны быть добраго поведенія и не имѣть въ душѣ направленія, несогласнаго съ государственнымъ». Подъ государственнымъ направленіемъ надо, конечно, разумѣть языческое направленіе самого императора. Указъ считаетъ неслѣпымъ, чтобы лица, объясняющія Гомера, Гезіода, Демосѳена, Геродота и другихъ античныхъ писателей, сами отвергали чтимыхъ этими писателями боговъ. «Я предоставляю на выборъ, — говоритъ въ указѣ Юліанъ, — или не учить тому, что они не считаютъ серьезнымъ, или, если они желаютъ учить, должны прежде всего на дѣлѣ убѣдить учениковъ, что ни Гомеръ, ни Гезіодъ, никто другой изъ писателей, которыхъ они объясняютъ и вмѣстѣ съ тѣмъ обвиняютъ въ нечестіи, безуміи и заблужденіи по отношенію къ богамъ, не таковы. Если же они, получая за труды свои плату, кормятся тѣмъ, что древніе написали, то этимъ самымъ они показываютъ себя настолько корыстолюбивыми, что готовы на все изъ-за нѣсколькихъ драхмъ. До сихъ поръ было много причинъ не посѣщать храмовъ боговъ, и висящій отовсюду страхъ оправдывалъ скрытность по отношенію къ истиннымъ мыслямъ о богахъ; теперь же, такъ какъ боги даровали намъ свободу, мнѣ кажется неслѣпымъ учить людей тому, что они сами не считаютъ здравымъ. Но, если они считаютъ мудрыми тѣхъ писателей, которыхъ они объясняютъ и толкуютъ, то пусть прежде всего они подражаютъ ихъ благочестивымъ чувствамъ по отношенію къ богамъ; если же они полагаютъ, что почитаемые боги ложны, то пусть идутъ въ церкви галилеянъ объяснять Маттея и Луку... Таковъ общій законъ для начальниковъ и учителей... Хотя было бы справедливо лечить (упорствующихъ) противъ ихъ воли, какъ поступаютъ съ сумашедшими; однако, да будетъ прощеніе всѣмъ, подверженнымъ этой болѣзни. Ибо, по моему мнѣнію, безумцевъ надо учить, а не наказывать». Аммианъ Марцел-

линъ, другъ Юліана и сотоварищъ по его походамъ, вкратцѣ такъ говоритъ объ этомъ эдиктѣ: «(Юліанъ) запретилъ христіанамъ обучать риторикѣ и грамматикѣ, если они не перейдутъ къ почитанію боговъ», т. е., другими словами, не сдѣлаются язычниками. Нѣкоторые полагаютъ, на основаніи указаній христіанскихъ писателей, что Юліанъ издалъ второй указъ, запрещавшій христіанамъ не только учить, но и учиться въ школахъ. Св. Августинъ, напр., писалъ: «Развѣ Юліанъ, который запретилъ христіанамъ учить и учиться наукамъ (*liberales litteras*), не преслѣдовалъ церковь?» Но текста этого второго указа до насъ не дошло; поэтому его могло и не быть; тѣмъ болѣе, что и первый указъ о запрещеніи христіанамъ преподаванія косвенно влекъ за собою и запрещеніе христіанамъ учиться. Послѣ его опубликованія христіане должны были посылать своихъ дѣтей въ грамматическія и риторическія школы съ языческимъ преподаваніемъ, отъ чего большинство христіанъ воздерживалось, такъ какъ опасалось, что черезъ одно или два поколѣнія языческаго преподаванія христіанская молодежь можетъ возвратиться къ язычеству. Съ другой стороны, если христіане не будутъ получать общаго образованія, они будутъ уступать въ умственномъ развитіи язычникамъ. Поэтому указъ Юліана, даже если онъ былъ только одинъ, имѣлъ для христіанъ громадное значеніе и грозилъ имъ въ будущемъ серьезною опасностью. Еще Гиббонъ правильно замѣтилъ: «Христіанамъ прямо было запрещено учить; имъ же косвенно было запрещено учиться, разъ они не могли (морально) посѣщать языческія школы».

Надо сказать, что громадное большинство риторовъ и грамматиковъ изъ христіанъ предпочло покинуть свои кафедры, чѣмъ въ угоду императору перейти въ язычество. Даже среди язычниковъ отношеніе къ эдикту Юліана было различно. Языческій писатель Аммианъ Марцелинъ по этому поводу писалъ: «должно подлежать вѣчному умолчанію то, что Юліанъ запрещалъ учить тѣмъ преподавателямъ риторики и грамматики, которые были почитателями христіанской вѣры».

Интересно, какъ христіане реагировали на указъ Юліана. Нѣкоторые изъ нихъ наивно радовались тому, что императоръ затруднилъ вѣрующимъ изученіе языческихъ писателей. Чтобы возмѣстить запретную языческую литературу, христіанскіе писатели того времени, особенно Аполлинарій старшій и Апол-

линаруій младшій, отець и сынъ, задумали для школьнаго преподаванія создать свою литературу; для этого они, напр., переложили псалмы на подобіе одъ Пиндара, Пятикнижіе Моисея изложили гексаметромъ, Евангеліе въ видѣ діалоговъ на подобіе Платона и т. д. Изъ этой неожиданной литературы до насъ ничего не дошло. Конечно, подобная литература дѣйствительной цѣнности имѣть не могла и исчезла тотчасъ же послѣ смерти Юліана, когда его указъ потерялъ силу.

Лѣтомъ 362 года Юліанъ предпринялъ путешествіе въ восточныя провинціи и прибылъ въ Антиохію, гдѣ населеніе, по словамъ самого императора, «предпочитало атеизмъ», т. е. было христіанскимъ. Поэтому въ городѣ среди торжества оффиціального пріема чувствовалась и временами прорывалась нѣкоторая холодность и затаенная враждебность. Антиохійское пребываніе Юліана важно въ томъ отношеніи, что оно заставило его убѣдиться въ трудности, даже невыполнимости предпринятаго имъ возстановленія язычества. Столица Сиріи осталась совершенно холодна къ симпатіямъ гостившаго въ ней императора. Интересенъ рассказъ, сообщаемый самимъ Юліаномъ, о томъ, какъ въ большой языческой праздникъ въ храмѣ Аполлона, въ антиохійскомъ предмѣстьѣ Дафни, онъ думалъ увидѣть громадную толпу народа, жертвенныхъ животныхъ, возліянія, благовонія и прочіе атрибуты большого языческаго торжества; по прибытіи же къ храму Юліанъ, къ своему удивленію, нашелъ лишь одного жреца съ однимъ гусемъ въ рукахъ для жертвы. Антиохія ничѣмъ не отозвалась на этотъ праздникъ. Подобные факты раздражали Юліана противъ христіанъ. Еще болѣе обострилъ отношенія между ними вспыхнувшій пожаръ упомянутаго храма въ Дафни, въ чемъ заподозрѣны были христіане. Разсерженный Юліанъ приказалъ въ наказаніе закрыть главную антиохійскую церковь, которая къ тому же была ограблена и подверглась оскверненію. Подобные же факты произошли въ другихъ городахъ. Напряженіе дошло до крайнихъ предѣловъ. Христіане въ свою очередь разбивали изображенія боговъ. Нѣкоторые представители церкви потерпѣли мученическую кончину. Странѣ грозила полная анархія.

Весною 363 года Юліанъ покинулъ Антиохію, направляясь въ походъ противъ персовъ, во время котораго, какъ извѣстно, императоръ былъ смертельно раненъ копьемъ и, будучи пере-

несенъ въ палатку, вскорѣ умеръ. Точно не знали, кто поразилъ императора. Поэтому позднѣе возникло не мало разсказовъ. Среди нихъ была, конечно, версія, что онъ палъ отъ руки христіанъ. Христіанскіе же историки сообщаютъ извѣстную легенду, будто онъ, схватившись за рану, наполнилъ руку кровью и бросилъ ее въ воздухъ со словами: «Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!»

Около умирающаго въ палаткѣ Юліана собрались его друзья и главные военачальники, къ которымъ онъ обратился съ прощальнымъ словомъ. Предсмертная рѣчь императора дошла до насъ въ изложеніи Амміана Марцеллина (XXV, 3, 15—20). Въ ней онъ даетъ апологію своей жизни и дѣятельности, съ философскимъ спокойствіемъ ожидаетъ неизбѣжной смерти и, въ концѣ рѣчи, когда уже слабѣли его силы, не указавъ на возможнаго наслѣдника, высказалъ пожеланіе, чтобы послѣ него нашелся хорошій правитель. Замѣтивъ, что окружавшіе его люди плачутъ, умирающій сказалъ съ упрекомъ, что недостойно оплакивать государя, примирившагося съ небомъ и звѣздами. Умеръ Юліанъ въ полночь 26 іюня 363 года, тридцать двухъ лѣтъ отъ роду. Знаменитый риторъ Либаній сравнивалъ смерть Юліана со смертью Сократа.

Армія избрала императоромъ начальника дворцовой гвардіи Іовіана, христіанина, приверженца никейскаго исповѣданія. Стѣсненный персидскимъ царемъ, Іовіанъ долженъ былъ заключить съ нимъ миръ на условіи уступки Персіи нѣсколькихъ провинцій на восточномъ берегу Тигра.

Смерть Юліана была съ радостью встрѣчена христіанами. Христіанскіе писатели называли покойнаго императора дракономъ, Навуходоносоромъ, Иродомъ, чудовищемъ и т. д.

Юліанъ оставилъ послѣ себя рядъ сочиненій, которыя позволяютъ ближе познакомиться съ этою интересною личностью.

Центромъ религіознаго міровоззрѣнія Юліана является культъ Солнца, создавшійся подъ непосредственнымъ вліяніемъ культа персидскаго свѣтлаго бога Митры и идей вырождающагося къ тому времени платонизма. Уже съ самыхъ юныхъ лѣтъ Юліанъ любилъ природу, особенно же небо. Въ своемъ разсужденіи «О Царѣ Солнцѣ», главнымъ источникомъ о религіи Юліана, онъ писалъ, что съ юныхъ лѣтъ былъ охваченъ страстною любовью къ лучамъ божественнаго свѣтила; онъ

не только днемъ желалъ устремлять на него свои взоры, но и въ ясныя ночи онъ оставлялъ все, чтобы идти восхищаться небесными красотами; погруженный въ это созерцаніе, онъ не слышалъ тѣхъ, кто съ нимъ говорилъ, и даже терялъ сознаніе. Довольно темно изложенная Юліаномъ его религіозная теорія сводится къ существованію трехъ міровъ въ видѣ трехъ солнць. Первое солнце есть высшее Солнце, идея всего существующаго, духовное, мыслимое (*νοητός*) цѣлое; это—міръ абсолютной истины, царство первичныхъ принциповъ и первопричинъ. Видимый нами міръ и видимое солнце, міръ чувственный, является лишь отраженіемъ перваго міра, но отраженіемъ не непосредственнымъ. Между этими двумя мірами, мыслимымъ и чувственнымъ, лежитъ міръ мыслящій (*νοερός*) со своимъ солнцемъ. Получается, такимъ образомъ, троица (тріада) солнць, мыслимаго или духовнаго, мыслящаго и чувственнаго или матеріальнаго. Мыслящій міръ является отраженіемъ мыслимаго или духовнаго міра, но самъ въ свою очередь служитъ образцомъ для міра чувственнаго, который является, такимъ образомъ, отраженіемъ отраженія, воспроизведеніемъ во второй ступени абсолютнаго образца. Высшее солнце слишкомъ недоступно для человѣка; солнце чувственнаго міра слишкомъ матеріально для обоготворенія. Поэтому Юліанъ сосредоточиваетъ все свое вниманіе на центральномъ мыслящемъ солнцѣ, его называетъ «Царемъ Солнцемъ» и ему поклоняется.

Несмотря на все свое увлеченіе, Юліанъ понималъ, что возстановленіе язычества представляетъ громадныя трудности. Въ одномъ письмѣ онъ писалъ: «Мнѣ нужно много помощниковъ, чтобы возстановить то, что такъ жалко упало». Но Юліанъ не понималъ, что упавшее язычество уже не могло подняться, потому что оно умерло. Поэтому попытка Юліана заранѣе была обречена на неудачу. «Его дѣло, по словамъ Буассье, могло потерпѣть крушеніе: міръ отъ этого ничего не долженъ былъ потерять».

Церковь и государство въ концѣ IV вѣка. Феодосій Великій и торжество христіанства. При преемникѣ Юліана Ювіанѣ (363—364), убѣжденномъ христіанинѣ въ никейскомъ смыслѣ, христіанство было возстановлено. Но послѣднее обстоятельство не обозначало гоненій противъ язычниковъ, опасенія которыхъ, при вступленіи на престолъ новаго импера-

тора, оказались неосновательными. Цѣлью Іовіана было установить въ государствѣ порядокъ, существовавшій до Юліана. Была объявлена свобода совѣсти. Онъ разрѣшилъ открыть языческіе храмы и приносить жертвы. Несмотря на свои никейскія убѣжденія, Іовіанъ не принималъ принудительныхъ мѣръ противъ другихъ церковныхъ партій. Христіанскіе изгнанники различныхъ направленій вернулись изъ ссылки. Лабарумъ снова появился въ войскахъ. Іовіанъ правилъ всего нѣсколько мѣсяцевъ, но его дѣятельность въ области церкви оставила не малое впечатлѣніе, и христіанскій историкъ аріанскаго направленія, писавшій въ V вѣкѣ, Филосторгій отмѣтилъ: «Іовіанъ возстановилъ въ церквахъ прежній порядокъ, избавивъ ихъ отъ всѣхъ оскорбленій, какія нанесъ имъ Отступникъ».

Въ февралѣ 364 года Іовіанъ внезапно умеръ. Преемникомъ ему былъ избранъ Валентиніанъ I (364—375), назначившій себя, по требованію войска, тотчасъ послѣ избранія соправителя въ лицѣ своего брата Валента, получившаго титулъ августа (364—378). Валентиніанъ оставилъ себя въ управленіе западную половину имперіи, а Валенту поручилъ восточную.

Братья въ дѣлахъ вѣры придерживались разныхъ направленій: въ то время какъ Валентиніанъ былъ горячимъ сторонникомъ никеизма, Валентъ былъ аріанинъ. Но никеизмъ не дѣлалъ Валентиніана нетерпимымъ, и въ его время фактически существовала наилучшая, наиболѣе гарантированная свобода совѣсти. Въ началѣ правленія имъ былъ изданъ законъ, «на основаніи котораго каждому предоставлялась свободная возможность почитать то, что онъ имѣетъ въ душѣ». Язычество пользовалось полною терпимостью. Но несмотря на это Валентиніанъ цѣлымъ рядомъ мѣръ показалъ, что онъ былъ христіанскимъ государемъ; такъ напр., онъ возстановилъ привилегіи, дарованныя духовенству Константиномъ Великимъ.

По иному пути пошелъ Валентъ. Сдѣлавшійся сторонникомъ аріанскаго направленія, онъ нетерпимо относился къ другимъ христіанамъ, и, хотя его гоненіе не отличалось особливо суровостью и систематичностью, тѣмъ не менѣе населеніе восточной половины имперіи переживало при немъ очень тревожныя времена.

Во внѣшнихъ дѣлахъ братьямъ пришлось вести упорную

борьбу съ германцами. Какъ извѣстно, въ борьбѣ съ готами нашелъ свою смерть Валентъ. Но германскій вопросъ въ ранней исторіи Византіи будетъ изложенъ въ слѣдующей главѣ.

На Западѣ Валентиану I наследовали его сынъ Граціанъ (375—383) и одновременно провозглашенный войскомъ сводный братъ послѣдняго, четырехлѣтній Валентиніанъ II (375—392). Послѣ же смерти Валента (378 г.) Граціанъ назначилъ августомъ Θεодосіа, которому поручилъ управленіе восточной половиной имперіи и большею частью Иллирика.

Если не считать безвольнаго и юнаго Валентиніана II, не игравшаго роли, но склоннаго къ аріанству, государство при Граціанѣ и Θεодосіи совершенно опредѣленно сошло съ пути релігіозной терпимости и перешло на сторону никейскаго символа. Особенно крупное значеніе имѣлъ въ этомъ вопросѣ государь восточной половины имперіи Θεодосій, прозванный Великимъ (379—395), съ именемъ котораго всегда связывается представленіе о торжествѣ христіанства. При такомъ направленіи о терпимости къ язычеству не могло быть и рѣчи.

Θеодосій, происходя изъ знатной испанской семьи, явился родоначальникомъ испанской династіи, занимавшей престоль по прямой линіи до 450 года, т. е. до смерти Θεодосія II Младшаго. Фамилія Θεодосія выдвинулась во второй половинѣ IV вѣка благодаря его отцу, также Θεодосію, который былъ однимъ изъ блестящихъ полководцевъ на Западѣ во время Валентиніана I. Будучи назначенъ августомъ и получивъ отъ Граціана въ 379 году въ управленіе восточную половину имперіи, Θεодосій, державшійся христіанскихъ воззрѣній, но не принявшій еще крещенія, былъ въ слѣдующемъ году, во время тяжелой болѣзни, крещенъ въ Θεссалоникѣ епископомъ этого города Асхоліемъ, сторонникомъ никеизма. На долю Θεодосія выпало двѣ трудныхъ задачи: 1) установить единство внутри имперіи, раздираемой релігіозными смутами благодаря существованію многочисленныхъ релігіозныхъ партій разнообразныхъ направленій и 2) спасти имперію отъ упорнаго натиска варваровъ-германцевъ, а именно готовъ, которые ко времени Θεодосія грозили самому существованію государства.

Какъ извѣстно, при предшественникѣ Θεодосія на Востокѣ,

Валентѣ, аріанство играло преобладающую роль. Съ его смертью, особенно при временномъ до избранія Θεодосія отсутствіи власти, религіозные споры снова разгорѣлись и принимали иногда очень грубыя формы. Особенно отзывались эти тревожныя настроенія восточной церкви въ Константинополь. Догматическіе споры, выйдя за предѣлы тѣснаго круга духовенства, захватили все тогдашнее общество, проникли въ толпу, на улицу. Вопросъ о природѣ Сына Божія, уже съ половины IV вѣка, съ необыкновенною страстностью обсуждался повсюду: на соборахъ, въ церквахъ, во дворцѣ императора, въ хижинахъ отшельниковъ, на площадяхъ и рынкахъ. Григорій, епископъ нисскій, не безъ сарказма пишетъ во второй половинѣ IV вѣка о создавшемся положеніи слѣдующее: «Все полно такихъ людей, которые разсуждаютъ о непостижимыхъ предметахъ, — улицы, рынки, площади, перекрестки; спросишь, сколько нужно заплатить оболовъ, — (въ отвѣтъ) философствуютъ о рожденномъ и нерожденномъ; хочешь узнать о цѣнѣ хлѣба, — отвѣчаютъ: Отецъ больше Сына; справишься, готова-ли баня, — говорятъ: Сынъ произошелъ изъ ничего».

При вступленіи на престолъ Θεодосія обстоятельства измѣнились. Прибывъ въ Константинополь, онъ предложилъ аріанскому епископу отречься отъ аріанства и примкнуть къ никейству. Однако, епископъ отказался исполнить волю Θεодосія и предпочелъ удалиться изъ столицы за городскія ворота, гдѣ и продолжалъ аріанскія собранія. Всѣ константинопольскія церкви были переданы никейцамъ.

Передъ Θεодосіемъ стоялъ вопросъ объ урегулированіи отношеній къ еретикамъ и язычникамъ. Еще при Константинѣ Великомъ каеолическая (т. е. вселенская) церковь (*ecclesia catholica*) противопоставлялась еретикамъ (*haeretici*). При Θεодосіи же отличіе каеолика отъ еретика было окончательно закономъ установлено, а именно: подъ каеоликомъ сталъ разумѣться сторонникъ никейской вѣры; представители другихъ религіозныхъ направленій были еретиками. Язычники (*pagani*) стояли особо.

Объявивъ себя убѣжденнымъ никейцемъ, Θεодосій открылъ ожесточенную борьбу съ еретиками и язычниками; при чемъ, наказанія, налагаемыя на нихъ, постепенно усиливались. На основаніи указа 380 г., только тѣ, кто согласно апостоль-

скому наставленію и евангельскому ученію вѣрять въ единое Божество Отца, Сына и Св. Духа, должны называться каеоллическими христіанами; всѣ же прочіе, эти «сумасбродные безумцы», придерживавшіеся «позора еретическаго ученія», не имѣли права называть свои собранія церквами и должны были подвергнуться строгимъ наказаніямъ. Этимъ указомъ Θεодосій, по словамъ одного изслѣдователя, «первый изъ государей отъ своего лица, а не отъ лица Церкви, регламентировалъ кодексъ христіанскихъ истинъ, обязательныхъ для подданныхъ». Нѣсколько указовъ Θεодосія запрещаютъ еретикамъ всѣ религіозныя собранія публичнаго или частнаго характера; допускались только собранія приверженцевъ никейскаго символа, которымъ должны быть переданы церкви въ столицѣ и во всемъ государствѣ. Еретики подвергались серьезнымъ ограниченіямъ въ гражданскихъ правахъ, напр. въ области завѣщаній, наслѣдства и т. д.

Желая внести миръ и согласіе въ христіанскую церковь, Θεодосій созвалъ въ 381 году въ Константинополь соборъ при участіи лишь представителей восточной церкви, который извѣстенъ подъ названіемъ второго вселенскаго собора. Ни объ одномъ изъ вселенскихъ соборовъ мы не имѣемъ столь скудныхъ извѣстій; дѣянія (акты) его неизвѣстны. Онъ въ началѣ не признавался даже вселенскимъ соборомъ, и только на вселенскомъ соборѣ 451 года получилъ официально санкцію собора вселенскаго. Главнымъ вопросомъ второго собора въ области вѣры былъ вопросъ о ереси Македонія, который, продолжая идти по пути дальнѣйшаго развитія аріанства, доказывалъ твореніе Св. Духа. Соборъ, установивъ ученіе о единосущіи Св. Духа съ Отцомъ и Сыномъ и осудивъ ересь Македонія (македоніанство) и цѣлый рядъ другихъ находившихся въ связи съ аріанствомъ ересей, подтвердилъ никейскій символъ объ Отцѣ и Сынѣ и добавилъ къ нему часть о Св. Духѣ. Этимъ добавленіемъ былъ утвержденъ догматъ о равенствѣ и единосущіи Св. Духа съ Отцомъ и Сыномъ. Однако, благодаря скудости и неясности извѣстій объ этомъ соборѣ въ наукѣ нѣкоторыми западными учеными было высказано сомнѣніе по поводу константинопольскаго символа, сдѣлавшагося не только господствующимъ, но и официальнымъ символомъ у всѣхъ христіанскихъ исповѣданій, не смотря на все разнообразіе ихъ догматики. Стали утвер-

ждать, что данный символ не принадлежал трудам второго собора, который не составлял и не мог составлять его, — что онъ является «апокрифомъ»; другіе говорили, что символъ былъ составленъ или раньше, или послѣ второго собора. Большинство же, особенно русскіе церковные историки, доказываетъ, что константинопольскій символъ былъ дѣйствительно составленъ отцами второго собора, но сталъ особенно извѣстнымъ послѣ побѣды православія на Халкидонскомъ соборѣ.

Второй же соборъ установилъ для константинопольскаго патріарха право чести въ отношеніи римскаго епископа. Третій канонъ собора гласитъ: «Константинопольскій епископъ да имѣетъ преимущество чести послѣ римскаго епископа, такъ какъ Константинополь есть новый Римъ». Итакъ, константинопольскій патріархъ занялъ среди патріарховъ второе мѣсто послѣ римскаго епископа; съ подобнымъ отличіемъ его не могли сразу согласиться другіе болѣе древніе восточные патріархи. Интересно отмѣтить аргументацію третьяго канона, который опредѣляетъ церковный рангъ константинопольскаго епископа гражданскимъ положеніемъ города, какъ столицы имперіи.

Избранный на константинопольскую епископскую кафедру Григорій Назіанзинъ Богословъ, игравшій видную роль въ началѣ правленія Θεодосія въ столицѣ, не будучи въ состояніи справиться съ многочисленными враждовавшими на соборѣ между собою партіями, скоро вынужденъ былъ оставить кафедру и удалился съ собора, а затѣмъ и изъ Константинополя. На его мѣсто былъ избранъ Нектарій, человекъ свѣтскій, не обладавшій глубокими богословскими познаніями, но умѣвшій ладить съ императоромъ. Нектарій и сдѣлался предсѣдателемъ собора. Лѣтомъ 381 года соборъ окончилъ свои засѣданія.

Что касается до отношенія Θεодосія вообще къ духовенству, т. е. духовенству католическому (никейскому), то онъ сохранялъ, а иногда и расширялъ привилегіи епископовъ и клириковъ въ области личныхъ повинностей, суда и т. д., дарованныя имъ при предшествовавшихъ императорахъ; при чемъ, онъ старался, чтобы подобныя привилегіи не отзывались вредно на государственныхъ интересахъ. Такъ, однимъ эдиктомъ Θεодосій наложилъ на церковь несеніе чрезвычайныхъ государственныхъ повинностей (*extraordinaria munera*). При чемъ былъ ограниченъ обычай, въ виду частыхъ злоу-

потребленій, прибѣгать къ церкви, какъ убѣжищу, спасавшему преступника отъ преслѣдованія власти; напр., государственнымъ должникамъ было запрещено искать спасенія отъ долговъ въ храмахъ, а духовенству скрывать ихъ.

Θеодосій, стремившійся самовластно распорядиться церковными дѣлами и вообще успѣвавшій въ этомъ, столкнулся, однако, съ однимъ изъ выдающихся представителей западной церкви, съ епископомъ меіюланскимъ Амвросіемъ, изъ-за избіенія въ Θессалоникѣ. Въ этомъ многолюдномъ и богатомъ городѣ, благодаря безтактности начальника германцевъ, многочисленные отряды которыхъ были тамъ расквартированы, произошелъ мятежъ населенія, выведеннаго изъ себя насиліемъ варваровъ. Германскій начальникъ и многіе германцы были перебиты. Разгнѣванный Θеодосій, расположенный къ германцамъ, которыхъ онъ принималъ въ свои войска, отомстил Θессалоникѣ кровавымъ избіеніемъ ея жителей, безъ различія пола и возраста; приводили въ исполненіе приказъ императора германцы. Но этотъ ужасный поступокъ Θеодосія не прошелъ даромъ и для него. Амвросій отлучилъ отъ церкви императора, который, несмотря на свою власть и могущество, долженъ былъ всенародно исповѣдать свой грѣхъ, смиренно выполнить наложенную на него Амвросіемъ эпитимію и не носить во время нея царскихъ облаченій. Θеодосій и Амвросій являлись представителями различныхъ точекъ зрѣнія на отношенія между церковью и государствомъ. Первый стоялъ за господство государства надъ церковью; второй полагалъ, что церковныя дѣла лежатъ внѣ компетенціи свѣтской власти.

Ведя безпощадную борьбу противъ еретиковъ, Θеодосій открылъ рѣшительныя дѣйствія и противъ язычниковъ. Рядомъ указовъ императоръ запретилъ жертвоприношенія и гаданія по внутренностямъ жертвенныхъ животныхъ, доступъ въ языческіе храмы; въ виду этого храмы закрывались; ихъ зданія иногда служили государственнымъ потребностямъ; иногда же языческіе храмы со всѣми заключавшимися въ нихъ богатствами и памятниками искусства подвергались разрушенію со стороны фанатически настроенной толпы. Особенно извѣстенъ фактъ разрушенія въ Александріи знаменитаго храма бога Сераписа, Серапія, остававшагося центромъ языческаго культа въ этомъ городѣ. Послѣдній законъ Θеодосія противъ язычни-

ковъ, издавннй въ 392 году, окончательно запрещающій жертвоприношенія, возліанія, воскуреніе ѳиміама, развѣшиваніе вѣнковъ, гаданія и называвшій прежнюю религію языческимъ суевѣріемъ (*gentilicia superstitio*), объявляетъ всѣхъ преступившихъ данный эдиктъ виновными въ оскорбленіи величества и религіи и грозитъ строгими карами. Одинъ историкъ называетъ эдиктъ 392 года «похоронною пѣснью язычества». Имъ заканчивается борьба Θεодосія съ язычествомъ Востока.

Въ западной части имперіи изъ борьбы императоровъ Граціана, Валентиніана II и Θεодосія особенно извѣстенъ фактъ удаленія изъ зданія римскаго сената статуи Побѣды. Сенаторы, остававшіеся еще наполовину язычниками, видѣли въ насильственномъ удаленіи статуи Побѣды гибель прошлаго величія Рима. Къ императору былъ направленъ язычникъ, извѣстный ораторъ Симмахъ съ запиской о возвращеніи статуи въ сенатъ, — съ этою, по выраженію Θ. И. Успенскаго, «послѣдней пѣснею умирающаго язычества, которое робко и жалобно проситъ милости у юнаго императора (т. е. у Валентиніана II) въ пользу религіи, которой его предки обязаны славой и Римъ своимъ величіемъ». Миссія Симмаха не удалась: побѣду одержалъ вмѣшавшійся въ это дѣло епископъ медиоланскій Амвросій.

Въ 393 году въ послѣдній разъ были отпразднованы олимпійскія игры. Въ числѣ другихъ античныхъ памятниковъ знаменитая статуя Зевса, работы Фидія, была перевезена изъ Олимпіи въ Константинополь.

Религіозная политика Θεодосія отличается отъ таковой же политики его предшественниковъ. Послѣдніе, вставъ на сторону того или другаго христіанскаго направленія или язычества, какъ Юліанъ, все таки придерживались въ извѣстной степени терпимости по отношенію къ другимъ направленіямъ; *de jure* равенство религій существовало. Θεодосій всталъ на иную точку зрѣнія. Избравъ никейскую формулу какъ единственно правильную, онъ утвердилъ ее закономъ, наложивъ полный запретъ на другія религіозныя направленія въ христіанствѣ и на язычество. Въ лицѣ Θεодосія на римскомъ престолѣ сидѣлъ императоръ, считавшій церковъ и религіозныя убѣжденія своихъ подданныхъ входящими въ область его полномочій. Не смотря на все это Θεодосію не удалось разрѣшить религіозный вопросъ такъ, какъ онъ желалъ, т. е. создать единую

никейскую церковь. Религиозные споры, не только продолжаясь, но и умножаясь и развѣтвляясь, создали въ V вѣкѣ условія бурной и кипучей религіозной жизни. Въ отношеніи же язычества Θεодосій одержалъ полную побѣду. При немъ было, дѣйствительно, торжество христіанства. Язычество, потерявъ всякую возможность такъ или иначе проявлять открыто свои религіозныя чувства, окончило свое существованіе какъ организованное цѣлое. Язычники, конечно, остались; но это были уже отдѣльныя семьи, отдѣльныя лица, хранившія втайнѣ дорогіе имъ завѣты умершей религіи.

Извѣстную аѳинскую языческую школу Θεодосій не тронулъ; она продолжала существовать, поддерживая знакомство слушателей съ произведеніями античной литературы.

Германскій (готскій) вопросъ въ IV вѣкѣ. Жгучимъ вопросомъ въ концѣ IV вѣка для имперіи былъ вопросъ германскій, а именно готскій.

Въ силу какихъ то не вполне еще выясненныхъ причинъ готы, жившіе въ началѣ христіанской эры на южномъ берегу Балтійскаго моря, передвинулись, вѣроятно, въ концѣ II вѣка оттуда на югъ въ предѣлы современной южной Россіи, дошли до береговъ Чернаго моря и заняли пространство отъ Дона до нижняго Дуная. Днѣстръ раздѣлялъ готовъ на два племени: на восточныхъ готовъ, остготовъ или остроготовъ, и западныхъ готовъ, вестготовъ. Будучи, какъ и другіе германскіе народы той эпохи, настоящими варварами, готы на югѣ Россіи попали въ благопріятныя культурныя условія. Какъ извѣстно, все сѣверное побережье Черноморья задолго до Р. Х. было покрыто богатыми культурными центрами, греческими колоніями, вліяніе которыхъ заходило, судя по археологическимъ даннымъ, довольно далеко въ глубь страны на сѣверъ и давало себя чувствовать и въ христіанское время. Въ Крыму находилось богатое и культурное Боспорское царство. Очувтившись подъ нѣкоторымъ вліяніемъ античной культуры въ мѣстахъ своего новаго поселенія и вступивъ, съ другой стороны, въ длительное соприкосновеніе съ римской имперіей на Балканскомъ полуостровѣ, готы въ позднѣйшую эпоху своего появленія въ Западной Европѣ были народомъ, въ культурномъ отношеніи, конечно, превосходившимъ другихъ своихъ германскихъ сородичей, которые выступили на арену своей исторической жизни на Западѣ въ состояніи полнаго варварства.

Дѣятельность готовъ, обосновавшихся въ степяхъ современнаго нашего юга, была направлена въ III вѣкѣ по двумъ путямъ: съ одной стороны, ихъ влекло море и представлявшаяся возможность предпринимать морскіе набѣги на прибрежныя мѣстности; съ другой стороны, на юго-западѣ готы подошли къ римской границѣ на Дунай и столкнулись съ имперіей.

Утвердившись на сѣверномъ берегу Чернаго моря и овладѣвъ въ половинѣ III вѣка Крымомъ и расположеннымъ на немъ Боспорскимъ царствомъ, готы на многочисленныхъ боспорскихъ судахъ въ теченіе второй половины III вѣка предприняли длинный рядъ грабительскихъ набѣговъ. Они разоряли неоднократно богатое прикавказское и малоазіатское побережье, по западному берегу Чернаго моря заходили въ Дунай и, пересѣкши море, черезъ Босфоръ, Пропонтиду (Мраморное море) и Геллеспонтъ (Дарданеллы) проникли въ Архипелагъ. На пути подверглись ограбленію Византія, Хрисополь (на азіатскомъ берегу, противъ Византіи; теперь Скутари), Кизикъ, Никомидія и острова Архипелага; на этомъ готскіе пираты не остановились: они напали на Эфесъ, Солунь и приплыли къ берегамъ Греціи, гдѣ предали разоренію Аргось, Коринтъ и, по всей вѣроятности, Афины; къ счастью драгоцѣнные памятники античнаго искусства въ послѣднемъ городѣ уцѣлѣли. Острова Критъ, Родось и даже лежащій въ сторонѣ Кипръ также подверглись готскимъ набѣгамъ. Но все эти морскія экспедиціи ограничивались лишь грабежомъ и разореніемъ, послѣ чего готскія суда возвращались на сѣверные берега Чернаго моря. Многія же изъ этихъ грабительскихъ шакъ, высаживавшихся на берегахъ, были уничтожены или захвачены римскими войсками.

Несравненно серьезнѣе по результатамъ были сухопутныя отношенія готовъ къ имперіи. Готы, воспользовавшись смутами III вѣка въ имперіи, еще въ первой половинѣ этого столѣтія начали переходить Дунай и вторгаться въ предѣлы римскаго государства. Императоръ Гордіанъ обязался даже платить имъ ежегодную дань. Но это не помогло. Вскорѣ готы снова вторглись въ римскіе предѣлы и наводнили Македонію и Фракію. Выступившій противъ нихъ императоръ Декій палъ въ битвѣ (251 г.). Въ 269 году императору Клавдію удалось нанести готамъ сильное пораженіе при Наиссѣ (Нишѣ); императоръ захватилъ много плѣнныхъ, изъ которыхъ одну

часть онъ принялъ въ войско, другую часть поселилъ въ качествѣ колонновъ въ обезлюдѣвшихъ римскихъ областяхъ. За свою побѣду надъ готами Клавдій получилъ прозваніе Готскаго (Gothicus). Но уже временный возстановитель имперіи Авреліанъ (270—275) вынужденъ былъ уступить варварамъ Дакію, а ея римское населеніе водворить въ Мезію. Въ IV вѣкѣ готы нерѣдко упоминаются въ римскихъ войскахъ. Въ войскѣ Галлерія, по словамъ историка Иордана, отрядъ готовъ вѣрно служилъ. Служившіе въ войскѣ Константина Великаго готы помогали ему противъ Лицинія. Наконецъ, съ тѣмъ же Константиномъ вестготы заключили договоръ, по которому обязывались поставлять имперіи для борьбы съ различными народами 40.000 воиновъ. Готскій отрядъ былъ въ войскѣ Юліана. Во всякомъ случаѣ, со времени Авреліана до Валента готы поддерживали съ имперіей мирныя отношенія и поставляли ей военныя силы.

Въ III вѣкѣ среди готовъ, а именно среди крымскихъ готовъ, начинается распространяться христіанство, занесенное туда, вѣроятно, христіанскими плѣнниками изъ Малой Азіи, которыхъ готы захватывали во время своихъ морскихъ набѣговъ. На первомъ вселепскомъ соборѣ въ Никее (325 г.) уже присутствовалъ готскій епископъ Теофилъ, подписавшій никейскій символъ. Просвѣтителемъ другихъ готовъ явился въ IV вѣкѣ Ульфила (Вульфила), по происхожденію, можетъ быть, грекъ, но родившійся на готской землѣ, который прожилъ нѣкоторое время въ Константинополѣ и былъ тамъ посвященъ въ епископы аріанскимъ епископомъ. Вернувшись къ готамъ, Ульфила въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ проповѣдывалъ среди нихъ христіанство по аріанскому обряду; чтобы готы легче могли ознакомиться съ книгами Священнаго Писанія, онъ, при помощи греческихъ буквъ, составилъ готскую азбуку и перевелъ на готскій языкъ Библию. Аріанская форма христіанства, принятая готами, имѣла для послѣдующей ихъ исторіи важное значеніе, такъ какъ во время ихъ позднѣйшаго утвержденія въ предѣлахъ римскаго государства мѣшала имъ слиться съ туземнымъ населеніемъ, которое придерживалось никейства.

Мирныя отношенія готовъ къ имперіи прекратились въ 375 году, когда вторгшіеся изъ Азіи въ Европу дикіе гунны; народъ тюркскаго происхожденія, славянство которыхъ съ такимъ непонятнымъ упорствомъ до сихъ поръ отстаиваетъ Д. И.

Иловайскій, нанесли жестокое пораженіе восточнымъ готамъ, т. е. остготамъ, и въ своемъ дальнѣйшемъ натискѣ на западъ, уже вмѣстѣ съ покоренными остготами, стали сильно тѣснить вестготовъ, которые, будучи пограничнымъ народомъ съ имперіей и не будучи въ состояніи оказать сопротивленія гуннамъ, истребившимъ громадное ихъ число вмѣстѣ съ женщинами и дѣтьми, должны были силою вещей перейти границу и вступить на территорію римскаго государства. Источники сообщаютъ, что готы стояли на сѣверномъ берегу Дуная, съ плачемъ умоляя римскія власти о разрѣшеніи переправиться черезъ рѣку. Варвары соглашались, съ соизволенія императора, расселиться по Тракіи и Мёзії для воздѣлыванія земли, обѣщали поставлять ему войско и обязывались повиноваться велѣніямъ императора, подобно его подданнымъ. Къ императору въ этомъ смыслѣ было отправлено посольство. Большая часть римскаго правительства и военачальниковъ очень сочувственно относились къ возможному поселенію готовъ, видя въ этомъ полезное для государства пополненіе земледѣльческаго населенія и увеличеніе состава войскъ: новые подданные будутъ защищать имперію; коренные же жители провинцій, подлежавшіе до тѣхъ поръ ежегодному набору, будутъ вмѣсто этого вносить въ казну денежный налогъ, что умножить государственные доходы.

Эта точка зрѣнія восторжествовала, и готы получили разрѣшеніе переправиться черезъ Дунай. «Такъ были приняты, говоритъ Фюстель де Куланжъ, въ предѣлы имперіи 400 или 500 тысячъ варваровъ, около половины которыхъ могли носить оружіе». Если даже уменьшить только что приведенную цифру поселенныхъ въ Мизіи (Мёзії) готовъ, все-таки число ихъ окажется очень значительнымъ. Первое время варвары жили спокойно. Но постепенно въ ихъ средѣ стало рости неудовольствіе и раздраженіе противъ римскихъ начальниковъ и чиновниковъ; которые, утаивая часть денегъ, назначаемыхъ на пропитаніе поселенцевъ, кормили ихъ плохо, притѣсняли, оскорбляли ихъ женъ, обижали дѣтей; многихъ изъ нихъ переправили на житье въ Малую Азію. Жалобы готовъ не имѣли успѣха. Тогда возмущенные варвары подняли возстаніе и, призвавъ къ себѣ на помощь отряды алановъ и гунновъ, пробились во Тракію и двинулись къ Константинополю. Императоръ Валентъ, воевавшій въ это время

съ Персіей, по полученіи извѣстія о готскомъ возстаніи прибылъ изъ Антіохіи въ Константинополь. Въ происшедшемъ сраженіи у Адріанополя (378 г.) готы нанесли сильное пораженіе римскому войску; самъ Валентъ палъ въ битвѣ. Казалось, что дорога къ столицѣ для готовъ была открыта. Но они, очевидно, не имѣли общаго плана нападенія на имперію. Преемникъ Валента, Θεодосій сумѣлъ при помощи отрядовъ изъ тѣхъ же готовъ разбить варваровъ и остановить ихъ грабежи. Это показываетъ, что, въ то время какъ одна часть готовъ воевала съ имперіей, другая согласна была служить въ ея войскѣ и биться со своими соплеменниками. Послѣ побѣды Θεодосія, по словамъ языческаго историка V вѣка Зосима, «во Θракіи установилось спокойствіе, такъ какъ находившіеся тамъ варвары погибли». Такимъ образомъ, побѣда готовъ при Адріанополѣ не позволила имъ утвердиться въ какой либо области имперіи.

Но за то, съ этого времени германцы начинаютъ проникать въ жизнь имперіи мирнымъ путемъ. Θεодосій, понимая, что войною онъ не въ силахъ будетъ сломить поселенныхъ на его территоріи варваровъ, пошелъ по пути мирнаго сближенія съ ними, пріобщенія ихъ къ римской культурѣ и, что особенно важно, привлеченія ихъ въ ряды войска. Мало по малу, войска, на обязанности которыхъ лежала защита имперіи, превратились въ своей большей части, по своему составу, въ германскія дружины. Германцы должны были очень часто оборонять имперію противъ своихъ же германскихъ соплеменниковъ. Готское вліяніе проникло въ высшее командованіе арміей и въ администрацію, гдѣ наиболѣе отвѣтственные и высокіе посты поручались германцамъ. Θεодосій, видя спасеніе и покой имперіи въ своей германофильской политикѣ, не понималъ той опасности, которая при дальнѣйшемъ усиленіи варварскаго германизма въ жизни имперіи можетъ угрожать самому ея существованію. Ненадежность подобной политики, особенно въ области военной обороны страны, также, повидимому, не была ясна для Θεодосія. Между тѣмъ готы, усвоивъ римское военное искусство, римскую тактику, приемы борьбы, вооруженіе, становились грозною силою, которая въ любой моментъ могла поднять оружіе противъ имперіи. Туземное греко-римское населеніе, отодвинутое какъ въ общественной, такъ и въ частной жизни на второй

планъ, было очень недовольно подобнымъ германскимъ засильемъ. Росло антигерманское движеніе, которое могло привести къ серьезнымъ внутреннимъ осложненіямъ.

Въ 395 году Θεодосій умеръ въ Миланѣ, откуда набальзамированное тѣло умершаго императора было перевезено въ Константинополь и погребено въ храмъ Апостоловъ. Θεодосій оставилъ двухъ юныхъ и слабовольныхъ сыновей, признанныхъ наслѣдниками, Аркадія и Гонорія. Аркадію получилъ въ управленіе восточную часть имперіи, Гонорій—западную. За свои великія заслуги въ пользу христіанства въ его борьбѣ съ язычествомъ Θεодосій получилъ въ исторіи прозваніе Великаго.

Однако, въ двухъ поставленныхъ себѣ задачахъ Θεодосій не достигъ желаемыхъ результатовъ. Второй вселенскій соборъ, провозгласивъ никейство господствующей формой религіи, не смогъ установить церковнаго единства: Аріанство въ его различныхъ проявленіяхъ продолжало существовать и въ своемъ развитіи создавало новыя религіозныя теченія, захватившія въ V вѣкѣ религіозную и тѣсно связанную съ нею общественную жизнь, особенно въ восточныхъ провинціяхъ, Сиріи и Египтѣ, что позднѣе имѣло для имперіи въ высшей степени важныя послѣдствія. Затѣмъ, самъ Θεодосій, допустивъ въ войска германскій элементъ, получившій въ нихъ преобладаніе, т. е. элементъ аріанскій, долженъ былъ аріанамъ оказывать снисхожденіе и такимъ образомъ отступить отъ провозглашеннаго строгаго никейства. Съ другой стороны, германофильская политика Θεодосія, отдавшая въ руки варваровъ защиту страны и наиболѣе ответственныя мѣста въ администраціи, привела къ германскому засилью и вызывала живѣйшее неудовольствіе и раздраженіе со стороны туземнаго греко-римскаго населенія. Главными центрами германскаго преобладанія были сама столица, Балканскій полуостровъ и нѣкоторая часть Малой Азіи; восточныя провинціи, Сирія съ Палестиной и Египетъ, этого гнета не ощущали. Подобное преобладаніе варваровъ начинало уже въ концѣ IV вѣка угрожать столицѣ, а значитъ всей восточной части имперіи. Такимъ образомъ, обѣ задачи Θεодосія, а именно—установить единую и единообразную церковь и примирить имперію съ варварами, ему не удалось, и его преемники получили въ наслѣдство два запутанныхъ и чрезвычайно

сложныхъ вопроса: вопросъ религіозный и вопросъ германскій, или точнѣе—готскій.

Литература ко второй главѣ. Сочиненія общаго характера: Duruy V. Histoire des Romains. VI—VII, Paris, 1883—1885. Schultze V. Geschichte des Unterganges des griechisch—römischen Heidentums. 2 тома, Jena, 1887—92. Boissier G. La fin du paganisme. 2 тома, Paris (нѣск. изданій; есть русскій пер.). Harnack A. Die Mission und Ausbreitung des Christentums in den ersten drei Jahrhunderten. 2 изд. Leipzig, 1906. Seesk. O. Geschichte des Untergangs der antiken Welt. 5 томовъ, Berlin, 1897 (2 изд.)—1913. Терновскій Ф. и С. Грековосточная церковь въ періодъ вселенскихъ соборовъ. Кіевъ, 1883. Самуиловъ В. Исторія арианства на латинскомъ Западѣ (353—430). Петроградъ, 1890. Лебедевъ А. Эпоха гоненій на христіанъ и утверженіе христіанства въ греко-римскомъ мірѣ при Константинѣ Великомъ. 3 изд. Петроградъ, 1904. Лебедевъ А. Вселенскіе соборы IV и V вѣковъ. 3 изд. Петроградъ, 1904. Гидуляновъ П. Восточные патріархи въ періодъ четырехъ первыхъ вселенскихъ соборовъ. Ярославль, 1908. Спасскій А. Исторія догматическихъ движеній въ эпоху вселенскихъ соборовъ. I. Тринитарный вопросъ. Сергіевъ Посадъ, 1906. Болотовъ В. Лекціи по исторіи древней церкви. III. Исторія церкви въ періодъ вселенскихъ соборовъ. Петроградъ, 1913. Монографіи по отдѣльнымъ царствованіямъ и вопросамъ: Константинъ Великій: Burckhardt. Die Zeit Constantins des Grossen. 3 изд. Leipzig, 1898 (1-е изд. 1853 г.). Brieger Th. Constantin der Grosse als Religionspolitiker. Gotha, 1880. Спасскій А. Обращеніе императора Константина Великаго въ христіанство. Свято-Троицкая Сергіева Лавра, 1905. Большая литература появилась въ 1913 году, напр.: Konstantin der Grosse und seine Zeit. Gesammelte Studien herausgeg. von Dölger F. Freiburg i. Br. 1913. Schwartz. Ed. Kaiser Constantin und die christliche Kirche. Leipzig—Berlin, 1913. Гроссу Н. Миланскій эдиктъ. Труды Кіевской Дух. Акад. 1913. Лебедевъ А. Константинъ Великій, первый христіанскій императоръ. Христ. чтеніе, т. 237—238 (1912—13). А. Бриллиантовъ. Императоръ Константинъ Великій и миланскій эдиктъ 313 года. Птр. 1916 (прекрасная работа, вполне вводящая въ вопросъ какъ со стороны источниковъ, такъ и со стороны литературы; тамъ же принята во вниманіе юбилейная литература 1913 года). Юліанъ Отступникъ (большая литература): Allard. P. Julien l'Apostat. 3 тома, Paris, 1900—1903; 3 изд. 1906. Negri G. L'Imperatore Giuliano l'Apostata. 2 изд. Milano, 1902. Въ русской беллетристической литературѣ: Мережковскій Д. Христосъ и антихристъ. Трилогія. I. Смерть боговъ: Юліанъ Отступникъ. Θεодосій Великій: Guldennepning A. und Ifland J. Der Kaiser Theodosius der Grosse. Halle, 1878. Rauschen G. Jahrbücher der christlichen Kirche unter dem Kaiser Theodosius dem Grossen. Freiburg i. Br., 1897. Чернявскій Н. Императоръ Θεодосій Великій и его царствованіе въ церковно-историческомъ отношеніи. Сергіевъ Посадъ, 1913. Германскія вторженія: Fustel de Coulanges. Histoire des institutions politiques de l'ancienne France. II. L'invasion germanique. Paris (есть русскій пер. подъ ред. И. М. Гревса. Петроградъ, 1904). Hodgkin T. Italy and her invaders. I. 2 изд. Oxford, 1892. Rappaport B. Die Einfälle der Goten in das römische Reich bis auf Constantin. Leipzig, 1899.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Имперія V-го и начала VI-го вѣка (395—518).

Государи V-го и начала VI вѣка и ихъ происхожденіе. Послѣ смерти Θεодосія, какъ было уже сказано выше, его сѣновья, Аркадій и Гонорій, получили въ управленіе имперію: Аркадій восточную часть, Гонорій — западную. Какъ и раньше въ IV вѣкѣ, при совмѣстномъ правленіи Валента съ Валентиніаномъ I или Θεодосія съ Граціаномъ и Валентиніаномъ II, когда подобное раздѣленіе управленія имперіей не нарушало ея единства, такъ и при Аркадіи и Гоноріи послѣднее нарушено не было: было два правителя единого государства. Современники ихъ именно такъ смотрѣли на дѣло, и историкъ V вѣка Орозій, авторъ «Исторіи противъ язычниковъ», писалъ (VII, 36, 1): «Аркадій и Гонорій начали сообща владѣть имперіей, имѣя только различныя резиденціи».

Государями въ восточной части имперіи за время съ 395 по 518 годъ были слѣдующія лица: Сначала сидѣла на престолѣ испанская линія Θεодосія Великаго: сынъ его Аркадій (395—408), женатый на Евдоксіи, дочери германскаго (франкскаго) вождя; затѣмъ сынъ Аркадія, Θεодосій II Малый (408—450), женатый на дочери аѣинскаго философа Аѣинаидѣ, во святомъ крещеніи получившей имя Евдокіи. Послѣ смерти Θεодосія II сестра его Пульхерія вышла замужъ за Маркіана, родомъ изъ Θракіи, который и сдѣлался императоромъ (450—457). Въ 450 году, такимъ образомъ, окончилась мужская линія испанской династіи Θεодосія. Послѣ смерти Маркіана на престолъ былъ избранъ военачальникъ Левъ I (457—474), родомъ изъ Θракіи или изъ «Дакіи въ Иллирикѣ», т. е. въ префектурѣ Иллирика. Дочь Льва I Аріадна, бывшая замужемъ за исавромъ Зиномомъ, имѣла сына Льва, который въ возрастѣ шести лѣтъ послѣ смерти своего дѣда сдѣлался импе-

раторомъ (474); но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ умеръ, успѣвъ сдѣлать соимператоромъ своего отца Зинона, изъ дикаго горнаго племени исавровъ, жившихъ внутри Малой Азіи, въ горахъ Тавра. Этотъ Левъ извѣстенъ въ исторіи какъ Левъ II Младшій. Послѣ смерти послѣдняго правилъ его отецъ Зиновъ (474 — 491). Въ 491 году его не стало, и вдова Зинона Ариадна отдала свою руку невысокаго ранга царедворцу, престарѣлому Анастасію, родомъ изъ Диррахіума (Дураццо), въ Иллиріи (въ современной Албаніи), который и былъ провозглашенъ императоромъ (Анастасій I, 491—518).

Изъ этого перечисленія императоровъ видно, что въ періодъ съ 395 по 518 годъ на константинопольскомъ тронѣ сидѣли, если не считать трехъ представителей испанской династіи Θεодосіа Великаго, случайные и разноплеменные императоры: были еракійцы, исавръ и иллиріецъ (можетъ быть, албанецъ). Ни одного грека на престолѣ не было.

Національные и религіозные интересы эпохи. Главный интересъ этой эпохи заключается въ исторіи національнаго и религіознаго вопроса. Подъ національнымъ вопросомъ надо разумѣть исторію борьбы различныхъ племенъ, населявшихъ имперію или нападавшихъ на ея предѣлы.

Эллинизмъ въ восточной половинѣ Римской имперіи долженъ былъ, казалось, играть роль одного изъ главныхъ объединяющихъ элементовъ среди ея разноплеменнаго состава. Въ дѣйствительности, этого не было. Начатки эллинизма на азіатскомъ Востокѣ до Евфрата и въ Египтѣ появились еще во времена Александра Македонскаго и діадочовъ. Главнымъ средствомъ для насажденія эллинизма Александръ считалъ основаніе колоній; говорятъ, что онъ одинъ основалъ на востокѣ болѣе семидесяти городовъ. Преемники Александра продолжали это дѣло болѣе или менѣе въ его духѣ. Если провести крайнія границы, до которыхъ доходила эллинизация въ тѣхъ странахъ, то на сѣверѣ граница ея дойдетъ до Арменіи, на югѣ до береговъ Краснаго моря; на востокѣ эллинизация проникла въ Персію и Месопотамію. Центромъ же эллинизма сдѣлалась египетская Александрія. Но, конечно, названныя страны представляли собою крайніе предѣлы, за которыми эллинизация уже совершенно исчезала. Наибольшему вліянію эллинизма подверглись прибрежныя страны Средиземнаго моря, а именно: Малая Азія, Сирія и Египеть. Изъ этихъ трехъ

странъ Малая Азія была наиболѣе эллинизированной страной; берега ея съ давнихъ поръ были усѣяны греческими колоніями, и греческое вліяніе, мало-по-малу, хотя и не безъ труда, проникло и во внутрь страны.

Гораздо слабѣе была эллинизация Сиріи, гдѣ эллинизмъ коснулся лишь высшаго, образованнаго класса; масса же населенія, не зная греческаго языка, продолжала говорить на своихъ родныхъ языкахъ: сирійскомъ или арабскомъ. Одинъ ученый писалъ, что, «если уже въ такомъ міровомъ городѣ, какъ Антиохія, простой человѣкъ говорилъ по арамейски (по-сирійски), то можно спокойно предположить, что внутри страны греческій языкъ былъ не языкомъ образованнаго класса, а только тѣхъ, кто ему спеціально обучался». Въ видѣ прекраснаго примѣра того, насколько туземный сирійскій языкъ крѣпко держался на Востокѣ, можно привести такъ называемый «Сирійско-римскій законникъ V вѣка». Древнѣйшая, дошедшая до насъ сирійская рукопись законника написана въ началѣ VI вѣка, слѣдовательно еще до Юстиніана, и, по всей вѣроятности, въ сѣверо-восточной Сиріи. Но сирійскій текстъ представляетъ собою переводъ съ греческаго; неизвѣстный намъ пока греческій оригиналъ законника, относящійся по нѣкоторымъ даннымъ къ семидесятымъ годамъ V вѣка, былъ тотчасъ же переведенъ на сирійскій языкъ. Кромѣ сирійскаго текста законника, до насъ дошли версіи арабская и армянская. По всей вѣроятности, законникъ имѣетъ церковное происхожденіе, будучи составленъ въ интересахъ церкви; въ немъ съ особенною подробностью разсматриваются статьи по брачному и наследственному праву и смѣло выставляются преимущества духовенства. Для насъ въ данномъ мѣстѣ не столько важно содержаніе законника, сколько фактъ его большого распространенія и бытового приложенія на Востокѣ, отъ Арменіи до Египта, на что указываютъ его различныя версіи и то обстоятельство, что заимствованія изъ него встрѣчаются въ сирійскихъ и арабскихъ сочиненіяхъ XIII—XIV вѣковъ. Когда при Юстиніанѣ его законодательство стало официально обязательнымъ для всего государства, то для восточныхъ провинцій оно оказалось слишкомъ громоздкимъ и неудобопонятнымъ; на практикѣ сирійскій законникъ являлся тамъ замѣною кодекса. Когда въ VII вѣкѣ мусульмане завоевали восточныя области, то тотъ же сирійскій законникъ и подъ ихъ

владычествомъ получилъ широкое распространеніе. Такимъ образомъ, этотъ памятникъ, переведенный по-сирійски уже во второй половинѣ V вѣка, можетъ служить прекрасной иллюстраціей того положенія, что масса населенія, не понимавшая ни по-латыни, ни по-гречески, крѣпко держалась своего родного сирійскаго языка.

Въ Египтѣ, не смотря на такой міровой культурный центръ, какъ Александрія, эллинизмъ также коснулся лишь правящаго, высшаго класса, свѣтскаго и духовнаго; народная же масса продолжала говорить на своемъ родномъ египетскомъ языкѣ.

Трудность управленія столь разнообразнымъ племеннымъ составомъ восточныхъ провинцій со стороны органовъ центрального правительства усугублялась еще тѣмъ обстоятельствомъ, что громадное большинство населенія Сиріи и Египта и нѣкоторая часть восточной Малой Азіи крѣпко держалась аріанства съ его послѣдующими развѣтвленіями. Такимъ образомъ, здѣсь и безъ того сложный племенной вопросъ усложнился въ V вѣкѣ еще болѣе благодаря разыгравшимся важнымъ событіямъ въ церковной жизни этихъ провинцій.

Въ западныхъ провинціяхъ Восточной имперіи, т. е. на Балканскомъ полуостровѣ, въ столицѣ и въ западной части Малой Азіи стоялъ на очереди вопросъ германскій, или готскій, угрожавшій, какъ было уже замѣчено выше, существованію имперіи. Въ половинѣ V вѣка, послѣ рѣшенія готскаго вопроса въ пользу правительства, нѣкоторое время казалось, что дикіе исавры займутъ въ столицѣ мѣсто, подобное готамъ. На восточной границѣ шла съ перерывами борьба съ персами, а черезъ сѣверную границу Балканскаго полуострова съ конца V вѣка начали свои опустошительныя вторженія тюркскіе болгары и славяне.

Аркадій (395—408). Временщики. Аркадію было всего 17 лѣтъ, когда онъ вступилъ на престолъ. Не имѣя ни государственнаго опыта, ни твердой воли, онъ подчинялся временщикамъ, которые забирали всю власть въ свои руки и, управляя государствомъ, имѣли на первомъ планѣ свои выгоды и выгоды своей партіи. Первымъ временщикомъ былъ Руфинъ, назначенный въ качествѣ руководителя Аркадія еще при жизни Θεодосія, а черезъ два года, послѣ насильственной смерти Руфина, исключительнымъ вліяніемъ у государя

сталъ пользоваться евнухъ Евтропій, положившій начало своему возвышенію устройствомъ брака Аркадія съ Евдоксіей, дочерью франка, служившаго военачальникомъ въ римской арміи. Младшій братъ Аркадія, Гонорій, получившій въ управленіе Западъ, имѣлъ еще при жизни отца въ качествѣ опекуна талантливаго вождя Стилихона, представлявшаго собою примѣръ романизованнаго германскаго варвара, оказавшаго большія услуги имперіи въ борьбѣ съ его соплеменниками.

Разрѣшеніе готскаго вопроса. Центральнымъ вопросомъ государства при Аркадіи былъ вопросъ германскій.

Поселенные на сѣверѣ Балканскаго полуострова востготы, во главѣ съ ихъ вождемъ Аларихомъ Балтой, двинулись въ самомъ началѣ правленія Аркадія въ Мизію, Фракію и Македонію, угрожая столицѣ. Благодаря дипломатическому вмѣшательству Руфина Аларихъ отказался отъ плана идти на Константинополь и устремилъ свое вниманіе на Западъ, а именно: на Грецію. Пройдя Фессалію, онъ черезъ Фермопилы вторгся въ Среднюю Грецію.

Въ то время въ Греціи жило еще вообще несмѣшанное греческое населеніе, какимъ его знали Павсаній и Плутархъ. Языкъ, религія, обычаи и законы предковъ, по словамъ Геродотуса, продолжали существовать въ городахъ и селеніяхъ, и, если христіанство было оффиціально признано господствующей религіей и осужденное правительствомъ служеніе богамъ было обречено на исчезновеніе, все же древняя Греція носила еще духовный и монументальный (благодаря сохранившимся памятникамъ древности) отпечатокъ язычества.

Беотія и Аттика были разграблены и опустошены Аларихомъ. Аѣнская гавань Пирей была захвачена готами, которые, однако, пощадили Аѣины. Языческій историкъ V вѣка Зосимъ сообщаетъ легенду о томъ, что Аларихъ, подойдя съ войскомъ къ аѣнской стѣнѣ, увидѣлъ въ вооруженіи богиню Аѣину Промахось и стоявшаго передъ стѣною троянскаго героя Ахилла; пораженный этимъ видѣніемъ, Аларихъ отказался отъ нападенія на Аѣины. Тяжела была участь Пелопоннеса, гдѣ востготы разграбили Коринѣъ, Аргось, Спарту и нѣкоторые другіе города. На освобожденіе Греціи выступилъ Стилихонъ, высадившійся съ войсками въ Коринѣскомъ заливѣ на Истмійскомъ перешейкѣ и отрѣзавшій такимъ образомъ Алариху обратный путь въ Среднюю Грецію. Съ большимъ тру-

домъ пробился Аларихъ на сѣверъ въ Эпиръ, и императоръ Аркадій не постыдился удостоить истребителя его провинцій высокимъ военнымъ саномъ магистра арміи въ Иллирикѣ (*magister militum per Illyricum*). Послѣ этого Аларихъ уже перестаетъ угрожать восточной части имперіи и направляетъ главное вниманіе на Италію.

Помимо готской опасности на Балканскомъ полуостровѣ и въ Греціи, готское преобладаніе чувствовалось со времени Θεодосія Великаго особенно сильно въ столицѣ, гдѣ наиболѣе отвѣтственныя мѣста въ арміи и многіе изъ высокихъ постовъ въ администраціи находились въ германскихъ рукахъ. Въ моментъ вступленія Аркадія на престоль, наибольшимъ вліяніемъ пользовалась въ столицѣ германская партія, во главѣ которой находился одинъ изъ главныхъ начальниковъ императорскаго войска, готъ Гайна; около него сплотились военные люди преимущественно готскаго происхожденія и представители мѣстнаго германофильства. Слабою стороною этой партіи было религіозное разногласіе, такъ какъ готы, какъ извѣстно, большею частью, были аріанами. Второю партіей въ первые годы правленія Аркадія можно назвать партію все-сильнаго временщика евнуха Евтропія, окружившаго себя различными приспѣшниками и честолюбцами, которые на первое мѣсто ставили устройство при помощи Евтропія своихъ личныхъ дѣлъ и карьеры. Гайна и Евтропій, конечно, ужиться въ мирѣ не могли; тотъ и другой стремились къ власти. Наконецъ, историки отмѣчаютъ третью партію, враждебную какъ германцамъ, такъ и Евтропію; послѣднее теченіе, къ которому примыкали сенаторы, служилые люди и большая часть духовенства, можетъ быть охарактеризовано какъ оппозиція во имя національной и религіозной идеи противъ разросшагося варварскаго и инославнаго вліянія; грубая и корыстолюбивая личность временщика евнуха Евтропія также не могла находить сочувствія въ представителяхъ названнаго направленія. Наиболѣе виднымъ лицомъ въ послѣдней партіи можно признать городского префекта Авреліана.

Многіе люди того времени сознавали всю опасность германскаго преобладанія; наконецъ, само правительство почувствовало германскую грозу.

До насъ дошелъ замѣчательно интересный документъ, ярко рисующій настроеніе нѣкоторыхъ общественныхъ круговъ въ

германскомъ вопросѣ; это—записка Синесія объ «Императорской власти» или, какъ ее иногда переводятъ, «Объ обязанностяхъ государя» (*Περὶ βασιλείας*), поданная или, можетъ быть, даже прочтенная Аркадію. Синесій, изъ сѣверо-африканскаго города Кирены, образованный неоплатоникъ, принявшій христіанство, отправился въ 399 году въ Константинополь съ ходатайствомъ передъ императоромъ о нѣкоторыхъ податныхъ облегченіяхъ для своего родного города. Впослѣдствіи по возвращеніи на родину онъ былъ избранъ епископомъ сѣверо-африканской Птолемаиды. За три года своего пребыванія въ Константинополь Синесій прекрасно далъ себѣ отчетъ въ германской опасности для имперіи и составилъ выше названную записку, которая, по словамъ одного историка, можетъ быть названа антигерманскимъ манифестомъ національной партіи Авреліана. «Достаточно будетъ небольшого предлога, писалъ Синесій, чтобы вооруженные (варвары) сдѣлались господами гражданъ; и тогда невооруженные будутъ сражаться съ людьми, изощренными въ военной борьбѣ. Прежде всего надо устранить (иноземцевъ) отъ начальственныхъ должностей и лишить ихъ сенаторскихъ званій, такъ какъ то, что въ древности у римлянъ казалось и было самымъ почетнымъ, сдѣлалось благодаря иноземцамъ позоромъ. Какъ во многомъ другомъ; такъ особенно въ этомъ отношеніи я удивляюсь нашему неразумію. Въ каждомъ домѣ, мало-мальски зажиточномъ, найдешь раба скиѳа (т. е. гота); они служатъ поварами, виночерпьями; скиѳы же и тѣ, что ходятъ съ небольшими стульями на плечахъ и предлагаютъ ихъ тѣмъ, кто желаетъ на улицѣ отдохнуть. Но недостойно ли крайняго удивленія то обстоятельство, что тѣ же самые бѣлокурые и причесанные по эвбейской модѣ варвары, которые въ частной жизни исполняютъ роль прислуги, въ политической являются нашими повелителями. Государю надо очистить войско, какъ кучу пшеницы, изъ которой мы отдѣляемъ мякину и все то, что произростая вредитъ настоящему зерну. Отецъ твой, по своему крайнему милосердію, принялъ ихъ (варваровъ) мягко и снисходительно, далъ имъ званіе союзниковъ, надѣлилъ политическими правами и почестями и наградилъ земельными пожалованіями. Но варвары не такъ поняли и оцѣнили благородное съ ними обхожденіе; они увидѣли въ этомъ нашу слабость, что внушило имъ дерзкую надменность и самохвальство. Увеличивъ

нашъ наборъ и съ наборомъ укрѣпивъ нашъ духъ и наши собственные войска, восполни въ государствѣ то, чего ему недостаетъ. Противъ этихъ людей нужна настойчивость. Или пусть варвары воздѣлываютъ землю, какъ въ древности мессенцы, бросивъ оружіе, служили плотами (рабами) у лакедемонянъ, или пусть уходятъ тѣмъ-же путемъ, что пришли, возвѣщая живущимъ по ту сторону рѣки (Дуная), что у римлянъ болѣе уже нѣтъ мягкости, и что надъ ними царствуетъ благородный юноша!»

Итакъ, главный смыслъ этого замѣчательнаго современнаго событіямъ документа заключался въ томъ, что Синесій, понимая опасность, грозившую со стороны готовъ государству, совѣтовалъ удалить ихъ изъ войска, набрать свое туземное войско и послѣ этого превратить варваровъ въ земледѣльцевъ, а, если бы они этого не пожелали, очистить отъ нихъ территорию римскаго государства, удаливъ ихъ за Дунай, т. е. туда, откуда они пришли.

Наиболѣе вліятельный начальникъ войска въ имперіи, выше упомянутый готъ Гайна, не могъ спокойно сносить исключительнаго вліянія временщика Евтропія. Въ это время готы, поселенные еще Θεодосіемъ Великимъ въ малоазіатской области Фригіи, подняли возстаніе подъ предводительствомъ своего вождя Трибигильда и разоряли страну. Отправленный противъ бунтовщика Гайна оказался его тайнымъ союзникомъ. Подавъ другъ другу руки и допустивъ намѣренно поражение высланныхъ противъ Трибигильда императорскихъ отрядовъ, они сдѣлались господами положенія и заявили императору требованіе объ удаленіи и выдачѣ имъ Евтропія. Противъ послѣдняго была также очень раздражена супруга Аркадія Евдоксія и партія Авреліана. Поставленный въ безвыходное положеніе благодаря германскимъ успѣхамъ, Аркадій долженъ былъ уступить: онъ отправилъ Евтропія въ ссылку (399 г.). Но это не удовлетворило торжествовавшихъ готовъ, которые принудили императора вернуть Евтропія въ столицу, предать суду и казнить. Послѣ этого Гайна потребовалъ у императора уступки аріанамъ-готамъ одного изъ столичныхъ храмовъ для отправленія въ немъ аріанскаго богослуженія. Но этому рѣшительно воспротивился константинопольскій епископъ Іоаннъ Златоустъ, и Гайна, зная, что на сторонѣ послѣдняго стояла не только вся столица, но и большая часть населенія имперіи, болѣе не настаивалъ на своемъ требованіи.

Обосновавшись въ столицѣ, готы стали полными распорядителями судебъ государства. Аркадій и столичное населеніе понимали весь ужасъ положенія. Однако, Гайна, несмотря на всѣ успѣхи, не смогъ удержаться въ Константинополѣ. Во время отсутствія его изъ столицы тамъ вспыхнуло возстаніе: многіе готы были перебиты. Гайна не смогъ вернуться въ столицу. Воспрянувшій духомъ Аркадій отправилъ противъ него вѣрнаго язычника гота Фравитту, который разбилъ Гайну во время попытки послѣдняго переправиться въ Малую Азію. Гайна бѣжалъ во Фракію, гдѣ попалъ въ плѣнъ къ гуннскому вождю, который, отрубивъ ему голову, послалъ ее въ видѣ подарка Аркадію. Такимъ образомъ, грозная германская опасность была устранена благодаря германцу же язычнику Фравиттѣ, удостоенному за эту великую услугу консульскаго званія. Готскій вопросъ въ началѣ V вѣка былъ рѣшенъ въ пользу правительства. Позднѣйшія попытки готовъ возвратить утраченное вліяніе уже не имѣли большого значенія.

Іоаннъ Златоустъ. На фонѣ германскихъ осложненій выступаетъ выдающаяся личность константинопольскаго патріарха: Іоанна Златоуста. Будучи родомъ изъ Антиохіи и ученикомъ знаменитаго ритора Либанія, Іоаннъ, готовившійся къ свѣтской карьерѣ, отказался отъ нея и, принявъ крещеніе, отдался всей душою проповѣднической дѣятельности въ родной Антиохіи, гдѣ онъ былъ пресвитеромъ. Временщикъ Евтропій, послѣ смерти патріарха Нектарія, остановилъ свой выборъ на знаменитомъ уже антиохійскомъ проповѣдникѣ Іоаннѣ, который и былъ тайно увезенъ въ столицу изъ боязни, чтобы антиохійское населеніе, очень любившее своего проповѣдника, не воспротивилось его отъѣзду. Несмотря на происки Теофила, епископа александрійскаго, Іоаннъ былъ посвященъ въ епископы, и ему ввѣрена была столичная кафедра (398 г.). Столица получила въ его лицѣ замѣчательнаго, безстрашнаго оратора и одного изъ тѣхъ убѣжденныхъ людей, у которыхъ принципы не расходились съ дѣломъ. Проповѣдникъ строгой нравственности и противникъ излишней роскоши, не отступавшій отъ своего никейскаго міровоззрѣнія, Іоаннъ встрѣтилъ среди своей паствы не мало враговъ. Среди послѣднихъ находилась императрица Евдоксія, любившая роскошь и удовольствія, которую онъ въ своихъ публичныхъ проповѣдяхъ осыпалъ упреками, а въ одной изъ нихъ, подлинность которой нѣкоторыми

учеными, безъ большихъ основаній, оспаривается, сравнивалъ съ Іезавелью и Иродіадой. Твердой политикой онъ держался по отношенію къ аріанамъ-готамъ, которые, какъ уже было сказано выше, въ лицѣ Гайны требовали уступки имъ для совершенія аріанскаго богослуженія одной изъ столичныхъ церквей. Іоаннъ отказалъ въ просьбѣ, и готы примирились съ этимъ и продолжали довольствоваться отведенною имъ церковью за городскими стѣнами. Но къ меньшинству готовъ, которые были православными, Іоаннъ относился очень внимательно; онъ отвелъ имъ церковь въ городѣ, часто бывалъ въ ней и черезъ переводчика велъ съ ними бесѣды.

Твердая религіозность, нежеланіе дѣлать уступки и суровое обличительное слово Іоанна создали ему много враговъ. Аркадіѣ подчинился этому теченію и открыто высказался противъ патріарха, который удалился въ Малую Азію. Происшедшее народное волненіе въ столицѣ изъ-за удаленія любимаго пастыря заставило императора вернуть его обратно. Но миръ между правительствомъ и патріархомъ продолжался не долго. Освященіе статуи императрицы дало поводъ къ новому горячему выступленію Іоанна. Онъ былъ объявленъ лишеннымъ сана, и его послѣдователи, іоанниты, подвергались преслѣдованіямъ. Наконецъ, въ 404 году Іоаннъ былъ отправленъ въ ссылку въ каппадокійскій городъ Кукузь, куда онъ прибылъ послѣ длиннаго тяжелаго путешествія. Это было, по словамъ Іоанна, «самое пустынное мѣсто всего государства». Черезъ три года пришло распоряженіе о новой ссылкѣ Іоанна на далекое восточное побережье Чернаго моря, по пути куда онъ въ 407 году и умеръ. Такъ закончилъ свою жизнь одинъ изъ наиболѣе выдающихся представителей восточной церкви ранняго средневѣковья, оставившій послѣ себя богатое литературное наслѣдство, которое рисуетъ яркую картину общественной и религіозной жизни той эпохи, не убоавшійся открыто выступить противъ аріанскихъ притязаній всесильнаго Гайны, отстаивавшій съ убѣжденнымъ упорствомъ идеалы апостольской церкви. Іоаннъ Златоустъ, по выраженію одного писателя, останется всегда однимъ изъ прекраснѣйшихъ нравственныхъ примѣровъ, какіе только можетъ созерцать чело-вѣчество. «Онъ былъ безжалостенъ ко грѣху и исполнилъ милосердія къ грѣшнику».

Заступничество папы и западнаго императора Гонорія

передъ Аркадіемъ за преслѣдуемыхъ Іоанна и іоаннитовъ не увѣнчалось успѣхомъ.

Въ 408 году умеръ Аркадій. Сыну и преемнику его, Θεодосію шель всего восьмой годъ. Жены Аркадія и матери малолѣтняго Θεодосія, Евдоксіи не было въ живыхъ.

Θеодосій II Малый или Младшій (408—450). По свидѣтельству нѣкоторыхъ источниковъ, Аркадій въ своемъ завѣщаніи назначилъ своему малолѣтнему преемнику Θεодосію въ качествѣ опекуна персидскаго царя Іездегерда, изъ боязни, какъ бы константинопольскіе придворные не лишили Θεодосія престола. Персидскій царь свято соблюлъ возложенную на него Аркадіемъ обязанность и при помощи своего уполномоченнаго оберегалъ Θεодосія отъ происковъ окружавшихъ его лицъ. Многіе изъ ученыхъ отвергаютъ достовѣрность этого разсказа; но другіе находятъ, что въ немъ нѣтъ ничего неправдоподобнаго.

Не обладая государственными талантами и мало интересуясь дѣлами правленія, Θεодосій въ теченіе своего долгаго царствованія стоялъ почти въ сторонѣ отъ нихъ; онъ имѣлъ склонность къ уединенной жизни, живя во дворцѣ какъ въ монастырѣ, и посвящалъ много времени каллиграфіи, переписывая своимъ красивымъ почеркомъ древнія рукописи. Но Θεодосія окружали талантливые и энергичные люди, которые не мало способствовали тому, что время его правленія ознаменовано важными событіями во внутренней жизни государства. Поэтому современная наука перестаетъ смотрѣть, и на Θεодосія, какъ на человѣка безвольнаго и безталаннаго. Особеннымъ вліяніемъ пользовалась въ теченіе всей жизни Θεодосія его благочестивая и не лишенная государственнаго ума сестра Пульхерія. Благодаря послѣдней Θεодосій женился на дочери аѣинскаго философа Аѣинаидѣ, названной во святомъ крещеніи Евдокіей. Получивъ въ Аѣинахъ прекрасное образованіе и обладая литературнымъ талантомъ, она написала нѣсколько дошедшихъ до насъ сочиненій, въ которыхъ, помимо религиозныхъ сюжетовъ, нашли отраженіе и современныя политическія событія.

При Θεодосіи восточная половина имперіи во внѣшнихъ отношеніяхъ не переживала тяжелыхъ потрясеній, подобныхъ тѣмъ, которыя пришлось переживать въ ту эпоху западной половины въ связи съ германскими передвиженіями. Вестготскій

вождь Аларихъ взялъ Римъ, прежнюю столицу римскаго языческаго государства, и это событіе произвело на современниковъ потрясающее впечатлѣніе. Въ Западной Европѣ и сѣверной Африкѣ образовались на римской территоріи первыя варварскія государства. Въ восточной же части имперіи Феодосію пришлось столкнуться съ дикими гуннами, нападавшими на византійскіе предѣлы и въ своихъ опустошительныхъ набѣгахъ доходившими до стѣнъ Константинополя. Императоръ долженъ былъ уплатить имъ большую сумму денегъ и уступить землю на югъ отъ Дуная. Установившіяся послѣ этого мирныя отношенія съ гуннами повели къ отправленію къ нимъ въ Паннонію посольства во главѣ съ Прискомъ, который составилъ въ высшей степени интересное описаніе какъ двора Аттилы, такъ и нравовъ и обычаевъ гунновъ. Описаніе это получаетъ совершенно исключительный для насъ интересъ, такъ какъ, по всей вѣроятности, гунны на среднемъ Дунаѣ подчинили себѣ жившихъ тамъ славянъ; поэтому многія черты въ описаніи Приска должны относиться къ славянскимъ племенамъ. Славянское же происхожденіе самихъ гунновъ, за которое до сихъ поръ, какъ было уже упомянуто выше, упорно стоитъ Д. И. Иловайскій, наукою отвергнуто; гунны были народомъ тюркскимъ.

Богословскіе споры и третій Вселенскій Соборъ. Первые два вселенскихъ собора окончательно рѣшили вопросъ о томъ, что Иисусъ Христосъ есть Богъ и вмѣстѣ съ тѣмъ человекъ. Но послѣднее рѣшеніе далеко не удовлетворило пытливые богословскіе умы, которые стали заниматься вопросомъ о способѣ соединенія въ Иисусѣ Христѣ двухъ природъ и о взаимномъ ихъ отношеніи. Изъ Антиохіи еще въ концѣ IV вѣка вышло ученіе о томъ, что полнаго сліянія обѣихъ природъ въ Иисусѣ Христѣ не было; въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи это ученіе доказывало полную самостоятельность человѣческой природы въ Иисусѣ Христѣ, какъ до соединенія, такъ и послѣ соединенія ея съ природою Божественною. Пока это ученіе не выходило за предѣлы ограниченнаго кружка лицъ, оно не вызывало въ церкви большихъ смуть. Но со времени появленія на константинопольской патріаршей кафедрѣ убѣжденнаго сторонника этого ученія, антиохійскаго пресвитера Несторія обстоятельства измѣнились: послѣдній сдѣлалъ антиохійское ученіе общецерковнымъ. Новый патріархъ, знаменитый сво-

имъ краспорѣчіемъ, сразу же послѣ посвященія обратился съ такими словами къ императору: «Дай мнѣ, государь, очищенную отъ еретиковъ землю, и я за это дамъ тебѣ небо; помоги истребить мнѣ еретиковъ, и я помогу тебѣ истребить персовъ». Подъ еретиками Несторій разумѣлъ всѣхъ тѣхъ, кто не раздѣлялъ его взглядовъ на самостоятельность человѣческой природы въ Иисусѣ Христѣ. Дѣву Марію Несторій называлъ не Богородицею, а христородицею.

Открывъ суровыя преслѣдованія противъ своихъ противниковъ, Несторій вызвалъ въ церкви большую смуту. Особенно сильно возсталъ противъ ученія Несторія патріархъ александрійскій Кириллъ и папа Целестинъ, осудившій на римскомъ соборѣ еретическое ученіе. Императоръ Θεодосій, желая положить конецъ церковнымъ распрямъ, созвалъ въ Эфесѣ третій вселенскій соборъ, который осудилъ несторіанство (431 г.). Самъ Несторій былъ отправленъ въ ссылку въ Египетъ, гдѣ и умеръ.

Не смотря на осужденіе несторіанства, несторіане оставались въ довольно большомъ количествѣ въ Сиріи и Месопотаміи; противъ нихъ гражданскія власти, по приказанію императора, неоднократно прибѣгали къ строгимъ мѣрамъ. Главнымъ центромъ несторіанства была Эдесса, гдѣ находилась знаменитая школа, распространявшая антиохійскія идеи. Въ 489 году, при императорѣ Зинонѣ, школа была уничтожена, а профессора и ученики изгнаны. Послѣдніе направились въ Персію, гдѣ основали школу въ городѣ Нисибіи. Персидскій царь охотно принималъ несторіанъ и оказывалъ имъ покровительство, такъ какъ видѣлъ въ нихъ враговъ имперіи, которыми при случаѣ онъ могъ воспользоваться. Персидская церковь несторіанъ или сиро-халдейскихъ христіанъ имѣла во главѣ епископа, который назывался католикосомъ. Изъ Персіи христіанство въ формѣ несторіанства переходило въ другія страны, напр. въ Индію.

Въ самой византійской церкви, особенно въ Александріи, послѣ Эфесскаго собора появилось новое теченіе, возникшее и развившееся въ противоположность несторіанству. Приверженцы Кирилла александрійскаго, давая перевѣсъ въ Иисусѣ Христѣ его Божественной природѣ надъ человѣческой, пришли къ заключенію, что послѣдняя была совершенно поглощена первой, т. е., что въ Иисусѣ Христѣ была лишь одна Божествен-

ная природа. Ученіе это стало называться монофиситствомъ, а его послѣдователи—монофиситами (отъ греческихъ словъ *μόνος*—одинъ и *φύσις*—природа). Монофиситство дѣлало большіе успѣхи при александрійскомъ епископѣ Діоскорѣ и константинопольскомъ архимандритѣ Евтихіи, убѣжденныхъ монофиситахъ. Императоръ склонился на сторону Діоскора, такъ какъ видѣлъ въ немъ проводителя идей Кирилла александрійскаго. Противъ новаго ученія возстали константинопольскій патріархъ и папа Левъ I Великій. По настоянію Діоскора, императоръ собралъ въ 449 году соборъ въ Эфесѣ, получившій въ исторіи прозваніе Разбойничьяго собора. На немъ александрійская партія монофиситовъ во главѣ съ Діоскоромъ, предсѣдателемъ собора, путемъ насильственныхъ мѣръ по отношенію къ несогласнымъ съ ними участникамъ собора, признала ученіе Евтихія, т. е. монофиситство, правовѣрнымъ и осудила противниковъ этого ученія. Императоръ утвердилъ постановленія собора и призналъ его вселенскимъ. Конечно, это рѣшеніе не дало церкви мира. Въ моментъ сильныхъ церковныхъ смуть Θεодосій умеръ, оставивъ рѣшеніе столь важнаго въ послѣдующей исторіи Византіи вопроса о монофиситствѣ своему преемнику.

Помимо событій бурной и чреватой своими послѣдствіями церковной жизни эпоха Θεодосія II интересна также и другими важными явленіями во внутренней жизни имперіи.

Высшая школа въ Константинополѣ. Codex Theodosianus. Константинопольскія стѣны. Для культурнаго процвѣтанія Византіи изъ эпохи Θεодосія Младшаго имѣютъ крупное значеніе основаніе высшей школы въ Константинополѣ и изданіе Θεодосіева кодекса.

До V вѣка однимъ изъ главныхъ центровъ преподаванія языческихъ наукъ въ Римской имперіи были Аѳины, гдѣ находилась знаменитая философская школа. Туда отовсюду собирались софисты, т. е. греческіе учителя риторики и философіи, изъ которыхъ одни желали блеснуть своими знаніями и ораторскимъ искусствомъ, другіе надѣялись хорошо устроиться въ качествѣ профессоровъ-учителей. Послѣдніе частью получали жалованье изъ императорской казны, частью изъ суммъ того или другого города. Частные уроки и лекціи также оплачивались въ Аѳинахъ лучше, чѣмъ въ другихъ городахъ. Торжество христіанства въ концѣ IV вѣка нанесло сильный ударъ

значенію аѳинской школы. Кромѣ того, умственная жизнь въ Аѳинахъ была нарушена въ самомъ концѣ того-же IV вѣка тѣмъ, что Греція подверглась опустошенію отъ вторгнувшихся туда подъ предводительствомъ Алариха вестготовъ. Послѣ ихъ удаленія аѳинская школа опустѣла; философовъ стало мало. Еще болѣе сильный ударъ аѳинской языческой школѣ былъ нанесенъ основаніемъ при Θεодосіи II высшей христіанской школы или университета въ Константинополѣ.

Въ 425 году Θεодосій II издалъ указъ объ основаніи высшей школы. Профессоровъ было 31; они преподавали грамматику, риторику, законовѣдѣніе и философію. Преподаваніе велось частью на латинскомъ языкѣ, частью на греческомъ.

Указъ говорилъ о трехъ риторяхъ (*oratores*) и десяти грамматикахъ, знатокахъ латинскаго языка, и о пяти риторяхъ или софистахъ (*sofistae*) и десяти грамматикахъ, знатокахъ греческаго языка; кромѣ того, указъ предусматривалъ одного спеціалиста-философа и двухъ юристовъ. Хотя государственнымъ языкомъ оставался все еще языкъ латинскій, тѣмъ не менѣе учрежденіе кафедръ съ греческимъ языкомъ указываетъ на то, что самъ императоръ начиналъ признавать въ новой столицѣ права и за этимъ языкомъ, который въ восточной половинѣ имперіи былъ, конечно, болѣе понятенъ, чѣмъ латинскій. Не лишнее отмѣтить, что раторовъ съ греческимъ языкомъ было въ высшей школѣ пять, а раторовъ съ латинскимъ языкомъ всего три. Для новой высшей школы, которую ученые иногда называютъ университетомъ, было отведено особое зданіе съ обширными залами для аудиторій, гдѣ читали лекціи. Профессора не имѣли права обучать кого-либо у себя на дому, но все свое вниманіе и время должны были посвящать преподаванію въ зданіи высшей школы. Профессора пользовались опредѣленнымъ содержаніемъ изъ государственныхъ средствъ и могли дослужиться до очень высокихъ чиновъ. Новый христіанскій центръ просвѣщенія въ Константинополѣ явился опаснымъ соперникомъ для Аѳинской языческой школы, которая приходила все въ большій упадокъ. Въ послѣдующей исторіи Византіи высшая школа Θεодосія II явится тѣмъ очагомъ, около котораго будутъ объединяться лучшія умственные силы имперіи.

Ко времени Θεодосія II относится также древнѣйшій дошедшій до насъ сборникъ указовъ римскихъ императоровъ.

Уже давно чувствовалась настоятельная необходимость въ подобномъ сборникѣ, такъ какъ многочисленные указы, не собранные воедино, забывались и терялись, что вносило большую путаницу въ дѣлахъ и затрудняло юристовъ. До Θεодосія II известны два сборника указовъ, *Codex Gregorianus* и *Codex Hermogenianus*, названные такъ, вѣроятно, по именамъ своихъ неизвѣстныхъ намъ составителей, Григорія и Гермогена. Первый сборникъ относился къ эпохѣ Діоклетіана и содержалъ указы, вѣроятно, со времени Адриана до Діоклетіана. Второй сборникъ былъ составленъ при его преемникахъ въ IV вѣкѣ и содержалъ указы отъ конца III-го до шестидесятихъ годовъ IV-го вѣка. Оба эти сборника до насъ не дошли и известны лишь по незначительнымъ сохранившимся отрывкамъ.

Θеодосій II также рѣшилъ издать, по образцу двухъ предшествовавшихъ сборниковъ, сборникъ указовъ христіанскихъ императоровъ, начиная съ Константина Великаго до его времени. Созванная императоромъ коммиссія послѣ восьмилѣтней работы издала такъ называемый *Codex Theodosianus*. Языкъ его былъ латинскій. Въ 438 году *Codex Theodosianus* былъ опубликованъ на востокѣ; но вскорѣ же онъ былъ введенъ и въ западной половинѣ имперіи. Кодексъ Θεодосія распадается на 16 книгъ, которыя подраздѣляются на извѣстное число главъ (*tituli*). Каждая книга охватываетъ какую либо сторону государственной жизни, напр.: вопросъ о должностяхъ, о военномъ дѣлѣ, о религіозной жизни и т. д. Въ главахъ указы распределены въ хронологическомъ порядкѣ. Появившеся послѣ изданія кодекса указы стали называть новеллами (*leges novellae*).

Кодексъ Θεодосія имѣетъ въ исторіи крупное значеніе. Прежде всего, онъ является драгоцѣннѣйшимъ источникомъ вообще для внутренней исторіи IV и V вѣковъ. Кромѣ того, охватывая эпоху, когда христіанство сдѣлалось государственною религіей, законодательный сборникъ Θεодосія какъ бы подводитъ итоги тому, что новая религія сдѣлала въ области права, какія измѣненія она внесла въ юридическія отношенія. Далѣе, кодексъ Θεодосія, вмѣстѣ съ предыдущими сборниками, послужилъ солиднымъ основаніемъ для послѣдующаго законодательнаго дѣла Юстиніана. Наконецъ, будучи введенъ и на западѣ въ періодъ передвиженія германскихъ племенъ, онъ

эмѣстѣ съ двумя болѣе ранними кодексами, позднѣйшими новеллами и нѣкоторыми другими юридическими памятниками императорскаго Рима, напр. институціями Гая, оказаль большое вліяніе, прямое и косвенное, на варварское законодательство. Извѣстный «Римскій законъ вестготовъ» (*Lex Romana Visigothorum*), предназначавшійся для римскихъ подданныхъ Вестготскаго королевства, представляетъ собою не что иное, какъ сокращеніе Θεодосіева кодекса и другихъ выше отмѣченныхъ источниковъ; поэтому этотъ законъ называется также «Бревіаріемъ Алариха» (*Breviarium Alaricianum*), т. е. «Сокращеніемъ», изданнымъ при вестготскомъ королѣ Аларихѣ II въ началѣ VI вѣка. Это примѣръ прямого вліянія Θεодосіева кодекса на варварское законодательство. Но еще болѣе частымъ является его косвенное вліяніе черезъ упомянутый вестготскій сборникъ. Когда въ періодъ ранняго средневѣковья на западѣ ссылались на римскій законъ, то имѣли въ виду почти всегда «Римскій законъ вестготовъ», а не настоящій Θεодосіевъ кодексъ. Послѣдній, такимъ образомъ, вліяль на законодательство Западной Европы въ раннее средневѣковье, включая и каролингскую эпоху, черезъ посредство Бревіарія Алариха, сдѣлавшагося главнымъ источникомъ римскаго права на западѣ. Отсюда видно, что римское право въ то время оказывало вліяніе на Западную Европу не черезъ посредство кодекса Юстиніана, который распространился на западѣ лишь съ XII вѣка. Объ этомъ иногда забываютъ, и даже такой выдающійся историкъ, какъ французъ Фюстель де Куланжъ утверждалъ, будтобы «наукою доказано, что юстиніановы законодательные сборники сохраняли силу въ Галліи до глубины среднихъ вѣковъ». Изъ выше изложеннаго видно, какое общеисторическое значеніе имѣетъ *Codex Theodosianus*.

Къ числу очень важныхъ событій изъ времени Θεодосія II надо безусловно отнести сооруженіе константинопольскихъ стѣнъ. Уже Константинъ Великій окружилъ новую столицу стѣною, какъ съ суши, такъ и съ моря. Ко времени Θεодосія II городъ разросся далеко за предѣлы Константиновой сухопутной стѣны. Необходимо было принять новыя мѣры къ защитѣ города отъ нападенія враговъ. Примѣръ Рима, взятаго въ 410 году Аларихомъ, являлся серьезнымъ предостереженіемъ для Константинополя, которому въ первой половинѣ V вѣка угрожали дикіе гунны.

Для выполненія столь трудной задачи нашлись около Θεодосія талантливые и энергичные люди. Стѣны строились при немъ въ два приѣма. Еще въ малолѣтство Θεодосія префектъ Анеимій, бывшій регентомъ, соорудилъ въ 413 году сухопутную стѣну съ многочисленными башнями, отъ Мраморнаго моря до Золотого Рога, въ нѣкоторомъ разстоянн на западъ отъ стѣны Константина. Стѣна Анеимія, спасающая столицу отъ нападенія Атилы, существуетъ и по настоящее время, на разстоянн отъ Мраморнаго моря на сѣверъ до развалинъ византійскаго дворца, извѣстнаго подъ названіемъ Текфуръ Серая. Послѣ сильного землетрясенія, повредившаго стѣны, префекты Киръ и Константинъ, которыхъ въ наукѣ нерѣдко отождествляютъ, уже въ концѣ царствованія Θεодосія, не только исправили стѣну Анеимія, но соорудили впереди послѣдней еще стѣну, также со многими башнями, передъ которой вырыли глубокой и широкой наполненный водою ровъ. Такимъ образомъ, съ суши получился тройной рядъ укрѣпленій, уцѣлѣвшихъ до нашего времени: двѣ стѣны и передъ ними ровъ. При Кирѣ были также построены стѣны вдоль берега моря. Сохранившіяся отъ того времени до нашихъ дней на стѣнахъ двѣ надписи, одна греческая, другая латинская, говорятъ о строительной дѣятельности Θεодосія. Съ именемъ же Кира связывается введеніе ночного уличнаго освѣщенія въ столицѣ.

Въ 450 году Θεодосій II умеръ. Не смотря на отсутствіе въ немъ талантовъ государственнаго челоука, его долговременное правленіе, благодаря удачному подбору окружавшихъ его лицъ, имѣетъ очень важное значеніе для послѣдующей исторіи, особенно съ точки зрѣнія культуры: высшая школа въ Константинополѣ и Θεодосіевъ кодексъ остаются прекрасными памятниками культурнаго движенія первой половины V вѣка. Возведенныя же Θεодосіемъ городскія стѣны сдѣлали Константинополь на много вѣковъ неприступнымъ для враговъ Византіи.

Маркіанъ (450—457) и Левъ I (457—474). Аспаръ. 4-й Вселенскій Соборъ. Θεодосій II умеръ, не оставивъ потомства. Престарѣлая сестра его Пульхерія вступила въ фиктивный бракъ съ Маркіаномъ, родомъ изъ Фракіи, который и былъ провозглашенъ императоромъ. Скромный военный, Маркіанъ былъ возведенъ на престолъ по настоянню вліятель-

наго начальника войскъ Аспара, алана или гота по происхожденію.

Готскій вопросъ, сдѣлавшійся въ смыслѣ преобладанія готовъ въ имперіи въ концѣ IV-го и началѣ V-го вѣка опаснымъ для государства, былъ, какъ сказано уже выше, рѣшенъ при Аркадіи въ пользу правительства. Но не смотря на это, готскій элементъ въ византійскомъ войскѣ продолжалъ существовать, хотя и въ гораздо меньшихъ размѣрахъ, и въ половинѣ V вѣка варваръ Аспаръ, опираясь на готовъ, сдѣлалъ послѣднюю попытку возстановить прежнее германское преобладаніе. На нѣкоторое время это ему удалось. Два императора, Маркіанъ и Левъ I, были возведены на престолъ по желанію Аспара, которому аріанство являлось помѣхою лично занять престолъ. Въ столицѣ снова разросталось недовольство противъ Аспара, его семьи и вообще противъ варварскаго вліянія въ войскахъ. Два обстоятельства довели напряженіе до крайности. Снаряженная при Львѣ I съ громадными затратами и трудами морская экспедиція въ сѣверную Африку противъ вандаловъ окончилась полною неудачей. Народъ обвинялъ за это Аспара въ измѣнѣ, такъ какъ послѣдній являлся противникомъ экспедиціи противъ вандаловъ, т. е. германцевъ, соплеменниковъ готовъ, и экспедиція была предпринята вопреки желанію Аспара. Кромѣ того, Аспаръ заставилъ Льва I сдѣлать одного изъ его сыновей кесаремъ, т. е. дать ему самое высокое въ имперіи званіе. Въ такихъ обстоятельствахъ императоръ, при помощи находившихся въ большомъ числѣ въ столицѣ воинственныхъ исавровъ, рѣшилъ избавиться отъ германскаго засилья: онъ убилъ Аспара и часть его семьи и этимъ самымъ нанесъ окончательный ударъ германскому вліянію при константинопольскомъ дворѣ. За эту жестокую расправу Левъ I получилъ прозваніе *Макелла*, т. е. убійцы, мясника. *Θ. И. Успенскій*, видя въ этомъ дѣлѣ важный шагъ къ націонализаціи войска и къ ослабленію преобладанія варварскихъ дружинъ, заключаетъ, что это національное дѣло можетъ оправдывать даваемое Льву I наименованіе Великаго (I, 330).

Страшные для Византіи гунны, еще въ началѣ правленія Маркіана, двинулись на Западъ, гдѣ произошла знаменитая Каталаунская битва. Вскорѣ самъ Аттила умеръ, и его громадная держава распалась. Гуннская опасность для Византіи, такимъ образомъ, миновала при Маркіанѣ.

Последній императоръ получилъ въ наслѣдство отъ своего предшественника сложныя церковныя дѣла. Монофиситы торжествовали. Маркіанъ, стоя на точкѣ зрѣнія первыхъ двухъ вселенскихъ соборовъ, не могъ съ этимъ примириться и созвалъ въ 451 году четвертый вселенскій соборъ въ Халкидонѣ, имѣвшій первостепенное значеніе для всей послѣдующей исторіи. Составъ собора былъ очень многочисленный; папа прислалъ на соборъ своихъ легатовъ.

Осудивъ дѣянія Эфесскаго разбойничьяго собора и лишивъ Діоскора епископскаго сана, соборъ выработалъ религіозную формулу, совершенно отвергавшую монофиситство и вполнѣ согласную съ воззрѣніемъ римскаго папы. Соборъ призналъ «Христа, Сына, Господа, едиnorodнаго, въ двухъ естествахъ неслитно, неизмѣнно, нераздѣльно, неразлучно познаваемаго». Определеніе вѣры Халкидонскаго собора, торжественно подтвердившее определенія первыхъ двухъ вселенскихъ соборовъ, сдѣлалось однимъ изъ главнѣйшихъ устоевъ вѣроученія православной церкви.

Постановленіе Халкидонскаго собора имѣло для исторіи Византіи также крупное политическое значеніе. Византійское правительство и константинопольская церковь, выступивъ въ половинѣ V вѣка рѣшительно противъ монофиситства, оттолкнули отъ себя восточныя провинціи, — Египетъ и Сирію, гдѣ населеніе было по преимуществу монофиситскимъ. Египетскіе и сирійскіе монофиситы остались и послѣ собора 451 года вѣрными своимъ религіознымъ взглядамъ и ни на какія уступки не соглашались. Религіозныя смуты, вылившіяся вскорѣ послѣ этого въ Іерусалимѣ, Александріи и Антіохіи, на почвѣ насильственнаго введенія соборныхъ рѣшеній, въ форму серьезныхъ народныхъ возстаній, должны были быть подавляемы съ большимъ кровопролитіемъ при помощи гражданскихъ властей и военной силы. Но это не помогало. И вотъ, на фонѣ все болѣе обострившихся религіозныхъ противорѣчій стали ярче выступать, особенно въ Египтѣ и Сиріи, противорѣчія племенные. Египетское и сирійское туземное населеніе постепенно приходило къ мысли о желательности отпаденія отъ Византіи. Подобная религіозная обстановка въ восточныхъ провинціяхъ, въ связи съ составомъ населенія, создала въ нихъ къ VII вѣку такія условія, которыя облегчили переходъ этихъ богатыхъ и культурныхъ областей сначала въ руки персовъ, а потомъ арабовъ.

Имѣетъ также немалое значеніе 28-й канонъ Халкидонскаго собора, вызвавшій переписку между императоромъ и папою, не признанный послѣднимъ, но принятый на востокѣ. Вопросъ былъ о правѣ чести константинопольскаго патріарха въ отношеніи римскаго папы, т. е. вопросъ, рѣшенный уже третьимъ канономъ второго вселенскаго собора. Слѣдуя рѣшенію послѣдняго собора, 28-й канонъ Халкидонскаго собора предоставилъ «равныя преимущества святѣйшему престолу новаго Рима, справедливо разсудивъ, чтобы городъ, почтенный царскимъ правительствомъ и синклитомъ и имѣющій равныя преимущества съ древнимъ царственнымъ Римомъ, былъ возвеличенъ, подобно ему, и въ церковныхъ дѣлахъ, будучи вторымъ по немъ». Далѣе, въ томъ же 28-мъ канонѣ константинопольскому архіепископу предоставляется право посвящать епископовъ въ областяхъ Понта, Азіи и Фракіи, заселенныхъ иноплемениками. «Достаточно припомнить, говорить Ф. И. Успенскій, что сюда могли относиться всѣ христіанскія миссіи на Востокѣ, въ южной Россіи и на Балканскомъ полуостровѣ, и всѣ тѣ пріобрѣтенія восточнаго духовенства, которыя съ теченіемъ времени могли быть сдѣланы въ указанныхъ областяхъ. Во всякомъ случаѣ на этой точкѣ зрѣнія стоятъ послѣдующіе греческіе канонисты, отстаивающіе права Константинопольскаго патріархата. Вотъ въ краткихъ словахъ всемірно-историческое значеніе 28-го канона».

Такимъ образомъ, въ лицѣ Маркіана и Льва I мы имѣемъ императоровъ, строго придерживавшихся православія.

Зинонъ. Исавры. Одоакръ и Теодорихъ Остготскій. Актъ единенія. Послѣ смерти Льва I (474 г.) императоромъ сдѣлался шестилѣтній внукъ его Левъ, который умеръ въ томъ же году, успѣвъ объявить соимператоромъ своего отца Зинона, изъ дикаго малоазіатскаго племени исавровъ. Зинонъ послѣ смерти сына сдѣлался императоромъ (474—491 г.). Съ его воцареніемъ прежнее германское вліяніе при дворѣ смѣнилось новымъ варварскимъ вліяніемъ — исаврійскимъ. Дикіе исавры получили въ столицѣ преобладающее значеніе, занимая лучшія мѣста и отвѣтственныя должности. Зинонъ, увидѣвъ, что среди его соплеменниковъ были люди, поднявшіе противъ него возстаніе, рѣшительно выступилъ противъ повстанцевъ и подавилъ мятежъ въ самой горной Исавріи, гдѣ велѣлъ срыть большую часть укрѣпленій. Исаврій-

ское же вліяніе въ столицѣ продолжалось до самой смерти Зинона.

Съ временемъ Зинона связаны очень важныя событія въ Италіи. Во второй половинѣ V вѣка тамъ получили главное значеніе предводители германскихъ дружинъ, которые по своему желанію возводили и низводили императоровъ въ Римѣ. Въ 476 году одинъ изъ предводителей варварскихъ дружинъ Одоакръ (или Одовакаръ) низложилъ послѣдняго западнаго императора, юнаго Ромула Августула и сталъ самъ править въ Италіи; но чтобы закрѣпить свое право на управленіе Италіей, онъ отправилъ отъ имени римскаго сената посольство къ Зинону съ увѣреніемъ, что для Италіи особаго императора не надо и что такимъ императоромъ долженъ быть Зинонъ; но въ то же время Одоакръ просилъ Зинона пожаловать его титуломъ римскаго патриція и уполномочить управлять Италіей. Просьба Одоакра была исполнена: онъ сталъ узаконеннымъ правителемъ Италіи. Прежде считали 476 годъ годомъ паденія Западной Римской имперіи; но это невѣрно, такъ какъ въ V вѣкѣ еще не было особой Западной Римской имперіи; была, какъ и прежде, одна Римская имперія, которою управляли два государя, одинъ въ восточной, другой въ западной ея части. Въ 476 же году въ имперіи снова былъ одинъ императоръ, а именно: императоръ ея восточной половины, Зинонъ.

Получивъ управленіе Италіей, Одоакръ сталъ держать себя все болѣе и болѣе независимо. Зинонъ, не будучи въ состояніи лично выступить противъ Одоакра, рѣшилъ наказать его при помощи остготовъ, которые послѣ распада державы Аттилы жили въ Панноніи и оттуда, подъ предводительствомъ своего короля Теодориха, производили опустошительныя нападенія на Балканскій полуостровъ, угрожая и самому Константинополю. Въ виду этого Зинонъ сумѣлъ направить вниманіе Теодориха на богатую Италію, достигнувъ такимъ образомъ двойной цѣли: во-первыхъ, онъ избавлялся отъ опаснаго сѣвернаго сосѣда; во-вторыхъ, онъ при помощи чужой силы отдѣлялся отъ непріятнаго для него правителя Италіи Одоакра. Во всякомъ случаѣ, Теодорихъ въ Италіи былъ для Зинона менѣе грознымъ, чѣмъ на Балканскомъ полуостровѣ.

Теодорихъ двинулся въ Италію и, побѣдивъ Одоакра и взявъ его главный городъ Равенну, основалъ въ Италіи, уже послѣ смерти Зинона, остготское королевство со столицей въ Ра-

веннѣ. Балканскій полуостровъ отъ остготской опасности былъ избавленъ.

Самымъ важнымъ вопросомъ внутренней жизни при Зи-нонѣ былъ вопросъ церковный, поддерживавшій смуту въ государствѣ благодаря религіозному разномыслию. Въ Египтѣ, Сиріи, частью въ Палестинѣ и Малой Азіи населеніе твердо держалось монофиситства. Строго православная политика обо-ихъ предшественниковъ Зинона тяжело отражалась на восточ-ныхъ провинціяхъ. Желая найти примирительный выходъ изъ создавагося тяжелаго положенія, константинопольскій патрі-архъ Акакій, стоявшій раньше за халкидонское рѣшеніе, предложилъ Зинону вступить на путь примиренія при помощи взаимныхъ уступокъ. Согласившійся съ патріархомъ императоръ издалъ въ 482 году Актъ единенія или Энотиконъ (ἐνωτικόν), адресованный къ церквамъ, подвѣдомственнымъ александрій-скому патріарху. Главною задачею этого акта было не задѣть ни православныхъ, ни монофиситовъ въ ученіи о соединеніи въ Иисусѣ Христѣ двухъ природъ—божеской и человѣческой. Энотиконъ, признавая незыблемыя основанія вѣры, разрабо-танныя на первомъ и второмъ вселенскихъ соборахъ и под-твержденные на третьемъ, и предавая анаемѣ Несторія и Евтихія съ ихъ единомышленниками, называлъ Иисуса Христа «единосущнымъ Отцу по божеству и единосущнымъ намъ по человѣчеству»; но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ избѣгалъ выраженій «одна природа» и «двѣ природы» и ничего не говорилъ объ опредѣленіи Халкидонскаго собора относительно соединенія въ Иисусѣ Христѣ двухъ природъ. О Халкидонскомъ соборѣ въ Энотиконѣ упоминается лишь одинъ разъ въ такихъ выра-женіяхъ: «Всякаго, кто думалъ или думаетъ иначе, будетъ ли то теперь или въ другое время, въ Халкидонѣ или на какомъ другомъ соборѣ, того мы предаемъ анаемѣ».

Однако, Энотиконъ, послѣ перваго видимаго успѣха въ Александріи, въ концѣ концовъ не удовлетворилъ ни право-славныхъ, ни монофиситовъ: первые не могли примириться со сдѣланными монофиситамъ уступками; вторые, въ виду не-опредѣленности выраженій Энотикона, считали уступки недо-статочными. Энотиконъ Зинона внесъ новыя осложненія въ церковную жизнь Византіи, увеличивъ число партій. Часть духовенства стояла за идею примиренія и поддерживала Актъ единенія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ появились какъ со стороны

православныхъ, такъ и со стороны монофиситовъ люди непримиримые, не шедшіе ни на какія уступки; такіе строго православные назывались акимитами, т. е. неусыпающими (такъ какъ въ ихъ монастырѣ служба совершалась непрерывно въ теченіе цѣлыхъ сутокъ, для чего они были раздѣлены на три смѣны), а строгіе монофиситы назывались акефалитами, т. е. безглавыми, такъ какъ они не признавали принявшаго Энотиконъ александрійскаго патріарха. Возсталъ противъ Энотикона и римскій папа, который, разобравъ жалобы восточнаго духовенства, не согласнаго съ указомъ, и ознакомившись съ самимъ Актомъ единенія, отлучилъ на соборѣ въ Римѣ отъ церкви и предаль анаѳемѣ константинопольскаго патріарха Акакія. Послѣдній вычеркнулъ имя папы изъ церковныхъ диптиховъ, т. е. пересталъ поминать. Такимъ образомъ, произошелъ первый разрывъ между восточной и западной церковью, продолжавшійся до 518 года, когда на престолъ вступилъ Юстинъ I. Существовавшее уже политическое отчужденіе между восточной и западной частями имперіи, особенно въ связи съ основаніемъ въ V вѣкѣ на западѣ варварскихъ германскихъ государствъ, еще болѣе обострилось благодаря отчужденію церковному.

Анастасій I (491-518). Рѣшеніе исаврійскаго вопроса. Персидская война. Нападенія болгаръ и славянъ. Длинная стѣна. Отношенія къ Западу. Послѣ смерти Зинона вдова его Ариадна отдала руку престарѣлому Анастасію, родомъ изъ Диррахіума, занимавшему довольно скромную придворную должность силенціарія (церемоніймейстера). Анастасій былъ коронованъ императоромъ, послѣ того какъ далъ константинопольскому патріарху, убѣжденному стороннику Халкидонскаго собора, письменное обѣщаніе не вводить никакихъ церковныхъ новшествъ.

Прежде всего Анастасію нужно было покончить съ исаврами въ столицѣ, которые, какъ извѣстно, при Зинонѣ получили преобладающее вліяніе. Ихъ исключительное положеніе раздражало населеніе столицы. Когда же послѣ смерти Зинона среди исавровъ обнаружилось движеніе противъ новаго императора, Анастасій быстро изгналъ ихъ изъ столицы, конфисковавъ имущество и лишивъ должностей, а затѣмъ въ упорной шестилѣтней войнѣ съ исаврами окончательно смирилъ ихъ уже въ самой Исавріи. Многие изъ исавровъ были пере-

селены во Фракію. Такъ закончился сравнительно короткий періодъ варварскаго исаврійскаго засилья въ Византіи. Въ рѣшеніи исаврійскаго вопроса въ пользу правительства заключается большая заслуга Анастасія.

Изъ внѣшнихъ событій, кромѣ изнурительной и безрезультатной войны съ Персіей, имѣютъ крупное значеніе для послѣдующей исторіи отношенія на дунайской границѣ. Сѣверная граница, послѣ удаленія остготовъ въ Италію, подвергалась въ теченіе всего царствованія Анастасія опустошительнымъ набѣгамъ болгаръ, гетовъ и скивовъ. Нападавшіе съ конца V вѣка на византійскіе предѣлы болгары были народомъ тюркскаго происхожденія. Впервые имя болгаръ на Балканскомъ полуостровѣ упоминается при Зинонѣ въ связи съ остготскими передвиженіями на сѣверной границѣ.

Что касается до нѣскольکو неопредѣленныхъ названій гетовъ и скивовъ, то, принимая во вниманіе неосвѣдомленность хронистовъ того времени въ этнографическихъ наименованіяхъ сѣверныхъ народовъ, въ этихъ именахъ можно видѣть понятіе собирательное, и наука считаетъ возможнымъ среди нихъ находить славянъ. Византійскій писатель начала VII вѣка Теофилактъ даже прямо отождествляетъ гетовъ со славянами. Такимъ образомъ, при Анастасіи впервые славяне начали производить вторженія вмѣстѣ съ болгарами на Балканскій полуостровъ. «Гетскіе всадники», какъ говоритъ источникъ, опустошивъ Македонію, Фессалію и Эпиръ, доходили до Фермопиль. Въ наукѣ высказывались мнѣнія о заселеніи славянами Балканскаго полуострова въ болѣе раннее время. Покойный профессоръ Дриновъ, напримѣръ, на основаніи изученія географическихъ и личныхъ именъ полуострова, возводилъ начало его заселенія славянами къ концу II вѣка по Р. Хр. Въ настоящее время эта теорія отвергнута.

Всѣ эти набѣги тюркскихъ болгаръ и славянъ во время Анастасія для той эпохи еще не имѣли большого значенія: вторгавшіяся толпы варваровъ грабили и уходили. Но набѣги эпохи Анастасія явились какъ бы предвѣстниками уже крупныхъ славянскихъ вторженій на полуостровъ въ VI вѣкѣ во время Юстиніана, открывшихъ собою періодъ заселенія полуострова славянами и повлекшихъ за собою глубокія послѣдствія для внутренней жизни Византіи.

Для защиты столицы отъ сѣверныхъ народовъ Анастасій

построилъ во Фракіи, въ разстояніи 40 верстъ отъ Константинополя, такъ называемую «Длинную стѣну», которая шла отъ Мраморнаго моря до Чернаго и превратила, по словамъ одного источника, городъ изъ полуострова почти въ островъ. Однако, Анастасіева стѣна не оправдала въ послѣдствіи возлагавшихся на нее надеждъ и благодаря послѣшности въ работѣ и землетрясеніямъ не служила серьезнымъ препятствіемъ для приближенія враговъ къ городскимъ стѣнамъ. Въ настоящее время укрѣпленія Чаталджи, возведенныя нѣсколько ближе къ городу, являются какъ бы подражаніемъ Анастасіевой стѣнѣ, слѣды которой можно видѣть и теперь.

Въ западной Европѣ, во время Анастасіи, происходили дальнѣйшія измѣненія. Теодорихъ сдѣлался остготскимъ королемъ въ Италіи, а на далекомъ сѣверо-западѣ, еще до вступленія Анастасіи на престолъ, Хлодвигъ основалъ сильное франкское государство. Оба государства были созданы на земляхъ, теоретически принадлежавшихъ римскому, т. е., въ данномъ случаѣ, византійскому императору. Конечно, о какой либо дѣйствительной зависимости, особенно отдаленнаго франкскаго государства, отъ Константинополя не было и рѣчи. Но въ глазахъ подчинившагося германцамъ туземнаго населенія власть пришлаго государя только тогда получала настоящее обоснованіе, когда она подтверждалась съ береговъ Босфора. Поэтому, когда готы провозгласили Теодориха въ Италіи королемъ, «не дождавъ, какъ говоритъ современный хронистъ, распоряженія новаго принцепса», т. е. Анастасіи, Теодорихъ просилъ послѣдняго прислать ему знаки императорской власти, отправленные раньше Одоакромъ Зинону. Просьбу остготскаго короля Анастасій исполнилъ; послѣ чего первый въ глазахъ итальянскаго туземнаго населенія сдѣлался законнымъ правителемъ. Дальнѣйшему сближенію остготовъ съ Италіей мѣшало, какъ извѣстно, ихъ аріанство.

Хлодвигу франкскому Анастасій послалъ дипломъ на консульское достоинство, которое съ великою радостью было имъ принято. Конечно, здѣсь рѣчь шла лишь о почетномъ званіи консула, которое не влекло за собою отправленія соответствующихъ обязанностей. Тѣмъ не менѣе, для Хлодвига это имѣло большое значеніе. Римское населеніе Галліи смотрѣло на восточнаго императора, какъ на носителя верховной власти, отъ которой другая власть должна была получать свою

компетенцію. Дипломъ Анастасія на консульское званіе доказывалъ галльскому населенію законность власти Хлодвига надъ ними. Онъ дѣлался этимъ какъ бы намѣстникомъ провинціи, которая теоретически оставалась частью единой Римской имперіи. Подобныя отношенія византійскаго государя къ западнымъ германскимъ государствамъ указываютъ на то, какъ въ концѣ V-го и началѣ VI вѣка еще сильно жила на западѣ идея единой имперіи.

Религіозная политика Анастасія. Возстаніе Виталиана.
Внутренняя дѣятельность. Въ своей религіозной политикѣ, не смотря на выше упомянутое обѣщаніе патриарху не вводить въ церковь никакихъ новшествъ, Анастасій былъ склоненъ къ монофиситству; черезъ нѣкоторое же время онъ открыто перешелъ на сторону монофиситовъ. Последнее обстоятельство было привѣтствовано въ Египтѣ и Сирии, областяхъ по преимуществу монофиситскихъ. Но зато въ самой столицѣ монофиситскія симпатіи императора вызвали большое смущеніе. Когда же Анастасій, по образцу Антиохіи, велѣлъ Трисвятое пѣть съ прибавленіемъ словъ «Распныйся за ны», т. е.: «Святыи Боже, святыи крѣпкій, святыи безсмертныи, распныйся за ны, помилуй насъ», то въ Константинополѣ поднялось сильное возстаніе, едва не кончившееся низложеніемъ императора.

На фонѣ религіозной политики Анастасія вспыхнуло во Фракіи возстаніе Виталиана, выступившаго съ большимъ сухопутнымъ войскомъ, въ составъ котораго входили гунны, болгары и, можетъ быть, славяне, и съ многочисленными судами противъ столицы; имѣя въ виду свергнуть императора съ престола, т. е. цѣль политическую, Виталианъ объявилъ, что поднялся на защиту угнетенной православной церкви. Послѣ долгой, упорной и временами неудачной для императора борьбы съ Виталианомъ возстаніе послѣдняго было подавлено. Въ исторіи оно имѣетъ не малое значеніе: по словамъ *Θ. И. Успенскаго*, Виталианъ, «приводя три раза подъ Константинополь отряды, собранныя изъ племенъ разнаго происхожденія, и истребовавъ отъ правительства огромныя денежныя выдачи, обнажилъ передъ варварами слабость имперіи и громадныя богатства Константинополя и приучилъ ихъ къ комбинированнымъ движеніямъ съ суши и съ моря».

Внутренняя дѣятельность Анастасія, до сихъ поръ еще

недостаточно оцѣненная и изслѣдованная въ исторической литературѣ, отличающаяся большимъ оживленіемъ, касается важныхъ сторонъ экономической и финансовой жизни страны.

На первое мѣсто должна быть поставлена его финансовая мѣра, отмѣнившая ненавистный, тяжелый налогъ хрисаргиронъ, т. е. налогъ, уплачиваемый золотомъ и серебромъ (по-латыни онъ назывался *lustralis collatio*). Эта подать, введенная еще при Константинѣ Великомъ, падала на всѣ существовавшіе въ имперіи ремесла и промыслы, не исключая прислуги, нищихъ, публичныхъ женщинъ и т. д., и даже, вѣроятно, на самыя орудія для добыванія средствъ къ жизни, какъ напр. на лошадь, мула, осла, собаку и т. д. Особенно страдали отъ хрисаргирона бѣдные классы. Хотя эта подать должна была быть взимаема разъ въ пять лѣтъ, на самомъ дѣлѣ во времени ея взиманія господствовали произволь и полная неожиданность, что приводило въ отчаяніе населеніе. Анастасій, не смотря на крупный доходъ казнѣ отъ этого налога, окончательно отмѣнилъ его, уничтоживъ всѣ связанные съ нимъ документы. Населеніе восторженно встрѣтило отмѣну ненавистнаго налога, о которой, по словамъ одного историка VI вѣка, «нужно было бы говорить языкомъ Эукидида, или даже еще болѣе важнымъ и красивымъ».

Отмѣною хрисаргирона не ограничились финансовыя мѣропріятія Анастасія. При немъ вся тяжесть дополнительнаго обложенія за тѣхъ плательщиковъ и тѣ земли, съ которыхъ правительство, по ихъ несостоятельности или бесплодію, не могло взыскать полностью причитавшіеся налоги, падала на землевладѣльцевъ, являвшихся, такимъ образомъ, отвѣтственными за полный взносъ податей въ казну. Это дополнительное обложеніе, называвшееся по-гречески *epibolè* (ἐπιβολή), т. е. надбавка, придача, съ особенною суровостью проводилось въ жизнь при Юстиніанѣ Великомъ. Кромѣ того, Анастасій замѣнилъ взносы натурой денежными взносами, что сильно затруднило населеніе (такъ называемая «подать золотомъ» — по-гречески *χρυσотέλεια*). Имѣя нужду въ хлѣбѣ для войска, Анастасій издалъ указъ о принудительной поставкѣ хлѣба (по-гречески *συνωνή*).

Въ исторіи колоната интересенъ указъ Анастасія о томъ, что свободный человѣкъ, прожившій въ одномъ мѣстѣ тридцать лѣтъ, становился колономъ, т. е. прикрѣплялся къ землѣ,

не теряя своей личной свободы и права владѣнія имуществомъ.

Къ числу гуманныхъ мѣръ Анастасія надо отнести его указъ о запрещеніи борьбы съ дикими звѣрями въ циркахъ.

Несмотря на то, что Анастасій нерѣдко жаловалъ податныя облегченія провинціямъ и городамъ, особенно восточнымъ, въ виду ихъ разоренія, вызваннаго персидскою войною, не смотря на крупныя сооруженія, требовавшія не мало средствъ, какъ напр., Длинная стѣна, водопроводы, маякъ въ Александрии и т. д., государство къ концу правленія императора обладало солидною денежною наличностью, которую историкъ Прокопій, правда, очевидно, не безъ нѣкотораго преувеличенія, опредѣляетъ въ количествѣ 320.000 фунтовъ золота, т. е. около 130—140 милліоновъ рублей. Экономія Анастасія, конечно, сыграла свою роль въ многосторонней и кипучей дѣятельности второго преемника Анастасія, Юстиніана Великаго, Время Анастасія служитъ прекраснымъ введеніемъ въ слѣдующую юстиніановскую эпоху.

Общіе выводы. Главный интересъ выше изложенной эпохи, начиная съ Аркадія и кончая Анастасіемъ (395—518), заключается въ національномъ и религіозномъ вопросахъ; причемъ, относительно послѣдняго надо всегда имѣть въ виду, что онъ неразрывно связанъ съ вопросомъ политическимъ. Германское или точнѣе готское засилье, свившее себѣ прочное гнѣздо въ столицѣ, грозившее въ концѣ IV вѣка самому государству и осложненное аріанствомъ готовъ, было прекращено въ началѣ V вѣка при Аркадіи, чтобы при новой уже болѣе слабой вспышкѣ въ половинѣ V вѣка быть окончательно сломленнымъ во время Льва I. Новая гроза съ сѣвера со стороны остготовъ къ концу вѣка, обѣщавшая новыя опасности Византіи, прошла мимо нея, направившись при Зинонѣ въ Италію. Германскій вопросъ въ восточной половинѣ имперіи былъ рѣшенъ въ пользу правительства.

Точно также удачно для правительства былъ рѣшенъ во второй половинѣ V вѣка другой національный вопросъ, гораздо меньшей остроты и важности, а именно: вопросъ объ исаврійскомъ засильѣ. Что же касается до появленія сѣверныхъ народовъ, болгаръ и славянъ, то послѣдніе въ рассматриваемый періодъ лишь начинали свои нападенія въ предѣлы имперіи, и по этимъ нападеніямъ еще нельзя было судить о той перво-

степенной роли, которую вскорѣ славяне, а позднѣе болгары будутъ играть въ исторіи Византіи. Время Анастасія есть введеніе въ славянскую эпоху на Балканскомъ полуостровѣ.

Религіозный вопросъ въ данное время распадается на два періода: православный до Зинона и монофиситскій при Зиновѣ и Анастасіи. Склонность къ монофиситству Зинона и ясно выраженное монофиситство Анастасія могутъ быть оцѣнены не только съ вѣроисповѣдной точки зрѣнія, но и съ политической. Къ концу V вѣка западная часть имперіи, несмотря на теоретическое признаніе ея единства, фактически ушла изъ-подъ вѣдѣнія Константинополя. Въ Галліи, Испаніи и сѣверной Африкѣ образовались варварскія германскія государства; въ Италіи распоряжались германскіе вожди и въ концѣ V вѣка основалось остготское государство. Поэтому восточныя провинціи, т. е. Египеть, Палестина, Сирія, получили для восточной половины имперіи первостепенное значеніе. Большая заслуга Зинона и Анастасія заключается въ томъ, что они поняли, куда перемѣстился при нихъ центръ тяжести, и, понявъ насущное значеніе для имперіи восточныхъ областей, употребляли всѣ усилія для того, чтобы найти пути къ примиренію между столицей и данными областями. А такъ какъ послѣднія, особенно Египеть и Сирія, въ своей большей части твердо держались монофиситства, то путь былъ для имперіи одинъ, а именно—примиреніе съ монофиситами. Этимъ объясняется нерѣшительный и намѣренно туманный Энотиконъ Зинона, какъ первая попытка къ сближенію, а послѣ его неудачи рѣшительная монофиситская политика Анастасія. Оба эти императора оказались политически прозорливыми правителями, въ противоположность государямъ слѣдующей эпохи. Но подобное монофиситское направленіе Зинона и Анастасія поставило ихъ лицомъ къ лицу съ православнымъ теченіемъ, которое господствовало въ столицѣ, на Балканскомъ полуостровѣ, въ большинствѣ областей Малой Азіи, на островахъ и въ нѣкоторой части Палестины. На сторонѣ православія стоялъ, какъ извѣстно, и римскій папа, порвавшій изъ-за Энотикона сношенія съ Константинополемъ. Политика и религія должны были столкнуться, чѣмъ и объясняются внутреннія религіозныя смуты времени Анастасія. Послѣдній при жизни не смогъ довести своего дѣла до желаннаго умиротворенія. Его преемники повели имперію по

совершенно иному пути. Сепаратизмъ восточныхъ провинцій уже началъ давать себя чувствовать.

Итакъ, въ результатъ шла національная борьба различныхъ народностей, которая вела ее съ различными цѣлями и надеждами: германцы и исавры стремились къ господству политическому, копты въ Египтѣ и сирійцы къ торжеству своихъ религіозныхъ воззрѣній.

Литература къ третьей главѣ: Сочиненія общаго характера: Общія иностранныя сочиненія (см. первую главу). Терновскій. А. Лебедевъ. Гидуляновъ (см. лит. второй главы). Ю. Кулаковскій. Исторія Византии. Т. I. 2-е изд. Кіевъ, 1913. Ф. Успенскій. Исторія Византийской Имперіи. Т. I. Петроградъ, (1913). С. П. Шестаковъ. Лекціи по исторіи Византии. Т. I. Изд. 2. Казань, 1915. Монографіи по отдѣльнымъ царствованіямъ: A. G ü l d e n p r e n n i n g. Geschichte des oströmischen Reiches unter den Kaisern Arcadius und Theodosius II. Halle, 1885. W. B a r t h. Kaiser Zeno. Basel, 1894. A. R o s e. Kaiser Anastasius I. Erster Theil: Die äussere Politik des Kaisers. Halle a. S., 1882. Е го-ж е. Die byzantinische Kirchenpolitik unter Kaiser Anastasius I. Wohlau, 1888. W. G. H o l m e s. The age of Justinian and Theodora. Vol. I. 2 ed. London, 1912 (время Анастасія).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Юстиніанъ Великій и его ближайшіе преемники. (518—610).

Эпоха, слѣдующая за смертью Анастасія, является нѣкоторымъ образомъ противоположностью послѣднимъ двумъ царствованіямъ эпохи предыдущей, а именно: царствованіямъ Зенона и Анастасія. Какъ во внѣшней, такъ и въ религіозной политикѣ преемники Анастасія пошли по иному пути, перенеся центръ тяжести съ востока на западъ.

Государи даннаго періода. Государями за время съ 518 по 610 годъ были слѣдующія лица: одинъ изъ начальниковъ гвардіи, необразованный Юстинъ I Старшій, случайно избранный на престолъ послѣ смерти Анастасія (518—527); послѣ него знаменитый его племянникъ Юстиніанъ I Великій (527—565), а за нимъ племянникъ послѣдняго Юстинъ II Младшій (565—578). Съ именами Юстина и Юстиніана связанъ вопросъ объ ихъ славянскомъ происхожденіи, которое въ теченіе долгаго времени признавалось очень многими за историческій фактъ. Основаніемъ для этого взгляда послужило напечатанное въ началѣ XVII вѣка ученымъ книгохранителемъ Ватиканской бібліотеки Николаемъ Алеманномъ жизнеописаніе императора Юстиніана, составленное какимъ то аббатомъ Теофиломъ, наставникомъ Юстиніана. Въ этомъ житіи приведены были для Юстиніана и его родни особыя имена, которыми они назывались на родинѣ и которыя являлись, по мнѣнію лучшихъ славистовъ, славянскими; такъ напр., Юстиніанъ назывался Управдой. Рукопись, которою пользовался Алеманнъ, была найдена и изслѣдована въ концѣ XIX вѣка (1883 г.) англійскимъ ученымъ Брайсомъ, который показалъ, что данная рукопись, будучи составлена въ началѣ XVII вѣка,

носить легендарный характер и исторической цѣнности не имѣть. Такимъ образомъ, теперь теорія о славянскомъ происхожденіи Юстиніана должна быть отброшена. На основаніи источниковъ, Юстина и Юстиніана можно считать иллирійцами, можетъ быть, албанцами. Во всякомъ случаѣ, Юстиніанъ родился въ одной изъ деревень верхней Македоніи, недалеко отъ современнаго Ускюба, на границѣ Албаніи. Нѣкоторые ученые производятъ семью Юстиніана отъ римскихъ колонистовъ въ Дарданіи, т. е. въ верхней Македоніи. Итакъ, первые три императора нашего періода были иллирійцы или, можетъ быть, албанцы, конечно, романизованные.

Слабоумный, не имѣвшій дѣтей Юстинъ II усыновилъ и сдѣлалъ кесаремъ начальника гвардіи, еракійца Тиверія, который и правилъ послѣ него какъ Тиверій II (578—582). Со смертью послѣдняго окончилась династія Юстиніана. Послѣ него правилъ мужъ дочери Тиверія, Маврикій (582—602). Источники разно говорятъ о его происхожденіи: одни считаютъ родиной Маврикія и его семьи отдаленный каппадокійскій городъ Арависсъ; другіе, называя его каппадокійцемъ, считаютъ первымъ грекомъ на византійскомъ престолѣ. Одно другому не противорѣчитъ, и, можетъ быть, Маврикій былъ, дѣйствительно, первымъ византійскимъ императоромъ-грекомъ, родомъ изъ Каппадокіи. Встрѣчается еще традиція, выводящая родъ Маврикія изъ Рима. Ю. А. Кулаковскій считаетъ вѣроятнымъ армянское происхожденіе Маврикія на томъ основаніи, что туземное населеніе Каппадокіи составляли армяне. Послѣднимъ императоромъ нашего періода былъ свергнувшій Маврикія тираннъ, еракіецъ Фока (602—610).

Такимъ образомъ, если не считать Маврикія, который, вѣроятно, былъ грекомъ, остальные императоры VI вѣка являлись романизованными варварами-иллирійцами и еракійцами.

Юстинъ I. Вступивъ на престоль, Юстинъ I сразу измѣнилъ церковную политику своихъ двухъ предшественниковъ, ставъ опредѣленно на сторону Халкидонскаго собора и подвергнувъ жестокимъ гоненіямъ монофиситовъ. Съ Римомъ произошло примиреніе, которое положило конецъ разрыву между двумя церквями, длившемуся со времени Энотикона Зинона. Въ основу религіозной политики государей нашего періода было положено православіе, оттолкнувшее снова отъ нихъ восточныя провинціи.

Юстиніанъ Великій. Прокопій Кесарійскій. Теодора.
Преемникомъ Юстина былъ знаменитый его племянникъ Юстиніанъ (527—565), являющійся центральной фігурою всего даннаго періода.

Юстиніанъ имѣлъ спеціальнаго историка своего времени въ лицѣ Прокопія Кесарійскаго, нарисовавшаго намъ въ своихъ сочиненіяхъ очень полную картину сложнаго и разнообразнаго правленія императора. Будучи юристомъ по образованию, Прокопій былъ назначенъ совѣтникомъ и секретаремъ къ извѣстному полководцу Велизарію, съ которымъ участвовалъ въ походахъ противъ вандаловъ, готовъ и персовъ. Умеръ онъ въ шестидесятихъ годахъ VI вѣка. Прокопій имѣетъ значеніе какъ историкъ и какъ писатель. Какъ историкъ, онъ былъ поставленъ въ наилучшія условія въ смыслѣ источниковъ и освѣдомленности: ему были доступны въ виду его близости къ Велизарію оффиціальныя документы канцелярій и архивовъ, а его личное участіе въ походахъ и прекрасное знакомство со странюю всегда давало ему драгоценный и живой матеріалъ личнаго наблюденія и устныхъ сообщеній современниковъ.

Въ композиціи и изложеніи Прокопій часто слѣдовалъ античнымъ историкамъ, особенно Геродоту и Фукидиду. Какъ писатель, Прокопій, не смотря на зависимость отъ древнегреческаго языка прежнихъ историковъ и нѣкоторую искусственность изложенія, далъ примѣръ образнаго, яснаго и сильнаго языка. Прокопію принадлежатъ три сочиненія. Самое крупное изъ нихъ «Исторія въ восьми книгахъ», гдѣ описываются войны Юстиніана съ персами, вандалами и готами. Но помимо этого, въ этомъ трудѣ авторъ затрогиваетъ многія другія стороны государственной жизни и, не смотря на нѣсколько хвалебный тонъ въ отношеніи императора, не разъ высказываетъ горькую правду. «Исторія въ восьми книгахъ» можетъ быть названа общей исторіей времени Юстиніана. Другое сочиненіе Прокопія «О постройкахъ», являясь сплошнымъ панегирикомъ императору, можетъ быть, было даже написано по его порученію. Главная тема сочиненія—перечисленіе и описаніе многочисленныхъ и разнообразныхъ сооружений, возведенныхъ Юстиніаномъ во всѣхъ частяхъ его обширной имперіи. Но, не смотря на риторическія преувеличенія и чрезмѣрныя восхваленія, сочиненіе «О постройкахъ» содер-

жить богатый географическій, топографическій и финансовый матеріаль и служить поэтому важнымъ источникомъ для внутренней исторіи государства. Наконецъ, третье сочиненіе Прокопія «Anecdota» или «Тайная исторія» (*Historia arcana*) рѣзко отличается отъ двухъ предыдущихъ сочиненій: это есть родъ злостнаго памфлета на деспотическое правленіе Юстиніана и его супруги Теодоры, гдѣ самъ императоръ, Теодора, Велизарій и его супруга смѣшиваются съ грязью и гдѣ Юстиніанъ выставляется главнымъ виновникомъ всѣхъ несчастій, постигшихъ въ его время имперію. Противорѣчіе между послѣднимъ сочиненіемъ и первыми двумя было настолько разительно, что въ наукѣ былъ поставленъ вопросъ о подлинности «Тайной исторіи»; казалось невозможнымъ, чтобы всѣ три сочиненія принадлежали одному лицу. Только послѣ того, какъ «Тайная исторія» была подробно изучена въ связи съ эпохой Юстиніана и со всѣми ея источниками, вопросъ о ней рѣшенъ былъ въ пользу подлинности. Но при умѣломъ пользованіи это сочиненіе является очень цѣннымъ источникомъ для внутренней исторіи Византіи въ VI вѣкѣ. Итакъ, сочиненія Прокопія, несмотря на ихъ преувеличенія въ худую или хорошую сторону при оцѣнкѣ дѣяній Юстиніана, представляютъ собою въ высшей степени важный современный источникъ для знакомства съ данной эпохой. Этого мало: славянская исторія и славянская древность находятъ у Прокопія цѣннѣйшія извѣстія о бытѣ и вѣрованіяхъ славянъ, а тогдашнія германскія племена черезъ него-же знакомятся со своей исторіей.

Съ именемъ Юстиніана неразрывно связано имя его царственной супруги Теодоры, одной изъ интересныхъ и талантливыхъ женщинъ въ византійскомъ государствѣ. «Тайная исторія» Прокопія рисуешь въ сгущенныхъ краскахъ развратную жизнь Теодоры въ ея юные годы, когда она, происходя изъ низовъ общества (отецъ ея былъ сторожемъ медвѣдей въ циркѣ), въ морально нездоровой обстановкѣ тогдашней сцены превратилась въ женщину, дарившую многихъ своей любовью. Природа надѣлила ее красотой, граціей, умомъ и остроуміемъ. По словамъ одного историка (Дилля), «она развлекала, чаровала и скандализировала Константинополь». Честные люди, встрѣтивъ Теодору на улицѣ, рассказываетъ Прокопій, сворачивали съ дороги, чтобы прикосновеніемъ не осквернить своего платья.

Но всѣ грязныя подробности о юной порѣ жизни будущей императрицы должны быть принимаемы съ большою осторожностью, какъ исходящія отъ Прокопія, который въ своей «Тайной исторіи» задался цѣлью очернить Юстиніана и Теодору. Послѣ столь бурной жизни она на нѣкоторое время исчезаетъ изъ столицы въ Африку. По возвращеніи въ Константинополь Теодора уже не была прежнею легкомысленною актрисою: она, оставивъ сцену, вела уединенную жизнь, интересуясь церковными вопросами и занимаясь пряжею шерсти. Въ это время ее увидѣлъ Юстиніанъ. Красота Теодоры поразила его. Увлеченный императоръ приблизилъ ее ко двору, пожаловалъ званіемъ патрикѣи и вскорѣ женился на ней. Со вступленіемъ Юстиніана на престолъ она сдѣлалась императрицей Византіи. Въ своей новой роли Теодора оказалась на высотѣ положенія: оставаясь вѣрною женою, она интересовалась государственными дѣлами, умѣла въ нихъ разбираться и вліяла въ этомъ отношеніи на Юстиніана. Въ возстаніи 532 года, о чемъ будетъ рѣчь ниже, Теодора играла одну изъ главныхъ ролей; она своимъ хладнокровіемъ и энергіей, можетъ быть, спасла государство отъ дальнѣйшихъ потрясеній. Въ своихъ религіозныхъ симпатіяхъ она открыто стояла на сторонѣ монофиситовъ, въ противоположность колеблющейся политикѣ супруга, который большую часть своего долгаго царствованія, при нѣкоторыхъ уступкахъ въ пользу монофиситства, держался главнымъ образомъ православія. Въ послѣднемъ случаѣ Теодора лучше Юстиніана понимала значеніе для Византіи восточныхъ монофиситскихъ провинцій, въ которыхъ заключалась живая сила для имперіи, и хотѣла вступить на путь примиренія съ ними. Теодора умерла задолго до смерти Юстиніана (548). На извѣстной равеннской мозаикѣ VI вѣка въ церкви св. Виталія Теодора изображена въ царскомъ облаченіи, окруженная своимъ штатомъ. Церковные историки, ей современныя и позднѣйшія, сурово относились къ личности Теодоры. Тѣмъ не менѣе въ нашемъ мѣсяцесловѣ подь 14 ноября мы читаемъ: «Успеніе правовѣрнаго царя Юстиніана и память царицы Теодоры».

Внѣшняя политика Юстиніана и его идеологія. Многочисленныя войны Юстиніана были частью наступательными, частью оборонительными. Первые велись съ варварскими гер-

манскими государствами западной Европы, втория съ Персией на востокъ и со славянами на сѣверѣ.

Главныя силы были направлены императоромъ на западъ, гдѣ военныя операціи византійскихъ войскъ сопровождались внѣшнимъ блестящимъ успѣхомъ. Вандалы, остготы и отчасти вестготы должны были подчиниться императору. Средиземное море превратилось почти въ византійское озеро. Въ своихъ указахъ Юстиніанъ называлъ себя Цезаремъ Флавіемъ Юстиніаномъ Аламанскимъ, Готскимъ, Франкскимъ, Германскимъ, Антскимъ, Аланскимъ, Вандальскимъ, Африканскимъ. Но эта блестящая внѣшность имѣла свою обратную сторону. Усиѣхи были куплены слишкомъ дорогою цѣною и повлекли за собою матеріальное истощеніе страны. Вслѣдствіе переброски войскъ на западъ востокъ и сѣверъ были открыты для нападенія персовъ, славянъ и гунновъ.

Главнымъ врагомъ, съ точки зрѣнія Юстиніана, были германцы. Такимъ образомъ, германскій вопросъ снова всталъ въ VI вѣкѣ передъ Византіей; но разница была въ томъ, что въ V вѣкѣ германцы тѣснили имперію, въ VI вѣкѣ имперія тѣснила германцевъ.

Юстиніанъ вступилъ на престолъ съ идеями императора римскаго и христіанскаго. Видя въ себѣ наслѣдника римскихъ цезарей, онъ считалъ своимъ священнымъ долгомъ возстановить единую имперію въ предѣлахъ I—II вѣка. Какъ императоръ христіанскій, онъ не могъ допустить, чтобы германцы-аріане притѣсняли православное населеніе. Константинопольскіе государи, являясь законными наслѣдниками цезарей, имѣли историческія права на западную Европу, занятую варварами. Германскіе короли были лишь вассалами византійскаго императора, который делегировалъ имъ власть. Франкскій король Хлодвигъ получилъ званіе патриція отъ Анастасія; отъ него же получилъ свое королевское утвержденіе Теодорихъ остготскій. Юстиніанъ, рѣшивъ начать войну съ готами, писалъ: «готы, захвативъ силою нашу Италію, рѣшили ее не отдавать». Онъ остается естественнымъ сюзереномъ всѣхъ правителей, обосновавшихся въ предѣлахъ Римской имперіи. Какъ императоръ христіанскій, Юстиніанъ получилъ миссію насаждать правую вѣру среди невѣрныхъ, будутъ ли то еретики или язычники. Въ IV вѣкѣ Евсевій Кесарійскій въ своей «Похвалѣ Константину» писалъ, что, послѣ того какъ востор-

жествовавшее христіанство разсѣяло твореніе демоновъ, т. е. ложныхъ боговъ, языческія государства отжили свое время. «Единый Богъ возвѣщенъ всѣмъ; вмѣстѣ съ тѣмъ единая имперія явилась для всѣхъ: это—имперія Римская... Въ одно и тоже время, какъ бы небесною волею, два зерна добра возрасли для людей: это Римская имперія и христіанская вѣра. Вышедши какъ бы изъ одного корня двѣ великихъ силы сразу все подчинили и соединили узами любви: это—единодержавная Римская имперія и ученіе Христа». Эта теорія IV вѣка жила и въ VI вѣкѣ. Изъ нея для Юстиніана вытекало обязательство возсоздать единую Римскую имперію, которая, по словамъ одной его новеллы, доходила прежде до двухъ океановъ и которую римляне по небрежности потеряли, и установить въ возсозданной имперіи единую христіанскую вѣру, какъ среди схизматиковъ, такъ и среди язычниковъ. Такова была идеологія Юстиніана, заставлявшая этого всеобъемлющаго политика и крестоносца мечтать о подчиненіи всего извѣстнаго тогда міра.

Но надо помнить, что обширныя притязанія императора на отторгнутыя части Римской имперіи не были исключительно его личнымъ убѣжденіемъ. Подобныя притязанія казались естественными и населенію занятыхъ варварами провинцій, которыя, попавъ въ руки аріанъ, видѣли единственнаго защитника въ лицѣ Юстиніана. Положеніе сѣверной Африки при вандалахъ было особенно тяжело; они открыли суровыя преслѣдованія противъ православнаго туземнаго населенія, заточали жителей и представителей духовенства въ тюрьмы, конфисковали имущество. Бѣженцы и изгнанники изъ Африки, среди которыхъ не мало было православныхъ епископовъ, пріѣзжали въ Константинополь и умоляли императора выступить въ походъ противъ вандаловъ, обѣщая всеобщее возстаніе туземцевъ.

Аналогичное настроеніе замѣчается и въ Италіи, гдѣ туземное православное населеніе, несмотря на продолжительную религіозную терпимость Теодориха и на его любовь къ римской цивилизаціи, продолжало хранить тайное недовольство и также обращало свои взоры на Константинополь, ожидая оттуда помощи, избавленія отъ пришельцевъ и возстановленія православной вѣры.

Но еще интереснѣе то, что сами варварскіе короли под-

держивали честолюбивыя стремленія императора. Они выказывали знаки глубокаго уваженія къ имперіи, заискивали передъ императоромъ, добивались всѣми силами римскихъ почетныхъ званій, выбивали свои монеты съ изображеніемъ императора и т. д. По выраженію французскаго византиниста Дилля, они охотно повторили бы слова того вестготскаго вождя, который говорилъ: «Да. Императоръ есть Богъ на землѣ, и всякій, кто подниметъ на него руку, долженъ заплатить за это преступленіе своею кровью».

Несмотря на благопріятное для императора настроеніе въ Африкѣ и Италіи, предпріятыя имъ противъ вандаловъ и остготовъ войны оказались въ высшей степени трудными и продолжительными.

Войны съ вандалами, остготами и вестготами; ихъ результаты. Переія. Славяне. Значеніе вѣшной политики Юстиніана. Вандальская экспедиція представлялась чрезвычайно трудной. Надо было перевезти моремъ въ сѣверную Африку многочисленную армию, которая должна была вступить въ борьбу съ народомъ, обладавшимъ сильнымъ флотомъ и въ половинѣ V вѣка уже разорившимъ Римъ. Кромѣ того, переброска крупныхъ силъ на Западъ должна была отразиться на восточной границѣ, гдѣ Персія, наиболѣе опасный врагъ имперіи, вела съ послѣдней постоянныя пограничныя войны. Историкъ Прокопій сообщаетъ интересный рассказъ о совѣтѣ, на которомъ впервые обсуждался вопросъ объ африканской экспедиціи. Наиболѣе вѣрные совѣтники императора высказывали сомнѣніе въ исполнимости задуманнаго предпріятія и считали его опрометчивымъ. Самъ Юстиніанъ уже начиналъ колебаться и только, въ концѣ концовъ, оправившись отъ кратковременной слабости, настоялъ на первоначальномъ своемъ планѣ. Экспедиція была рѣшена. Къ тому же, въ это время въ Персіи произошла смѣна правителей, и Юстиніану удалось въ 532 году съ новымъ государемъ заключить «вѣчный» миръ на унижительныхъ для Византіи условіяхъ ежегодной уплаты персидскому царю крупной суммы денегъ. Послѣднее обстоятельство позволяло Юстиніану съ большею свободою дѣйствовать на западѣ и югѣ. Во главѣ многочисленной армии и флота былъ поставленъ талантливый полководецъ Велизарій, главный помощникъ въ военныхъ предпріятіяхъ императора, незадолго передъ тѣмъ усмирившій боль-

шое внутреннее возстаніе «Ника», о которомъ рѣчь будетъ ниже.

Надо сказать, что къ тому времени вандалы и остготы уже не являлись тѣми страшными врагами, какими они были раньше. Попавъ въ условія необычнаго для нихъ разслабляющаго южнаго климата и столкнувшись съ римской цивилизаціей, они довольно быстро потеряли свою прежнюю энергію и силу. Извѣстное уже намъ арианство германцевъ ставило ихъ въ натянутыя отношенія съ туземнымъ римскимъ населеніемъ. Возстававшія берберскія племена также не мало ослабляли вандаловъ. Юстиніанъ прекрасно учелъ создавшееся положеніе: онъ при помощи умѣлой дипломатіи обострялъ ихъ внутренніе раздоры и былъ увѣренъ, что германскія государства никогда не выступятъ противъ него сообща, такъ какъ остготы находились въ ссорѣ съ вандалами, православные франки враждовали съ остготами, а слишкомъ далекіе, жившіе въ Испаніи вестготы не смогутъ серьезно вмѣшаться въ эту борьбу. Юстиніанъ поэтому надѣялся разбить враговъ поодиночкѣ.

Вандальская война продолжалась съ нѣкоторыми перерывами съ 533 по 548 годъ. Въ началѣ Велизарій въ самый короткій срокъ рядомъ блестящихъ побѣдъ подчинилъ вандальское государство, такъ что торжествующій Юстиніанъ объявилъ, что «Богъ, по своему милосердію, предалъ намъ не только Африку и всѣ ея провинціи, но и возвратилъ намъ императорскія украшенія, которыя, послѣ взятія Рима (вандалами), были ими унесены». Думая, что война закончена, императоръ отозвалъ Велизарія съ большею частью войска въ Константинополь. Тогда въ сѣверной Африкѣ вспыхнуло ожесточенное возстаніе берберовъ, съ которымъ оставленному оккупационному корпусу было очень трудно бороться. Изнурительная борьба съ промежутками продолжалась до 548 года, когда авторитетъ императорской власти былъ, можно сказать, рѣшительнымъ образомъ возстановленъ.

Покоренная сѣверная Африка не вполне соответствовала надеждамъ и планамъ Юстиніана, такъ какъ западная часть ея до Атлантическаго океана возсоединена не была, за исключеніемъ сильной крѣпости Септемъ (Septem) на проливѣ Геркулесовы Столпы (теперь испанская крѣпость Цеута—Ceuta). Но тѣмъ не менѣе большая часть сѣверной Африки, Корсика, Сардинія и Балеарскіе острова подчинились Юстиніану, ко-

торый положилъ не мало труда на водвореніе порядка въ завоеванной странѣ. Еще въ настоящее время величественныя развалины многочисленныхъ византійскихъ крѣпостей и укрѣпленій, возведенныхъ Юстиніаномъ въ сѣверной Африкѣ, свидѣтельствуютъ о кипучей дѣятельности, проявленной императоромъ для защиты страны.

Еще болѣе изнурительна была остготская кампанія, продолжавшаяся съ перерывами съ 535 по 554 годъ. Изъ этихъ хронологическихъ датъ видно, что эта война велась въ продолженіе первыхъ тринадцати лѣтъ одновременно съ вандальской войной. Вмѣшавшись во внутренніе раздоры остготовъ, Юстиніанъ открылъ военныя дѣйствія. Одна армія начала завоеваніе входившей въ составъ остготскаго государства Далмаціи; другая армія, посаженная на суда и имѣвшая во главѣ Велизарія, безъ труда заняла Сицилію и, перенесши военныя дѣйствія въ Италію, завоевала Неаполь и Римъ. Вскорѣ послѣ этого столица остготовъ Равенна открыла ворота Велизарію. Ихъ король былъ перевезенъ въ Константинополь. Юстиніанъ къ своему титулу «Африканскій и Вандальскій» прибавилъ «Готскій». Казалось, что Италія окончательно покорена Византіей.

Въ это время у остготовъ появился энергичный и талантливый король Тотила, послѣдній защитникъ остготской самостоятельности. Онъ быстро возстановилъ дѣла остготовъ. Одно за другимъ, византійскія завоеванія въ Италіи и на островахъ переходили въ руки остготовъ. Несчастный Римъ, переходившій нѣсколько разъ изъ рукъ въ руки, превратился въ груды развалинъ. Послѣ столькихъ неудачъ Велизарій былъ отозванъ изъ Италіи. Дѣла поправилъ другой выдающійся византійскій полководецъ Нарсесъ, который рядомъ искусныхъ дѣйствій сумѣлъ побѣдить готовъ. Тотила палъ въ одномъ изъ боевъ. Послѣ двадцатилѣтней опустошительной войны, въ 554 году, Италія, Далмація и Сицилія были воссоединены съ имперіей. Прагматическая санкція, опубликованная въ томъ же году Юстиніаномъ, возвращала крупной земельной аристократіи въ Италіи и церкви отнятыя у нихъ остготами земли и привилегіи и намѣчала рядъ мѣръ для облегченія разореннаго населенія. Со времени остготской войны промышленность и торговля на долгія времена остановились въ Италіи, а благодаря недостатку въ рабочихъ рукахъ итальянскія поля оста-

вались необработанными. Римъ превратился въ заброшенный, разрушенный, не имѣвшій политическаго значенія центръ, гдѣ пріютился папа. Подобная запущенность и отсталость Рима, какъ города, является его характерной чертой вплоть до эпохи возрожденія.

Послѣднее завоевательное предпріятіе Юстиніана было направлено въ годъ окончанія остготской войны (554) противъ вестготовъ на Пиренейскомъ полуостровѣ. Но забывшіе въ виду грозившей опасности свои внутреннія распри вестготы дали сильный отпоръ византійскому войску и отстояли свою независимость. Въ руки Юстиніана отошелъ лишь юго-восточный уголокъ полуострова съ городами Карфагеномъ, Малагой и Кордовой.

Въ результатѣ наступательныхъ войнъ Юстиніана пространство его монархіи, можно сказать, удвоилось: Далмація, Италия, восточная часть сѣверной Африки (часть современнаго Алжира и Тунисъ), юго-востокъ Испаніи, Сицилія, Сардинія, Корсика и Балеарскіе острова вошли въ составъ государства Юстиніана. Границы его простирались отъ Геркулесовыхъ Столповъ до Евфрата. Но несмотря на эти громадныя успѣхи, разница между замыслами Юстиніана и дѣйствительными результатами была очень значительна: западную Римскую имперію въ ея цѣломъ ему возвратить не удалось. Въ его власти остались западная часть сѣверной Африки, Пиренейскій полуостровъ, сѣверныя части остготскаго государства къ сѣверу отъ Альпъ (прежнія провинціи Реція и Норика). Вся Галлія не только осталась въ полной независимости отъ Византіи; но Юстиніанъ, въ виду угрозы со стороны франкскаго государства, даже согласился на уступку франкскому королю Прованса. Не надо также забывать, что на всемъ великомъ пространствѣ вновь завоеванной территоріи власть императора далеко не вездѣ была одинаково крѣпка; на это у государства не хватало ни силъ, ни средствъ. Между тѣмъ удержать эти территоріи можно было только силою. Поэтому блестящая внѣшность наступательныхъ войнъ Юстиніана таила въ себѣ зачатки серьезныхъ грядущихъ затрудненій какъ политическаго, такъ и экономическаго характера.

Оборонительныя войны Юстиніана были гораздо менѣе удачны и временами очень унижительно по результатамъ. Эти войны велись съ Персіей на востокъ и со славянами и гуннами на сѣверѣ.

Въ VI вѣкѣ существовало двѣ «великихъ» державы: Византія и Персія, у которыхъ уже издавна шли утомительныя и кровопролитныя войны на восточной границѣ. Послѣ «вѣчнаго» мира съ Персіей, о которомъ рѣчь была выше и который развязалъ Юстиніану руки на западѣ, персидскій царь Хосрой Ануширванъ, т. е. Справедливый, талантливый и искусный правитель, видя честолюбивые замыслы императора на западѣ, получивъ просьбу о помощи отъ тѣснимыхъ остготовъ и имѣя всегда насущные вопросы въ пограничныхъ областяхъ, нарушилъ «вѣчный» миръ и открылъ военныя дѣйствія противъ Византіи. Началась кровопролитная война съ перевѣсомъ въ сторону персовъ. Призванный изъ Италіи Велизарій ничего не могъ сдѣлать. Хосрой между тѣмъ вторгнулся въ Сирію, взялъ и разорилъ Антиохію, этотъ, по словамъ Прокопія, «древній, знаменитый, самый богатый, большой, многочисленный и красивый городъ изъ всѣхъ римскихъ городовъ на востокѣ», и дошелъ до береговъ Средиземнаго моря. На сѣверѣ персы воевали въ прикавказскихъ странахъ, съ лазами (въ Лазикѣ, современномъ Лазистанѣ), стараясь пробиться къ Черному морю. Лазика находилась въ то время въ зависимости отъ Византіи. Юстиніану послѣ большихъ трудовъ удалось купить перемиріе на пять лѣтъ за уплату крупной суммы денегъ. Но, въ концѣ концовъ, безконечныя военныя столкновенія утомили и Хосроя. Въ 562 году между Византіей и Персіей былъ заключенъ миръ на пятьдесятъ лѣтъ. Благодаря историку Менандру, до насъ дошли точныя, подробныя свѣдѣнія о переговорахъ и объ условіяхъ самаго мира. Императоръ обязался ежегодно платить Персіи очень большую сумму денегъ и выговорилъ у персидскаго царя религіозную терпимость для христіанъ, жившихъ въ Персіи, но подъ непремѣннымъ условіемъ не вести въ ней дальнѣйшей христіанской пропаганды. Что было важно для Византіи, это согласіе персовъ очистить Лазикъ, прибрежную область на юго-востокѣ Чернаго моря. Другими словами, персамъ не удалось утвердиться на берегахъ Чернаго моря, которое осталось въ полномъ распоряженіи Византіи. Последнее обстоятельство имѣло крупное политическое и торговое значеніе.

Иной характеръ имѣли оборонительныя войны на сѣверѣ, т. е. на Балканскомъ полуостровѣ. Какъ сказано было выше, сѣверные варвары, болгары и, по всей вѣроятности, славяне

опустошали провинціи полуострова еще при Анастасіи. При Юстиніанѣ славяне являются впервые подъ своимъ собственнымъ именемъ (склавины у Прокопія). Въ его время славяне уже гораздо болѣе густыми толпами и отчасти болгары, которыхъ Прокопій называетъ гуннами, почти ежегодно переходятъ Дунай и далеко углубляются въ византійскія области, предавая огню и мечу проходимыя мѣстности. Они доходятъ съ одной стороны до предмѣстій столицы и проникаютъ къ Геллеспону, съ другой стороны въ Греціи до Коринскаго перешейка и къ западу до береговъ Адриатическаго моря. При Юстиніанѣ же славяне уже показали свое стремленіе къ берегамъ Эгейскаго моря и грозили Фессалоникѣ (Солуни), второму послѣ Константинополя въ имперіи городу, который вмѣстѣ со своими окрестностями вскорѣ сдѣлается однимъ изъ центровъ славянства на Балканскомъ полуостровѣ. Императорскія войска съ громаднымъ напряженіемъ боролись со славянскими вторженіями и очень часто заставляли славянъ уходить снова за Дунай. Но уже почти навѣрное можно сказать, что не всѣ славяне уходили обратно; нѣкоторые изъ нихъ оставались, такъ какъ войскамъ Юстиніана, занятымъ на другихъ театрахъ войны, было не подъ силу до конца доводить ежегодныя операціи на Балканскомъ полуостровѣ. Эпоха Юстиніана важна именно тѣмъ, что она на Балканскомъ полуостровѣ положила основаніе славянскому вопросу, который, какъ мы увидимъ ниже, къ концу VI-го и началу VII-го вѣка получитъ для Византіи уже первостепенное значеніе.

Подводя общіе итоги всей внѣшней политикѣ Юстиніана, приходится сказать, что его безконечныя и напряженныя войны, въ результатѣ не соответствовавшія его надеждамъ и планамъ, губельно отозвались на общемъ состояніи государства. Прежде всего, эти гигантскія предпріятія требовали громадныхъ денежныхъ средствъ. По преувеличенному, вѣроятно, подсчету Прокопія въ его «Тайной исторіи», т. е. источникѣ, къ которому надо относиться съ осторожностью, Анастасій оставилъ въ казнѣ громадную для того времени наличность въ количествѣ 320.000 фунтовъ золота (около 130—140 милліоновъ рублей), которые Юстиніанъ будто бы быстро истратилъ. Но, по свидѣтельству другого источника VI вѣка, сирійца Іоанна Эфесскаго, казна Анастасія была окончательно истрачена лишь при Юстинѣ II, т. е. уже послѣ смерти

Юстиніана. Во всякомъ 'случаѣ, Анастасіевъ фондъ, принятый нами даже въ меньшихъ размѣрахъ, чѣмъ у Прокопія, долженъ былъ оказаться Юстиніану очень полезнымъ въ его военныхъ предпріятіяхъ. Но тѣмъ не менѣе этого было недостаточно. Новые налоги не соотвѣтствовали платежнымъ силамъ страны. Попытки императора сократить расходы на содержаніе войскъ отзывались на ихъ численности, а уменьшеніе послѣдней дѣлало шаткими всѣ его западныя завоеванія.

Съ точки зрѣнія римской идеологіи Юстиніана его западныя войны понятны и естественны. Но съ точки зрѣнія дѣйствительныхъ интересовъ страны онѣ должны быть признаны ненужными и вредными. Различіе между востокомъ и западомъ въ VI вѣкѣ было уже настолько велико, что самая идея присоединенія запада къ восточной имперіи была анахронизмомъ; прочнаго сліянія быть уже не могло. Удержать завоеванныя страны можно было лишь силою; но на это, какъ было замѣчено уже выше, не было у имперіи ни силъ, ни денегъ. Увлеченный своими несбыточными мечтами, Юстиніанъ не понималъ значенія восточной границы и восточныхъ провинцій, гдѣ находился настоящій жизненный интересъ Византіи. Западные походы, являясь результатомъ единой, личной воли императора, не могли имѣть прочныхъ результатовъ, и планъ возстановить единую Римскую имперію умеръ съ Юстиніаномъ. Благодаря же его общей внѣшней политикѣ имперія должна была пережить тяжелый, внутренній хозяйственный кризисъ.

Законодательная дѣятельность Юстиніана. Трибоніанъ. Міровую извѣстность получилъ Юстиніанъ благодаря своей законодательной дѣятельности, которая поражаетъ широтою размаха. Императоръ, съ его точки зрѣнія, «долженъ быть украшенъ не только оружіемъ, но и вооруженъ законами, чтобы быть въ состояніи управлять какъ въ военное, такъ и мирное время; онъ долженъ быть какъ твердымъ защитникомъ права, такъ и триумфаторомъ надъ побѣжденными врагами». Самъ Богъ даровалъ императорамъ право творить и толковать законы. Такимъ образомъ, императоръ, въ представленіи Юстиніана, долженъ быть законодателемъ, и право на это освящено свыше.

Но, конечно, помимо подобныхъ теоретическихъ основаній

императоромъ руководили и практическія побужденія. Въ его время въ римскомъ правѣ царилъ полный безпорядокъ.

Во время еще языческой Римской имперіи, когда законодательная власть находилась всецѣло въ рукахъ императора, единственною формою законодательства были императорскія конституціи, получившія названіе «законовъ» (*leges*). Въ противоположность послѣднимъ, все право, созданное прежнимъ законодательствомъ и разработанное юристами классическаго періода называлось «древнимъ правомъ» (*jus vetus* или *jus antiquum*). Съ половины III вѣка юриспруденція стала быстро падать; юридическая же литература ограничивалась чисто компилятивной работою, стараясь на основаніи выдержекъ изъ императорскихъ конституцій и наиболѣе извѣстныхъ сочиненій старыхъ юристовъ составлять сборники для облегченія судьямъ, которые уже не были въ состояніи справиться со всей юридической литературою. Но это были лишь частные сборники, не имѣвшіе никакой оффиціальной силы. Поэтому въ дѣйствительности судья долженъ былъ разбираться во всѣхъ императорскихъ конституціяхъ и во всей обширной классической литературѣ, что одному человѣку было не подъ силу. Надо помнить, что какого-либо центральнаго органа для опубликованія императорскихъ конституцій не существовало; увеличиваясь ежегодно въ количествѣ и будучи разбросаны по разнымъ архивамъ, императорскія конституціи представляли громадныя трудности для пользованія; тѣмъ болѣе, что новые указы очень часто отмѣняли или измѣняли старые. Поэтому чувствовалась настоятельная потребность собрать императорскіе указы воедино и дать всѣмъ желающимъ возможность пользоваться такимъ сборникомъ. Мы знаемъ, что въ этомъ отношеніи было сдѣлано довольно много еще до Юстиніана, который при своей законодательной работѣ имѣлъ уже въ рукахъ *Codex Gregorianus*, *Codex Hermogenianus* и *Codex Theodosianus*. Что же касается до облегченія пользованія классическою литературою, т. е. «древнимъ правомъ», то при Θεодосіи II и его западномъ современникѣ Валентиніанѣ III былъ изданъ законъ, придававшій юридически обязательную силу сочиненіямъ лишь пяти наиболѣе извѣстныхъ юристовъ. Прочіе юридическіе писатели могли не приниматься въ расчетъ. Конечно, это было только формальнымъ разрѣшеніемъ вопроса, тѣмъ болѣе что и въ пяти уза-

коненныхъ юристахъ вовсе не легко было найти подходящее рѣшеніе для даннаго случая; сами юристы иногда противорѣчили другъ другу; наконецъ, при измѣнившихся условіяхъ жизни рѣшенія классическихъ юристовъ оказывались иногда устарѣвшими. Однимъ словомъ, чувствовалась, по словамъ проф. Покровскаго, «общая потребность въ полномъ и официальномъ пересмотрѣ всей правовой системы, въ подведеніи итоговъ всего многовѣкового развитія».

Въ предшествовавшихъ кодексахъ были собраны за определенное время лишь императорскія конституціи. Юридическая литература въ нихъ затронута не была. Юстиніанъ предпринялъ громадную законодательную работу составить не только сводъ императорскихъ конституцій до своего времени, но и переработать юридическую литературу. Главнымъ помощникомъ императора въ этомъ трудномъ начинаніи и душою всего дѣла былъ Трибоніанъ.

Работа шла поразительно быстро. Въ февралѣ 528 года императоромъ была созвана коммиссія изъ десяти опытныхъ и знающихъ челоуѣкъ, въ числѣ которыхъ находился Трибоніанъ. Задача коммиссіи была пересмотрѣть прежніе три кодекса, удалить изъ нихъ все устарѣвшее и привести въ порядокъ конституціи, вышедшія послѣ кодекса Θεодосія; все это должно было составить одинъ сборникъ. Въ апрѣлѣ 529 года кодексъ Юстиніана (*Codex Iustinianus*) уже былъ опубликованъ; будучи раздѣленъ на двѣнадцать книгъ и заключая въ себѣ конституціи со времени императора Адріана до Юстиніана, онъ сдѣлался единственнымъ обязательнымъ для всей имперіи сводомъ законовъ и отмѣнялъ, такимъ образомъ, прежніе три кодекса.

Если работа Юстиніана надъ кодексомъ была облегчена предшествовавшими законодательными сборниками, то подобная же работа надъ «древнимъ правомъ» являлась уже личнымъ дѣломъ императора. Въ 530 году Трибоніану было поручено составить коммиссію, которая должна была пересмотрѣть сочиненія всѣхъ классическихъ юристовъ, сдѣлать изъ нихъ извлеченія, отбросить устарѣвшее, устранить разногласія и, наконецъ, весь собранный матеріалъ расположить въ извѣстномъ порядкѣ. Для этой цѣли коммиссіи пришлось прочесть и разобрать около двухъ тысячъ книгъ и болѣе трехъ милліоновъ строкъ. Эта громадная работа, на исполненіе которой, по словамъ Юсти-

ниана, «никто изъ его предшественниковъ не надѣялся, которая считалась невозможною для человѣческаго ума и которая освободила все древнее право отъ излишняго многословія»,— эта работа черезъ три года была закончена. Опубликованный въ 533 году, раздѣленный на пятьдесятъ книгъ, сводъ получилъ названіе дигестъ (Digesta) или пандектъ (Pandectae) и тотчасъ же вступилъ въ дѣйствіе.

Несмотря на всю важность дигестъ, поспѣшность работы не могла не отразиться на достоинствахъ труда, въ которомъ можно замѣтить повторенія, противорѣчія, устарѣвшія рѣшенія; затѣмъ, благодаря полномочію, данному комиссіи, сокращать тексты, пояснять ихъ и, наконецъ, сводить нѣсколько текстовъ въ одинъ, въ работѣ замѣтенъ нѣкоторый произволъ, слѣдствіемъ котораго были иногда искаженія древнихъ текстовъ. Единства въ этой работѣ не было. Последнее обстоятельство заставляло иногда ученыхъ юристовъ XIX вѣка, придававшихъ первостепенное значеніе классическому римскому праву, сурово судить дигесты Юстиніана. Одинъ французскій ученый юристъ писалъ: «Трибоніанъ наложилъ варварскую руку на удивительные остатки римской юриспруденціи; онъ разорвалъ и изувѣчилъ самое прекрасное созданіе Рима—его гражданское право; онъ уничтожилъ Ульпіана, Павла, Папиніана, Гая, чтобы приспособить ихъ остатки къ нуждамъ греческой имперіи и заставить ихъ содѣйствовать постройкѣ расшатаннаго зданія. Можетъ быть, мы обязаны Трибоніану гибелью тѣхъ драгоценныхъ книгъ, которыя попали въ забвеніе и презрѣніе послѣ компіляціи Юстиніана?» Но соглашаясь лишь отчасти съ выше приведеннымъ сужденіемъ, мы должны признать, что дигесты, не смотря на многія ихъ несовершенства, сослужили большую практическую службу. Затѣмъ, онѣ сохранили потомству богатый матеріалъ, извлеченный изъ произведеній классическихъ римскихъ юристовъ, которые далеко не всѣ до насъ дошли.

Одновременно съ работой надъ дигестами Трибоніану и двумъ другимъ знатокамъ права была въ 533 году поручена новая задача. По словамъ Юстиніана, не всѣ «были способны выносить тяжесть столь великой мудрости», т. е. кодекса и дигестъ, на примѣръ, молодые люди, «которые, стоя въ преддверіи законовъ, стремятся войти въ самое святилище»; для нихъ было нужно хорошее практическое руководство. Въ

томъ же 533 году былъ составленъ, преимущественно въ учебныхъ цѣляхъ, оффиціальныи элементарный курсъ гражданскаго права, состоявшій изъ четырехъ книгъ и получившій названіе институцій (*Institutiones*); послѣднія должны были, по словамъ императора, свести «всѣ мутныя источники древняго права въ одно прозрачное озеро». Императорскій указъ, которымъ санкціонировались институціи, былъ адресованъ «къ жаждущей законовъ молодежи» (*cupidae legum juventuti*).

Во время работъ надъ дигестами и институціями текущее законодательство не бездѣйствовало; было издано не мало указовъ; цѣлый рядъ вопросовъ требовалъ пересмотра. Однимъ словомъ, кодексъ въ изданіи 529 года уже оказался во многихъ своихъ частяхъ устарѣвшимъ. Тогда было приступлено къ новой переработкѣ кодекса, которая и была закончена въ 534 году. Въ ноябрѣ этого года второе изданіе кодекса, исправленное и дополненное, было опубликовано подъ названіемъ *Codex hereditariae praelectionis*. Послѣднее изданіе уничтожало собою изданіе 529 года и заключало въ себѣ указы со времени Адриана до 534 года. Этимъ закончено было составленіе свода.

Указы, выходящіе послѣ 534 года, назывались новеллами (*novellae leges*). Въ то время какъ кодексъ, дигесты и институціи были написаны на латинскомъ языкѣ, громадное большинство новеллъ было издано уже на языкѣ греческомъ, что являлось серьезной уступкой со стороны императора, пропитаннаго римскими традиціями, требованіямъ дѣйствительной жизни. Въ одной новеллѣ Юстиніанъ писалъ: «Мы этотъ законъ написали не на отечественномъ языкѣ, но на разговорномъ греческомъ, чтобы законъ всѣмъ былъ извѣстенъ изъ-за легкости пониманія». Самъ Юстиніанъ, не смотря на свое намѣреніе, не собралъ въ одно цѣлое выходящія при немъ новеллы. Но нѣкоторые частные сборники новеллъ были составлены въ его правленіе. Новеллы разсматриваются, какъ послѣдняя часть законодательства Юстиніана и являются однимъ изъ самыхъ важныхъ источниковъ для внутренней исторіи его эпохи.

Всѣ указанныя четыре части, кодексъ, дигесты, институціи и новеллы, должны были, по мысли императора, составить одинъ сводъ или *Corpus* права; но при немъ онѣ не были

соединены въ такой сборникъ. Только позднѣе, въ средніе вѣка, начиная съ XII вѣка, когда въ Европѣ возродилось изученіе римскаго права, весь законодательный сводъ Юстиніана сталъ называться *Corpus juris civilis*, т. е. Сводъ гражданскаго права. Такъ онъ называется и въ настоящее время.

Громоздкость законодательнаго творенія Юстиніана и уже малопонятный для большинства населенія его латинскій языкъ повели къ тому, что еще при жизни императора появился рядъ греческихъ толкованій (парафразъ, *indices*, комментаріевъ) отдѣльныхъ частей Свода, болѣе или менѣе дословные переводы институцій и дигестъ съ примѣчаніями, различныя переработки кодекса на греческомъ языкѣ, особенно при помощи изложенія или перевода его текста съ примѣчаніями (такъ называемые *indices*). Эти вызванные потребностями времени и практическими соображеніями небольшіе юридическіе сборники на греческомъ языкѣ, иногда заключавшіе въ себѣ немало ошибокъ и искаженій первоначальнаго латинскаго текста, оттѣснили оригиналь и почти замѣнили его.

Сообразно съ новыми законодательными трудами было преобразовано и юридическое преподаваніе. Были составлены новыя программы. Курсъ объявлялся пятилѣтній. Главнымъ предметомъ изученія въ первый годъ были институціи, во второй, третій и четвертый—дигесты и, наконецъ, въ пятый годъ—кодексъ. «Ученики, писалъ Юстиніанъ, раскрывъ себѣ всѣ тайны права, да не имѣютъ ничего скрытаго, но, прочтя все, что для насъ составлено Трибоніаномъ и другими, да сдѣлаются прекрасными ораторами и хранителями справедливаго суда, превосходными мастерами въ своемъ дѣлѣ и счастливыми правителями во всякомъ мѣстѣ и во всякое время». Обращаясь къ профессорамъ, Юстиніанъ писалъ: «Начинайте, съ помощью Божьей, обучать праву учениковъ и открывать имъ путь, который мы обрѣли, чтобы они, слѣдуя по этому пути, сдѣлались превосходными служителями справедливости и государства и чтобы вы заслужили на вѣки вѣчныя величайшую славу». Обращаясь къ учащейся молодежи, императоръ писалъ: «Съ величайшимъ вниманіемъ и бодрымъ усердіемъ примите эти наши законы и покажите себя настолько свѣдущими, чтобы васъ ободряла прекраснѣйшая надежда, по окончаніи полнаго курса права, быть въ состояніи управлять

тосударствомъ въ тѣхъ частяхъ его, которыя вамъ будутъ ввѣрены». Самое преподаваніе сводилось лишь къ простому усвоенію преподаваемаго матеріала и толкованію на основаніи послѣдняго; прибѣгать же къ первоисточникамъ, т. е. къ сочиненіямъ классическихъ юристовъ, для провѣрки и лучшаго пониманія текста не разрѣшалось. Допускались лишь буквальные переводы и составленіе краткихъ пересказовъ и извлеченій.

Несмотря на вполне понятныя несовершенства въ выполненіи и многіе методологическіе недостатки, гигантское законодательное твореніе VI-го вѣка имѣетъ всемірное непреходящее значеніе. Сводъ Юстиніана сохранилъ намъ римское право, вписавшее существенныя принципы того права, которое управляетъ современными намъ обществами. «Воля Юстиніана, какъ пишетъ Диль, совершила одно изъ самыхъ плодотворныхъ дѣяній для прогресса человѣчества». Когда въ Западной Европѣ началось съ XII вѣка изученіе римскаго права, или, какъ обычно называютъ это явленіе, рецепція римскаго права, то во многихъ мѣстахъ Сводъ гражданскаго права Юстиніана дѣлается настоящимъ закономъ. «Римское право, пишетъ проф. I. A. Покровскій, воскресло для новой жизни и во второй разъ объединило міръ. Все правовое развитіе Западной Европы идетъ подъ знакомъ римскаго права вплоть до настоящаго времени: лишь со времени вступленія въ дѣйствіе новаго общегерманскаго гражданскаго уложенія — лишь съ 1 января 1900 г. исчезло формальное дѣйствіе Юстиніановскаго Свода въ тѣхъ частяхъ Германіи, въ которыхъ оно еще сохранялось. Но матеріальное дѣйствіе его не исчезло и теперь: все самое цѣнное изъ него перелито въ параграфы и статьи современныхъ кодексовъ и дѣйствуетъ подъ именемъ этихъ послѣднихъ». Уже одно законодательное дѣло Юстиніана даетъ ему полное право именоваться въ исторіи Великимъ.

Въ новѣйшее время въ изученіи законодательнаго творенія Юстиніана замѣчается интересное явленіе. До сихъ поръ изученіе Юстиніанова свода, не считая новеллъ, служило средствомъ для лучшаго знакомства съ римскимъ правомъ и имѣло такимъ образомъ вспомогательное значеніе. Самъ по себѣ сводъ не изучался, не служилъ предметомъ «независимаго» изслѣдованія. При такой постановкѣ вопроса главный упрекъ дѣлу Юстиніана заключался въ томъ, что онъ извратилъ классиче-

ское право, сокращая или дополняя тексты. Трибональ являлся, конечно, главным виновникомъ. Въ настоящее время дѣлаются попытки разсматривать эти измѣненія классическихъ текстовъ не какъ результатъ произвола составителей, а какъ результатъ ихъ желанія приспособить римское право къ условіямъ жизни восточной имперіи VI вѣка. Возникаетъ важный вопросъ о томъ, соотвѣтствовало ли твореніе Юстиніана нуждамъ его времени, въ какой мѣрѣ оно успѣло ихъ удовлетворить. Его надо изучать на фонѣ общей цивилизаціи VI вѣка, къ которой сводъ долженъ былъ приспособляться. Эллинизмъ и христіанство должны были оказывать вліяніе на составителей. Живое право Востока ихъ времени отражалось на древнемъ римскомъ правѣ. Подобная точка зрѣнія позволяетъ нѣкоторымъ ученымъ говорить о восточномъ характерѣ законодательнаго творенія Юстиніана. Задача современной историко-юридической науки опредѣлить и оцѣнить византійскія вліянія въ Юстиніановомъ сводѣ, а именно въ кодексахъ, дигестахъ и институціяхъ. Новеллы Юстиніана, какъ текущее законодательство, конечно, отражали на себѣ условія и нужды современной эпохи.

Церковная политика Юстиніана. Закрытіе аѳинской школы. Пятый Вселенскій Соборъ. Какъ наследникъ римскихъ цезарей, Юстиніанъ считалъ своей обязанностью возсоздать Римскую имперію. Но вмѣстѣ съ этимъ онъ желалъ, чтобы въ государствѣ былъ одинъ законъ и одна вѣра. «Единое государство, единый законъ и единая церковь» — такова была краткая формула всей государственной дѣятельности Юстиніана. Исходя изъ принципа абсолютной власти, онъ полагалъ, что въ хорошо устроенномъ государствѣ все должно было подлежать императорскому вниманію. Понимая, какое прекрасное орудіе для правительства представляла собою церковь, онъ употреблялъ всѣ усилія къ тому, чтобы она находилась въ его рукахъ. Въ данномъ случаѣ въ наукѣ обсуждался вопросъ о томъ, какія побужденія руководили Юстиніаномъ въ его церковной политикѣ; въ то время, какъ одни склонялись къ тому, что въ послѣдней политическіе мотивы стояли на первомъ планѣ, что религія была лишь прислужницей государства для государственныхъ цѣлей, другіе писали, что этотъ «второй Константинъ Великій за дѣлами церкви готовъ былъ забывать свои прямыя обязанности госу-

дарственные». Желая быть хозяиномъ въ церкви, Юстиніанъ стремился имѣть въ своихъ рукахъ не только внутреннее управленіе и судьбу духовенства, не исключая самыхъ высшихъ его представителей, но и считалъ своимъ правомъ устанавливать среди своихъ подданныхъ опредѣленную догму. Какого религіознаго направленія придерживался императоръ, такого же направленія должны были придерживаться и его подданные. На основаніи выше изложеннаго, византійскій императоръ имѣлъ право регулировать бытъ духовенства, замѣщать по своему усмотрѣнію высшія іерархическія должности, выступать въ качествѣ посредника и судьи въ клирѣ; онъ покровительствовалъ церкви въ лицѣ ея служителей, способствовалъ постройкѣ храмовъ, монастырей, умноженію ихъ привилегій; наконецъ, императоръ устанавливалъ вѣроисповѣдное единство среди всѣхъ подданныхъ имперіи, давалъ послѣднимъ норму правовѣрнаго ученія, участвовалъ въ догматическихъ спорахъ и давалъ заключительное рѣшеніе по спорнымъ догматическимъ вопросамъ. Подобная политика свѣтскаго преобладанія въ религіозныхъ и церковныхъ дѣлахъ, вплоть до тайниковъ религіозныхъ убѣжденій человѣка, особенно ярко проявленная Юстиніаномъ, получила въ исторіи названіе цезарепапизма, и этотъ императоръ считается однимъ изъ наиболѣе типичныхъ представителей цезарепапистическаго направленія. Глава государства былъ цезаремъ и папою, т. е. совмѣщалъ въ своей особѣ всю полноту власти свѣтской и духовной. Для историковъ, выдвигающихъ политическую сторону дѣятельности Юстиніана, главнымъ мотивомъ его цезарепапизма было стремленіе обезпечить свою политическую власть, укрѣпить государство и найти для случайно доставшагося ему трона религіозную опору.

Юстиніанъ былъ религіозно образованнымъ человѣкомъ, зналъ хорошо Священное Писаніе, любилъ лично участвовать въ религіозныхъ спорахъ и являлся авторомъ церковныхъ пѣснопѣній. Для Юстиніана религіозныя несогласія, какъ вносившія смуту въ государство, казались опасными и съ политической точки зрѣнія: они угрожали единству имперіи.

Мы уже знаемъ, что два послѣднихъ предшественника Юстина и Юстиніана, Зинонъ и Анастасій, вступили на путь примиренія съ восточною монофиситскою церковью и тѣмъ самымъ порвали отношенія съ римскою церковью.

Юстинъ и Юстиніанъ опредѣленно стали на сторону послѣдней и возобновили съ ней общеніе. Это обстоятельство должно было снова оттолкнуть отъ Юстиніана восточныя провинціи, что совершенно не входило въ планы императора, желавшаго установить единую вѣру въ своемъ обширномъ государствѣ. Осуществить же религіозное соединеніе востока съ западомъ, Александріи и Антиохіи съ Римомъ, было невозможно. «Правительство Юстиніана, по словамъ одного историка, въ церковной политикѣ представляло собою двуликаго Януса, одно лицо котораго было обращено на западъ, спрашивало директивъ у Рима, а другое на востокъ, искало истины у сирійскаго и египетскаго монашества».

Поставивъ въ началѣ своего правленія въ основу церковной политики сближеніе съ Римомъ, Юстиніанъ долженъ былъ выступать защитникомъ Халкидонскаго собора, противъ котораго были непримиримо настроены восточныя провинціи. Римскій престолъ пользовался при немъ наивысшимъ церковнымъ авторитетомъ. Въ своихъ письмахъ къ римскому епископу Юстиніанъ называлъ его «папою», «папою римскимъ», «апостольскимъ отцомъ», «папою и патріархомъ» и т. д.; при чемъ, титулъ «папа» прилагался исключительно къ римскому епископу. Въ одномъ посланіи императоръ называетъ папу «главою всѣхъ святыхъ церквей» (*caput omnium sanctarum ecclesiarum*) и въ одной изъ своихъ новеллъ опредѣленно говоритъ, что «блаженнѣйшій архіепископъ Константинополя, Новаго Рима, занимаетъ второе мѣсто послѣ святѣйшаго апостольскаго престола Стараго Рима».

Юстиніану пришлось столкнуться съ іудеями, язычниками и еретиками; къ числу послѣднихъ онъ причислялъ манихеевъ, весторіанъ, монофиситовъ, аріанъ и другихъ представителей менѣе значительныхъ религіозныхъ ученій. Аріанство было распространено на западѣ среди германскихъ народовъ. Остатки язычества существовали въ различныхъ частяхъ имперіи и имѣли главнымъ своимъ центромъ философскую школу въ Афинахъ. Іудеи же и представители другихъ еретическихъ ученій находились, главнымъ образомъ, въ восточныхъ провинціяхъ. Наибольшимъ вліяніемъ, конечно, пользовались монофиситы.

Борьба съ аріанами выразилась въ формѣ его военныхъ предпріятій на западѣ, окончившихся уже извѣстными намъ

подчиненіями, полными или частичными, германскихъ государствъ.

При убѣжденіи Юстиніана въ необходимости имѣть въ государствѣ единую вѣру, не могло быть и рѣчи о терпимомъ отношеніи къ представителямъ другихъ религій и еретическихъ ученій, которыя подвергались при немъ суровымъ преслѣдованіямъ при помощи военныхъ и гражданскихъ властей.

Для окончательнаго искорененія остатковъ язычества Юстиніанъ закрылъ въ 529 году знаменитую философскую школу въ Афинахъ, этотъ послѣдній оплотъ отжившаго язычества, которому, какъ было сказано выше, нанесъ уже раньше сильный ударъ основанный въ V вѣкѣ при Θεодосіи II константинопольскій университетъ. Послѣ закрытія школы при Юстиніанѣ аѳинскіе профессора подверглись изгнанію; имущество школы было конфисковано. Одинъ историкъ пишетъ: «Въ томъ же году, въ которомъ св. Бенедиктъ разрушилъ послѣднее языческое національное святилище въ Италіи, а именно храмъ Аполлона въ священной роцѣ на Монте Кассино, была также разрушена твердыня античнаго язычества въ Греціи». Съ этихъ поръ Аѳины утратили окончательно свое бывшее значеніе культурнаго центра и превратились въ глухой провинціальный городъ. Полнаго искорененія язычества Юстиніанъ не достигъ; оно продолжало скрываться въ нѣкоторыхъ малодоступныхъ мѣстностяхъ.

Иудеи и близкіе имъ по вѣрѣ самаритяне въ Палестинѣ, не вынесшіе правительственнаго преслѣдованія и поднявшіе возстаніе, были усмирены съ большою жестокостью. Синагоги разрушались; въ оставшихся синагогахъ запрещалось читать книги Ветхаго Завета по древнему еврейскому тексту, который долженъ былъ быть замѣненъ греческимъ переводомъ семидесяти толковниковъ; гражданскія права отнимались. Несторіане также преслѣдовались.

Важнѣе всего, конечно, было отношеніе Юстиніана къ монофиситамъ. Во-первыхъ, отношенія къ нимъ имѣли государственное значеніе и ставили вопросъ о въ высшей степени важныхъ для государства восточныхъ провинціяхъ, Египтѣ и Сиріи съ Палестиной; во-вторыхъ, на сторонѣ монофиситовъ была супруга Юстиніана Θεодора, имѣвшая на него сильное вліяніе. Одинъ современный ей монофиситскій писатель называетъ ее «правовѣрною, исполненною ревности»,

«христолюбивою царицей, поставленной Богомъ въ трудныя времена для поддержки гонимыхъ».

По совѣту Θεодоры, Юстиніанъ въ отношеніи къ монофиситамъ уже въ началѣ своего правленія вступилъ на путь примиренія. Изгнанные при Юстинѣ и въ первые годы Юстиніана монофиситскіе епископы получили право вернуться изъ ссылки. Многіе монофиситы, во главѣ со знаменитымъ Северомъ Антіохійскимъ, были приглашены въ столицу на религиозное примирительное совѣщаніе, на которомъ императоръ, по словамъ очевидца, убѣждалъ ихъ «съ кротостью Давида, терпѣніемъ Моисея и снисходительностью апостольскою». Пятисотъ поселенныхъ въ одномъ изъ столичныхъ дворцовъ монофиситскихъ монаховъ, по выраженію современника, превратили дворецъ въ «великую и дивную пустыню отшельниковъ». На константинопольскую патриаршую кафедру былъ возведенъ епископъ трапезундскій Анѳимъ, извѣстный своею примирительною политикою въ отношеніи къ монофиситамъ. Повидимому, монофиситы торжествовали.

Однако, пріѣхавшій въ Константинополь папа Агапиль и партія акимитовъ (строго-православныхъ) подняли такой шумъ противъ религиозной уступчивости Анѳима, что Юстиніанъ, конечно, съ внутреннимъ сожалѣніемъ, вынужденъ былъ уступить: Анѳимъ былъ смѣщенъ, и на его мѣсто назначенъ убѣжденный православный пресвитеръ Мина. Источникъ сообщаетъ намъ о такой бесѣдѣ между императоромъ и папой: «Я или заставлю тебя согласиться съ нами или отправлю въ ссылку», сказалъ Юстиніанъ, на что Агапиль отвѣтилъ: «я желалъ придти къ христіаннѣйшему императору Юстиніану, а нашелъ теперь Діоклетіана; однако, твоихъ угрозъ я не боюсь». Очень вѣроятно, что уступка императора папѣ была вызвана отчасти тѣмъ, что въ это время началась остготская война въ Италіи, и Юстиніану было необходимо сочувствіе запада.

Но сдѣлавъ выше указанную уступку, Юстиніанъ не отказался отъ дальнѣйшихъ примирительныхъ попытокъ относительно монофиситовъ. На этотъ разъ императоръ поднялъ извѣстный вопросъ о трехъ главахъ. Дѣло шло о трехъ церковныхъ писателяхъ V вѣка, Θεодорѣ Мопсуестскомъ, Θεодоритѣ Кирскомъ и Ивѣ Эдесскомъ, относительно которыхъ монофиситы ставили въ упрекъ Халкидонскому собору то, что выше названные писатели, не смотря на свой несторіанскій

образъ мыслей, не были на немъ осуждены. Юстиніанъ, раздраженный противодѣйствіемъ папы и акимитовъ, призналъ, что въ данномъ случаѣ монофиситы правы, и что православные должны имъ сдѣлать уступку. Поэтому въ началѣ сороковыхъ годовъ онъ издалъ указъ, въ которомъ подвергалъ анаѳемѣ сочиненія этихъ трехъ писателей и грозилъ анаѳемой всѣмъ тѣмъ лицамъ, которыя станутъ защищать или одобрять данныя сочиненія ¹⁾).

Своему указу Юстиніанъ хотѣлъ придать общецерковное значеніе и требовалъ, чтобы его подписали всѣ патріархи и епископы. Но этого не легко было достигнуть. Западъ былъ смущенъ тѣмъ, что согласіе подписать императорскій указъ будетъ обозначать собою посягновеніе на авторитетъ Халкидонскаго собора. Говорили, что, «если подвергаются укоризнамъ опредѣленія Халкидонскаго собора, то какъ бы не подвергся подобной опасности и соборъ Никейскій». Затѣмъ, поднимался вопросъ, можно ли осуждать умершихъ; вѣдь всѣ три писателя умерли еще въ предыдущемъ столѣтіи. Наконецъ, нѣкоторые представители запада держались того мнѣнія, что императоръ своимъ указомъ дѣлаетъ насиліе надъ совѣстью членовъ церкви. Последнее сомнѣніе почти не существовало въ восточной церкви, гдѣ вмѣшательство императорской власти въ рѣшеніе догматическихъ споровъ закрѣплено было долговременною практикой. Вопросъ же объ осужденіи умершихъ былъ обоснованъ ссылкой на ветхозавѣтнаго царя Іосію, не только заклавашаго живыхъ жрецовъ идольскихъ, но и раскопавшаго гробы тѣхъ, которые задолго до того времени умерли (IV книга Царствъ, 23, 16). Такимъ образомъ, въ то время какъ восточная церковь соглашалась признать указъ и осудить три главы, западная церковь высказалась противъ этого. Указъ Юстиніана общецерковнаго значенія не получилъ.

Для того, чтобы привлечь западную церковь на свою сторону, надо было прежде всего убѣдить одобрить указъ римскаго папы. Тогдашній папа Вигилій былъ вызванъ въ Константинополь, гдѣ и прожилъ болѣе семи лѣтъ.

¹⁾ Указъ о трехъ главахъ получилъ свое названіе отъ того, что въ немъ было три главы или параграфа, посвященные выше названымъ тремъ писателямъ; но вскорѣ первоначальный смыслъ этого названія затерялся, и подъ тремя главами стали разумѣть Θεодора, Θεодорита и Иву.

Явившись туда, папа открыто возсталъ противъ указа Юстиніана и отлучилъ отъ церкви константинопольскаго патріарха Мину. Но, мало-по-малу, въ силу различныхъ вліяній, Вигилій уступилъ Юстиніану и Ѳеодорѣ и въ 548 году издалъ осужденіе трехъ главъ, такъ называемый *Iudicatum*, и такимъ образомъ присоединилъ свой голосъ къ голосу четырехъ восточныхъ патріарховъ. Это было послѣднимъ торжествомъ Ѳеодоры, увѣренной въ наступленіи окончательной побѣды монофиситства. Въ томъ же году она умерла.

Однако, западная церковь не одобрила уступки Вигилія. Африканскіе епископы, собравъ соборъ, даже отлучили его отъ церковнаго общенія. Подъ вліяніемъ западной церкви папа началъ колебаться въ своемъ рѣшеніи и взялъ обратно *Iudicatum*. Въ такихъ обстоятельствахъ Юстиніанъ рѣшилъ прибѣгнуть къ созыву вселенскаго собора, который и собрался въ Константинополь въ 553 году.

Задача этого пятаго вселенскаго собора была гораздо уже задачъ предшествовавшихъ соборовъ. На немъ не было дѣла съ какой либо новой ересью; задачей его являлось урегулировать нѣкоторые вопросы, связанные съ дѣятельностью третьяго и четвертаго соборовъ и касавшіеся несторіанства и главнымъ образомъ монофиситства. Императоръ хотѣлъ, чтобы на соборѣ присутствовалъ папа, проживавшій въ то время въ Константинополь. Но папа, подъ разными предлогами, уклонялся отъ этого, такъ что всѣ засѣданія собора состоялись безъ него. Соборъ, разобравъ сочиненія выше названныхъ трехъ писателей и согласившись съ мнѣніемъ императора, осудилъ и предалъ анаѹемъ «нечестиваго Ѳеодора, который былъ епископомъ мопсуестскимъ, вмѣстѣ съ нечестивыми его сочиненіями, и все, что нечестиво написалъ Ѳеодоритъ, и нечестивое посланіе, приписываемое Ивѣ, и тѣхъ, которые мудрствовали или мудрствуютъ подобно имъ».

Постановленіе собора получило обязательную силу, и Юстиніанъ сталъ преслѣдовать и подвергать ссылкѣ епископовъ, не согласившихся на осужденіе трехъ главъ. Папа Вигилій былъ сосланъ на одинъ изъ острововъ Мраморнаго моря. Согласившись, въ концѣ концовъ, подписать осужденіе, онъ получилъ разрѣшеніе возвратиться въ Римъ, но, не доѣхавъ, умеръ въ Сиракузахъ.

Западъ до конца VI вѣка не признавалъ рѣшеній собора

553 года, и только при папѣ Григоріи I Великомъ (590—604), объявившемъ, что «на соборѣ, на которомъ дѣло шло о трехъ главахъ, ничего не было нарушено въ дѣлѣ вѣры или какимъ-нибудь образомъ измѣнено», соборъ 553 года былъ признанъ на всемъ западѣ вселенскимъ соборомъ, наравнѣ съ первыми четырьмя соборами.

Напряженная религіозная борьба, которую велъ Юстиніанъ и которая должна была, какъ онъ ожидалъ, примирить монофиситовъ съ православными, не оправдала его надеждъ. Монофиситы спокойно относились къ развертывавшимся событіямъ и не казались удовлетворенными сдѣланными уступками. Въ послѣдніе годы своей жизни Юстиніанъ все рѣшительнѣе склонялся на сторону монофиситовъ. Несогласные съ нимъ епископы отправлялись въ ссылку. Монофиситство могло сдѣлаться государственною религіей, обязательною для всѣхъ, что повлекло бы за собою новыя крупныя осложненія. Но въ это время престарѣлаго императора не стало, и съ его смертью императорская религіозная политика измѣнилась.

Если, подводя итогъ всему сказанному въ области церковно-религіозной политики Юстиніана, предложить вопросъ, достигъ ли онъ установленія единой церкви въ имперіи, то отвѣтъ, конечно, придется дать отрицательный. Примиреніе православія съ монофиситствомъ не состоялось; несторіанство, манихейство, іудейство и въ отдѣльныхъ случаяхъ язычество продолжали существовать. Религіознаго единства не было, и вся политика Юстиніана установить таковое должна быть признана неудавшейся.

Но, говоря о религіозной политикѣ Юстиніана, нельзя забывать о миссіонерской дѣятельности въ его время. Онъ, какъ императоръ христіанскій, считалъ своимъ долгомъ насаждать христіанскую вѣру и за предѣлами государства. До насъ дошли извѣстія о принятіи христіанства герулами на Дунаѣ, нѣкоторыми кавказскими народами, туземными племенами сѣверной Африки и средняго Нила.

Внутренняя администрація Юстиніана. Возстаніе «Ника». Въ моментъ вступленія Юстиніана на престолъ во внутренней жизни имперіи царили вездѣ безпорядокъ и смута. Бѣдность, особенно въ провинціяхъ, давала себя сильно чувствовать; налоги поступали въ казну плохо. Партіи [цирка, лишенные трона родственники императора Анастасія и, наконецъ, рели-

гіозныя распри еще болѣе увеличивали внутреннія несогласія и создавали очень тревожную обстановку.

Вступивъ на престоль, Юстиніанъ ясно понималъ, что внутренняя жизнь имперіи нуждается въ крупныхъ реформахъ; къ послѣднимъ онъ смѣло и приступилъ. Главнымъ источникомъ для административной дѣятельности императора служатъ его новеллы.

Въ началѣ правленія Юстиніану пришлось пережить страшное возстаніе въ столицѣ, едва не лишившее его престола.

Центральнымъ пунктомъ въ Константинополѣ былъ циркъ или ипподромъ, который являлся любимымъ мѣстомъ для сборищъ столичнаго населенія, увлекавшагося въ былое время пышными цирковыми зрѣлищами въ видѣ борьбы атлетовъ-гладіаторовъ между собою и бѣга колесницъ. На томъ же ипподромѣ новый императоръ, послѣ коронаціи, нерѣдко появлялся въ царской ложѣ и получалъ первыя привѣтствія собравшейся тамъ толпы. Кучера цирковыхъ колесницъ носили одѣянія четырехъ цвѣтовъ: зеленаго, голубого, бѣлаго и краснаго. Бѣгъ на колесницахъ оставался единственнымъ зрѣлищемъ въ циркѣ съ тѣхъ поръ, какъ христіанская церковь запретила гладіаторскія состязанія. Около возницъ опредѣленнаго цвѣта образовались партіи, получившія прекрасную организацію, имѣвшія свою кассу, дававшія средства на содержаніе кучеровъ, лошадей и колесницъ и всегда соперничавшія и враждовавшія съ партіями другихъ цвѣтовъ. Партіи стали называться зелеными, голубыми и т. д. Какъ самый циркъ съ его состязаніями, такъ и цирковыя партіи перешли въ Византію изъ римскаго государства, и позднѣйшая литературная традиція относитъ ихъ происхожденіе еще къ мифическимъ временамъ Ромула и Рема. Первоначальный смыслъ названій четырехъ партій также неясенъ. Источники VI вѣка, т. е. эпохи Юстиніана, говорятъ, что эти наименованія соотвѣтствуютъ четыремъ стихіямъ: землѣ (зеленые), водѣ (голубые), воздуху (бѣлые) и огню (красные). Цирковыя празднества отличались необыкновенною пышностью; зрителей иногда бывало до 50.000 человѣкъ.

Мало-по-малу, цирковыя партіи, называвшіяся въ византійское время *димами*, превратились въ партіи политическія, которыя сдѣлались выразительницами того или иного полити-

ческаго, или общественнаго, или религіознаго настроенія. Толпа въ циркѣ стала какъ бы общественнымъ мнѣніемъ и народнымъ голосомъ. «Ипподромъ, по словамъ *Θ. И. Успенскаго*, представлялъ единственную арену, за отсутствіемъ печатнаго станка, для громкаго выраженія общественнаго мнѣнія, которое иногда имѣло обязательную силу для правительства». Императоръ иногда являлся въ циркъ и давалъ толпѣ объясненія.

Въ VI вѣкѣ особеннымъ вліяніемъ пользовались двѣ партіи: голубые (венеты), стоявшіе за православіе или халкидониты, какъ назывались приверженцы Халкидонскаго собора, и зеленые (прасины), стоявшіе за монофиситовъ. Еще въ концѣ правленія Анастасія, приверженца монофиситовъ, въ столицѣ вспыхнулъ мятежь, и православная партія, произведя большія разоренія и провозгласивъ новаго императора, бросилась на ипподромъ, куда вышелъ испуганный Анастасій, безъ діадемы, и повелѣлъ глашатаемъ объявить народу, что онъ готовъ сложить съ себя власть. Увидѣвъ своего императора въ столь жалкомъ положеніи, народъ успокоился, и мятежь прекратился. Этотъ эпизодъ очень характеренъ, какъ показатель вліянія ипподрома и столичной толпы на правительство и самого императора. Анастасій, какъ монофиситъ, сочувствовалъ, конечно, партіи зеленыхъ.

Со вступленіемъ на престоль Юстина и Юстиніана восторжествовала православная точка зрѣнія, а съ нею вмѣстѣ и партія голубыхъ. Θεодора же была на сторонѣ партіи зеленыхъ. На императорскомъ престолѣ появились такимъ образомъ защитники различныхъ партій.

Причины, вызвавшія страшное возстаніе 532 года въ столицѣ, были разнообразны. Оппозиція, направленная противъ Юстиніана, была троякаго рода: династическая, общественная и религіозная. Остававшіеся еще въ живыхъ племянники покойнаго Анастасія считали себя обойденными вступленіемъ на престоль Юстина, а потомъ Юстиніана и, опираясь на монофиситски настроенную партію зеленыхъ, стремились низложить Юстиніана. Общественная оппозиція создавалась изъ всеобщаго раздраженія противъ высшихъ чиновниковъ, особенно противъ извѣстнаго уже намъ юриста Трибопіана и префекта преторія Іоанна Каппадокійскаго, которые своимъ безсовѣстнымъ нарушеніемъ законовъ, вымогательствами

и жестокостью вызвали глубокое возмущение въ народѣ. Наконецъ, религіозная оппозиція шла со стороны монофиситовъ, претерпѣвавшихъ сильныя стѣсненія въ началѣ правленія Юстиніана. Все это вмѣстѣ взятое вызвало народное возстаніе въ столицѣ. Интересно отмѣтить, что голубые и зеленые, на время забывъ о своихъ религіозныхъ пререканіяхъ, выступили вмѣстѣ противъ ненавистнаго правительства. Переговоры императора съ народомъ черезъ глашатаго на ипподромѣ ни къ какому результату не привели. Мятежъ быстро распространился по городу. Отъ крика мятежниковъ «Ника», т. е. «Побѣждай!» этотъ мятежъ носитъ въ исторіи названіе «возстанія Ника». Лучшія зданія, памятники искусства подверглись разрушенію и пожарамъ. Была сожжена базилика св. Софіи, на мѣстѣ которой позднѣе былъ выстроенъ знаменитый храмъ св. Софіи. Обѣщаніе императора отставить отъ должностей Трибоніана и Іоанна Каппадокійскаго и личное обращеніе его къ толпѣ на ипподромѣ успѣха не имѣли. Племянникъ Анастасія былъ провозглашенъ императоромъ. Укрывшись во дворцѣ, Юстиніанъ и его совѣтники уже думали бѣгствомъ спастись изъ столицы. Но въ этотъ критическій моментъ ихъ ободрила Θεодора. Прокопій сообщаетъ даже рѣчь ея, въ которой она высказывала, напримѣръ, такія мысли: «Человѣку, появившемуся на свѣтъ, необходимо умереть, но быть бѣглецомъ для того, кто былъ императоромъ, невыносимо.... Если ты, государь, хочешь спастись, это нисколько не трудно: у насъ много средствъ; вотъ море; вотъ корабли. Однако подумай, какъ бы послѣ бѣгства ты не предпочелъ смерть спасенію. Мнѣ же нравится древнее изреченіе, что царское достоинство есть прекрасный погребальный нарядъ». Тогда дѣло подавленія мятежа, продолжавшагося уже шесть дней, было поручено Велизарію, который, сумѣвъ загнать бунтующую толпу внутрь ипподрома и заперевъ ее тамъ, перебилъ отъ 30 до 40 тысячъ мятежниковъ. Возстаніе было подавлено, и Юстиніанъ снова укрѣпился на тронѣ. Племянники Анастасія были казнены. Подавленіе мятежа 532 года усилило еще больше императорскую власть въ смыслѣ ея неограниченности.

Юстиніанъ видѣлъ и понималъ недостатки внутренней администраціи государства, выражавшіеся въ продажности, воровствѣ, вымогательствѣ и влекшіе за собою бѣдность, разореніе, а за ними неизбѣжную смуту; онъ давалъ себѣ отчетъ въ томъ, что

подобное положеніе страны вредно отзывалось на общественной безопасности, на городскихъ финансахъ и на состояніи земледѣлія, что финансовое разстройство вносило въ страну беспорядокъ. Императоръ желалъ помочь въ этомъ отношеніи государству. Въ его представленіи, роль преобразователя являлась обязанностью императорскаго служенія и актомъ со стороны императора благодарности Богу, который осыпалъ его своими благодѣянiями. Но, какъ убѣжденный представитель идеи абсолютной императорской власти, Юстиніанъ видѣлъ единственное средство для облегченія страны въ централизованной администраціи съ улучшеннымъ и вполнѣ покорнымъ ему штатомъ чиновничества.

На первомъ планѣ стояло финансовое положеніе страны, внушавшее самыя серьезныя опасенія. Военныя предпріятія требовали громадныхъ средствъ; между тѣмъ налоги поступали въ казну все съ большими затрудненіями. Это беспокоило императора, и онъ въ одной изъ новеллъ писалъ, что, въ виду большихъ военныхъ расходовъ, подданные «должны вносить государственные налоги со всею готовностью сполна». Но выступая, съ одной стороны, какъ только что мы видѣли, защитникомъ ненарушимости правъ казны, онъ, съ другой стороны, объявлялъ себя заступникомъ плательщика противъ вымогательства чиновниковъ.

Для характеристики преобразовательной дѣятельности Юстиніана имѣютъ крупное значеніе двѣ его большихъ новеллы 535 года. Въ нихъ изложены главныя основанія административной реформы и точно опредѣлены новыя обязанности чиновниковъ. Новелла повелѣваетъ правителямъ «отечески относиться къ благомыслящимъ, повсюду охранять подданныхъ отъ притѣсненій, не брать отъ нихъ никакихъ приношеній, быть справедливыми въ приговорахъ и въ административныхъ рѣшеніяхъ, преслѣдуя за преступленія, охраняя невинныхъ и налагая законную кару на виновныхъ, и вообще относиться къ подданнымъ, какъ отецъ относился бы къ дѣтямъ». Но въ то же время правители, «имѣя вездѣ чистыя руки», т. е. не беря взятокъ, должны неусыпно заботиться о государственныхъ доходахъ, «увеличивая государственную казну и прилагая всяческое усердіе на ея пользу». Въ виду покоренія Африки и вандаловъ и другихъ предполагаемыхъ обширныхъ предпріятій, говорится въ новеллѣ, «необходимо вносить госу-

дарственные налоги сполна, охотно и въ опредѣленные сроки. И такъ, если вы благоразумно встрѣтите правителей, и они съ легкостью немедленно соберутъ намъ государственные налоги, то мы похвалимъ правителей за усердіе и васъ одобримъ за благоразуміе, и повсюду будетъ одна прекрасная и согласная гармонія правителей и подчиненныхъ». Чиновники должны были давать торжественную клятву въ честномъ исполненіи своихъ обязанностей и вмѣстѣ съ тѣмъ становились отвѣтственными за полной взносъ податей во ввѣренной имъ области. Епископы должны были наблюдать за поведеніемъ правителей. Провинившимся чиновникамъ грозило строгое наказаніе, честно же исполнявшимъ обязанности были обѣщаны повышенія. И такъ, обязанность какъ правительственныхъ чиновниковъ, такъ и плательщиковъ, по новелламъ Юстиніана, чрезвычайно проста: первые должны быть честными людьми, вторые должны охотно, сполна и правильно платить налоги. Въ послѣдующихъ указахъ императоръ неоднократно ссылается на эти основные принципы его административной реформы.

Не всѣ провинціи имперіи управлялись одинаково. Были провинціи, особенно пограничныя съ безпокойнымъ туземнымъ населеніемъ, которыя требовали болѣе сильной власти. Извѣстно, что реформы Діоклетіана и Константина до чрезмѣрности увеличили провинціальныя дѣленія и устроили громадный штатъ чиновниковъ со строгимъ отдѣленіемъ гражданской власти отъ военной. При Юстиніанѣ можно замѣтить въ отдѣльныхъ случаяхъ разрывъ съ этой системой и возвращеніе къ прежней до-діоклетіановской системѣ. Юстиніанъ соединилъ нѣсколько мелкихъ провинцій, преимущественно восточныхъ, въ болѣе крупныя единицы; въ нѣкоторыхъ же провинціяхъ Малой Азіи онъ, отмѣтивъ ссоры и распри между представителями военной и гражданской власти, вредившія дѣлу, постановилъ соединить функціи обѣихъ властей въ рукахъ одного лица, губернатора, называвшагося преторомъ. Особенное вниманіе Юстиніанъ обратилъ на Египетъ съ Александріей, откуда Константинополь снабжался хлѣбомъ. Организациа хлѣбнаго дѣла въ Египтѣ и его доставки въ столицу пришла, по словамъ новеллы, въ полное разстройство. Чтобы снова привести въ порядокъ столь важную отрасль государственной жизни, Юстиніанъ передалъ въ руки гражданскаго лица, августала (*vir spectabilis Augus-*

talis) также и военныя функціи какъ въ самой Александріи, въ этомъ многолюдномъ и безпокойномъ городѣ, такъ и въ обѣихъ египетскихъ провинціяхъ. Но подобныя попытки централизаціи территорій и властей въ провинціяхъ при Юстиніанѣ не носили систематическаго характера. Иногда можно отмѣтить даже обратную тенденцію: при немъ, напр., Арменія въ отношеніи гражданскаго управленія была раздѣлена на четыре провинціи.

Проводя въ нѣкоторыхъ восточныхъ провинціяхъ идею соединенія властей, Юстиніанъ оставилъ на западѣ, въ недавно завоеванныхъ префектурахъ сѣверной Африки и Италіи, прежнее отдѣленіе гражданской власти отъ военной.

Императоръ надѣялся, что онъ рядомъ своихъ послѣднихъ указовъ исправилъ всѣ внутреннія недомоганія страны и «далъ, по его словамъ, своему государству, благодаря блестящимъ мѣропріятіямъ, новый расцвѣтъ». Дѣйствительность обманула его ожиданія, и многочисленныя указы не могли переродить людей. Свидѣтельство послѣдующихъ новеллъ доказываетъ, что прежнія смуты, вымогательства и разореніе продолжались. Постоянно приходилось возобновлять указы и напоминать о нихъ. Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ была введена усиленная охрана, а иногда прибѣгали чуть ли не къ осадному положенію.

Нуждаясь въ средствахъ, Юстиніанъ иногда обращался къ тѣмъ мѣрамъ, которыя онъ строго запрещалъ въ указахъ: онъ за большія деньги продавалъ должности и вводилъ, вопреки своему обѣщанію, новые налоги, хотя, на основаніи новеллъ, видно, что онъ зналъ о полной несостоятельности населенія нести новыя налоговыя обязательства. Ему нужно было, во чтобы то ни стало, пополнять государственную казну—фискъ, «занимающій, по словамъ одного поэта VI вѣка, мѣсто желудка, посредствомъ котораго питаются всѣ члены». Строгость во взиманіи налоговъ достигла крайнихъ предѣловъ и губительно отзывалась на обезсиленномъ населеніи. Деревни обнищали и опустѣли, такъ какъ жители ихъ разбѣгались. Производительность страны исчезла. Въ различныхъ мѣстностяхъ происходили возмущенія.

Видя разореніе страны и сознавая необходимость экономіи, Юстиніанъ сталъ прибѣгать къ ней въ областяхъ наиболѣе опасныхъ для имперіи. Онъ уменьшилъ численность войска и сталъ задерживать ему жалованье; а такъ какъ войска глав-

нымъ образомъ состояли изъ наемниковъ, то послѣдніе, не получая условленнаго содержанія, поднимали возстанія и мстили на беззащитномъ населеніи. Вслѣдствіе этихъ мѣръ граница недостаточно зорко охранялась, и варвары безнаказанно проникали на византійскую территорію, подвергая ее грабежу и разоренію. Сооруженныя Юстиніаномъ крѣпости не поддерживались. Не имѣя возможности противостоятъ силою вторгавшимся варварамъ, онъ долженъ былъ отъ нихъ откупаться, на что нужны были новыя средства. Образовался, по словамъ французскаго ученаго Дюля, заколдованный кругъ: изъ-за недостатка денегъ уменьшили войско; изъ-за недостатка солдатъ нужно было теперь найти еще больше денегъ для уплаты нападавшимъ врагамъ.

Если къ этому прибавить частыя голодовки, эпидеміи и такія несчастія, какъ землетрясенія, которыя, разоряя населеніе, требовали въ тоже время отъ правительства денегъ для посильной помощи, то можно себѣ представить ту безотрадную картину, которую представляла собою имперія къ концу правленія Юстиніана и которая отразилась на первой новеллѣ его преемника Юстина II, гдѣ говорится о «государственной казнѣ, отягченной многими долгами и доведенной до крайней нищеты», и о «войскѣ, настолько уже пропитанномъ недостаткомъ во всемъ необходимомъ, что государство страдало отъ безчисленныхъ нападений и набѣговъ варваровъ».

Попытка административной реформы Юстиніана окончилась полной неудачей. Въ финансовомъ отношеніи имперія стояла на краю гибели. Съ этой стороны, конечно, нельзя опускать изъ виду тѣсной связи, которая существовала между внутренней и внѣшней политикой императора. Его обширныя военныя предпріятія на западѣ, требовавшія громаднхъ средствъ, разорили востокъ и оставили преемникамъ тяжелое, запутанное наслѣдство. Добрыя искреннія намѣренія Юстиніана упорядочить жизнь имперіи и поднять нравственный уровень правительственныхъ органовъ, о чемъ торжественно объявляли его новеллы болѣе ранняго времени, столкнулись съ его военными планами, какъ наслѣдника римскихъ цезарей, и не могли быть проведены въ жизнь.

Торговля при Юстиніанѣ. Косьма Индикопловъ. Постройки. Св. Софія. Равенна. Общіе выводы. Въ исторіи византійской торговли время Юстиніана также оставило замѣтный слѣдъ.

Какъ и въ эпоху языческой Римской имперіи, главная торговля въ христіанское время велась съ востокомъ, и наиболѣе рѣдкіе, драгоцѣнные предметы торговли приходили изъ отдаленныхъ странъ Китая и Индіи. Западная Европа, находясь въ раннее средневѣковье въ періодъ созданія новыхъ германскихъ государствъ, изъ которыхъ нѣкоторыя, какъ извѣстно, при Юстиніанѣ были завоеваны его полководцами, жила въ условіяхъ въ высшей степени неблагоприятныхъ для развитія собственной экономической жизни. Восточная Римская имперія съ такимъ центромъ, какъ Константинополь, оказалась силою обстоятельствъ въ роли посредника между западомъ и востокомъ, и подобная роль ея продолжалась до эпохи Крестовыхъ походовъ.

Но само византійское государство не находилось въ прямыхъ торговыхъ сношеніяхъ со странами дальняго востока; посредникомъ между ними, имѣвшимъ отъ этого громадную выгоду, являлась персидская держава Сасанидовъ. Главныхъ торговыхъ путей было два: одинъ сухопутный, другой водный. Первый караванный путь шелъ отъ западныхъ границъ Китая, черезъ Согдіану (современную Бухару), къ персидской границѣ, гдѣ происходила перегрузка товаровъ изъ рукъ китайскихъ купцовъ въ руки персидскихъ, которые уже отправляли ихъ дальше въ опредѣленный таможенный пунктъ на византійской границѣ. Другой, водный путь шелъ такимъ образомъ: китайскіе купцы на корабляхъ везли свои товары до острова Тапробаны (теперь Цейлонъ), на югъ отъ полуострова Индостана, гдѣ товары перегружались, преимущественно, на персидскіе корабли; послѣдніе везли ихъ по Индійскому океану и Персидскому заливу къ устьямъ Тигра и Евфрата, откуда вверхъ по Евфрату товары доходили до лежавшаго на этой рѣкѣ византійскаго таможеннаго пункта. Отсюда видно, что торговля Византіи съ востокомъ, бывшая въ рукахъ персидскихъ купцовъ, находилась въ зависимости отъ отношеній имперіи къ Персіи; а такъ какъ военныя дѣйствія съ Персіей были обычнымъ явленіемъ въ исторіи Византіи, то византійская торговля съ востокомъ безпрестанно прерывалась и несла чрезвычайный ущербъ. Особенно важною отраслью торговли былъ китайскій шелкъ, секретъ производства котораго тщательно охранялся Китаемъ. Въ виду трудности его доставки цѣна на шелкъ и на шелковыя издѣлія, на которыхъ

быль громадный спросъ въ Византіи, поднималась временами до необычайныхъ размѣровъ. Кромѣ китайскаго шелка, изъ Китая и Индіи шли на западъ благовонія, пряности, хлопокъ, драгоценныя камни и нѣк. другіе предметы, находившіе также широкій сбытъ въ византійскомъ государствѣ.

Не миравсь съ экономической зависимостью Византіи отъ Персіи, Юстиніанъ поставилъ своею цѣлью найти такой путь торговыхъ сношеній съ Китаемъ и Индіей, который не находился бы въ сферѣ персидскаго вліянія.

Ко времени Юстиніана относится замѣчательный литературный памятникъ, сообщающій драгоценныя свѣдѣнія какъ о географіи бассейновъ Краснаго моря и Индійскаго океана, такъ и о торговлѣ съ Индіей и Китаемъ: это — «Христіанская топографія» Космы Индикоплова, написанная въ половинѣ VI вѣка.

Родившись въ Египтѣ, вѣроятно въ Александріи, Косма съ раннихъ лѣтъ занялся торговлею, но, не довольствуясь торговыми операціями въ родной странѣ, предпринялъ рядъ дальнихъ путешествій, во время которыхъ посѣтилъ берега Краснаго моря, Синайскій полуостровъ, Эіопію (Абиссинію) и, можетъ быть, доѣзжалъ до Цейлона. Будучи христіаниномъ, вѣроятно, несторіаниномъ, онъ послѣ разнообразной жизни окончилъ свои дни въ монастырѣ монахомъ. Прозваніе Космы Индикопловомъ (по-гречески «Индикоплевствъ»), т. е. плавателемъ въ Индію, встрѣчается уже въ древнихъ спискахъ его сочиненія.

Для насъ не важна основная цѣль «Христіанской топографіи», доказывающей христіанамъ, что, вопреки системѣ Птолемея, земля имѣетъ не форму шара, а видъ продолговатаго четырехугольнаго ящика, на подобіе жертвенника въ ветхозавѣтной скиніи Моисея; вся же вселенная уподобляется общему виду скиніи. Для науки имѣютъ громадное значеніе, какъ отмѣчено выше, географическія и торговыя свѣдѣнія Космы. Авторъ добросовѣстно оповѣщаетъ читателя о своихъ источникахъ и даетъ имъ соотвѣтственную оцѣнку; онъ различаетъ свои личныя наблюденія, какъ очевидца, сообщенія другихъ очевидцевъ и, наконецъ, свѣдѣнія, полученные имъ понаслышкѣ. Онъ въ качествѣ очевидца описываетъ дворецъ абиссинскаго царя въ городѣ Аксумѣ (въ такъ называемомъ Аксумскомъ царствѣ), даетъ точное описаніе нѣсколькихъ интерес-

ныхъ надписей на берегу Краснаго моря и въ Нубіи, а также индійскихъ и африканскихъ звѣрей, и, что особенно надо отмѣтить, сообщаетъ цѣннѣйшія свѣдѣнія объ островѣ Тапробанѣ-Цейлонѣ и выясняетъ его торговое значеніе въ эпоху ранняго средневѣковья. Изъ его описанія явствуется, что Цейлонъ въ VI вѣкѣ былъ центромъ міровой торговли между Китаемъ съ одной стороны и восточной Африкой, Персіей и черезъ нее съ Византіей съ другой стороны. По словамъ Космы, «островъ, находясь въ центрѣ, принималъ и отправлялъ многочисленныя суда изъ всей Индіи, Персіи и Эѳіопіи». Жившіе на островѣ персы-христіане, т. е. несторіане, имѣли тамъ свою церковь и штатъ духовенства.

Интересно, что, несмотря на почти полное отсутствіе примѣровъ прямыхъ торговыхъ сношеній Византіи съ Индіей, византійскія монеты съ эпохи Константина Великаго появляются на индійскихъ рынкахъ, проникая туда, очевидно, не черезъ византійскихъ купцовъ, а при посредствѣ персовъ и абиссинцевъ (аксумитовъ). Въ Индостанѣ найдены монеты съ именами всѣхъ византійскихъ императоровъ V и VI вѣка. Въ международной экономической жизни VI вѣка Византія играла настолько крупную роль, что, по свидѣтельству того же Космы, «всѣ народы вели торговлю при посредствѣ византійской золотой монеты (ноμισмы или солида), которая принимается повсюду отъ одного края земли до другого, служа предметомъ удивленія для всѣхъ людей и всѣхъ государствъ, такъ какъ такой монеты въ другихъ государствахъ не было».

Кромѣ историко-географическаго и бытового значенія, трудъ Космы имѣетъ и крупное художественное значеніе, благодаря многочисленнымъ рисункамъ (миніатурамъ), которыми былъ украшенъ его текстъ; можетъ быть, нѣкоторые рисунки были исполнены самимъ авторомъ. Рукописный оригиналъ VI вѣка до насъ не дошелъ; но сохранившіяся позднѣйшія рукописи «Христіанской топографіи» содержатъ копии первоначальныхъ миніатуръ и поэтому являются цѣннымъ источникомъ для ранняго византійскаго, специально александрійскаго искусства. «Миніатуры рукописи Космы, говоритъ Н. П. Кондаковъ, характеризуютъ византійское искусство въ эпоху Юстиніана лучше, чѣмъ всякій другой памятникъ этого періода, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мозаикъ Равенны».

Сочиненіе Косьмы впоследствии было переведено на славянскій языкъ и пользовалось большимъ распространеніемъ. Существуетъ много русскихъ списковъ «Христіанской топографіи» съ приложеніемъ портрета самого Косьмы Индикоплова.

Итакъ, Юстиніанъ задался цѣлью освободить византійскую торговлю отъ персидской зависимости. Для этого необходимо было установить прямыя сношенія съ Индіей черезъ Красное море. Въ сѣверо-восточномъ углу Краснаго моря (въ Акабскомъ заливѣ) находился византійскій портъ Айла, откуда индійскіе товары могли идти уже сухимъ путемъ черезъ Палестину и Сирію къ Средиземному морю. Другой портъ Клисма (около современнаго Суэца) лежалъ въ сѣверо-западномъ углу Краснаго моря, откуда былъ прямой путь къ Средиземному морю. На одномъ изъ острововъ, при входѣ въ Акабскій заливъ, у южной оконечности Синайскаго полуострова, при Юстиніанѣ былъ устроенъ дозорный таможенный пунктъ для проходящихъ судовъ. Но у императора не было въ Красномъ морѣ для правильной торговли достаточнаго количества кораблей. Въ виду этого онъ вступилъ въ сношенія съ единовѣрными абиссинцами (съ Аксумскимъ царствомъ), убѣждая ихъ покупать въ Индіи шелкъ и потомъ перепродавать его Византіи, т. е. хотѣлъ, чтобы они явились, подобно персамъ, посредниками въ торговлѣ между Византіей и Индіей. Но эта попытка окончилась ничѣмъ, такъ какъ абиссинскіе купцы не могли справиться съ персидскимъ вліяніемъ въ Индіи, и монополія на покупку шелка осталась въ рукахъ персидскихъ купцовъ. Такимъ образомъ, новыхъ путей для прямой торговли съ востокомъ Юстиніану открыть не удалось. Въ мирныя промежутки Персія по-прежнему оставалась посредницею, удерживая торговлю въ своихъ рукахъ и наживая большія деньги.

Счастливыи случай, однако, помогъ Юстиніану разрѣшить столь важный для его государства вопросъ о торговлѣ шелкомъ. Нѣсколько монаховъ или, по другому источнику, одинъ персъ сумѣли, обманувъ всю бдительность китайскихъ досмотрщиковъ, доставить въ имперію коконы шелковичнаго червя и научили грековъ искусству разведенія шелковичныхъ куколокъ. Тогда Византія быстро освоилась съ этимъ дѣломъ: появились плантаціи шелковицы; основывались фабрики для выдѣлки шелковыхъ матерій. Главныя фабрики шелковыхъ тканей

были въ Константинополѣ, затѣмъ въ сирійскихъ городахъ. Бейрутѣ, Тирѣ и Антиохіи, и, наконецъ, позднѣе въ Греціи, на примѣръ, въ Оивахъ. Шелковое производство, сдѣлавшееся казенною монополіей, стало давать имперіи крупныя доходы. Византійскія шелковыя ткани расходились по всей Западной Европѣ и украшали дворцы западныхъ государей и частныя дома богатыхъ купцовъ. Такимъ образомъ, во время Юстиніана византійская торговля пережила одинъ изъ важныхъ моментовъ въ своемъ развитіи. Однако, какъ бы ни были значительны доходы отъ шелковаго производства, они не были въ состояніи поправить общаго критическаго финансоваго положенія имперіи.

Обращая вниманіе на всѣ стороны государственной жизни, Юстиніанъ предпринялъ громадную работу защиты имперіи противъ внѣшнихъ враговъ путемъ сооруженія цѣлаго ряда крѣпостей и укрѣпленій. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ построилъ на всѣхъ границахъ имперіи почти непрерывный рядъ укрѣпленій (castella), въ сѣверной Африкѣ, на берегахъ Дуная и Евфрата, въ горахъ Арменіи, на отдаленномъ Крымскомъ полуостровѣ, возстановивъ и расширивъ такимъ образомъ замѣчательную оборонительную систему, созданную еще Римомъ. Своею строительною дѣятельностью Юстиніанъ, по словамъ Прокопія, «спасъ имперію». Въ другомъ мѣстѣ своего сочиненія «О постройкахъ» Прокопій пишетъ: «Если бы мы перечислили крѣпости, которыя здѣсь сооружены императоромъ Юстиніаномъ, другимъ людямъ, живущимъ въ чужомъ далекомъ государствѣ и лишеннымъ возможности провѣрить лично наши слова, то я убѣжденъ, что число сооруженій показалось бы баснословнымъ и совершенно невѣроятнымъ». Еще въ настоящее время сохранившіяся развалины безчисленныхъ укрѣпленій на всемъ протяженіи бывшей Византійской имперіи приводятъ въ удивленіе путешественниковъ.

Строительная дѣятельность Юстиніана была ознаменована не только возведеніемъ укрѣпленій. Будучи императоромъ христіанскимъ, онъ заботился и о сооруженіи храмовъ, во главѣ которыхъ стоитъ несравненная константинопольская св. Софія, сдѣлавшая эпоху въ исторіи византійскаго искусства.

Св. Софія или «Великая Церковь», какъ ее называли на всемъ средневѣковомъ Востокѣ, была сооружена, по повелѣнію Юстиніана, на мѣстѣ небольшой базилики св. Софій (т. е.

Божественной мудрости), построенной въ IV вѣкѣ Константиномъ Великимъ и сожженной, какъ было упомянуто выше, во время возстанія «Ника» (532 г.). Чтобы создать нѣчто великолѣпное и необыкновенное, Юстиніанъ, какъ сообщаетъ позднѣйшая традиція, сдѣлалъ распоряженіе губернаторамъ провинцій о доставкѣ въ столицу наилучшихъ остатковъ античныхъ памятниковъ. Громадное количество мрамора различныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ было свезено туда же изъ наиболѣе богатыхъ копей. Золото, серебро, слоновая кость и драгоценные камни должны были придать еще болѣе блеска сооружаемому храму.

Для выполненія своего грандіознаго замысла императоръ пригласилъ двухъ архитекторовъ, Аноемія и Исидора. Оба они были родомъ изъ западныхъ малоазіатскихъ городовъ: Аноемій изъ Траллеса (Tralles), Исидоръ изъ Милета. Талантливые архитекторы дѣятельно принялись за работу, имѣя подъ своимъ наблюденіемъ до 10.000 рабочихъ. Императоръ лично посѣщалъ постройку, наблюдая за ея ходомъ, давая совѣты и возбуждая усердіе строющихъ. Въ пять лѣтъ храмъ былъ оконченъ. На Рождествѣ 537 года, въ присутствіи императора, произошло торжественное освященіе св. Софіи. Позднѣйшая традиція сообщаетъ, будто бы восхищенный своимъ твореніемъ Юстиніанъ при входѣ въ храмъ произнесъ слѣдующія слова: «Слава Богу, удостоившему меня совершить такое дѣло! Я побѣдилъ тебя, Соломонъ!» По случаю этого торжественнаго событія народу были дарованы великія милости и устроены празднества.

Внѣшній видъ св. Софіи, со стѣнами изъ голаго кирпича, очень простъ и лишенъ какихъ-либо украшеній; даже знаменитый куполь кажется нѣсколько тяжелымъ и вдавленнымъ. Особенно теряется св. Софія въ настоящее время, когда она въ значительной степени застроена турецкими домами. Для того, чтобы понять и прочувствовать все величіе и великолѣпіе храма, надо въ него войти.

Въ былыя времена передъ храмомъ находился обширный дворъ-атріумъ, окруженный портиками, посреди котораго былъ прекрасный мраморный фонтанъ. Четвертая сторона атріума, прилегавшая къ храму, представляла собою внѣшній притворъ (нартексъ), который пятью дверями сообщался со вторымъ внутреннимъ притворомъ. Девять бронзовыхъ дверей вели оттуда

въ храмъ; средняя болѣе широкая и высокая, царская дверь, предназначалась для императора. Самый храмъ, приближаясь по своему архитектурному типу къ типу купольныхъ базиликъ, образуетъ большихъ размѣровъ прямоугольникъ, съ великолѣпнымъ центральнымъ кораблемъ (нефомъ), надъ которымъ высился громадный куполь въ 31 метръ въ окружности, возведенный съ необыкновенными трудностями на высотѣ болѣе пятидесяти метровъ отъ поверхности земли. Изъ сорока большихъ оконъ, сдѣланныхъ у основанія купола, обильный свѣтъ разливался по всему храму. По обѣимъ сторонамъ главнаго корабля были построены двухъэтажныя арки съ богато украшенными колоннами. Полъ и колонны были сдѣланы изъ многоцвѣтнаго мрамора; имъ же была выложена часть стѣны. Чудныя мозаики, замазанныя въ турецкое время, восхищали взоръ. Особенно глубокое впечатлѣніе производилъ на молящихся громадный крестъ у вершины купола, блиставшій на мозаичномъ небѣ, усѣянномъ звѣздами. И теперь еще наверху ниже купола можно подъ турецкою замазкою различить крупныя фигуры крылатыхъ ангеловъ.

Главный трудъ для строившихъ св. Софію, еще никѣмъ до сихъ поръ не превзойденный, заключался въ возведеніи громаднаго и вмѣстѣ съ тѣмъ легкаго купола. Этотъ удивительный куполь, однако, обрушился еще при Юстиніанѣ и къ концу его правленія отстроенъ вновь уже въ менѣе смѣлыхъ формахъ. Современники Юстиніана съ такимъ же восторгомъ говорили о св. Софіи, съ какимъ и послѣдующія поколѣнія до нашего времени. Русскій паломникъ XIV вѣка, Стефанъ Новгородскій писалъ въ своемъ путешествіи въ Царьградъ: «О святой Софіи Премудрости Божіей умъ человѣчь не можетъ ни сказать, ни вычести». Несмотря на довольно частыя и сильныя землетрясенія, св. Софія стоитъ и понынѣ, обращенная съ 1453 года въ мечеть.

Св. Софія можетъ насъ теперь поражать и восхищать своимъ куполомъ, скульптурными украшеніями колоннъ, разноцвѣтною мраморною облицовкою стѣнъ и пола, — наконецъ, общимъ геніальнымъ выполненіемъ смѣлаго плана. Чудныя же мозаики св. Софіи, будучи замазаны въ турецкое время, теперь для насъ недоступны. Но эта, можно надѣяться, временная потеря нѣсколько возмѣщается въ другомъ мѣстѣ: мы можемъ имѣть прекрасное представленіе о византійскихъ мо-

завкахъ времени Юстиніана въ сѣверо-итальянскомъ городѣ Равеннѣ.

Полторы тысячи лѣтъ тому назадъ Равенна была цвѣтущимъ приморскимъ городомъ на Адриатическомъ морѣ. Въ V вѣкѣ находили въ Равеннѣ убѣжище послѣдніе западные римскіе императоры; въ VI вѣкѣ Равенна была столицею остготскаго королевства; наконецъ, съ половины VI до половины VIII вѣка Равенна была центромъ управленія византийской Италіи, отвоеванной Юстиніаномъ у остготовъ, гдѣ жилъ византийскій намѣстникъ-экзархъ. Это было лучшее время для Равенны, въ которой была могучимъ ключемъ политическая, торговая, умственная и артистическая жизнь.

Памятники искусства въ Равеннѣ соединяются съ воспоминаніями о трехъ лицахъ: о Галлѣ Плацидіи, дочери Θεодосія Великаго и матери западнаго императора Валентиніана III, затѣмъ о Теодорихѣ Великомъ и, наконецъ, о Юстиніанѣ. Оставляя въ сторонѣ болѣе ранніе памятники времени Галлы Плацидіи и Теодориха, мы скажемъ нѣсколько словъ о равеннскихъ памятникахъ времени Юстиніана.

Императоръ, будучи самъ усерднымъ строителемъ памятниковъ свѣтской и духовной архитектуры по всей обширной территоріи своего государства, послѣ завоеванія Равенны докончилъ тѣ церкви, которыя начаты были еще при остготскомъ владычествѣ. Изъ такихъ церквей, съ точки зрѣнія искусства, имѣютъ большое значеніе церковь св. Аполлинарія въ Классисѣ (S. Apollinare in Classe), т. е. въ равеннской гавани Classis, и особенно церковь св. Виталія. Главное значеніе въ этихъ церквяхъ имѣютъ мозаики.

Приблизительно въ пяти верстахъ отъ Равенны, въ пустынной лихорадочной мѣстности, гдѣ въ средніе вѣка былъ богатый торговый портъ города, возвышается совершенно простая по внѣшности церковь св. Аполлинарія in Classe, представляющая собою по формѣ настоящую древнюю христіанскую базилику. Сбоку стоитъ круглая колокольня болѣе поздняго происхожденія. Внутри церковь имѣетъ три корабля (нефа). Въ древнихъ, украшенныхъ скульптурными изображеніями саркофагахъ, вдоль церковныхъ стѣнъ, были погребены наиболѣе извѣстные архіепископы Равенны.

Мозаика VI вѣка находится въ глубинѣ апсиды и изображаетъ св. Аполлинарія, покровителя Равенны, стоящаго съ

поднятыми руками на фонѣ мирнаго пейзажа и окруженнаго ягнятами; надъ святымъ, на голубомъ усѣянномъ золотыми звѣздами фонѣ большого медальона, красуется крестъ, осыпанный драгоценными камнями. Другія мозаики относятся къ болѣе позднему времени.

Самымъ важнымъ монументомъ въ Равеннѣ для сужденія объ искусствѣ эпохи Юстиніана является церковь св. Виталія. Въ константинопольской св. Софіи мозаики, какъ извѣстно, замазаны въ турецкое время и пока недоступны для изученія. Въ равеннскомъ св. Виталіи мозаики VI вѣка сохранились до нашего времени.

Купольная церковь св. Виталія внутри почти вся, сверху донизу, покрыта чудными скульптурными и мозаичными украшеніями. Особенною извѣстностью пользуется апсида, на боковыхъ стѣнахъ которой находятся двѣ знаменитыхъ мозаики. На одной изъ нихъ изображенъ Юстиніанъ, окруженный епископомъ, священниками и свѣтскими лицами; на другой мозаикѣ изображена Теодора, его супруга, окруженная своимъ штатомъ. Одѣяніе изображенныхъ на картинахъ фигуръ поражаютъ своимъ блескомъ и роскошью.

Равенна, эти «итало-византійскія Помпеи», является наибольшимъ центромъ для оцѣнки ранняго византійскаго искусства V—VI вѣковъ.

Строительная дѣятельность Юстиніана не ограничивалась сооруженіемъ лишь укрѣпленій и церквей: онъ строилъ также монастыри, дворцы, мосты, цистерны, водопроводы, термы (бани), больницы.

Если бросить общій взглядъ на долговременное, многообразное и сложное правленіе Юстиніана, то придется придти къ заключенію, что въ большей части своихъ начинаній онъ не достигъ желанныхъ результатовъ. Вънѣшне блестящія военныя предпріятія на западѣ, опредѣленно вытекавшія изъ его представленія о себѣ, какъ наслѣдникъ римскихъ цезарей, который обязанъ возвратить отнятыя земли, оказались въ концѣ концовъ неудачными. Не соответствуя насущнымъ интересамъ имперіи, центръ которыхъ находился на востокѣ, войны Юстиніана разорили страну; недостатокъ средствъ, повлекшій за собою уменьшеніе численности войска, не позволилъ ему какъ слѣдуетъ укрѣпиться въ покоренныхъ областяхъ, результаты чего сказались при его преемникахъ. Церковная поли-

тика, руководимая императоромъ, также не дала религіознаго единства и внесла лишнюю смуту въ восточныя монофиситскія провинціи. Полною неудачей окончилась его административная реформа, начатая съ чистыми, хорошими побужденіями и приведшая, особенно благодаря непосильнымъ налогамъ и вымогательству мѣстныхъ властей, къ обнищанію и обезлюденію деревни.

Однако, два творенія Юстиніана оставили глубокой слѣдъ въ исторіи человѣческой цивилизаціи и вполне оправдали данное ему въ исторіи прозваніе «Великаго»: это — его Сводъ гражданскаго права и св. Софія.

Ближайшіе преемники Юстиніана. Церковная политика. Маврикій. Персія. Славяне и авары. Образование экзархатовъ. Тираниа Фоки. Переворотъ 610 года. Когда сильная фигура Юстиніана сошла со сцены, то вся его искусственная государственная система, временно сдерживавшая имперію въ состояніи равновѣсія, рушилась. «Съ его смертью, по словамъ англійскаго историка Бьюри, вѣтры вырвались изъ темницы; разъединяющіе элементы начали дѣйствовать съ полною сплюю; искусственная система пала, и метаморфоза въ характерѣ имперіи, совершавшаяся навѣрное уже давно, но нѣсколько затемненная среди поражающихъ событій дѣятельнаго царствования Юстиніана, начала теперь совершаться быстро и замѣтно».

Время съ 565 по 610 годъ принадлежитъ къ одному изъ самыхъ безотрадныхъ періодовъ византійской исторіи, когда анархія, нищета и эпидеміи свирѣпствовали внутри страны. Царившая тогда смута заставляла говорить жившаго въ эпоху Юстина II историка Іоанна Эфесскаго о близости кончины міра. Англійскій историкъ Финлей писалъ объ этомъ времени: «Можетъ быть, не было періода въ исторіи, когда общество находилось въ состояніи таковой всеобщей деморализаціи».

Ближайшими преемниками Юстиніана были, какъ уже сказано выше, Юстинъ II Младшій (565 — 578), Тиверій II (578—582), Маврикій (582—602) и Фока (602—610). Изъ нихъ болѣе другихъ выдавался энергичный воинъ и опытный вождь, Маврикій. Большимъ вліяніемъ на государственныя дѣла и сильнымъ характеромъ отличалась супруга Юстина II, Софія, напоминавшая этимъ Феодору.

Наиболѣе важными фактами во внѣшнихъ дѣлахъ этихъ государей надо считать персидскую войну, борьбу со славянами и аварами на Балканскомъ полуостровѣ и завоеванія лангобардовъ въ Италіи. Во внутренней жизни имперіи за это время надо имѣть въ виду строго православную политику императоровъ и образованіе двухъ экзархатовъ.

Пятидесятилѣтній миръ съ Персіей, заключенный въ 562 году Юстиніаномъ, былъ нарушенъ при Юстинѣ II, который не захотѣлъ дальше платить условленной ежегодной суммы денегъ. Въ это время въ виду общихъ дѣйствій противъ Персіи завязались интересныя сношенія Византіи съ турками, которые, появившись незадолго передъ тѣмъ въ западной Азіи и у Каспійскаго моря и владѣя уже страной между Китаемъ и Персіей, также видѣли въ персидскомъ государствѣ своего врага. Турецкое посольство, переваливъ черезъ Кавказскія горы, послѣ долгаго пути прибыло въ Константинополь, гдѣ встрѣтило любезный пріемъ. Намѣчался родъ наступательнаго и оборонительнаго тюрко-византійскаго союза противъ Персіи. Въ высшей степени интересно предложеніе турецкаго посольства византійскому правительству о посредничествѣ въ торговлѣ шелкомъ между Китаемъ и Византіей, минуя Персію; другими словами, турки предлагали императору то, къ чему стремился Юстиніанъ Великій; только послѣдній надѣялся устроить это южнымъ морскимъ путемъ при помощи Абиссиніи, а турки при Юстинѣ II имѣли въ виду сѣверный сухопутный путь. Однако, тюрко-византійскіе переговоры не привели къ заключенію союза и общимъ дѣйствіямъ противъ персовъ, такъ какъ Византія въ концѣ шестидесятихъ годовъ была отвлечена дѣлами на западѣ, особенно въ Италіи, куда произвели вторженіе лангобарды; къ тому же, и турецкія военныя силы казались Юстину не особенно значительными.

При Юстинѣ, Тиверіи и Маврикіи велись двѣ войны съ персами. Первая окончилась подтвержденіемъ обязательства со стороны Византіи платить Персіи ежегодную дань; вторая же, благодаря энергіи вождя, сдѣлавшагося вскорѣ императоромъ, Маврикія, имѣла болѣе удачный исходъ для Византіи, которому помогла внутренняя смута за обладаніе престоломъ въ Персіи. Для Маврикія этотъ миръ имѣлъ важное значеніе: имперія получила обратно нѣкоторые изъ утерянныхъ городовъ; упизительное для нея условіе ежегодной уплаты пер-

спидекой дани было уничтожено; наконецъ, имперія получала возможность, освободившись отъ персидской опасности, обратить все свое вниманіе на западныя дѣла, особенно на не прекращавшіяся нападенія аваровъ и славянъ на Балканскомъ полуостровѣ.

Начавшаяся при Фокѣ новая война съ Персіей, имѣвшая для Византіи громадное значеніе, окончилась уже при Ираклія; поэтому оцѣнка ея будетъ сдѣлана ниже.

Важныя событія разыгрывались послѣ смерти Юстиніана на Балканскомъ полуостровѣ. Къ сожалѣнію, источники даютъ о нихъ лишь отрывочныя свѣдѣнія.

Уже раньше была рѣчь о томъ, что при Юстиніанѣ славяне производили частыя нападенія на области Балканскаго полуострова, заходя далеко на югъ и угрожая даже временами Солуни. Послѣ смерти Юстиніана эти вторженія продолжались; при чемъ, славяне значительными массами уже оставались въ византійскихъ областяхъ и, мало-по-малу, заселяли полуостровъ. вмѣстѣ съ ними дѣйствовали авары, народъ тюркскаго племени, жившій въ то время въ Панноніи. Славяне и авары грозили столицѣ, побережью Мраморнаго и Эгейскаго морей, проникали въ Грецію, достигая Пелопоннеса. Въ первой половинѣ XIX вѣка въ Германіи появился ученый, утверждавшій, что въ концѣ VI вѣка греки совершенно были уничтожены славянами, о чемъ придется говорить ниже. При изученіи вопроса о славянскомъ заселеніи Балканскаго полуострова первостепенное значеніе имѣютъ еще до сихъ поръ недостаточно изученныя Дѣянія великомученика Димитрія, покровителя города Солуни, одного изъ главныхъ славянскихъ центровъ на полуостровѣ.

Въ концѣ VI и началѣ VII вѣковъ, благодаря упорному аваро-славянскому движенію къ югу, котораго не могли остановить византійскія войска, на Балканскомъ полуостровѣ произошла важная этнографическій переворотъ: полуостровъ въ своей значительной части оказался занятымъ славянами. Конечно, не приходится говорить о полномъ исчезновеніи съ полуострова другихъ племенныхъ элементовъ, жившихъ тамъ раньше; но, тѣмъ не менѣе, появленіе столь многочисленныхъ славянскихъ поселеній, пришедшихъ туда со своими обычаями и порядками, заставляло византійское правительство въ связи съ этимъ принимать нѣкоторыя мѣры, которыя бы болѣе со-

отвѣтствовали измѣнившимся условіямъ страны. Въ это время источники подъ аварами иногда разумѣли славянь. Это можетъ быть объяснено тѣмъ, что писатели вообще плохо разбирались въ сѣверныхъ народностяхъ, а кромѣ того въ концѣ VI и началѣ VII вѣка славяне и авары перѣдко производили совмѣстные нападенія.

Италія послѣ смерти Юстиніана не была достаточно защищена противъ нападеній внѣшнихъ враговъ. Этимъ объясняется легкость и быстрота завоеванія большей части Италіи германскими варварами лангобардами, появившимся тамъ спустя немного лѣтъ послѣ уничтоженія Юстиніаномъ остготскаго государства.

Лангобарды, уничтоживъ въ союзѣ съ аварами въ половинѣ VI вѣка у средняго Дуная державу варварскаго племени гепидовъ, двинулись, можетъ быть, опасаясь своихъ союзниковъ аваровъ, изъ Панноніи подѣ начальствомъ короля (конунга) Альбоина въ Италію; шли они съ женами и дѣтьми; въ составъ ихъ войска входили многія другія племена; особенно много было саксовъ.

Народная легенда обвинила въ ихъ призывѣ въ Италію престарѣлаго правителя ея и полководца времени Юстиніана Нарсеса, который, по вступленіи на престоль Юстина II, благодаря преклонному возрасту удалился отъ дѣлъ и вскорѣ умеръ въ Римѣ. Подобное обвиненіе Нарсеса должно считаться необоснованнымъ.

Въ 568 году лангобарды вступили въ сѣверную Италію. Они, представляя собою дикую, варварскую орду, подвергли страшному опустошенію всѣ мѣстности, по которомъ проходили. По своему исповѣданію они были аріанами. Сѣверная Италія быстро подчинилась власти лангобардовъ, отъ имени которыхъ, какъ извѣстно, и происходитъ названіе сѣверной Италіи Ломбардіей. Византійскій правитель, не располагая достаточными силами для борьбы съ ними, держался въ Равеннѣ. Лангобарды же, покоривъ сѣверную Италію, стали двигаться къ югу, оставивъ въ сторонѣ Равенну. Ихъ толпы разсѣялись почти по всему полуострову, забирая беззащитные города, дошли до южной Италіи и овладѣли Беневентомъ. Хотя Римъ не былъ захваченъ варварами, однако римская область была окружена ими съ сѣвера, востока и юга. Они прервали сношенія Равенны съ Римомъ, который не могъ надѣяться на

помощь византийскаго правителя, сидѣвшаго въ Равеннѣ. При этомъ, Римъ не могъ также рассчитывать и на помощь еще болѣе далекихъ константинопольскихъ императоровъ, которые, какъ было уже отмѣчено выше, переживали въ это время одну изъ очень тяжелыхъ и смутныхъ эпохъ. Въ Италиі образовалось крупное германское государство лангобардовъ. Предоставленный самому себѣ Римъ, выдержавшій не одну лангобардскую осаду, нашелъ защитника въ лицѣ папы, который силою вещей вынужденъ былъ заботиться не только о духовной жизни своей римской паствы, но и принять мѣры къ защитѣ города отъ лангобардовъ. Въ концѣ VI вѣка римская церковь и выставила одного изъ замѣчательныхъ своихъ представителей, а именно папу Григорія I Великаго.

Лангобардское завоеваніе Италиі совершенно ясно показало несостоятельность вѣншей политики Юстиніана на западѣ; имперія не имѣла достаточно силъ для удержанія владѣній покореннаго остготскаго королевства. Съ другой стороны, лангобардское вторженіе положило основаніе для постепеннаго отдаленія Италиі отъ Византии и ослабленія въ Италиі политической власти имперіи.

Въ церковномъ отношеніи ближайшіе императоры послѣ Юстиніана держалась православія, и временами монофиситы, какъ то было, напримѣръ, при Юстинѣ II, подвергались суровымъ преслѣдованіямъ. Имѣютъ довольно важное значеніе отношенія Византии во время Маврикія и Фоки къ римской церкви. Последняя, въ лицѣ папы Григорія Великаго, высказалась противъ присвоенія константинопольскимъ епископомъ титула вселенскаго. Въ письмѣ къ императору Маврикію папа Григорій обвиняетъ тогдашняго патріарха Іоанна Постника въ чрезмѣрной гордости. «Я долженъ, писалъ папа, при этомъ воскликнуть и произнести «о, времена! о, нравы!» (o, tempora, o, mores). Въ такое время, когда вся Европа подпала подъ власть варваровъ, когда города разрушены, крѣпости срыты, провинціи опустошены; когда поля остаются безъ рукъ, идолопочитатели свирѣпствуютъ и господствуютъ на погибель вѣрующимъ,—и въ такое то время священнослужители домогаются тщеславныхъ титуловъ и гордятся тѣмъ, что носятъ новыя, безбожныя наименованія, вмѣсто того, чтобы повергаться въ прахъ, обливаясь слезами. Развѣ я защищаю, благочестивѣйшій государь, свое собственное дѣло? Не-

ужели я хочу, говоря такъ, отомстить личную свою обиду? Нѣтъ, я говорю въ защиту дѣла Всемогущаго Бога и дѣла вселенской церкви... Кто оскорбляетъ святую вселенскую церковь, въ чьемъ сердцѣ бушуетъ гордость, кто хочетъ пользоваться особенными титулами и, наконецъ, хочетъ этимъ титуломъ поставить себя выше прерогативы вашей власти, — того нужно наказать».

Въ этомъ спорѣ папа не добился желаемой уступки и въ теченіе нѣкотораго времени даже не посылалъ въ Константинополь своего представителя. Когда въ 602 году тамъ вспыхнула революція противъ Маврікія въ пользу Фоки, который, послѣ безжалостнаго и звѣрскаго умерщвленія императора и его семьи, былъ провозглашенъ государемъ, папа Григорій обратился къ нему съ письмомъ, тонъ и содержаніе котораго такъ мало подходило къ этому безсмысленному тирану на византійскомъ престолѣ. Григорій писалъ: «Слава въ вышнихъ Богу... Да веселятся небеса и да торжествуетъ земля (Псал. 95, 11). Весь народъ, доселѣ сильно удрученный, да возрадуется о вашихъ благорасположенныхъ дѣяніяхъ!.. Пусть каждый наслаждается свободой подъ ярмомъ благочестивой имперіи. Ибо въ томъ и состоитъ различіе между властителями другихъ народовъ и императорами, что первые господствуютъ надъ рабами, императоры же римскаго государства повелѣваютъ свободными!» Повидимому, на Фоку подобное отношеніе папы произвело впечатлѣніе, такъ какъ второй преемникъ Григорія на папскомъ престолѣ добился того, что Фока запретилъ константинопольскому патріарху именоваться вселенскимъ и объявилъ, по словамъ источника, чтобы «апостольскій престолъ блаженнаго апостола Петра былъ главою всѣхъ церквей».

Такимъ образомъ, въ то время какъ Фока во всѣхъ своихъ внѣшнихъ и внутреннихъ предпріятіяхъ терпѣлъ неудачи и вызывалъ негодованіе и раздраженіе своихъ подданныхъ, отношенія его къ Риму, основанныя на уступкахъ императора папѣ, были въ теченіе всего царствованія дружественными и мирными. Въ память такихъ добрыхъ отношеній между Римомъ и Византіей на римскомъ форумѣ была воздвигнута равнинскимъ экзархомъ понынѣ существующая колонна съ хвалебною надписью въ честь Фоки.

Въ связи съ лангобардскими завоеваніями въ Италіи въ

управленіи послѣдней произошло важное измѣненіе, которое, вмѣстѣ съ аналогичной, одновременной реформой въ управленіи сѣверной Африкой, положило начало развившемуся позднѣе въ имперіи оемному строю.

Византійская власть въ Италіи была не въ состояніи оказывать должнаго сопротивленія лангобардамъ, завоевавшимъ двѣ трети полуострова. Въ такихъ обстоятельствахъ, передъ лицомъ грозной опасности въ Италіи, византійское правительство рѣшило усилить тамъ свою власть, сосредоточивъ въ рукахъ военныхъ правителей гражданскія функціи. Во главѣ византійскаго управленія Италіей былъ поставленъ генераль-губернаторъ съ титуломъ *экзарха*, которому всецѣло были подчинены гражданскіе чиновники и резиденція котораго находилась въ Равеннѣ. Основаніе *равеннскаго экзархата* относится къ концу VI вѣка, ко времени императора Маврикія. Подобное сосредоточеніе административныхъ и судебныхъ функцій въ рукахъ военныхъ властей не обозначало собою немедленнаго уничтоженія гражданскихъ чиновниковъ; чиновники продолжали существовать параллельно съ военными властями, но только дѣйствовали по указанію послѣднихъ. Лишь позднѣе, въ VII вѣкѣ, гражданскія власти, повидимому, исчезли и были замѣнены властями военными. Экзархъ, являясь представителемъ императорской власти, вносилъ въ свое управленіе и извѣстныя черты столь близкаго императорамъ *цезарепализма*, т. е. вмѣшивался въ видѣ рѣшающей инстанціи въ церковныя дѣла экзархата. Обладая неограниченными полномочіями, экзархъ пользовался царскимъ почетомъ: его дворецъ въ Равеннѣ назывался священнымъ (*Sacrum palatium*), какъ называлось лишь мѣсто царскаго пребыванія; когда экзархъ пріѣзжалъ въ Римъ, ему устраивалась царская встрѣча: сенатъ, духовенство и народъ въ торжественной процессіи встрѣчали его за стѣнами города. Всѣ военныя дѣла, гражданская администрація, судебная и финансовая часть, — все это находилось въ полномъ распоряженіи экзарха.

Если *равеннскій экзархатъ* былъ обязанъ своимъ возникновеніемъ вторженію лангобардовъ въ Италію, то причиною основанія *африканскаго экзархата* въ сѣверной Африкѣ, на мѣстѣ прежняго *вандалскаго королевства*, была такая же внѣшняя опасность со стороны африканскихъ туземцевъ, *мавровъ*, или, какъ ихъ иногда называютъ *источники*, *мавру-*

сіевъ (берберовъ), которые нерѣдко поднимали серьезные возстанія противъ византійскихъ войскъ, оккупировавшихъ эту страну. Начало африканскаго или, какъ его часто называютъ по резиденціи экзарха Кароагену, кароагенскаго экзархата относится также къ концу VI вѣка, ко времени императора Маврикія. Африканскій экзархатъ былъ устроенъ одинаково съ равеннскимъ экзархатомъ, и африканскій экзархъ обладалъ такими же неограниченными полномочіями, какъ и его итальянскій коллега.

Конечно, только необходимость заставила императора создать должность такого неограниченнаго правителя, какъ экзархъ, который, при желаніи и при наличности извѣстныхъ условій, могъ быть опаснымъ для самой императорской власти. Дѣйствительно, какъ мы увидимъ ниже, африканскій экзархъ подниметъ вскорѣ знамя возстанія противъ Фоки, и сынъ экзарха въ 610 году сдѣлается императоромъ.

Что касается дѣятельности экзарховъ, то африканскіе экзархи, которыхъ умѣло выбиралъ Маврикій, искусно управляли страной и энергично и удачно защищали ее отъ нападеній туземцевъ; равеннскіе же экзархи справиться съ лангобардскою опасностью не смогли.

По справедливому разсужденію французскаго византиниста Дюля, въ выше названныхъ двухъ экзархатахъ надо видѣть начало еемной (еема—область, округъ) организаціи, т. е. той областной реформы въ Византіи, которая, начиная съ VII вѣка, стала постепенно распространяться на всю территорію имперіи и отличительнымъ признакомъ которой служило соединеніе въ рукахъ правителя еемы, обычно называемаго стратигомъ, военной и гражданской власти. Если нападенія лангобардовъ и мавровъ вызвали столь важныя измѣненія на западѣ въ концѣ VI вѣка, то нападенія персовъ и арабовъ вызовутъ, немного времени спустя, подобныя же мѣропріятія на востокѣ, а нападенія славянъ и болгаръ на Балканскомъ полуостровѣ.

Неудачная внѣшняя политика Фоки по отношенію къ аварамъ и персамъ и кровавый терроръ, которымъ онъ только и надѣялся спасти свое положеніе, вызвали возстаніе африканскаго экзарха Ираклія. Послѣ того, какъ къ его плану присоединился Египетъ, африканскій флотъ, подъ начальствомъ сына экзарха, по имени также Ираклія, будущаго императора, отплылъ къ столицѣ, которая, покинувъ Фоку, перешла на

сторону Ираклія. Схваченный Фока былъ казненъ, и на престолъ въ 610 году вступилъ Ираклій, открывшій собою новую династію.

Вопросъ о славянахъ въ Греціи. На основаніи разбора источниковъ о славянскихъ нападеніяхъ во второй половинѣ VI вѣка на Балканскій полуостровъ возникла въ первой половинѣ XIX вѣка теорія о полной славянизации Греціи, возбуждавшая въ наукѣ жаркіе споры.

Когда въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія вся Европа была охвачена чувствомъ глубокой симпатіи къ грекамъ, поднявшимъ знамя возстанія противъ турецкаго ига; когда послѣ геройскаго сопротивленія эти бойцы за свободу сумѣли отстоять свою самостоятельность и, благодаря помощи европейскихъ державъ, создали независимое греческое королевство; когда увлеченное европейское общество въ этихъ герояхъ видѣло сыновъ древней Эллады и узнавало въ нихъ черты Леонида, Эпаминонда, Филопемена, — въ это время изъ одного небольшого нѣмецкаго города раздался голосъ, который заявлялъ пораженной Европѣ, что въ населеніи новаго греческаго государства нѣтъ ни капли настоящей эллинской крови, что весь великодушный порывъ Европы помочь дѣлу дѣтей священной Эллады основанъ на недоразумѣніи, что древне-греческій элементъ давно уже исчезъ и смѣнился новыми, совершенно чуждыми этнографическими элементами, и преимущественно — славянскимъ и албанскимъ. Человѣкъ, рѣшившійся открыто выступить въ такой моментъ со своей новой, потрясающей до основанія вѣрованія тогдашней Европы теоріей, былъ профессоръ всеобщей исторіи въ одномъ изъ нѣмецкихъ лицеевъ, Фалльмерайеръ.

Въ первомъ томѣ его вышедшій въ 1830 году «Исторія полуострова Мореи въ средніе вѣка» мы читаемъ слѣдующія строки: «Эллинское племя въ Европѣ совершенно истреблено. Красота тѣла, полеть духа, простота обычаевъ, искусство, ристалище, городъ, деревня, роскошь колоннъ и храмовъ, даже имя его исчезли съ поверхности греческаго континента. Двойной слой изъ обломковъ и тины двухъ новыхъ, различныхъ человѣческихъ расъ покрываетъ могилы этого древняго народа. Безсмертныя творенія его духа и нѣкоторыя развалины на родной почвѣ являются теперь единственными свидѣтелями того, что когда-то былъ народъ Элліны. И если бы

не эти развалины, не эти могильные холмы и мавзолеи, если бы не земля и не злополучная участь ея обитателей, на которыхъ европейцы нашего времени въ порывѣ человѣческаго умиленія изливали всю свою нѣжность, свое восхищеніе, свои слезы и краснорѣчіе,—то (пришлось бы сказать, что) одинъ пустой призракъ, бездушный образъ, существо, находящееся внѣ природы вещей, взволновало глубину ихъ сердце. Вѣдь ни единой капли настоящей, чистой эллинской крови не течетъ въ жилахъ христіанскаго населенія современной Греціи. Страшный ураганъ разбросалъ на всемъ пространствѣ между Истромъ и самымъ отдаленнымъ закоулкумъ Пелопоннеса новое, родственное съ великимъ славянскимъ народомъ племя. Скиескіе славяне, иллирійскіе арнауты, дѣти полунощныхъ странъ, кровные родственники сербовъ и болгаръ, далматинцевъ и московитовъ,—вотъ тѣ народы, которые мы называемъ теперь греками и генеалогію которыхъ, къ ихъ собственному удивленію, возводимъ къ Периклу и Филопемени... Населеніе со славянскими чертами лица или съ дугообразными бровями и рѣзкими чертами албанскихъ горныхъ пастуховъ, конечно, не произошло отъ крови Нарцисса, Алкивіада и Антиноя; и только романтическая, пылкая фантазія въ наши дни еще можетъ грезить о возрожденіи древнихъ эллиновъ съ ихъ Софоклами и Платонами».

По мнѣнію Фалльмерайера, благодаря славянскимъ нашествіямъ въ VI вѣкѣ Византія, не потерявъ собственно ни одной провинціи, могла считать въ это время своими подданными только населеніе прибрежныхъ странъ и укрѣпленныхъ городовъ. Появленіе аваровъ въ Европѣ образуетъ настоящую эпоху въ исторіи Греціи: они привели съ собою славянъ; они дали имъ толчекъ къ покоренію священной почвы Эллады и Пелопоннеса.

Главное основаніе, на которомъ Фалльмерайеръ построилъ свою теорію, находится у церковнаго историка конца VI вѣка Эвагрія, гдѣ мы читаемъ слѣдующее: «Авары, пройдя два раза до такъ называемой длинной стѣны, овладѣли Сингидономъ, Анхіаломъ и всей Греціей съ другими городами и крѣпостями, все уничтожили и сожгли, въ то время какъ большая часть войскъ находилась на Востокѣ».

Упомянутое у Эвагрія о «всей Греціи» дало Фалльмерайеру основаніе говорить объ истребленіи греческой народности въ

Пелопоннесѣ. «Авары» Эвагрія его не смущали, такъ какъ въ тѣ времена авары нападали обычно сообща со славянами. Данное нападеніе Фалльмерайеръ относилъ къ 589 году. Но кое-какіе остатки грековъ продолжали существовать. Окончательный же ударъ нанесла грекамъ въ Пелопоннесѣ занесенная туда изъ Италіи въ 746 году чума. Сюда относится знаменитое мѣсто царственнаго писателя X вѣка Константина Багрянороднаго, который въ одномъ изъ своихъ сочиненій, говоря о Пелопоннесѣ, отмѣтилъ, что послѣ выше упомянутой ужасной чумы «вся страна ослабѣла и сдѣлалась варварскою». Годъ смерти императора Константина Копроцима (775 г.) можно считать, по словамъ Фалльмерайера, гранью, когда опустошенная страна снова, и на этотъ разъ уже совершенно, заполнилась славянами и, мало-по-малу, начала покрываться новыми городами, деревнями и поселками.

Въ слѣдующемъ сочиненіи Фалльмерайеръ, безъ большихъ оснований, распространилъ свои выводы и на Аттику. Во второмъ же томѣ своей «Исторіи полуострова Мореи» онъ выступаетъ съ новой албанскою теоріей, по которой со второй четверти XIV вѣка населявшіе Грецію греко-славяне были оттѣснены и подавлены албанскими поселенцами, такъ что, по мнѣнію Фалльмерайера, греческое возстаніе XIX вѣка было дѣломъ рукъ албанцевъ.

Теорія Фалльмерайера, вызвавшая горячую полемику и не выдерживавшая серьезной научной критики, важна тѣмъ, что дала начало дѣйствительно строго научной разработкѣ вопроса о славянскомъ вліяніи въ Греціи. Есть основанія думать, что и самъ авторъ теоріи, вообще любившій эффекты, не былъ въ ней искренно убѣжденъ.

Первымъ серьезнымъ противникомъ Фалльмерайера, глубоко изучившимъ вопросъ о славянахъ въ Греціи, былъ нѣмецкій историкъ Карлъ Гопфъ, выпустившій въ 1867 году свою «Исторію Греціи съ начала средневѣковья до нашего времени». Но Гопфъ впалъ въ другую крайность, желая, во что бы то ни стало, умалить значеніе славянскаго элемента въ Греціи. По его сужденію, славянскія поселенія въ собственной Греціи существовали только съ 750 по 807 годъ; до 750 года такихъ поселеній не было. Что касается до славянизации Аттики, то Гопфъ показалъ, что сужденія Фалльме-

райера по этому вопросу основывались на подложномъ документѣ.

Обширная литература по данному вопросу, часто разнобъчивая и несогласная, позволяетъ сдѣлать заключеніе о томъ, что славянскія поселенія, и при томъ очень значительныя, были въ Греціи съ конца VI вѣка, но, конечно, не имѣли своимъ результатомъ ни панславизаціи, ни полнаго уничтоженія грековъ. Источники сохранили намъ упоминанія о славянахъ въ Греціи, преимущественно въ Пелопоннесѣ, на всемъ протяженіи среднихъ вѣковъ вплоть до XV вѣка.

Въ наукѣ не разъ обсуждался вопросъ объ оригинальности теоріи Фалльмерайера. Высказанное имъ мнѣніе не было новостью; о славянскомъ вліяніи въ Греціи говорили и до него; Фалльмерайеръ только высказалъ свое сужденіе рѣзко и прямо. Въ самое послѣднее время въ русской наукѣ было высказано хорошо обоснованное мнѣніе о томъ, что истиннымъ виновникомъ возникновенія теоріи Фалльмерайера, не развившимъ, правда, ее подробно, но за то и не доведшимъ—въ погонѣ за эффе́ктомъ—до степени антинаучнаго порадокса, былъ вѣнскій славистъ начала XIX вѣка Копитаръ, который проводилъ мысль о значительной роли славянской стихіи въ образованіи новогреческой народности.

Въ 1913 году одинъ русскій ученый (проф. Н. Петровскій) писалъ: «Крайности теоріи Фалльмерайера, разумѣется, не могутъ быть защищаемы въ настоящее время, послѣ тщательнаго обслѣдованія относящихся сюда вопросовъ; но самая теорія, стройно и живо изложенная Фалльмерайеромъ, имѣетъ всѣ права на вниманіе даже со стороны несогласныхъ съ нею ни въ цѣломъ, ни въ частностяхъ, историковъ». Дѣйствительно, теорія Фалльмерайера, не смотря на совершенно очевидныя преувеличенія, сыграла очень важную роль въ исторической наукѣ, обративъ вниманіе на одинъ изъ очень интересныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и очень темныхъ вопросовъ, а именно—на вопросъ о славянахъ въ Греціи въ средніе вѣка. Но труды Фалльмерайера получаютъ еще болѣе общеисторическое значеніе, если на него взглянуть какъ на перваго ученаго, обратившаго вниманіе на этнографическое преобразование не только Греціи, но Балканскаго полуострова въ средніе вѣка вообще.

Литература къ четвертой главѣ: Сочиненія общаго характера: Общія иностранныя сочиненія (см. перв. главу). Терновскій (см. лит. второй главы). А. Лебедевъ. Вселенскіе соборы VI, VII и VIII вѣковъ. Ѳ. Успенскій. Исторія Византійской Имперіи. Т. I. Петроградъ, (1913). Ю. Кулаковскій. Исторія Византии. Т. II (518—602), Кіевъ, 1912 и т. III (602—717), Кіевъ, 1915, с. 1—27. С. П. Шестаковъ. Лекціи по исторіи Византии. Т. I. Изд. 2. Казань, 1915. Монографіи по отдѣльнымъ царствованіямъ: F. A. Isambert. Histoire de Justinien. Два тома. Paris, 1856 (теперь значенія не имѣетъ). Ch. Diehl. Justinien et la civilisation byzantine au VI-e siècle. Paris, 1901 (лучшее сочиненіе); есть русскій переводъ, Петроградъ, 1908. W. G. Holmes. The age of Justinian and Theodora. Два тома. 2-е изд. London, 1912. Больше популярныя статьи о Юстиніанѣ: A. Gfröger. Kaiser Justinian I вѣ его Byzantinische Geschichten. II, Graz, 1873, с. 315—401. К. Крumbacher. Kaiser Justinian (1901) вѣ его Populäre Aufsätze. Leipzig, 1909, с. 153—168 (по поводу книги Дила). Павелъ Виноградовъ. Имперія VI вѣка и Юстиніанъ (статья вѣ Книгѣ для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ подъ ред. П. Г. Виноградова. Вып. I). К. Groh. Geschichte des oströmischen Kaisers Justin II, nebst den Quellen. Leipzig, 1889. R. Spittler. De Phoca imperatore Romanorum. Jenae, 1905. Ю. Кулаковскій. Императоръ Фока (глава изъ Исторіи Византии). Кіевъ, 1914 (вошло позднѣе вѣ третій томъ его Исторіи Византии). По исторіи права вѣ эпоху Юстиніана: P. Collinet. Etudes historiques sur le droit de Justinien. I. Le caractère oriental de l'oeuvre législative de Justinien et les destinées des institutions classiques en occident. Paris, 1912. Общія сочиненія по византійскому праву см. вѣ первой главѣ. По вопросу о славянахъ вѣ Греціи: А. Васильевъ. Славяне вѣ Греціи. Византійскій Временникъ, V (1898), 404—438 и 626—670.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Эпоха династїи Ираклія (610—717).

Династія Ираклія и ея происхожденіе. Въ лицѣ Ираклія и его ближайшихъ преемниковъ Византія имѣла на своемъ престолѣ династію, можетъ быть, армянскаго происхожденія. По крайней мѣрѣ, армянскій историкъ VII вѣка Себеосъ, драгоценный источникъ для времени Ираклія, пишетъ, что фамилія Ираклія находилась въ родствѣ съ извѣстнымъ армянскимъ родомъ Аршакидовъ. Этому можетъ нѣсколько противорѣчить свидѣтельство источниковъ о бѣлокурыхъ, золотистыхъ волосахъ Ираклія. Ираклій правилъ съ 610 по 641 годъ. Отъ первой жены Евдокіи Ираклій имѣлъ сына Константина, который, процарствовавъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти отца, умеръ въ томъ же 641 году. Въ исторіи онъ извѣстенъ какъ Константинъ II (иногда Константинъ III, если считать одного изъ трехъ сыновей Константина Великаго, именемъ также Константина). Послѣ Константина II правилъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ сынъ Ираклія отъ его второй жены Мартины, по имени Ираклона или Ираклеонъ (настоящее его имя было, по всей вѣроятности, Ираклій). Ираклона былъ осенью 641 года свергнутъ; послѣ чего императоромъ былъ провозглашенъ сынъ Константина II, Константинъ III (IV) или, какъ его обычно называютъ, Константъ II, царствовавшій съ 641 по 668 годъ. Вѣроятно, въ данномъ случаѣ греческая форма его имени Конста (лат. Константъ) есть уменьшительное имя отъ Константина; послѣднее имя было оффиціальнымъ; по крайней мѣрѣ, на византійскихъ монетахъ, въ западныхъ оффиціальныхъ документахъ того времени и даже въ нѣкоторыхъ византійскихъ источникахъ онъ называется Константиномъ. Народъ же, повидимому, называлъ его Константомъ. Послѣ него правилъ энергичный сынъ Константинъ

IV (V) съ обычнымъ прозваніемъ Погонать, т. е. Бородатый (668—685). Но, по всей вѣроятности, какъ теперь оказывается, это невѣрно, и прозваніе «Погонать» надо относить къ его отцу Константину III (Константу II). Со смертью Константина IV въ 685 году кончается лучшая эпоха Ираклейской династіи. Послѣдній представитель этой династіи, Юстиніанъ II, съ прозвищемъ Ринотметъ, т. е. съ отрѣзаннымъ носомъ, сынъ Константина IV, правилъ два раза,—съ 685 по 695 г. и съ 705 по 711 годъ. Время Юстиніана II, отмѣченное многочисленными жестокостями, еще достаточно не изучено. Надо думать, что жестокая расправа императора съ представителями знати должна быть объясняема не однимъ его произволомъ, но тѣмъ глухимъ недовольствомъ ея представителей, которые не хотѣли примириться съ сильною волею и самовластіемъ Юстиніана и стремились свергнуть его съ престола. Даже въ источникахъ довольно ясно выступаетъ тенденціозно враждебная Юстиніану традиція. Въ 685 г. онъ былъ свергнутъ и по урѣзаніи носа сосланъ въ крымскій Херсонъ; оттуда ему удалось бѣжать къ хазарскому кагану, на сестрѣ котораго онъ женился; позднѣе при помощи болгаръ онъ успѣлъ вернуть себѣ тронъ. По возвращеніи въ столицу Юстиніанъ жестоко сталъ мстить всѣмъ лицамъ, причастнымъ къ его сверженію. Наконецъ, установленная имъ тираннія вызвала въ 711 г. революцію, во время которой были убиты самъ Юстиніанъ и его семья. Въ 711 году Ираклейская династія окончилась. Въ періодъ между двумя царствованіями Юстиніана II правили два случайныхъ императора—военный вождь Леонтій (695—698), родомъ изъ Исавріи, и Апсимаръ, получившій при возведеніи на престолъ имя Тиверія (Тиверій III, съ 698 по 705 г.). Нѣкоторые ученые склонны приписывать Апсимару-Тиверію готское происхожденіе. Послѣ жестокаго сверженія Юстиніана II въ 711 году, на протяженіи шести лѣтъ, съ 711 по 717 годъ, на византійскомъ престолѣ сидѣли три случайныхъ императора: армянинъ Варданъ или Филиппикъ (711—713), Артемій, переименованный при коронаціи въ Анастасія (Анастасій II, 713—715) и, наконецъ, Θεодосій III (715—717). Время анархіи, царившей въ Византіи съ 695 года, окончилось въ 717 году возведеніемъ на престолъ знаменитаго Льва III, съ котораго начинается уже новая эпоха въ исторіи Византіи.

Персидскія войны. Авары и славяне подъ Константинополемъ. Значеніе персидскихъ походовъ Ираклія. Въ лицѣ Ираклія имперія получила талантливаго и энергичнаго государя, который, особенно послѣ тиранніи Фоки, казался населенію образцовымъ правителемъ. По словамъ современнаго Ираклію поэта, Георгія Писидійскаго, описавшаго въ хорошихъ стихахъ его персидскіе походы и аварское нашествіе, новый императоръ провозгласилъ, что «власть должна блистать не столько въ страхѣ, сколько въ любви».

Положеніе имперіи въ моментъ восшествія на престолъ Ираклія было чрезвычайно опасно: персы угрожали съ востока, авары со славянами съ сѣвера. Внутреннія дѣла послѣ только что пережитаго несчастнаго правленія Фоки находились въ состояніи анархіи. У новаго императора не было въ распоряженіи ни достаточнаго количества войскъ, ни денегъ. Поэтому начало правленія Ираклія было исполнено тяжелыхъ испытаній для имперіи.

Персы въ 611 году предприняли завоеваніе Сиріи и овладѣли главнымъ городомъ византійскихъ восточныхъ провинцій, Антиохіей. Дамаскъ вскорѣ также перешелъ въ руки персовъ. Завоевавъ Сирію, персы двинулись въ Палестину и приступили въ апрѣлѣ 614 года къ осадѣ Іерусалима, продолжавшейся двадцать дней. Наконецъ, стѣнобитныя орудія персовъ разрушили городскую стѣну; послѣ чего, по выраженію одного источника, «злые враги вступили въ городъ съ большою яростью, точно разсвирѣпѣвшіе звѣри и обозлившіеся драконы». Городъ былъ разграбленъ; христіанскія святыни разрушены. Храмъ Гроба Господня, построенный Константиномъ Великимъ и Еленою, былъ сожженъ и ограбленъ. Христіане подверглись безпощадному избіенію. Іерусалимскіе евреи были на сторонѣ персовъ и при взятіи ими города принимали дѣятельное участіе въ избіеніи христіанъ, которыхъ, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, погибло до 60.000. Много драгоценностей было увезено въ Персію. Одна изъ самыхъ дорогихъ святынь христіанскаго міра, Святое Животворящее Древо или Крестъ Господень, была также увезена въ Ктесифонъ. Среди многочисленныхъ плѣнныхъ, отправленныхъ въ Персію, находился іерусалимскій патріархъ Захарія.

Опустошительное завоеваніе персами Палестины и разгромъ Іерусалима являются поворотнымъ пунктомъ въ исторіи

этого края. По словамъ академика Н. П. Кондакова, «это было бѣдствіе неслыханное послѣ взятія Іерусалима при Титѣ и на этотъ разъ непоправимое: для этого города уже не было потомъ эры, подобной временамъ Константина, и великолѣпныя сооруженія въ его стѣнахъ, подобно такъ называемой Омаровой мечети, уже не составляютъ эпохи въ исторіи; отнынѣ городъ и его зданія переходятъ къ постоянному упадку, со ступеньки на ступеньку, и самыя крестовыя походы, столь обильныя всякаго рода результатами и, пожалуй, всякою добычею для самой Европы, отзовутся только смутною, путаницею и разложеніемъ въ жизни самого Іерусалима. Персидское нашествіе разомъ снесло наносную искусственную греко-римскую культуру Палестины, разорило земледѣліе, обезлюдило города, уничтожило или на время или навсегда монастыри и лавры, прекратило торговлю. Этимъ нашествіемъ освободились отъ прежнихъ узъ и страха грабительскія племена арабовъ, и они приготовились къ сплоченію въ будущемъ и повсемѣстному наступленію. Отнынѣ періодъ культурнаго развитія страны конченъ; для нея настаетъ та смутная эпоха, которой всего естественнѣе было бы дать названіе среднихъ вѣковъ, если бы только она не продолжалась вплоть до настоящаго времени».

Легкость завоеванія персами Сиріи и Палестины объясняется монофиситскимъ составомъ большей части населенія этихъ областей. Монофиситы, какъ извѣстно, испытывали сильныя притѣсненія со стороны византійскаго правительства преемниковъ Юстиніана и поэтому предпочли владычество персидскихъ огнепоклонниковъ, въ странѣ которыхъ несториане, напримѣръ, пользовались относительною вѣротерпимостью.

Персидское нашествіе не ограничилось Сиріей и Палестиной. Часть персидскаго войска, пройдя черезъ всю Малую Азію и завоевавъ Халкидонъ, на берегу Мраморнаго моря у Босфора, расположилась лагеремъ у Хрисополя (совр. Скутари), напротивъ Константинополя. Другая же персидская армія завоевала Египетъ. Александрія пала, вѣроятно, въ 618 или 619 году. Какъ въ Сиріи и Палестинѣ, монофиситское населеніе Египта не оказало должной поддержки византійскому правительству и съ легкимъ сердцемъ перешло подъ власть персовъ.

Для Византіи потеря Египта имѣла первостепенное зна-

ченіе: онъ, какъ извѣстно, былъ житницей Константинополя, и прекращеніе подвоза туда египетскаго хлѣба должно было тяжело отразиться на экономическомъ состояніи столицы.

Одновременно съ жестокими потерями на югѣ и востокѣ въ войнѣ съ персами Византія подверглась серьезной опасности на сѣверѣ, а именно на Балканскомъ полуостровѣ, гдѣ аварославянскія полчища во главѣ съ аварскимъ каганомъ, грабя и разрушая, дошли до самаго Константинополя и ворвались въ городъ. На этотъ разъ дѣло ограничилось набѣгомъ, позволившимъ аварскому кагану возвратиться на сѣверъ съ многочисленными плѣнными и богатою добычею.

Излагаемыя событія оставили такой слѣдъ у западнаго современника Ираклія, Исидора, епископа Севильскаго, который отмѣчаетъ въ своей хроникѣ: «Ираклій началъ пятый годъ своего правленія, въ началѣ котораго славяне отняли у римлянъ Грецію, а персы—Сирию, Египеть и многочисленныя провинціи» (хронологія у Исидора неточна).

Павшій духомъ Ираклій задумалъ покинуть столицу и переправиться въ Африку (Ливію). Но патриархъ Сергій и другіе приближенные убѣдили императора отказаться отъ этой опасной и чреватой послѣдствіями для имперіи мысли; тѣмъ болѣе, что и византійскія владѣнія въ сѣверной Африкѣ, послѣ завоеванія персами Египта, не могли считаться безопасными.

Было принято рѣшеніе выступить войною противъ Персіи. Въ виду истощенія казны императоръ воспользовался церковными сокровищами столицы и провинцій и повелѣлъ начеканить большое количество золотой и серебряной монеты. Опасность со стороны аварскаго кагана на сѣверѣ была, какъ надѣялся Ираклій, устранена уплатою ему большой суммы денегъ и врученіемъ знатныхъ заложниковъ. Послѣ этого, весною 622 года императоръ переправился въ Малую Азію, гдѣ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ производилъ наборъ войска и обучалъ его военному дѣлу. Персидскій походъ, имѣвшій, между прочимъ, цѣлью возвратитъ Животворящее Древо и Іерусалимъ, получалъ видъ крестоваго похода.

Современные историки полагаютъ, что Ираклій на протяженіи съ 622 по 628 годъ совершилъ три персидскихъ похода, увѣнчавшихся поразительнымъ успѣхомъ византійскаго оружія и напомнившихъ Ѳ. И. Успенскому блистательные

походы Александра Македонскаго. Ираклій привлекъ на свою сторону кавказскіе народы и вступилъ въ союзъ съ хазарами. Вообще сѣверныя прикавказскія области Персіи служили одною изъ главныхъ аренъ военныхъ дѣйствій.

Во время отсутствія императора, пребывавшаго со своими войсками въ далекихъ походахъ, столица, подверглась серьезной опасности. Аварскій каганъ, нарушивъ заключенныя съ императоромъ условія, двинулся въ 626 году съ громадными толпами аваровъ и славянъ къ Константинополю, вступивъ одновременно въ соглашеніе съ персами, отрядъ которыхъ дошелъ до Халкидона. Аваро-славянскія полчища осадили Константинополь, который переживалъ опасные моменты. Однако, константинопольскому гарнизону удалось отбить атаку и обратить нападавшихъ въ бѣгство. Узнавъ о неудачѣ аварскаго кагана, персы удалились изъ-подъ Халкидона въ Сирію. Пораженіе аваровъ подъ Константинополемъ въ 626 году явилось одной изъ главныхъ причинъ ослабленія дикаго аварскаго государства.

Между тѣмъ Ираклій въ концѣ 627 года нанесъ рѣшительное пораженіе персамъ близъ развалинъ древней Ниневіи (около современнаго города Мосула на р. Тигрѣ) и вступилъ въ центральныя персидскія области. Богатая добыча досталась въ руки императора. Въ это самое время персидскій царь Хосрой былъ свергнутъ и убитъ, а его побѣдитель, вступившій на престолъ Кавадъ Шерое началъ съ Иракліемъ мирные переговоры. На основаніи условій мира персы возвратили Византіи завоеванныя области, Сирію, Палестину и Египеть, и увезенное ими Животворящее Древо. Ираклій съ великимъ торжествомъ вернулся въ столицу; а нѣсколько времени спустя направился въ Іерусалимъ, гдѣ къ глубокому утѣшенію христіанскаго міра Животворящій Крестъ, возвращенный изъ Персіи, былъ водворенъ на прежнее мѣсто.

Персидская война Ираклія составляетъ важную эпоху въ исторіи Византіи. Изъ двухъ міровыхъ державъ, какими въ раннее средневѣковье были Византія и Персія, послѣдняя потеряла окончательно прежнее значеніе и превратилась въ слабое государство, вскорѣ подъ натискомъ арабовъ прекратившее свое политическое существованіе. Побѣдоносная Византія, нанеся смертельный ударъ своему вѣковому врагу, возвратившая имперіи всѣ потеряныя восточныя провинціи

и христіанскому міру драгоцѣнную святыню Древа Господня, освободившая столицу отъ грозныхъ аваро-славянскихъ полчищъ, была, казалось, на высотѣ славы и могущества.

Въ связи съ успѣхомъ персидской войны Ираклій въ 629 году впервые официально назвалъ себя василевсомъ. Последнее названіе уже давно употреблялось на Востокѣ и особенно въ Египтѣ, а съ IV вѣка въ частяхъ имперіи, говорящихъ на греческомъ языкѣ. Но оно не было принято, какъ официальный титулъ. До VII вѣка греческимъ эквивалентомъ для латинскаго названія «императоръ» (*imperator*) былъ «автократоръ» (*αὐτοκράτωρ*), т. е. «самодержецъ», что этимологически не соотвѣтствуетъ значенію слова «императоръ». Единственнымъ иностраннымъ государемъ, если не считать далекаго абиссинскаго царя, былъ персидскій царь, которому римскій императоръ соглашался давать титулъ василевса. Англійскій византинистъ Бьюри пишетъ: «пока внѣ Римской имперіи существовалъ крупный независимый василевсъ, императоры воздерживались принимать титулъ, который пришлось бы раздѣлять съ другимъ монархомъ. Но какъ только этотъ монархъ былъ низведенъ на положеніе зависимаго вассала и не было болѣе конкуренціи, императоръ отмѣтилъ это событіе, принявъ официально тотъ титулъ, который въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій прилагался къ нему неофициально».

Возвращенныя имперіи области, Сирія, Палестина и Египетъ, съ преобладающимъ въ нихъ монофиситскимъ населеніемъ снова ставили на очередь наболѣвшій вопросъ объ отношеніи византійскаго правительства къ монофиситамъ, имѣвшій, какъ мы уже отмѣчали выше, серьезное, государственное значеніе. Не надо также забывать того, что многолѣтняя, упорная борьба Ираклія съ персами, не смотря на блестящій окончательный исходъ, должна была на время ослабить военную мощь Византіи въ виду крупныхъ потерь въ войскахъ и сильнаго финансоваго напряженія. Но столь необходимаго отдыха страна не получила, такъ какъ вскорѣ послѣ окончанія персидской войны появилась совершенно неожиданная, въ первый моментъ недостаточно оцѣненная грозная опасность со стороны арабовъ, открывшихъ своимъ выступленіемъ противъ Византіи и Персіи новую эру во всемірной исторіи.

Гиббонъ такъ говоритъ объ этомъ выступленіи арабовъ: «Въ то время какъ императоръ торжествовалъ въ Константи-

нополѣ или Иерусалимѣ, незначительный городъ на границахъ Сиріи былъ разграбленъ сарацинами, которые изрубили войска, выступившія на его освобожденіе: обычный и пустынный случай, еслибы онъ не былъ прелюдией могучей революціи. Эти разбойники были апостолы Мухаммеда; ихъ фанатическая храбрость вышла изъ пустыни; и въ послѣдніе восемь лѣтъ своего царствованія, Ираклій потерялъ арабамъ тѣ самыя провинціи, которыя онъ освободилъ отъ персовъ».

Арабы. Мухаммедъ и исламъ. Еще въ до-христіанскія времена арабы, народъ семитской расы, населяли Аравійскій полуостровъ и Сирійскую пустыню, расположенную на сѣверѣ отъ него до Евфрата. Аравійскій полуостровъ, равный по величинѣ приблизительно четверти Европы, омывается, какъ извѣстно, на востокѣ Персидскимъ заливомъ, на югѣ Индійскимъ океаномъ, на западѣ Краснымъ или Чернымъ моремъ; на сѣверѣ онъ сливается съ сирійской пустыней. Наиболѣе извѣстныя въ исторіи области этого полуострова были: 1) Недждъ, занимавшій центральное плоскогоріе; 2) Іемень или Счастливая Аравія на юго-западѣ полуострова и 3) Хиджазъ-прибрежная полоса по Красному морю, идущая съ сѣвера полуострова до Іемена. Пустынный полуостровъ далеко не вездѣ былъ удобенъ для жилья, и арабы, ведя кочевой образъ жизни, обитали главнымъ образомъ въ центральной и сѣверной Аравіи. Это были бедуины, считавшіе себя настоящими, наиболѣе чистыми представителями арабскаго племени, истинными носителями благородства и доблести. Кромѣ кочевыхъ бедуиновъ были и осѣдлые жители немногочисленныхъ городовъ и поселковъ, къ которымъ бедуины относились свысока и даже съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ.

Самую культурную областью Аравійскаго полуострова былъ Іемень, гдѣ еще въ до-христіанскія времена существовало цвѣтущее Сабейское или Савское царство, съ которымъ связывается легенда о царицѣ Савской, будто бы пріѣзжавшей къ царю Соломону. Въ концѣ II вѣка до Р. Х. это царство превратилось въ Сабейско-Химьярское царство. Торговля и мореплаваніе были преобладающимъ занятіемъ его населенія. О силѣ и благоденствіи царства свидѣтельствуютъ существующія и понынѣ многочисленныя развалины и надписи.

Римское государство неминуемо должно было на своей восточной сирійской границѣ сталкиваться съ арабскими

племенами и принимать мѣры для большей безопасности послѣдней. Въ этихъ видахъ римскіе императоры выстроили рядъ пограничныхъ укрѣпленій, другими словами, сирійскій *limes*, наминавшій, конечно въ гораздо меньшихъ размѣрахъ, знаменитый *limes romanus* на дунайской границѣ противъ германцевъ. Развалины главнѣйшихъ римскихъ укрѣпленныхъ пунктовъ на сирійской границѣ сохранились до нашихъ дней.

Уже со II вѣка до Р. Х. среди сирійскихъ арабовъ стали образовываться самостоятельныя государства съ сильнымъ вліяніемъ арамейской и греческой культуръ, называемыя иногда арабско-арамейскими эллинистическими царствами. Изъ городовъ особенно выдвинулась и разбогатѣла, благодаря выгодному положенію на пересѣченіи важныхъ торговыхъ путей, Петра, величественныя развалины которой до сихъ поръ привлекаютъ къ себѣ вниманіе историковъ и археологовъ.

Наиболѣе важнымъ изъ сирійскихъ арабскихъ царствъ въ культурномъ и политическомъ отношеніи въ эпоху Римской имперіи была Пальмира, гдѣ эллинистически образованная и мужественная царица Зиновія, какъ ее называютъ римскіе и греческіе писатели, во второй половинѣ III вѣка создала большое государство: она завладѣла Египтомъ и большей частью Малой Азіи. Это было, по словамъ проф. Тураева, первымъ проявленіемъ реакціи Востока и первымъ распаденіемъ имперіи на западную и восточную. Императоръ Аврелианъ вернулъ имперіи единство, и побѣжденная царица въ 273 году должна была идти за триумфальной колесницей побѣдителя при въѣздѣ его въ Римъ. Возставшая Пальмира подверглась разрушенію; но ея грандіозныя развалины, подобно Петру, до настоящаго времени влекутъ къ себѣ ученыхъ и туристовъ. Извѣстный эпиграфическій памятникъ Пальмиры, а именно высѣченный на громадномъ камнѣ пальмирскій тарифъ II вѣка по Р. Х., дающій драгоцѣнныя свѣдѣнія о торговлѣ и финансахъ этого города, перевезенъ въ Петроградъ и хранится въ Эрмитажѣ.

Въ византійское время выдѣлились двѣ арабскихъ династіи. Одна — династія Гассанидовъ въ Сиріи, монофиситская по религіи, находившаяся въ зависимости отъ византійскихъ императоровъ, особеино усилившаяся въ VI вѣкѣ при Юстиніанѣ, помогавшая имперіи въ ея военныхъ предпріятіяхъ на

востокъ и прекратившая свое существованіе, вѣроятно, въ началѣ VII вѣка при завоеваніи персами Сиріи и Палестины. Вторая арабская династія была династія Лахмидовъ съ центромъ въ городѣ Хиръ у Евфрата, находившаяся въ вассальныхъ отношеніяхъ къ персидскимъ Сасанидамъ, враждебная поэтому Гассанидамъ, прекратившаяся также въ началѣ VII вѣка. Въ Хиръ было распространено христіанство въ формѣ несторіанства, и нѣкоторые представители династіи Лахмидовъ также были христіанами. Обѣ династіи обязаны были защищать границу, Гассаниды — византійскую, Лахмиды — персидскую. Какъ видно, оба вассальныхъ государства исчезли въ началѣ VII вѣка, такъ что, ко времени выступленія Мухаммеда, въ предѣлахъ Аравійскаго полуострова и населенной арабами Сирійской пустыни не было, за однимъ исключеніемъ, ни одной политической организаціи, которая заслуживала бы названія государства. Лишь на юго-западѣ Аравійскаго полуострова, въ Іеменѣ, продолжало существовать уже извѣстное намъ царство Сабейско-Химъярское или Химъяритовъ (Омиритовъ), гдѣ съ половины IV вѣка стало распространяться христіанство, встрѣтившее позднѣе сильнаго противника въ распространившемся тамъ іудействѣ. Въ первой половинѣ VII вѣка химъярскій (омиритскій) царь, покровитель послѣдователей іудейства, открылъ жестокое гоненіе на южно-арабскихъ христіанъ, что вызвало вмѣшательство христіанскаго абиссинскаго (эфіопскаго) царя; послѣдній одержалъ полную побѣду надъ іудействующимъ царемъ и принялся дѣятельно возстановлять въ Іеменѣ христіанство; при чемъ, о своей побѣдѣ надъ еврействомъ онъ оповѣстилъ alexандрійскаго патріарха и византійскаго императора Юстина I. Преемникъ послѣдняго, Юстиніанъ Великій отправлялъ посольства въ Аксумъ, столицу Абиссинскаго царства, и къ омиритамъ, желая заинтересовать эти далекія страны въ своихъ военныхъ предпріятіяхъ и торговыхъ планахъ. Съ этой стороны попытка Юстиніана не удалась. Но въ дѣлахъ церковныхъ въ теченіе всего его правленія византійское вліяніе давало себя чувствовать, какъ у абиссинцевъ, такъ и у омиритовъ: тѣ и другіе просили у византійскаго императора епископовъ.

Для Мухаммеда и объединившихся вокругъ него арабовъ расположенное на юго-западѣ полуострова Химъярское или Омиритское царство значенія не имѣло. Всѣ помыслы ихъ и

планы были направлены къ сѣверу, къ границамъ двухъ державъ—Византіи и Персіи.

Древніе арабы до Мухаммеда жили въ условіяхъ родового быта. Кровное родство являлось единственной основой ихъ общихъ интересовъ, сводившихся почти исключительно къ обязательнымъ для всѣхъ членовъ племени принципамъ вѣрности, покровительства, помощи и мести за причиненныя врагами племени обиды. Ничтожнаго повода было достаточно, чтобы вызвать длившуюся иногда десятки лѣтъ кровопролитную борьбу между племенами. Воспоминанія объ этихъ временахъ сохранились въ древней арабской поэзіи и прозаическихъ преданіяхъ. Враждебность и высокомеріе были преобладающимъ настроеніемъ во взаимныхъ отношеніяхъ различныхъ племенъ арабской древности.

Религіозныя представленія древнихъ арабовъ были очень примитивны: племена имѣли своихъ идоловъ и другіе священные предметы, напр. камни, деревья, источники; черезъ нихъ арабы хотѣли узнавать будущее; въ нѣкоторыхъ частяхъ Аравіи было распространено почитаніе звѣздъ. Едва ли древніе арабы, по мнѣнію одного знатока арабской древности, въ своихъ религіозныхъ переживаніяхъ подымались выше чувства фетишиста передъ предметомъ его поклоненія. Они вѣрили въ невидимыя дружественныя, но чаще враждебныя силы,—въ демоновъ (джиннъ). Представленіе о высшей невидимой силѣ, объ Аллахѣ, отличалось у древнихъ арабовъ неопредѣленностью. Молитвы, какъ формы почитанія, они, повидимому, совсѣмъ не знали; если же они обращались къ божеству, то это обращеніе было воззваніемъ о помощи для мести за понесенную обиду или несправедливость. «Остатки до-исламскихъ стихотвореній, по словамъ одного ученаго, не заключаютъ никакихъ намековъ на стремленіе къ божеству даже болѣе возвышенныхъ душъ и даютъ лишь слабыя указанія на отношеніе ихъ къ религіознымъ преданіямъ своего народа».

Кочевая жизнь бедуиновъ, проводившихъ свои дни въ перевозимыхъ съ мѣста на мѣсто палаткахъ, конечно, не способствовала устроенію постоянныхъ, опредѣленныхъ мѣстъ для совершенія религіознаго культа, хотя бы и очень примитивнаго. Но, какъ было замѣчено уже выше, помимо бедуиновъ были осѣдлые жители городовъ и поселковъ. Послѣдніе воз-

никали и развивались преимущественно на торговых путях, особенно по караванной дорогѣ, шедшей съ юга на сѣверъ, изъ Йемена въ Палестину, Сирію и къ Синайскому полуострову. Изъ городовъ на этомъ пути наиболѣе извѣстными и богатыми были еще задолго до появленія Мухаммеда Мекка (Макораба у древнихъ писателей) и къ сѣверу отъ нея Ясрибъ (будущая Медина). Въ нихъ останавливались торговые караваны, приходившіе съ сѣвера и юга. Между купцами было не мало евреевъ, которые жили не только въ двухъ поименованныхъ городахъ, но и въ другихъ частяхъ полуострова, напр., въ сѣверномъ Хиджазѣ. Извѣстно, что много евреевъ было и въ Йеменѣ, въ царствѣ Химьяритовъ. Съ сѣвера, изъ римско-византійскихъ владѣній Палестины и Сиріи, и съ юга, изъ Абиссиніи черезъ Йеменъ, проникали на полуостровъ христіане. Центромъ смѣшаннаго населенія полуострова сдѣлалась Мекка, гдѣ съ раннихъ поръ уже находилось святилище первоначально совершенно не арабскаго характера, Кааба, кубообразное каменное сооруженіе около 35 футовъ въ вышину, внутри котораго хранился главный предметъ поклоненія, черный камень, ниспосланный, по преданію съ неба. Преданіе связывало основаніе мекканскаго святилища съ именемъ ветхозавѣтнаго Авраама. Мекку, благодаря ея выгодному торговому положенію, посѣщали торговцы всѣхъ арабскихъ племенъ. Для большаго привлеченія ихъ сюда въ Каабѣ были, по словамъ легенды, поставлены идолы различныхъ племенъ, такъ что представители каждаго племени, придя въ это святилище, могли совершать поклоненіе своему наиболѣе почитаемому божеству. Число паломниковъ увеличивалось, чему особенно способствовалъ соблюдавшійся во время священнаго періода «Божій миръ», который болѣе или менѣе гарантировалъ неприкосновенность территоріи племенъ, пославшихъ своихъ представителей въ Мекку. Время религиозныхъ празднествъ совпадало съ большою мекканскою ярмаркою, на которой арабы и иностранные купцы устраивали свои торговые дѣла. Мекка богатѣла; въ ней приблизительно съ V вѣка выдѣлилось богатое и знатное племя курейшитовъ, которое получило въ городѣ преобладающее значеніе. Конечно, матеріальные интересы склонныхъ къ наживѣ мекканцевъ не были забыты, и священныя собранія Мекки бывали ими использованы въ своихъ своекорыстныхъ цѣляхъ.

По словамъ одного ученаго, «находясь подъ господствомъ этихъ знатныхъ родовъ, завѣдывавшихъ выполненіемъ традиціонныхъ обрядовъ, городъ носилъ матеріалистическій, падменно-плутократическій характеръ, въ которомъ глубокое религіозное чувство не находило никакого удовлетворенія».

Подъ вліяніемъ еврейства и христіанства, съ которыми, особенно въ Меккѣ, была полная возможность познакомиться, среди арабовъ встрѣчались незадолго до Мухаммеда отдѣльныя личности, искренно воодушевленные религіозными идеями, совершенно непохожими на сухую обрядность ихъ древнихъ религіозныхъ обычаевъ. Стремленіе къ монотеизму и аскетическому образу жизни являлось отличительною чертою этихъ скромныхъ исповѣдниковъ, находившихъ удовлетвореніе въ своихъ личныхъ переживаніяхъ и не оказывавшихъ большого вліянія на другихъ.

Объединителемъ арабовъ и основателемъ одной изъ міровыхъ религій явился Мухаммедъ. Изъ скромнаго проповѣдника покаянія онъ сдѣлался сначала пророкомъ, а затѣмъ главою политической общины.

Мухаммедъ родился около 570 года. Происходя изъ племени Курейшитовъ и принадлежа къ одному изъ бѣднѣйшихъ родовъ его, хашимитамъ, онъ рано осиротѣлъ и долженъ былъ зарабатывать себѣ хлѣбъ, сопровождая торговые караваны богатой вдовы Хадиджи въ качествѣ погонщика верблюдовъ. Матеріальное положеніе Мухаммеда улучшилось, когда онъ женился на Хадиджѣ. Подъ вліяніемъ знакомства съ евреями и христіанами онъ, обладая уже съ дѣтства болѣзненною натурою, сталъ все больше и больше задумываться надъ религіознымъ укладомъ жизни Мекки. Возникавшія сомнѣнія приводили его въ отчаяніе и доставляли безконечныя страданія; съ нимъ дѣлались нервныя припадки; во время своихъ одинокихъ скитаній по окрестностямъ Мекки ему казались видѣнія, и у него крѣпла увѣренность въ томъ, что Богъ посылаетъ его для спасенія своего вступившаго на ложный путь народа.

Мухаммеду было уже сорокъ лѣтъ, когда онъ рѣшился выступить открыто въ роли скромнаго проповѣдника нравственности, сначала въ своей семьѣ; затѣмъ его стала слушать немногочисленная группа лицъ изъ низшаго слоя, а позднѣе и нѣкоторые почтенные люди. Курейшиты, однако,

выступили противъ Мухаммеда и создали ему въ Меккѣ невозможныя условія жизни. Въ такихъ обстоятельствахъ онъ со своими приверженцами въ 622 году тайно удалился въ лежащій къ сѣверу городъ Ясрибъ, населеніе котораго, имѣя въ своемъ составѣ не мало евреевъ, не разъ приглашало къ себѣ проповѣдника, обѣщая ему лучшія условія жизни.

Годъ переселенія или, какъ еще чаще говорятъ, бѣгства (по-арабски «хиджра») Мухаммеда изъ Мекки въ Медину сдѣлался мусульманскою эрою. Съ 622 года арабы, а за ними и другіе мусульманскіе народы, ведутъ свое лѣтосчисленіе, по по луннымъ годамъ, которые, какъ извѣстно, немного короче годовъ солнечныхъ. Обычно, началомъ перваго года хиджры мусульмане считаютъ пятницу 16 іюля 622 года. Эра хиджры была введена лишь къ 16 году (считая отъ 622 г.).

Ясрибъ радушно встрѣтилъ Мухаммеда и его приверженцевъ и впоследствии сталъ называться Мединой, т. е. городомъ (пророка).

Надо имѣть въ виду, что, благодаря неудовлетворительному состоянію источниковъ, о первоначальномъ мекканскомъ періодѣ жизни Мухаммеда мы почти не имѣемъ достовѣрныхъ свѣдѣній. Въ это время его ученіе имѣло столь неопредѣленный, почти хаотическій характеръ, что не могло еще даже и называться новой религіей.

Въ Мединѣ Мухаммедъ, сдѣлавшись уже главою многочисленной общины, положилъ начало политическому государству на религіозной основѣ. Выработавъ главныя основанія своей религіи, установивъ религіозные обряды и упрочивъ свое политическое положеніе, онъ въ 630 году завоевалъ Мекку, гдѣ уничтожилъ идоловъ и другіе слѣды политеизма. Культъ единого Бога-Аллаха былъ поставленъ въ основу новой религіи. Всѣмъ врагамъ своимъ Мухаммедъ даровалъ родъ амнистіи. Взятіе Мекки не сопровождалось ни убійствами, ни грабежомъ. Съ этихъ поръ Мухаммедъ со своими послѣдователями могъ свободно совершать паломничество въ Мекку и установить его обряды. Въ 632 году Мухаммедъ умеръ.

Религіозное ученіе Мухаммеда, который не былъ послѣдовательнымъ мыслителемъ, невозможно изложить въ систематическомъ видѣ. Его ученіе не является твореніемъ оригинальнымъ; оно создано подъ вліяніемъ другихъ религій, а

именно: христіанства, іудейства и отчасти парсизма, т. е. религіи тогдашней персидской державы Сасанидовъ. Съ этими религіями Мухаммедъ могъ познакомиться въ молодые годы во время своихъ путешествій, а затѣмъ въ Меккѣ и Ясрибѣ (Мединѣ). Характерною чертою его религіознаго ученія является сознаніе полной зависимости человѣка отъ Бога, слѣпое подчиненіе его волѣ. Единный Богъ неограниченно господствуетъ надъ своими созданіями. Поэтому религія Мухаммеда носитъ названіе ислама, что въ переводѣ обозначаетъ «преданіе себя Богу, покорность»; послѣдователи же ислама называются мусульманами (или часто въ неправильномъ написаніи магометанами; правильнѣе было бы: мухаммеданами). Въ основѣ его религіи лежитъ ясное представленіе о единомъ Богѣ - Аллахѣ; такимъ образомъ, его ученіе есть религія монотеистическая, т. е. признающая единого Бога. Изреченіе «нѣтъ божества кромѣ Бога и Мухаммеда, Его посланника» является однимъ изъ основныхъ положеній его ученія. Мухаммедъ признавалъ пророками также Моисея и Иисуса Христа, который былъ предпослѣднимъ пророкомъ; но они, по ученію Мухаммеда, были ниже его. Въ бытность свою въ Мединѣ онъ говорилъ, что его религіозное твореніе представляетъ собою возстановленіе въ чистомъ видѣ религіи Авраама, испорченной христіанами и евреями. Одной изъ первыхъ задачъ Мухаммеда было вывести арабовъ изъ состоянія ихъ варварства (по-арабски джахилийя) и привить имъ нѣкоторые болѣе высокіе нравственные принципы: вмѣсто распространеннаго среди арабовъ-язычниковъ жестокаго обычая мести онъ училъ о миролюбіи и самообладаніи; имъ былъ положенъ конецъ существовавшему среди нѣкоторыхъ племенъ обычаю закапывать живыми въ землю новорожденныхъ дѣвочекъ; были нѣсколько урегулированы брачныя отношенія въ смыслѣ ограниченія полигаміи; дозволялось имѣть одновременно четыре законныхъ жены; бóльшая свобода въ этомъ вопросѣ представлялась лишь Мухаммеду. Въ противовѣсъ прежнимъ родовымъ понятіямъ Мухаммедъ въ своемъ ученіи выдвинулъ личныя права, напр., право наследованія. Были введены опредѣленные установленія относительно молитвы и поста: во время молитвы надо было обращаться лицомъ по направленію къ Каабѣ; для великаго поста былъ избранъ девятый мѣсяцъ, называемый рамаданомъ; еженедѣльный праздничный день былъ

назначенъ въ пятницу. Подверглись запрещенію вино, кровь, свинина, мясо животныхъ, погибшихъ не отъ закланія или служившихъ жертвами въ языческомъ культѣ, азартныя игры. Вѣра въ ангеловъ и діавола для мусульманина обязательна. Представленія о раѣ и адѣ, воскресеніи и страшномъ судѣ имѣли матеріалистическій характеръ; основныя черты этихъ представленій можно найти въ еврейско-христіанской апокрифической литературѣ. Милосердіе Бога, раскаяніе грѣшника и добрыя дѣла вошли въ ученіе Мухаммеда.

Вѣроятно, еще въ началѣ медипскаго періода изъ многочисленныхъ основныхъ ученій и установленій выдѣлились въ видѣ обязательныхъ требованій ислама слѣдующія пять: 1) исповѣданіе единого Бога-Аллаха и его посланника Мухаммеда; 2) совершеніе строго установленной молитвы въ опредѣленное время, съ соблюденіемъ опредѣленныхъ обрядовъ; 3) уплата известной суммы на военныя и благотворительныя нужды мусульманской общины; 4) постъ въ мѣсяцѣ рамаданъ; 5) совершеніе паломничества въ Мекку къ Каабѣ (по-арабски такое паломничество называется хаджъ).

Всѣ основанія и правила мусульманской религіи соединены въ священной книгѣ откровеній Мухаммеда, называемой кораномъ; послѣдній распадается на 114 главъ (по-арабски суры).

Преданіе о словахъ и дѣяніяхъ Мухаммеда, объединенное поздне въ различныхъ сборникахъ, носитъ названіе сунны.

Исторія первоначальнаго ислама при Мухаммедѣ принадлежитъ, изъ-за состоянія источниковъ, къ однимъ изъ наиболѣе темныхъ и спорныхъ вопросовъ въ исторіи. А между тѣмъ, для исторіи Византіи VII вѣка этотъ вопросъ имѣетъ громадное значеніе, такъ какъ отъ его сильнаго рѣшенія зависитъ очень многое въ объясненіи причинъ необычайно быстрыхъ военныхъ успѣховъ арабовъ, повлекшихъ за собою потерю для имперіи ея восточныхъ и южныхъ провинцій, Сиріи, Палестины, Египта и Сѣверной Африки.

Въ видѣ примѣра разнорѣчивости ученыхъ мнѣній о первоначальномъ исламѣ можно привести мнѣнія трехъ современныхъ глубокихъ знатоковъ ислама. Одинъ изъ нихъ (Гольдцѣръ) пишетъ: «Нѣтъ сомнѣній, что въ душѣ Мухаммеда уже жила мысль о распространеніи своей религіи за предѣлы Аравіи и превращеніи ученія, возвѣщеннаго въ началѣ лишь

ближайшимъ родственникамъ, во владычествующую надъ міромъ силу». Другой ученый (Гримме) говоритъ, что, на основаніи корана, можно считать конечною цѣлью Мухаммеда и ислама «полное обладаніе Аравіей». Наконецъ, третій современный намъ ученый (Каэтани) пишетъ, что пророкъ даже не думалъ объ обращеніи всей Аравіи, всѣхъ арабовъ.

При жизни Мухаммеда вся Аравія не была подчинена ему. Можно даже вообще сказать, что вся Аравія, въ теченіе всей своей долгой жизни, никогда не признавала исключительно одного властителя. Въ дѣйствительности Мухаммедъ господствовалъ надъ областью, обнимавшею, можетъ быть, менѣе трети всей поверхности полуострова. Эта часть и находилась подъ вліяніемъ новыхъ идей ислама. Остальная часть полуострова продолжала жить въ политическихъ и релігіозныхъ условіяхъ, немногимъ отличающихся отъ тѣхъ, которыя тамъ существовали до появленія ислама. Мы уже знаемъ, что на юго-западѣ полуострова, въ Іеменѣ, было христіанское государство, продолжавшее свое существованіе и въ эпоху Мухаммеда. Но вѣдь и большинство племенъ въ сѣверо-восточной Аравіи было христіанскимъ, такъ какъ преобладающей релігіей Месопотаміи и арабскихъ областей вдоль Евфрата было христіанство, которое тамъ сильно распространялось по сравненію съ пришедшей въ полный упадокъ оффиціальной персидской релігіей. Такимъ образомъ, въ моментъ своей смерти, Мухаммедъ не былъ ни политическимъ властителемъ всей Аравіи, ни ея релігіознымъ главою.

Интересно отмѣтить, что въ началѣ Византіи видѣла въ Мухаммедѣ и послѣдователяхъ его ученія родъ аріанства и ставила исламъ наравнѣ съ другими христіанскими сектами. Византійская апологетическая и полемическая литература выступаетъ противъ ислама также, какъ противъ монофиситовъ, моноелитовъ и представителей другихъ еретическихъ ученій. Жившій въ VIII вѣкѣ при мусульманскомъ дворѣ и принадлежавшій къ сарацинской семьѣ знаменитый Іоаннъ Дамаскинъ, на примѣръ, не видѣлъ въ исламѣ новой релігіи, но лишь аналогичный съ другими ересями примѣръ отпаденія отъ истинной христіанской вѣры. Византійскіе историки также весьма мало интересовались выступленіемъ Мухаммеда и вызваннымъ имъ политическимъ движеніемъ. Изъ хронистовъ первымъ сооб-

щаетъ свѣдѣнія о жизни Мухаммеда, «правителя сарацинъ и лжепророка», писавшій въ началѣ IX вѣка Теофанъ.

Въ представленіи средневѣковой Западной Европы мусульманство также не было особою религіей, но лишь одной изъ христіанскихъ сектъ, родственной по догматамъ съ аріанствомъ. Даже во второй половинѣ среднихъ вѣковъ Данте въ своей «Божественной Комедіи» относитъ Мухаммеда къ еретикамъ и называетъ его однимъ изъ «святелей соблазна и раскола» (*Seminator' di scandalo e di scisma. Inf. XXVIII, 31—36*).

Причины арабскихъ завоеваній VII вѣка. Обычно, въ видѣ одной изъ главныхъ причинъ поразительныхъ военныхъ успѣховъ арабовъ въ VII вѣкѣ въ борьбѣ съ Византіей и Персіей приводится религіозный энтузіазмъ мусульманъ, переходившій часто въ религіозный фанатизмъ, въ полную нетерпимость. Арабы будто бы бросились на азіатскія и африканскія области, выполняя завѣтъ пророка, предписывавшій обращеніе всего міра въ новую вѣру, и одержанныя арабами побѣды объяснялись религіознымъ воодушевленіемъ, заставлявшимъ фанатиковъ-мусульманъ съ презрѣніемъ относиться къ смерти и сдѣлавшимъ, такимъ образомъ, ихъ натискъ непреодолимымъ. Эта точка зрѣнія должна быть признана ошибочною. Въ моментъ смерти Мухаммеда убѣжденныхъ мусульманъ было немного; но и это меньшинство оставалось въ Мединѣ до окончанія первыхъ великихъ завоеваній; лишь очень немногіе изъ нихъ бились въ Сирію и Персію. Громадное же большинство воевавшихъ арабовъ состояло изъ бедуиновъ, знавшихъ исламъ лишь по имени, имѣвшихъ въ виду исключительно матеріальныя, житейскія выгоды и жаждавшихъ добычи и необузданной вольности. О какомъ-либо религіозномъ энтузіазмѣ съ ихъ стороны не могло быть и рѣчи. Затѣмъ, первоначальный исламъ былъ терпимъ. Коранъ прямо заявляетъ: «Въ религіи нѣтъ принужденія» (II, 257). Извѣстно терпимое отношеніе первоначальнаго ислама къ христіанству и іудейству. Коранъ говоритъ о допущеніи Богомъ другихъ религій: «Господь твой если бы захотѣлъ, сдѣлалъ бы людей одною религіозною общиною» (XI, 120). Религіозный фанатизмъ и религіозная нетерпимость въ исламѣ есть явленіе позднѣйшее, несвойственное арабской націи и объясняемое вліяніемъ мусульманъ-прозелитовъ. Итакъ, вопросъ о религіозномъ энтузіазмѣ и фанатизмѣ арабовъ-завоевателей VII вѣка отпадаетъ.

По новѣйшимъ изслѣдованіямъ (напр., Каэтани), настоящими причинами неудержимаго натиска арабовъ были причины практическаго и матеріальнаго характера. Бѣдная по природѣ Аравія не могла болѣе уже удовлетворять жизненными потребностямъ арабовъ, которые, подъ угрозой нищеты и голода, должны были сдѣлать отчаянную попытку спастись «изъ горячей темницы пустыни». Эти безысходныя условія и объясняютъ ту все сокрушающую силу, съ которой арабы ринулись на Византію и Персію. Какого-либо религіознаго элемента въ этомъ движеніи искать нельзя.

Но если даже признать нѣкоторую правильность только что приведенной точки зрѣнія, то тѣмъ не менѣе одними условіями аравійской жизни нельзя объяснить военныхъ успѣховъ арабовъ. Причину послѣднихъ надо искать также въ условіяхъ жизни византійскихъ восточныхъ и южныхъ провинцій, прежде всего перешедшихъ въ руки арабовъ, а именно: Сиріи, Палестины и Египта. Выше уже неоднократно отмѣчалось все усиливавшееся недовольство этихъ провинцій изъ-за религіозныхъ мотивовъ. Будучи, большею частью, монофиситскими и встрѣчая, особенно послѣ смерти Юстиніана Великаго, ярко выраженную неуступчивость центральнаго правительства въ отношеніи ихъ монофиситскихъ убѣжденій, эти провинціи готовы были отложиться отъ Византіи и предпочитали очутиться подъ владычествомъ арабовъ, которые отличались религіозною терпимостью и для которыхъ важно лишь было, чтобы новые подданные платили опредѣленные налоги; религіозныя же ихъ вѣрованія мало интересовали арабовъ. Кроме того, населеніе византійскихъ областей Сиріи и Палестины въ своей большей части принадлежало къ семитской расѣ и, главнымъ образомъ, къ арабской пародности. Поэтому арабы-завоеватели въ покоренной странѣ встрѣтили единоплеменное населеніе, говорившее на ихъ-же языкѣ. По словамъ одного ученаго (de Goeje), «дѣло, такимъ образомъ, не шло о покореніи иностраннаго владѣнія, дань съ котораго была бы единственною прямою выгодною, но о возвращеніи части отечества, изнемогавшей подъ чужеземнымъ игомъ».

Помимо благопріятнаго для арабовъ настроенія среди монофиситскаго населенія выше названныхъ провинцій и племеннаго съ нимъ родства, не надо опускать изъ виду, что Византія и ея войска, послѣ продолжительныхъ, хотя въ концѣ

концовъ и удачныхъ войнъ съ персами, были ослаблены и не могли оказать свѣжимъ арабскимъ спламъ надлежащаго сопротивленія. Такимъ образомъ, религіозныя условія Сиріи, Палестины и Египта, въ связи съ арабскимъ составомъ большой части населенія первыхъ двухъ областей, недостаточная сила византійскаго войска, являются въ высшей степени важными причинами успѣховъ арабскаго оружія. Изученіе папирусовъ привело одного ученаго (М. Гельцера) относительно Египта къ такому выводу, что образовавшееся тамъ привилегированное сословіе крупныхъ земельныхъ собственниковъ, фактически совершенно обособившееся отъ центрального правительства, но и не создавшее настоящей мѣстной власти, также явилось одной изъ важныхъ причинъ паденія византійскаго владычества въ Египтѣ.

Что касается до количества войскъ съ обѣихъ сторонъ, то надо имѣть въ виду, что какъ византійская, такъ и арабская историческая традиція въ источникахъ чрезмѣрно преувеличиваетъ ихъ число. На самомъ дѣлѣ, войска обѣихъ воюющихъ сторонъ были вовсе не такъ велики: Нѣкоторые ученые для общаго числа арабскаго войска, сдѣлавшаго сирійскую и палестинскую кампанію, даютъ цифру, и то опасаясь преувеличенія, въ 27.000 человекъ. Византійское войско было, по всей вѣроятности, еще малочисленнѣе. Не надо также забывать, что военныя дѣйствія вели не только арабскіе арабы, но и арабы Сирійской пустыни, примыкающей къ границамъ Византіи и Персіи.

Во всякомъ случаѣ, при болѣе внимательномъ изученіи эпохи первоначальнаго ислама его религіозная сторона въ ходѣ событій того времени отступаетъ на задній планъ. «Исламъ, по словамъ одного изслѣдователя, измѣнился въ силу политическую, потому что онъ только какъ таковая могъ восторжествовать надъ своими врагами; если бы исламъ всегда оставался простымъ моральнымъ и религіознымъ ученіемъ, онъ быстро пересталъ бы жить въ скептической и матеріалистической Аравіи, и особенно въ столь враждебной обстановкѣ Мекки». По словамъ другого ученаго, «бойцы ислама имѣли дѣло не столько съ обращеніемъ, сколько съ подчиненіемъ невѣрныхъ».

Завоеванія арабовъ до начала VIII вѣка. Константинъ IV и осада арабами Константинополя. Послѣ смерти Мухаммеда

(632 г.) въ качествѣ главы мусульманъ былъ избранъ его родственникъ Абу-Бекръ, съ титуломъ халифа, т. е. «на-мѣстника». Слѣдующіе три халифа, Омаръ, Османъ и Али, также были избираемы, но династіи не основали. Эти первые четыре преемника Мухаммеда извѣстны подъ названіемъ «правовѣрныхъ халифовъ».

Наиболѣе важныя завоеванія, совершенныя арабами въ византійскихъ предѣлахъ, падаютъ на время халифа Омара.

Разказы о томъ, будто бы Мухаммедъ обратился письменно къ современнымъ ему государямъ, въ томъ числѣ и къ Ираклію, съ предложеніемъ принять исламъ, и о томъ, будто бы послѣдній далъ ему доброжелательный отвѣтъ, должны быть признаны позднѣйшимъ измышленіемъ, не имѣющимъ никакой исторической цѣнности; тѣмъ не менѣе, и въ настоящее время есть ученые, которые признаютъ эту переписку фактомъ историческимъ.

При жизни Мухаммеда лишь отдѣльные отряды бедуиновъ переходили византійскую границу. Но при второмъ халифѣ Омарѣ событія развернулись съ большою быстротой. Хронологія военныхъ событій тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ VII столѣтія очень темна и запутана. По всей вѣроятности, событія шли въ такомъ порядкѣ: въ 634 году въ руки арабовъ перешла византійская крѣпость въ Заіорданьѣ Босра; въ 635 году палъ сирійскій городъ Дамаскъ; въ 636 году сраженіе при рѣкѣ Ярмукѣ отдало въ руки арабовъ всю Сирію, и въ 637 или 638 году, послѣ двухлѣтней осады, арабамъ сдался Іерусалимъ. Главную роль въ послѣднемъ событіи играли со стороны арабовъ самъ халифъ Омаръ, со стороны города іерусалимскій патріархъ Софроній. Разказъ о договорѣ, на основаніи котораго будто бы Софроній сдалъ Іерусалимъ Омару и въ которомъ будто бы устанавливались гарантіи для христіанъ въ ихъ религіозной и общественной жизни, долженъ быть отнесенъ къ позднѣйшимъ измышленіямъ. Крестъ Господень удалось вывести изъ Іерусалима до взятія города арабами и отправить въ Константинополь. Съ одновременнымъ завоеваніемъ Месопотаміи и Персїи закончился первый періодъ арабскихъ завоеваній въ Азіи. Въ концѣ тридцатыхъ годовъ арабскій вождь Амръ появился у восточной границы Египта и началъ его завоеваніе. Уже послѣ смерти Ираклія арабы въ 641 или 642 году завоевали

Александрию, и въ концѣ сороковыхъ годовъ Византія уже окончательно должна была отказаться отъ Египта, послѣ чего арабы стали распространять свои завоеванія далѣе на западъ вдоль берега Сѣверной Африки. Итакъ къ 650 году Сирія съ частью восточной Малой Азіи и верхней Месопотаміей, Палестина, Египетъ и часть византійскихъ сѣверо-африканскихъ владѣній уже находились подъ властью арабовъ.

Послѣднія завоеванія, приведя арабовъ къ берегамъ Средиземнаго моря, поставили имъ новыя задачи морской державы. Не имѣя собственнаго флота, арабы ничего не могли сдѣлать противъ многочисленныхъ византійскихъ судовъ, для которыхъ новыя арабскія прибрежныя области были вполне доступны. Арабы быстро поняли положеніе вещей. Сирійскій намѣстникъ и будущій халифъ Моавія дѣятельно принялся за постройку кораблей, экипажъ которыхъ состоялъ въ первое время изъ мѣстнаго привычнаго къ морю греко-сирійскаго населенія. По свѣдѣніямъ, извлеченнымъ въ послѣдніе годы изъ папирусовъ, выясняется что въ концѣ VII вѣка одной изъ главныхъ заботъ египетской администраціи была постройка судовъ и снабженіе ихъ опытными моряками.

Начиная уже съ пятидесятихъ годовъ VII вѣка, т. е. при Константинѣ III, арабскія суда Моавія начинаютъ нападенія; они въ эти годы овладѣли важною византійскою морскою базою, островомъ Кипромъ, разгромили византійскій флотъ, находившійся подъ начальствомъ самого императора, у южныхъ береговъ Малой Азіи, захватили островъ Родосъ, на которомъ разбили знаменитый колоссъ Родосскій, доходили до Крита и Сициліи и начали угрожать Эгейскому морю, направляясь къ столицѣ. Захваченные въ этихъ экспедиціяхъ плѣнные, напр. въ Сициліи, были переселены въ Дамаскъ.

Благодаря выше перечисленнымъ завоеваніямъ арабовъ, лишившимъ ко второй половинѣ VII вѣка Византію ея восточныхъ и южныхъ провинцій, имперія утратила свое положеніе міровой Римской державы. Сильно уменьшившаяся территоріально, Византія превратилась въ государство съ преобладающимъ греческимъ населеніемъ. Наиболѣе греческими частями его были Малая Азія, острова Эгейскаго моря и Константинополь съ ближайшею къ нему областью. Что касается до Балканскаго полуострова вообще, то онъ, включая Пелопоннесъ, къ этому времени значительно видоизмѣнился

въ своемъ этнографическомъ составѣ вслѣдствіе появленія тамъ крупныхъ славянскихъ поселеній. Наконецъ, на Западѣ Византіи принадлежали разрозненныя части Италіи, не вошедшія въ составъ Лангобардскаго королевства, напр. югъ Италіи съ Сициліей и другими островами этой части Средиземнаго моря, Римъ, Равеннскій экзархатъ. Въ византійскихъ владѣніяхъ Италіи греческое населеніе жило на югѣ ея и въ Сициліи, гдѣ оно значительно увеличилось въ VII вѣкѣ, такъ какъ туда бѣжали передъ арабскимъ нашествіемъ нежелавшіе подчиниться завоевателямъ жители Египта и Сѣверной Африки. Можно сказать, что Римская имперія превратилась въ греческую имперію. Задачи послѣдней сузились и потеряли прежній широкій размахъ. Нѣкоторые историки, какъ напр. Гельцеръ, думаютъ, что эти потери Византіи принесли ей даже косвенно пользу, такъ какъ выдѣлили національно чуждые и непокорные элементы; «жители же Малой Азіи и тѣхъ частей Балканскаго полуострова, которыя признавали власть императора, образовали по вѣрѣ и языку совершенно однообразную, надежно лояльную массу». Главное вниманіе имперіи съ половины VII вѣка должно было быть направлено на Малую Азію и Балканскій полуостровъ.

Дальнѣйшія завоеванія арабовъ въ Сѣверной Африкѣ на нѣкоторое время приостановились изъ-за энергичнаго сопротивленія берберовъ и междоусобной войны, вспыхнувшей между послѣднимъ «правовѣрнымъ халифомъ» Али и сирійскимъ намѣстникомъ Моавіей. Эта кровопролитная война закончилась въ 661 году насильственной смертью Али и появленіемъ на престолѣ Моавіи, который началъ династію Омайядовъ и сдѣлалъ столицей государства Дамаскъ.

Утвердивъ свою власть, Моавія возобновилъ наступательныя дѣйствія противъ Византіи, съ одной стороны пославъ флотъ противъ столицы, съ другой стороны возобновявъ дальнѣйшее продвиженіе на западъ въ Сѣверной Африкѣ.

Особенно тяжелыя времена выпали на время энергичнаго императора Константина IV (668—685), когда арабскій флотъ, пройдя черезъ Эгейское море и Геллеспонтъ въ Пропонтиду и сдѣлавъ базой городъ Кизикъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ ежегодно, обычно въ лѣтніе мѣсяцы, подступалъ къ Константинополю и безуспѣшно осаждалъ его. Константинъ сумѣлъ, очевидно, хорошо подготовить столицу къ осадѣ.

Главную же роль сыгралъ въ усѣхахъ византійскаго войска изобрѣтенный сирійскимъ грекомъ-перебѣжчикомъ Каллиппомъ «греческій огонь», иначе жидкій или морской огонь. Это былъ родъ взрывчатого состава, выбрасываемаго специальными сосудами или сифонами и воспламенявшагося при попаданіи на непріятельскихъ судахъ. Для этого въ византійскомъ флотѣ были построены специальныя «сифононосныя» суда, производившія страшное смятеніе среди арабовъ. Особенностью этого огня, секретъ котораго до сихъ поръ еще вполне не раскрытъ, было то, что онъ горѣлъ и на водѣ. Въ теченіе довольно долгаго времени тайна состава греческаго огня зорко охранялась правительствомъ, и это средство не разъ содѣйствовало успѣху византійскаго флота.

Всѣ попытки арабскихъ кораблей овладѣть Константинополемъ окончились неудачей. Въ 677 году непріятельскія суда ушли, направляясь къ берегамъ Сиріи, и у южнаго берега Малой Азіи сильно пострадали отъ бури. Сухопутныя военныя дѣйствія арабовъ въ Малой Азіи также окончились не въ ихъ пользу. Въ такихъ обстоятельствахъ уже состарившійся Моавія заключилъ съ императоромъ миръ на условіи уплаты ему опредѣленной ежегодной дани.

Столь успѣшнымъ отраженіемъ арабовъ отъ Константинополя и заключеніемъ съ ними выгоднаго и почетнаго мира Константинъ IV оказалъ большую услугу не только своему государству, но и вообще Западной Европѣ, отъ которой была удалена такимъ образомъ серьезная мусульманская опасность. Интересно отмѣтить, что эта удача Константина произвела сильное впечатлѣніе на западѣ, откуда, по словамъ хрониста, аварскій каганъ и другіе государи западныхъ народовъ, узнавъ объ этомъ, «послали императору черезъ пословъ дары и просили его утвердить съ ними мирную любовь... И настала, заключаетъ хронистъ, великая безопасность на востокъ и западъ».

При преемникѣ Константина IV, Юстиніанѣ II, а именно въ первое его правленіе (685—695), на восточной арабской границѣ произошло событіе, имѣвшее немаловажное значеніе въ дальнѣйшемъ развитіи арабо-византійскихъ отношеній. Въ горахъ сирійскаго Ливана жили издавна такъ называемые мардаиты, что въ переводѣ обозначаетъ «повстанцы, отступники, разбойники», которые представляли собою организованное войско и являлись оплотомъ византійской власти въ этихъ

мѣстахъ. Послѣ покоренія Сиріи арабами марданты, отступивъ оттуда на сѣверъ къ арабо-византійской границѣ, своими набѣгами на окрестныя области доставляли много хлопотъ и непріятностей арабамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ были, по выраженію хрониста, «мѣдною стѣною», защищавшей Малую Азію отъ арабскихъ вторженій. При новыхъ мирныхъ переговорахъ при Юстиніанѣ II императоръ, по просьбѣ халифа, обѣщавшаго уплату извѣстной дани, согласился переселить мардаитовъ во внутреннія области имперіи, чѣмъ «разрушилъ мѣдную стѣну». Позднѣе они встрѣчаются въ качествѣ моряковъ въ Памфили (на югъ Малой Азіи), въ Пелопоннесѣ, на островѣ Кефалоніи и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ. Подобное удаленіе отъ границы мардаитовъ безусловно укрѣпило положеніе арабовъ въ новозавоеванныхъ мѣстностяхъ и облегчило въ будущемъ ихъ наступательныя дѣйствія въ глубь Малой Азіи. Мнѣ кажется, что въ данномъ фактѣ нѣтъ достаточныхъ основаній видѣть, какъ думаетъ проф. Ю. А. Кулаковскій, «заботу императора о христіанахъ, жившихъ подъ властью иновѣрныхъ владыкъ». Подкладка переселенія мардаитовъ была чисто политическая.

Параллельно съ дѣйствіями арабовъ подъ Константинополемъ и на восточной границѣ, ихъ войска, начиная съ шестидесятихъ годовъ стали продвигаться на западъ въ сѣверной Африкѣ, гдѣ въ самомъ концѣ VII вѣка перешелъ въ руки мусульманъ Каррагенъ, столица Африканскаго эхзархата, а въ началѣ VIII вѣка крѣпость у Геркулесовыхъ Столповъ Септемъ (Septem, теперь испанская крѣпость Сеута). Въ началѣ того же VIII вѣка арабы, подъ начальствомъ полководца Тарика, переправились изъ Африки въ Испанію и быстро завоевали у вестготовъ большую часть полуострова. Отъ имени Тарика, какъ извѣстно, произошло современное арабское названіе Гибралтара, что въ переводѣ означаетъ «Гора Тарика». Итакъ, исламъ грозилъ Западной Европѣ въ первой половинѣ VIII вѣка уже со стороны Пиренейскаго полуострова.

Отношенія, установившіяся между арабами и туземнымъ населеніемъ Сиріи, Палестины и Египта, сильно отличались отъ отношеній, создавшихся въ сѣверной Африкѣ, т. е. въ современныхъ Триполи, Тунисѣ, Алжирѣ и Марокко. Въ Сиріи, Палестинѣ и Египтѣ арабы, не встрѣтивъ со стороны мѣстнаго населенія упорнаго сопротивленія, а скорѣе, какъ было

уже сказано выше, найдя въ немъ поддержку и сочувствіе, относились къ своимъ новымъ подданнымъ терпимо. Они оставили христіанамъ, за немногими исключеніями, ихъ храмы и право совершать богослуженіе и требовали за это правильной уплаты опредѣленной подати и политической вѣрности. Іерусалимъ, какъ одно изъ наиболѣе почитаемыхъ мѣстъ для христіанскаго міра, былъ открытъ для паломниковъ, пріѣзжавшихъ въ Палестину изъ далекой Западной Европы на поклоненіе Святымъ Мѣстамъ. Для паломниковъ въ Іерусалимѣ были, какъ и раньше, страннопріимные дома и больницы. Не надо также забывать, что въ данныхъ областяхъ арабы столкнулись съ византійскою культурою, влиянію которой они быстро поддались. Однимъ словомъ, въ Сиріи и Палестинѣ между побѣдителями и побѣжденными установились на довольно продолжительное время хорошія отношенія. Нѣсколько хуже дѣло обстояло въ Египтѣ; но и тамъ, по крайней мѣрѣ, въ первое время, положеніе христіанъ было терпимо.

Иначе сложились дѣла въ Сѣверной Африкѣ. Тамъ громадное большинство туземцевъ, берберскія племена, хотя и приняли формально христіанство, однако на самомъ дѣлѣ оставались прежними варварами. Берберы оказали упорное сопротивленіе арабамъ, которые за это страшно разорили и опустошили страну. Тысячи плѣнныхъ были уведены на востокъ и проданы въ рабство. «Еще теперь, говоритъ Диль, въ мертвыхъ городахъ Туниса, оставшихся, большею частью, въ томъ состояніи, въ какое ихъ привело арабское вторженіе, находятъ на каждомъ шагу слѣды этихъ ужасныхъ разгромовъ». Съ берберами арабы не стѣснялись. Въ началѣ побѣдители позволили христіанскому населенію отправлять богослуженіе при условіи платежа опредѣленной подати. Но не смотря на это, многіе христіане вскорѣ же стали принимать исламъ; очень большое число церквей было обращено въ мечети. Около же 717 года халифъ Омаръ II отнялъ у христіанъ всѣ привилегіи: они должны были сдѣлаться мусульманами или покинуть страну. Тогда многіе выселились въ Италію или Галлію. Менѣе чѣмъ черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ арабскаго завоеванія, африканская церковь, когда то столь славная въ лѣтописяхъ христіанской исторіи, была почти совершенно уничтожена. «Въ теченіе почти двухъ вѣковъ, по словамъ того же Дилия, Византійская имперія собрала въ этихъ

странахъ, не безъ славы, тяжелое наслѣдство Рима; въ теченіе почти двухъ вѣковъ она, подь защитою своихъ крѣпостей, обезпечила странѣ большое, несомнѣнное процвѣтаніе; въ теченіе почти двухъ вѣковъ она въ части Сѣверной Африки поддерживала традиціи античной цивилизаціи и приобщила, благодаря своей религіозной пропагандѣ, берберовъ къ болѣе высокой культурѣ: въ пятьдесятъ лѣтъ арабское завоеваніе разрушило всѣ эти результаты».

Славянское движеніе на Балканскомъ полуостровѣ и въ Малой Азіи. Основаніе Болгарскаго государства. Какъ сказано было выше, со второй половины VI вѣка славяне уже не только нападали на Балканскія владѣнія имперіи и грабили ихъ, но, проникая до Геллеспонта, Солуни, южной Греціи и береговъ Адриатическаго моря, въ большомъ числѣ оставались на полуостровѣ. Объ аваро-славянскомъ нападении на столицу въ 626 году при Иракліи рѣчь уже была. Въ эпоху праклейской династіи славяне упорно продвигались по полуострову и все гуще его заселяли. Солунь была окружена славянскими племенами и съ трудомъ находила защиту противъ ихъ нападений за крѣпкими городскими стѣнами. Драгоценнѣйшія свѣдѣнія по вопросу о славянахъ на Балканскомъ полуостровѣ въ VII вѣкѣ сообщаются намъ; какъ отмѣчено выше, въ еще не вполне изслѣдованныхъ и оцѣненныхъ «Чудесахъ св. Димитрія Солунскаго», главнаго покровителя города. Славяне на своихъ судахъ пускались въ Эгейское море и, нападая на византійскіе корабли, прерывали подвозъ провіанта къ столицѣ. Императоръ Константинъ III (Константъ II) вынужденъ былъ предпринять походъ «противъ Склавиніи». Съ его времени начинаются извѣстія о переселеніи славянъ крупными массами въ Малую Азію и Сирію. При Юстиніанѣ II славяне въ числѣ не менѣе 80.000, по мнѣнію В. И. Ламанскаго, были поселены въ малоазіатской землѣ Опсикій; часть ихъ, въ числѣ 30.000, была привлечена императоромъ къ военной службѣ и, участвуя въ борьбѣ съ арабами, перешла на сторону послѣднихъ, за что оставшіеся въ Опсикіи славяне подверглись жестокому избіенію. До насъ дошла печать славянской военной колоніи VII вѣка въ провинціи Визинія, какъ еще въ VII вѣкѣ иногда называлась территорія Опсикія, — памятникъ большой важности, «новый фрагментъ славянской племенной исторіи», дающій,

по словамъ издателя и истолкователя печати (Б. А. Папченко), «лучъ свѣта въ сумеркахъ передвиженія народовъ». Начиная съ VII вѣка вопросъ о славянахъ въ Малой Азіи получаетъ глубокой интересъ.

Вторая половина VII вѣка была ознаменована также образованіемъ на сѣверной границѣ, въ области нижняго Дуная, новаго болгарскаго государства, послѣдующая исторія котораго будетъ имѣть въ высшей степени важное значеніе въ судьбахъ Византіи. Въ это время вопросъ шелъ еще о древнихъ болгарахъ, т. е. народѣ тюркскаго происхожденія. При Константинѣ III (Константѣ II) болгарская орда, подъ предводительствомъ Аспаруха (Испериха), тѣснямая хазарами на западъ изъ приазовскихъ степей, поселилась у устья Дуная, а затѣмъ перешла на его южный берегъ на византійскую территорию, въ современную Добруджу, гдѣ, по предположенію проф. Златарекаго, въ силу извѣстнаго договора, заключеннаго съ Византіей, болгары, какъ союзники послѣдней, должны были охранять дунайскую границу имперіи отъ набѣговъ другихъ варваровъ. Трудно сказать, правильна ли подобная догадка, такъ какъ о первоначальной исторіи болгаръ до насъ дошло чрезвычайно мало свѣдѣній. Но во всякомъ случаѣ, если даже такой договоръ былъ заключенъ, то сохранялъ свою силу недолго. Болгарская орда сильно безпокоила императора, и Константинъ IV въ 679 году предпринялъ противъ болгаръ походъ, окончившійся пораженіемъ византійскаго войска. Императоръ вынужденъ былъ заключить съ ними миръ, обязался платить имъ ежегодную дань и уступилъ страну между Дунаемъ и Балканами, т. е. прежнія провинціи Мезію и Малую Скию (совр. Добруджу); устья Дуная и часть побережья Чернаго моря отошли къ болгарамъ. Образовавшееся такимъ образомъ и признанное императоромъ болгарское государство явилось новымъ опаснымъ сосѣдомъ для имперіи.

Тюркскіе болгары, обосновавшись на Балканскомъ полуостровѣ и постепенно распространяя свои владѣнія, столкнулись съ довольно плотнымъ славянскимъ населеніемъ тѣхъ мѣстъ. Пришлые болгары, давъ славянамъ военную организацію и дисциплину, явились объединяющимъ началомъ для жившихъ на полуостровѣ въ состояніи разрозненности славянскихъ племенъ и образовали сильное государство, что, конечно, было для византійскаго правительства совершенно нежелательнымъ

и что позднѣе вызывало неоднократно военныя дѣйствія имперіи противъ болгаръ и славянъ. Славянская среда, въ какую попала сравнительно со славянами немногочисленная болгарская орда Аспаруха, оказала сильное вліяніе на племенное измѣненіе пришлыхъ болгаръ, которые, мало-по-малу, стали терять свою тюркскую національность и къ половинѣ IX вѣка, можно сказать, уже въ своей большей части ославились, сохранивъ до настоящаго времени свое древнее названіе болгаръ.

Въ 1899—1900 годахъ Русскій Археологическій Институтъ въ Константинополѣ предпринялъ раскопки на предполагаемомъ мѣстѣ древняго болгарскаго становища (аула), давшія чрезвычайно важныя результаты. На мѣстѣ древней столицы болгарскаго государства Плиски или Плискова, около современнаго селенія Абобы, въ сѣверо-восточной Болгаріи, на сѣверо-востокъ отъ г. Шумлы (Шумень), были открыты основанія ханско-княжескаго болгарскаго дворца и окружавшихъ его стѣнъ съ башнями и воротами, основанія большой церкви, надписи, предметы искусства и украшенія, золотыя и мѣдныя монеты, свинцовыя печати и т. д. Открытый свѣжій матеріалъ, къ сожалѣнію, изъ-за состоянія источниковъ еще не можетъ быть въ достаточной мѣрѣ освѣщенъ и объясненъ, и въ этомъ отношеніи слѣдуетъ пока ограничиться лишь домыслами и догадками. Однако, по словамъ Ѳ. И. Успенскаго, подъ руководствомъ котораго велись раскопки, «сдѣланныя Институтомъ наблюденія и раскопки на мѣстѣ упомянутаго лагеря (близъ Шумлы) раскрыли весьма важныя данныя, по которымъ можно составить ясное представленіе о болгарской ордѣ, поселившейся на Балканахъ, и о постепенныхъ измѣненіяхъ, которыя въ ней происходили подъ вліяніемъ сношеній съ Византіей». «Какъ показываютъ древнѣйшіе памятники болгарскаго быта, найденные при раскопкахъ ихъ древней столицы, — пишетъ въ другомъ мѣстѣ Ѳ. И. Успенскій, — болгары скоро подчинились культурнымъ вліяніямъ, идущимъ изъ Константинополя, и ханы ихъ постепенно вводили при своемъ дворѣ обычаи и обряды византійскаго двора». Во всякомъ случаѣ, большая часть добытыхъ раскопками данныхъ относится къ эпохѣ болѣе поздней, чѣмъ время Аспаруха, а именно къ VIII—IX вѣкамъ. Раскопки еще далеко не закончены.

Въ половинѣ VII рѣка положеніе Константинополя измѣнилось. Завоеванія арабами восточныхъ и юго-восточныхъ

провинцій имперіи, ихъ частыя нападенія на малоазіатскія провинціи, успѣхи арабскаго флота въ Средиземномъ и Эгейскомъ моряхъ съ одной стороны и основаніе болгарскаго государства на сѣверной границѣ и постепенное продвиженіе къ столицѣ, берегамъ Эгейскаго моря и въ Грецію жившихъ на Балканскомъ полуостровѣ славянъ съ другой стороны создавали новыя условія для жизни Константинополя, который уже не чувствовалъ себя въ прежней безопасности. Онъ, какъ извѣстно, черпалъ свои силы именно изъ восточныхъ провинцій; но одна часть послѣднихъ въ половинѣ VII вѣка ушла изъ-подъ власти имперіи, другая же часть подвергалась опасности. Въ связи съ этими новыми создавшимися условіями долженъ быть разсматриваемъ планъ императора Константина III (Константа II) покинуть Константинополь и возвратить столицу въ старыи Римъ или во всякомъ случаѣ въ какой либо итальянскій центръ.

Хронисты объясняютъ отъѣздъ императора изъ столицы тѣмъ, что онъ, убивъ одного изъ своихъ братьевъ и сдѣлавшись вслѣдствіе этого ненавистнымъ народу, вынужденъ былъ бѣжать. Но это объясненіе едва ли можетъ быть принято съ исторической точки зрѣнія.

Дѣло было въ томъ, что императоръ не считалъ себя болѣе въ безопасности въ Константинополѣ и поэтому обратилъ свое вниманіе на западъ. Кромѣ того, вполне возможно, что онъ, сознавая грядущую угрозу Италіи и Сициліи со стороны арабовъ изъ Африки, рѣшилъ личнымъ присутствіемъ укрѣпить власть имперіи въ западной части Средиземнаго моря и не позволить арабамъ распространять ихъ завоеванія за предѣлы Египта. Можетъ быть, императоръ не имѣлъ въ виду окончательно покинуть Константинополь, но хотѣлъ въ виду новыхъ условій лишь дать имперіи второй центръ на западѣ, какъ то было въ IV вѣкѣ, чѣмъ и надѣялся положить конецъ дальнѣйшему наступленію арабовъ на западъ. Во всякомъ случаѣ, въ современной исторической литературѣ въ послѣднее время это стремленіе Константина III на западъ, нѣсколько непонятное на первый взглядъ, объясняется не разстроеннымъ болѣзненнымъ воображеніемъ императора, а условіями создавшейся тогда политической обстановки на востокѣ, югѣ и сѣверѣ.

Между тѣмъ дѣла въ Италіи также не обѣщали спокой-

ныхъ условій жизни. Равенскіе экзархи, не чувствуя надъ собой изъ-за дальности разстоянія и сложности восточныхъ событій крѣпкой власти императора, стремились явно къ отпаденію. Съ другой стороны, лангобарды владѣли большею частью Италіи. Для императора оставался Римъ, Неаполь, самый югъ Италіи съ преобладающимъ греческимъ населеніемъ и островъ Сицилія.

Константинъ III, покинувъ Константинополь, черезъ Аѳины отправился въ Италію и послѣ пребыванія въ Римѣ, Неаполѣ и на югѣ обосновался въ сицилійскомъ городѣ Сиракузахъ. Въ Италіи онъ и провелъ послѣдніе пять лѣтъ своего царствованія. Планы императора не удались. Его борьба съ лангобардами успѣха не имѣла. Сициліи начинали грозить арабы. Противъ императора составился заговоръ, и Константинъ III жалкимъ образомъ былъ убитъ въ одной изъ сиракузскихъ бань (668).

Съ его смертью планъ перенесенія столицы на западъ былъ оставленъ, и сынъ Константина III, Константинъ IV остался въ Константинополѣ.

Церковная политика династіи Ираклія. Моноелитство. «Изложеніе вѣры» (экеесисъ) Ираклія. «Образецъ вѣры» (типосъ) Константина III. Шестой Вселенскій Соборъ. Выше было указано, что персидскіе походы Ираклія, возвратившіе имперіи монофиситскія области, Сирію, Палестину и Египеть, снова поставили на очередь вопросъ объ отношеніи византійскаго правительства къ монофиситамъ. Еще во время походовъ Ираклій уже вступилъ въ переговоры съ монофиситскими епископами восточныхъ провинцій, чтобы путемъ извѣстныхъ догматическихъ уступокъ сдѣлать возможнымъ церковное примиреніе. Послѣднее казалось достижимымъ, если православная церковь согласится признать въ Иисусѣ Христѣ при двухъ естествахъ одно дѣйствованіе (энергію, ἐνέργεια) или одну волю (θέλημα). Отъ послѣдняго греческаго слова и самое ученіе о единой волѣ получило названіе моноелитства. Антиохія и Александрія въ лицѣ своихъ назначенныхъ Иракліемъ патріарховъ-монофиситовъ готовы были пойти на встрѣчу подобному примиренію. Константинопольскій патріархъ Сергій долженъ былъ также способствовать выполненію этого плана. Но противъ моноелитскаго ученія возсталъ жившій въ Александріи палестинскій монахъ Софроній, слова котораго произ-

водили большое впечатлѣніе и угрожали нарушеніемъ примирительной политики Ираклія. Папа римскій Гонорій, признавая вообще опасными споры о догматическихъ вопросахъ, нерѣшенныхъ вселенскими соборами, тѣмъ не менѣе призналъ правильнымъ ученіе о единой волѣ. Между тѣмъ Софроній, возведенный въ санъ іерусалимскаго патріарха и получившій такимъ образомъ возможность имѣть еще болѣе сильное и широкое вліяніе, въ своемъ синодальномъ посланіи къ константинопольскому епископу со всею богословскою ученостію доказывалъ несостоятельность моноелитскаго ученія. Видя надвигавшуюся церковную смуту, Ираклій въ 638 году издалъ составленный въ христологической части патріархомъ Сергіемъ указъ, такъ называемый «экөөсисъ» (ἑκθεσις) или «изложеніе вѣры», который, какъ полагалъ императоръ, могъ бы примирить православныхъ съ монофиситами. «Экөөсисъ» признавалъ въ Иисусѣ Христѣ при двухъ природахъ одну волю. Однако, эта императорская мѣра не достигла желаемыхъ результатовъ. Съ одной стороны, новый папа не одобрилъ «экөөсиса» и, защищая въ Иисусѣ Христѣ двѣ воли и два дѣйствования, призналъ моноелитское ученіе ересью, что вносило совершенно неожиданную остроту въ отношенія императора къ папѣ. Съ другой стороны, по самому времени опубликованія «изложеніе вѣры» уже не могло имѣть того значенія, на которое рассчитывалъ Ираклій. Главною цѣлью императора было примирить восточныя монофиситскія провинціи съ православіемъ. Но въ 638 году, когда появился указъ Ираклія, Сирія, Палестина и византійская часть Месопотаміи уже не принадлежали Византіи и находились во власти арабовъ. Оставался Египетъ; но и его дни были сочтены. Такимъ образомъ, монофиситскій вопросъ уже терялъ для Византіи свою государственную важность, а вмѣстѣ съ этимъ терялъ значеніе и указъ Ираклія; тѣмъ болѣе, что подобныя попытки религіозныхъ компромиссовъ, при упорной неуступчивости большинства обѣихъ сторонъ, никогда не давали удовлетворительныхъ результатовъ и, конечно, вопроса не рѣшали.

Церковная политика послѣ смерти Ираклія, при Константинѣ III, сводилась къ слѣдующему: Послѣ потери Египта, перешедшаго въ сороковыхъ годахъ VII вѣка къ арабамъ, императоръ, оставаясь сторонникомъ моноелитства, несмотря

на то, что этот вопрос потерялъ уже свое государственное значеніе и разстраивалъ отношенія съ папскимъ престоломъ, всталъ на путь попытокъ примиренія съ папой при помощи нѣкоторыхъ уступокъ въ моноелитскомъ ученіи. Въ этихъ цѣляхъ Константинъ III издалъ въ 648 году «типосъ» (τύπος), или «образецъ вѣры», запрещавшій всѣмъ «подданнымъ, въ православіи находящимся, въ непорочной христіанской вѣрѣ пребывающимъ и къ католической и апостольской церкви принадлежащимъ имѣть впредь какіе либо споры о единой волѣ или единомъ дѣйствованіи (энергіи), или о двухъ дѣйствованіяхъ и двухъ воляхъ». Помимо запрещенія дальнѣйшихъ споровъ объ одной или двухъ воляхъ, «типосъ» повелѣвалъ снять выставленные въ притворѣ храма св. Софій написанныя разсужденія по данному вопросу, т. е., другими словами, «экчесисъ» Ираклія. Но это мѣропріятіе Константина III не дало желаннаго церковнаго мира. Папа Мартинъ на латеранскомъ соборѣ, при участіи представителей греческаго духовенства, осудилъ «нечестивѣйшій экчесисъ» (*impiissima Ecthesis*) и «злодѣйскій типосъ» (*scelerosus Typus*) и объявилъ еретиками тѣхъ лицъ, имена которыхъ связаны были съ составленіемъ этихъ указовъ. Наиболее выдающійся богословъ VII вѣка, Максимъ Исповѣдникъ рѣшительно выступилъ противъ типоса и вообще противъ моноелитства. Въ восточной церкви также стало замѣчаться неудовольствіе по поводу церковной политики императора.

Разгнѣванный на папу изъ-за латеранскаго собора Константинъ III приказалъ равеннскому экзарху арестовать его и доставить въ Константинополь. Папа Мартинъ былъ привезенъ въ столицу, гдѣ судъ обвинилъ его въ стремленіи поднять противъ императора западныя области. Подвергнутый тяжелымъ униженіямъ папа былъ заключенъ въ темницу, откуда черезъ нѣкоторое время отправленъ въ далекій Херсонъ, на южный берегъ Крыма, обычное мѣсто ссылки для опальныхъ лицъ въ византійское время. Въ своихъ письмахъ изъ Херсона папа жаловался на трудныя условія тамошней жизни и просилъ прислать ему туда съѣстныхъ припасовъ, особенно хлѣба, который «извѣстенъ тамъ развѣ по названію, а его и видомъ не видать». Немногія, къ сожалѣнію, строки, посвященныя въ письмахъ Мартина Херсону, даютъ интересный матеріалъ для вопроса о культурномъ и

экономическомъ положеніи Херсона въ VII вѣкѣ. Вскорѣ по прибытіи на мѣсто ссылки папа тамъ умеръ.

Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ съ преемниками папы Мартина его второй преемникъ Виталианъ примирился съ императоромъ и константинопольскимъ патріархомъ. Расколъ между церквами прекратился. Подобное церковное примиреніе съ Римомъ имѣло для Византіи и политическое значеніе, укрѣпляя въ Италіи вліяніе византійскаго императора.

Знаменитый противникъ моноелитства, Максимъ Исповѣдникъ, арестованный экзархомъ въ Италіи, былъ доставленъ въ Константинополь и, будучи по приговору суда подвергнутъ тяжелому увѣчью, страдальцемъ умеръ въ далекой ссылкѣ.

Хотя моноелитство уже потеряло, какъ мы знаемъ, государственный интересъ, однако оно даже послѣ запрещенія типоса продолжало сѣять смуту въ умахъ населенія. Тогда преемникъ Константина III, Константинъ IV, желая дать государству церковный миръ, созвалъ въ 680 году шестой вселенскій соборъ въ Константинополь, который вынесъ осужденіе моноелитству. Соборъ призналъ два естества Іисуса Христа, проявившіяся въ одной Его ипостаси, и «двѣ естественныя воли и дѣйствованія, согласно сочетавшіяся между собою для спасенія рода человѣческаго».

Миръ съ Римомъ былъ восстановленъ. Послание отъ шестого собора, отправленное папѣ, называло его «предстоятелемъ перваго престола вселенской церкви, стоящимъ на твердомъ камнѣ вѣры», и объявляло, что посланіе папы къ императору излагало истинное исповѣданіе.

Такимъ образомъ византійское правительство Константина IV высказалось опредѣленно противъ монофиситства и моноелитства. Оторванные отъ Византіи и находившіяся подъ арабскимъ владычествомъ патріархіи александрійская, іерусалимская и антioxійская также принимали участіе на соборѣ: первыя двѣ послали въ Константинополь патріаршихъ представителей, а патріархъ антioxійскій Макарій лично пріѣхалъ на соборъ и выступилъ на немъ убѣжденнымъ сторонникомъ моноелитства, за что былъ лишенъ сана и отлученъ отъ церкви. Постановленіе шестого собора показало Сиріи, Палестинѣ и Египту, населеніе которыхъ въ своей большей части было монофиситскимъ, что Константинополь отказался отъ желанія найти пути къ церковному примиренію

съ этими уже не принадлежавшими Византіи провинціями. Подъ властью мусульманъ монофиситское населеніе этихъ областей чувствовало себя лучше и легче, чѣмъ въ бывше годы господства тамъ византійскаго императора. Церковное примиреніе съ Римомъ было достигнуто путемъ рѣшительнаго отчужденія монофиситскаго населенія восточныхъ провинцій; послѣднее же обстоятельство способствовало дальнѣйшему укрѣпленію въ нихъ еще надавней арабской власти. Сирія, Палестина и Египетъ окончательно обособились отъ Византіи.

Такая политика мирнаго житія съ Римомъ, продолжавшаяся и при преемникѣ Константина IV, Юстиніанѣ II Ринотметѣ, нашла при немъ свое завершеніе въ поѣздкѣ папы въ Константинополь, гдѣ римскій епископъ встрѣтилъ со стороны императора наипочетнѣйшій пріемъ и получилъ для римской церкви подтвержденіе всѣхъ ея прежнихъ привилегій. Церковный миръ, казалось, утвердился въ уменьшившихся предѣлахъ имперіи.

Возникновеніе и развитіе еемнаго строя въ эпоху ираклейской династіи. Съ эпохой ираклейской династіи въ исторіи Византіи связывается вопросъ о началѣ еемнаго строя. Подъ послѣднимъ разумѣтся вызванная обстоятельствами времени особая областная организація, отличительнымъ признакомъ которой, какъ обычно утверждаютъ, является соединеніе въ рукахъ военнаго губернатора данной области не только военной, но и гражданской власти. Надо оговориться, что такое соединеніе власти въ рукахъ областныхъ правителей произошло не сразу и должно относиться, по мнѣнію большинства ученыхъ, уже къ VIII вѣку, т. е. ко времени исаврійской династіи. Самое греческое слово *еема* (*τὸ θεμα*) въ теченіе долгаго времени обозначало военный отрядъ, поставленный въ провинціи; и только позднѣе этимъ словомъ стали называть не только военную часть, но и провинцію, гдѣ эта часть находилась. Такимъ образомъ подъ еемами начали разумѣть административныя дѣленія имперіи.

Главнымъ византійскимъ источникомъ для даннаго вопроса является сочиненіе «О еемахъ», принадлежащее перу императора X вѣка Константина Багрянороднаго, т. е. источникъ далеко несовременный для эпохи ираклейской династіи. Кромѣ того, въ основу этого сочиненія положены использованныя чисто внѣшнимъ образомъ и частью буквально списанныя

географическія сочиненія V и VI вѣковъ. Поэтому для исторіи еемнаго строя въ VII вѣкѣ сочиненіе вѣнценоснаго писателя даетъ немного свѣдѣній, хотя и у него начало еемной организациі связывается съ именемъ Ираклія. Много интереснаго, но мѣстами еще не вполне разьясненнаго матеріала по данному вопросу даютъ арабскіе географы, Ибн-Хордадбехъ, въ первой половинѣ IX вѣка, и Кудамъ, въ началѣ X вѣка. Но, какъ видно, и эти два географа не современники для эпохи Ираклія. Для болѣе ранняго времени приходится пользоваться случайными замѣчаніями хронистовъ и особенно латинскимъ посланіемъ Юстиніана II отъ 687 года къ папѣ по вопросу объ утвержденіи шестого вселенскаго собора, гдѣ дается перечень военныхъ округовъ того времени, которые еще не называются еемами, а обозначаются латинскимъ словомъ «войско» (*exercitus*).

Какъ было уже замѣчено выше, еще въ VI вѣкѣ, при Юстиніанѣ Великомъ, бывали случаи передачи въ руки одного правителя гражданскихъ и военныхъ полномочій, напр., въ Александріи, гдѣ гражданскій правитель получилъ также и военныя функціи. Но это были лишь случайныя явленія.

Настоящимъ прообразомъ позднѣйшей еемной организациі явились два основанные въ концѣ VI вѣка экзархата, равеннскій и африканскій или кароагенскій, о чемъ рѣчь была выше.

Какъ извѣстно, столь важныя измѣненія въ управленіи Италіей были вызваны нападеніями лангобардовъ, а въ Сѣверной Африкѣ нападеніями туземныхъ берберскихъ племенъ, которыхъ источники иногда называютъ маврами. Такимъ образомъ, правительство въ наиболѣе угрожаемыхъ, большею частью, пограничныхъ мѣстахъ имперіи, для большей успѣшности борьбы съ врагами, стало на путь образованія крупныхъ территорій съ сильною военною властью въ центрѣ, которая постепенно завладѣла и гражданскими функціями.

Персидскія, а затѣмъ арабскія завоеванія VII вѣка, отнявшія у Византіи восточныя провинціи, совершенно измѣнили положеніе вещей въ Малой Азіи, которая изъ страны, до тѣхъ поръ почти не нуждавшейся въ серьезной защитѣ, превратилась въ территорію, наиболѣе угрожаемую со стороны новыхъ сосѣдей-мусульманъ. Это обстоятельство должно было заставить византійское правительство принять на восточной

границѣ рѣшительныя мѣры: произвести перегруппировку военныхъ силъ и установить новыя административныя дѣленія, давъ преобладающее значеніе столь важнымъ въ то время военнымъ властямъ. Такая же опасность грозила со стороны недавно созданнаго арабскаго флота, который уже въ VII вѣкѣ, какъ мы видѣли выше, становился хозяиномъ Средиземнаго моря и грозилъ малоазіатскому побережью, островамъ Архипелага и даже берегамъ Италіи и Сициліи. На сѣверо-западѣ имперіи славяне заняли значительную часть Балканскаго полуострова, проникнувъ далеко на югъ въ Грецію, до Пелопоннеса включительно. На сѣверной границѣ образовалось во второй половинѣ VII вѣка болгарское ханство. Всѣ эти обстоятельства поставили имперію въ совершенно новыя условія и заставили прибѣгнуть къ образованію въ наиболѣе опасныхъ провинціяхъ обширныхъ территорій съ сильною военною властью стоявшихъ во главѣ ихъ лицъ, на подобіе уже извѣстныхъ намъ экзархатовъ.

Для защиты противъ надвигавшейся опасности были созданы въ VII вѣкѣ слѣдующіе крупныя военные округа—воеводства, позднѣе называвшіеся еемами: Арменіаки, на сѣверо-востокѣ Малой Азіи, на границѣ съ Арменіей, и Анатолики, на юго-западѣ Малой Азіи (отъ греческаго слова anatoli—ἀνατολή—востокъ); оба округа имѣли цѣлью защиту имперіи противъ арабовъ. «Императорскій богохранимый Опсикій» (греч. ὀψικιον = лат. obsequium), служившій охраною столицы и занимавшій часть Малой Азіи, прилегавшую къ Мраморному морю. На Балканскомъ полуостровѣ округъ Тракія, созданный противъ болгаръ и славянъ. Морской Кивиреотскій округъ (это названіе появилось, можетъ быть, въ VIII вѣкѣ), на южномъ побережьи Малой Азіи и на островахъ, противъ нападений арабскаго флота. Затѣмъ, повидимому, въ концѣ VII вѣка въ Греціи образовался военный округъ Элада или Эладики противъ вторженій въ Грецію славянъ и, можетъ быть, округъ Сицилія противъ морскихъ нападений арабовъ, начинавшихъ грозить уже западной части Средиземнаго моря. Обычно, за немногими исключеніями, во главѣ подобныхъ округовъ—еемъ, стояли стратиги. Начальникъ Кивиреотской еемы назывался друнгарій, а Опсикія—комитъ.

Въ выше названныхъ крупныхъ военныхъ образованіяхъ,

включая оба экзархата, гражданскія власти не сразу уступили свое мѣсто военнымъ властямъ. Гражданское управленіе, гражданскія эпархіи продолжали въ теченіе нѣкотораго времени существовать при новомъ режимѣ. Однако, военное управленіе, облеченное въ виду внѣшнихъ опасностей широкими полномочіями, все сильнѣе и сильнѣе давало себя чувствовать гражданскимъ властямъ. Постепенно, въ различныхъ областяхъ въ разное время, гражданскія власти исчезали передъ военными вождями, и, наконецъ, стратигъ, т. е. военный губернаторъ, воевода даннаго округа, сѣдинилъ исключительно въ своихъ рукахъ обѣ власти, военную и гражданскую.

Это была тогда уже оема въ административномъ значеніи слова. Какъ было отмѣчено выше, подобное преобразование произошло въ VIII вѣкѣ.

Смута 711 — 717 годовъ. Три случайныхъ императора, появившихся въ теченіе шести лѣтъ на византійскомъ престолѣ послѣ Юстиніана II, Варданъ или Филиппикъ, Анастасій II и Θεодосій III, были, одинъ за другимъ, низложены. Въ государствѣ царили безначаліе и смута. Варданъ своимъ моноелитствомъ нарушилъ мирныя отношенія къ Риму. Однако, Анастасію удалось возстановить миръ съ папой. Особенно неудачны были внѣшнія дѣла: болгары, мстя за смерть дружественнаго имъ Юстиніана, дошли до Константинополя; арабы, упорно продвигаясь сухимъ путемъ по Малой Азіи и воднымъ по Эгейскому морю и Пропонтидѣ, также грозили столицѣ. Имперія снова переживала критическій моментъ, подобный времени передъ революціей 610 года. Снова имперіи былъ нуженъ энергичный и талантливый человекъ, который могъ бы спасти ее отъ почти неминуемой гибели. Такой человекъ нашелся въ лицѣ стратига оемы Анатолики Льва, имѣвшаго за собою многочисленныхъ сторонниковъ. Слабый Θεодосій III, чувствуя полное свое безсиліе передъ надвигавшеюся страшною опасностью, сложилъ съ себя императорскій санъ, и Левъ, даровавшій ему жизнь, вступилъ въ 717 году въ торжественномъ шествіи въ Константинополь, гдѣ и былъ коронованъ патриархомъ въ храмѣ св. Софіи на царство. Военная власть, получившая столь широкія полномочія въ оемномъ устройствѣ имперіи, дала послѣдней императора въ лицѣ стратига оемы Анатолики, Льва.

Литература къ пятой главѣ. Сочиненія общаго характера: Общія иностранныя сочиненія (см. первую главу). Терновскій (см. лит. второй главы). А. Лебедевъ. Вселенскіе соборы VI, VII и VIII вѣковъ. О. Успенскій. Исторія Византійской Имперіи. Т. I. Петроградъ, (1913). Ю. Кулаковскій. Исторія Византіи. Т. III (602—717), Кіевъ, 1915. С. П. Шестаковъ. Лекціи по исторіи Византіи. Т. I. Изд. 2. Казань, 1915. Монографіи по отдѣльнымъ царствованіямъ: L. Dugareygon. L'empereur Héraclius et l'empire byzantin au VII-e siècle. Paris, 1869 (устарѣло). Г. Ласкинъ. Ираклій. Византійское государство въ первой половинѣ седьмага вѣка. Харьковъ, 1889. Т. Εὐαγγελίδης. Ἡράκλειος ὁ αὐτοκράτωρ τοῦ Βυζαντίου. Одесса, 1903 (небольшая книжка компилятивнаго характера). А. Pernice. L'imperatore Eraclio. Firenze, 1905. I. Kaestner. De imperio Constantini III (641—668). Лейпцигъ, 1907. По исторіи арабовъ и ислама: G. Weil. Geschichte der Chalifen. Mannheim, 1846 сл. I—V. А. Müller. Der Islam im Morgen-und Abendland. Berlin, 1885. I—II (есть русскій переводъ). А. Крeмeр. Culturgeschichte des Orients. Wien, 1875. I—II. А. Крымскій. Исторія мусульманства. Москва, 1903—1904 (у него есть и другіе труды въ данной области). I. Goldziher. Die Religion des Islams (И. Гольдциеръ. Исламъ. Пер. И. Крачковскаго. Прг. 1911). I. Goldziher. Vorlesungen über den Islam. Heidelberg, 1910 (есть русск. пер.). L. Caetani (Principe di Teano). Annali dell'Islam. Т. I—VI. Milano. 1905 и слѣд. (чрезвычайно важное изданіе для византійско-арабскихъ отношеній въ эпоху первыхъ халифовъ). L. Caetani. Studi di storia orientale. Milano. 1911—14. Т. 1 и 3 (очень важно для первоначальной исторіи ислама). Коранъ въ переводъ Саблукова. Казань. Н. Мѣдниковъ. Палестина отъ завоеванія ея арабами до крестовыхъ походовъ по арабскимъ источникамъ. Прг. 1897—1902. 4 т. (русск. пер. арабскихъ источниковъ). По исторіи еемнаго строя: Ch. Diehl. L'origine du regime des thèmes dans l'empire byzantin въ Etudes byzantines. Paris, 1905. Н. Gelzer. Die Genesis der byzantinischen Themenverfassung. Leipzig, 1899. О. Успенскій. Военное устройство византійской имперіи. Изв. Русск. Арх. Инст. въ Константинополѣ. VI (1900). Работы Ю. Кулаковскаго въ его Исторіи Византіи. III, с. 387 сл.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Эпоха исаврійской или сирійской династіи (717—802).

Исаврійская или сирійская династія и ея происхождение. До недавняго времени родоначальникъ новой династіи императоръ Левъ III (717—741) во всѣхъ историческихъ трудахъ назывался исаврійцемъ, а династія его исаврійской. Въ концѣ XIX вѣка, однако, былъ высказанъ взглядъ, принятый теперь нѣкоторыми учеными, о томъ, что Левъ III былъ родомъ не исавріецъ, а сиріецъ. Дѣло въ томъ, что главный источникъ о происхожденіи Льва, хронистъ начала IX вѣка Теофанъ, пишетъ: «Левъ Исавріецъ... происходилъ изъ Германикіи, на самомъ же дѣлѣ изъ Исавріи». Латинскій же переводъ Теофана, сдѣланный папскимъ бібліотекаремъ Анастасіемъ во второй половинѣ того же IX вѣка, сообщаетъ, не упоминая ни словомъ объ Исавріи, что Левъ происходилъ изъ жителей Германикіи и былъ родомъ сиріецъ (genere Syrus). Житіе Стефана Новаго также называетъ Льва «родомъ сиріецъ» (ὁ σιρογενής). Германикія, дѣйствительно, находилась въ предѣлахъ сѣверной Сиріи, на востокъ отъ Киликіи. Арабскій источникъ также называетъ Льва «христианскимъ жителемъ Мараша», т. е. Германикіи, умѣвшимъ правильно говорить по-арабски и по-ромейски. Мнѣ кажется поэтому, что нѣтъ нужды предполагать, будто Теофанъ смѣшалъ сирійскую Германикію съ Германикополемъ, входившимъ въ составъ провинціи Исавріи. Сирійское происхождение Льва, такимъ образомъ, становится очень вѣроятнымъ. Но нѣкоторые ученые до самаго послѣдняго времени, напр. Ю. А. Кулаковскій, считаютъ сирійское происхождение Льва ошибкой. Сынь Льва III, Константинъ V Копронимъ (741—775) въ первый разъ былъ женатъ на Иринѣ, дочери хазарскаго кагана. Отъ этого брака

у нихъ былъ сынъ Левъ IV, часто называемый Хазарь (775—780), который былъ женатъ на гречанкѣ изъ Аѳинъ Иринѣ. Последняя, послѣ смерти мужа, стала править государствомъ за несовершеннолѣтнемъ сына Константина VI, провозглашеннаго императоромъ (780—797). Когда послѣдній сдѣлался единодержавнымъ правителемъ, между нимъ и властолюбивою Ириной вспыхнула вражда и борьба за власть, окончившаяся тѣмъ, что мать свергла съ престола и ослѣпила своего сына и сама сдѣлалась единодержавной правительницей имперіи (797—802). Съ именемъ Ирины связывается вопросъ о томъ, могутъ ли женщины въ Византіи осуществлять самодержавную власть, т. е. быть въ полномъ смыслѣ этого слова государемъ имперіи. Съ основанія имперіи жены императоровъ носили титулъ «августы» и во время несовершеннолѣтія сыновей, осуществляли императорскую власть, но всегда отъ имени своихъ сыновей. Въ V вѣкѣ, какъ извѣстно, Пульхерія, сестра Θεодосія II, стояла во главѣ регентства во время несовершеннолѣтія брата. Исключительное положеніе по своему иногда политическому вліянію занимала въ VI вѣкѣ Θεодора, супруга Юстиніана Великаго. Но это были примѣры женскаго управленія отъ имени сына или брата; политическое вліяніе Θεодоры вполнѣ зависѣло отъ воли ея супруга. Первымъ въ исторіи Византіи примѣромъ женщины, правившей со всею полнотою верховной власти, была мать несчастнаго Константина VI Ирина. Она была настоящею автократомъ. Подобное явленіе было новшествомъ въ византійской жизни, противорѣчившимъ вѣковой традиціи имперіи. Съ этой стороны любопытно отмѣтить тотъ фактъ, что въ оффиціальныхъ документахъ Ирина называлась не императрицей, а «Ирина вѣрный императоръ (василевсъ)». Въ представленіи того времени законодательствовать могъ лишь императоръ—мущина, для чего и была принята такая фикція. Революція 802 года, во главѣ которой всталъ будущій императоръ, одинъ изъ высшихъ гражданскихъ сановниковъ Никифоръ, свергла съ престола Ирину, которая вскорѣ умерла въ изгнаніи. Съ пизложеніемъ Ирины окончилась исаврійская или сирійская династія. Такимъ образомъ въ періодъ времени съ 717 по 802 годъ Византія имѣла на престолѣ династію восточнаго происхожденія, изъ Малой Азіи или сѣверной Сиріи съ примѣсью хазарской крови въ лицѣ супруги Константина V.

Отношенія къ арабамъ, болгарамъ и славянамъ. Въ моментъ провозглашенія Льва на престолъ Византія переживала одинъ изъ критическихъ моментовъ своей исторіи. Помимо ужасающей внутренней смуты, вызванной борьбою императорской власти съ представителями византійской аристократіи, особенно давшей себя почувствовать со времени перваго низверженія Юстиніана II, арабская опасность съ востока приближалась къ столицѣ, напоминая, но въ гораздо болѣе угрожающихъ формахъ, семидесятыя годы VII вѣка при Константинѣ IV.

Арабскія сухопутныя войска, еще при двухъ предшественникахъ Льва III, прошли черезъ всю Малую Азію на западъ и заняли Сарды и Пергамъ, недалеко уже отъ побережья Эгейскаго моря. Нѣсколько же мѣсяцевъ спустя послѣ вступленія Льва въ Константинополь, т. е. въ 717 году, арабы, двинувшись изъ Пергама на сѣверъ, дошли до Абидоса на Геллеспонтѣ и, переправившись черезъ него на европейскій берегъ, быстро оказались подъ стѣнами столицы. Въ то же время сильный арабскій флотъ, изъ 1800 судовъ различнаго типа, какъ сообщаютъ византійскія хроніки, пройдя черезъ Геллеспонтъ и Пропонтиду, приблизился къ столицѣ съ моря. Началась настоящая осада Константинополя. Однако, Левъ, выказавъ блестящія военныя способности, сумѣлъ прекрасно подготовить столицу къ осадѣ. «Греческій огонь», какъ и прежде, при искусномъ пользованіи производилъ опустошенія среди судовъ арабскаго флота, а необыкновенно суровая зима съ 717 на 718 годъ и голодъ окончательно разстроили мусульманскія войска. Въ силу договора со Львомъ III и въ виду собственной опасности болгары также боролись во Фракіи съ арабами и наносили имъ тяжелый уронъ. Годъ съ небольшимъ спустя послѣ начала осады, во время которой между прочимъ впервые упоминается о знаменитой цѣпи, преграждавшей вражескимъ судамъ доступъ въ Золотой Рогъ, арабы удалились изъ-подъ Константинополя. Столица была спасена энергіей и талантомъ Льва III.

Значеніе неудачи мусульманъ подъ Константинополемъ оцѣнивается въ исторіи очень высоко. Левъ III своимъ успѣхомъ спасъ не только Византію и восточно-христіанскій міръ, но и западно-европейскую культуру. Англійскій ученый Бьюри называетъ 718 годъ «всеуленскою датою». Если Константинъ IV

задержалъ арабовъ подъ Константинополемъ, то Левъ III окончательно ихъ отразилъ. Это было послѣднее нападеніе арабовъ на «богохраимый» городъ. Разсматриваемое съ такой точки зрѣнія, дѣло Льва III получаетъ уже всемірно-историческое значеніе.

Черезъ четырнадцать лѣтъ, а именно въ 732 году, на западѣ Карль Мартелль, всемогущій майордомъ слабаго франкского государя, оказалъ подобную же услугу Западной Европѣ пораженіемъ испанскихъ арабовъ около Пуатье. Продвиженіе арабовъ въ Западную Европу было въ первой половинѣ VIII вѣка остановлено.

Послѣ пораженія 718 года арабы при Левѣ III уже не предпринимали серьезныхъ военныхъ дѣйствій противъ имперіи, тѣмъ болѣе что имъ стала грозить съ сѣвера, повидимому, со стороны Кавказа хазарская опасность. Извѣстно, что Левъ III устроилъ бракъ своего сына и наслѣдника Константина съ дочерью хазарскаго кагана, который и сталъ поддерживать своего новаго родственника. Итакъ, Левъ III въ борьбѣ съ арабами пашель себѣ двухъ иноземныхъ союзниковъ: сначала болгарь, позднѣе хазарь. Но тѣмъ не менѣе, арабы не были спокойны и, производя свои нападенія въ Малой Азій, все еще иногда глубоко заходили на западъ, даже, напр., до Никеи, т. е. почти что до береговъ Пропонтиды. Въ концѣ своего правленія Льву удалось нанести арабамъ сильное пораженіе при Акроинѣ, во Фригій (теперь гор. Афіунъ Кара Хиссаръ на желѣзной дорогѣ въ Конію). Арабы вынуждены были послѣ этого очистить западную часть Малой Азій и отступить къ востоку. Съ этихъ поръ войны съ арабами на долгое время превращаются въ пограничныя столкновенія. Задача борьбы съ арабами была блестяще разрѣшена Львомъ III.

Въ половинѣ VIII вѣка въ арабскомъ халифатѣ вспыхнули тяжелыя внутреннія смуты въ связи съ перемѣной династїи: Омайяды были свергнуты Аббасидами. Послѣднїе перенесли столицу и центръ всего управленія изъ Дамаска въ далекій отъ византійской границы Багдадъ, на р. Тигрѣ. Все это позволило преемнику Льва III Константину V, рядомъ успѣшныхъ походовъ, продвинуть границу имперіи далѣе на востокъ на всемъ протяженіи Малоазіатскаго полуострова.

Столкновеніе съ арабами при преемникахъ Константина V вплоть до начала IX вѣка большого значенія не имѣютъ.

Довольно живыя отношенія были между императорами исаврійской династїи и болгарами. Послѣдніе, недавно утвердившись на нижнемъ Дунаѣ, должны были прежде всего отстаивать свое еще мало устроенное политическое существованіе противъ попытокъ Византіи уничтожить дѣло Аспаруха. Условія же внутренней жизни Болгаріи въ VIII вѣкѣ были въ этомъ смыслѣ очень затруднительны: съ одной стороны, отдѣльныя болгарскія орды и ихъ вожди — соперничали другъ съ другомъ изъ-за верховной власти хана и создавали династическія смуты; съ другой стороны, пришлые побѣдители, тюркскіе болгары должны были вести борьбу съ покоренными ими славянами полуострова. Болгарскіе ханы конца VII и начала VIII вѣка искусно дѣйствовали по отношенію къ своему самому опасному врагу, Византіи. Какъ уже было замѣчено выше, болгары помогли Юстиніану II снова овладѣть престоломъ, а Льву III оказали существенную помощь при отраженіи имъ арабовъ отъ Константинополя. Послѣ этого въ теченіе тридцати слишкомъ лѣтъ византійскіе писатели ничего не говорятъ о болгарахъ. Во всякомъ случаѣ, при Львѣ III болгары сумѣли сохранять съ Византіей выгодный миръ, при чемъ послѣдняя выплачивала имъ даже нѣкоторую сумму денегъ.

При Константинѣ V отношенія обострились. При помощи переселенныхъ во Фракію съ восточной границы сирійцевъ и армянъ императоръ построилъ противъ болгаръ укрѣпленія. Болгарскій посланный былъ презрительно встрѣченъ Константиномъ; послѣ чего болгары открыли военныя дѣйствія. Константинъ совершилъ восемь или девять кампаній, сухопутныхъ и морскихъ, противъ болгаръ, поставивъ себѣ цѣлью уничтоженіе болгарскаго ханства. Однако, войны шли съ переменнымъ успѣхомъ, и Константину не удалось добиться своей цѣли. Тѣмъ не менѣе, его энергичная борьба и рядъ возведенныхъ имъ противъ болгаръ укрѣпленій позволяютъ нѣкоторымъ историкамъ называть Константина «первымъ Болгаробойцей».

Въ самой Болгаріи въ концѣ VIII вѣка династическія смуты прекращаются; рѣзкій антагонизмъ между болгарами и славянами сглаживается. Однимъ словомъ, тамъ созидается, мало-по-малу, Болгарія IX вѣка, когда она, постепенно ослабяившись, стала представлять собою мощное государство

съ опредѣленными наступательными планами противъ Византіи. Эта наступательная политика болгаръ сказалась уже въ концѣ VIII вѣка, при Константинѣ VI и матери его Иринѣ, когда Византія послѣ военной неудачи должна была согласиться платить Болгаріи дань.

Когда въ VIII вѣкѣ идетъ рѣчь о военныхъ столкновенияхъ между имперіей и болгарами, то подъ послѣдними надо разумѣть не только болгаръ, но и славянъ, вошедшихъ въ составъ ихъ ханства. Происходившее въ VII вѣкѣ заселеніе Балканскаго полуострова славянами продолжалось и въ VIII вѣкѣ. Одинъ западный паломникъ ко Святымъ Мѣстамъ, современникъ Льва III, прибывъ въ пелопоннесскій городъ Монемавасію, пишетъ, что послѣдній находился въ славянской землѣ (in Slawinia terrae). Есть извѣстіе о славянахъ въ VIII вѣкѣ у Диррахіума и Аѳинъ. Ко времени Константина V относится упомянутое уже выше знаменитое мѣсто въ сочиненіи «О ѿемахъ» Константина Багрянороднаго: «ославянился весь Пелопоннесъ и сдѣлался варварскимъ, когда чума распространилась по всей вселенной». Здѣсь рѣчь идетъ о страшной эпидеміи 746—747 годовъ, занесенной изъ Италіи и опустошившей особенно югъ Греціи и Константинополь. Желая пополнить уничтоженное чумой населеніе, Константинъ V переселилъ въ столицу жителей изъ различныхъ провинцій. Такимъ образомъ, Пелопоннесъ въ половинѣ VIII вѣка въ глазахъ самихъ жителей имперіи уже былъ ославянившимся; къ этому же времени надо отнести приливъ новыхъ поселеній въ Грецію на мѣсто жителей погибшихъ отъ чумы и отозванныхъ императоромъ для заселенія столицы. Въ концѣ VIII вѣка императрица Ирина отправила специальную экспедицію противъ «славянскихъ племенъ» въ Ѳессалонику, Грецію и Пелопоннесъ. Наконецъ, греческіе славяне заявили себя участіемъ въ заговорѣ противъ Ирины. Изъ этого видно, что славяне на Балканскомъ полуостровѣ, включая всю Грецію, въ VIII вѣкѣ не только плотно и крѣпко утвердились, но стали даже принимать участіе въ политической жизни имперіи и, конечно, оказывали своими принесенными обычаями вліяніе на соціальныя условія мѣстной жизни. Болгары и славяне къ IX вѣку сдѣлались для Византіи двумя очень серьезными врагами.

Внутренняя дѣятельность императоровъ исаврійской или сирійской династіи. Законодательство. Ѳемы. Левъ III не только

явился талантливымъ вождемъ и энергичнымъ защитникомъ имперіи противъ внѣшнихъ враговъ, но и мудрымъ законодателемъ. Уже во времена Юстиніана Великаго, т. е. въ VI вѣкѣ, латинскій языкъ его кодекса, дигестъ и институцій былъ для большинства провинцій имперіи малопонятнымъ или даже совсѣмъ непонятнымъ языкомъ. Въ провинціяхъ, особенно на востокѣ, старые мѣстные обычаи замѣняли оффиціальнѣй законъ, что мы уже выше видѣли на примѣрѣ Сирійскаго Законника V вѣка. Выпускаемая на греческомъ языкѣ новеллы отмѣчали лишь акты текущаго законодательства. Между тѣмъ, послѣ того какъ на протяженіи VII вѣка имперія послѣдовательно теряла свои восточныя провинціи, Сирію съ Палестиной и Египеть, на югѣ сѣверную Африку и на сѣверѣ сѣверныя области Балканскаго полуострова, она благодаря этому становилась болѣе «греческою» по языку. Необходимо было дать для общаго пользованія подданнымъ законникъ на греческомъ языкѣ, отражавшій на себѣ измѣнившіяся со времени Юстиніана Великаго условія жизни.

Левъ III, прекрасно сознавъ необходимость такого сборника, поручилъ дѣло составленія послѣдняго комиссіи изъ выбранныхъ имъ лицъ. Результатомъ работы комиссіи было опубликованіе отъ имени «мудрыхъ и благочестивыхъ императоровъ Льва и Константина» законодательнаго сборника, подъ названіемъ Эклоги. Время изданія ея точно неизвѣстно: въ то время какъ западные ученые относятъ Эклогу къ концу правленія Льва (739—740 г.), нашъ византиистъ В. Г. Васильевскій считаетъ болѣе естественнымъ относить ее къ началу царствованія, а именно къ 726 году.

Заглавіе эклоги, что въ переводѣ значитъ «выборка», «извлечение», даетъ понятіе о ея источникахъ; оно таково: «Сокращенное извлечение законовъ, учиненное Львомъ и Константиномъ, мудрыми и благочестивыми царями, изъ институцій, дигестъ, кодекса, новеллъ Великаго Юстиніана и ихъ исправленіе въ смыслѣ большаго человеколюбія» (по-гречески *εις τὸ φιλανθρωπότερον*) или, какъ переводятъ другіе, «въ смыслѣ улучшенія». Въ предисловіи къ эклогѣ опредѣленно говорится, что законы, изданные предшествующими императорами, были написаны во многихъ книгахъ, и что смыслъ ихъ для однихъ является трудно понимаемымъ, для другихъ совершенно непонятнымъ, особенно для тѣхъ, кто не живетъ въ богохранимомъ импе-

раторскомъ градѣ. Подъ многими книгами, о которыхъ говорить Эклога, надо разумѣть заступившія мѣсто Юстиніановыхъ законныхъ книгъ ихъ греческіе переводы и различные комментаріи, вытѣснившіе употребленіе самыхъ латинскихъ подлинниковъ. Находилось очень немного лицъ, которыя могли понимать эти греческіе переводы и толкованія; вслѣдствіе же многочисленности книгъ и разнообразія и противорѣчивости излагавшихся въ нихъ мнѣній въ гражданскомъ правѣ Византіи происходила значительная путаница. Левъ III и задался цѣлью помочь дѣлу. Идеей правды и справедливости проникнуты положенія Эклоги, высказанныя въ ея предисловіи: Судьи должны «воздерживаться отъ всякихъ человѣческихъ страстей, но отъ здраваго помысла произносить рѣшенія истинной справедливости, не презирать нищаго и не оставлять безъ обличенія сильнаго, неправду дѣющаго... Справедливо воздерживаться отъ всякаго дароиманія». Наконецъ, всѣ служащіе по судебнымъ дѣламъ должны были получать опредѣленное жалованье изъ императорскаго «благочестиваго казначейства», съ тѣмъ чтобы они уже ничего не брали съ какого бы то ни было лица, судимаго у нихъ, дабы не исполнилось на насъ глаголемое пророкомъ: «Продаша на сребрѣ праведнаго» (Амосъ, II 6), и чтобы мы не навлекли на себя гнѣва Божія, сдѣлавшись преступниками его заповѣдей».

Содержаніе самой Эклоги, раздѣлявшейся на 18 титуловъ, касается главнымъ образомъ гражданского права и лишь сравнительно немного права уголовнаго. Въ ней идетъ рѣчь о бракѣ, обрученіи, о приданомъ, о завѣщаніяхъ и о наслѣдствѣ безъ завѣщанія, объ опекахъ, объ отпущеніи рабовъ на свободу, о разнаго рода обязательствахъ (о продажѣ, покупкѣ, наймѣ и т. п.), о свидѣтеляхъ; одинъ титулъ содержитъ главу уголовнаго права о наказаніяхъ.

Эклога во многомъ отступала отъ Юстиніанова права и иногда даже противорѣчила ему, такъ какъ приняла въ себя рѣшенія обычнаго права и судебной практики, существовавшихъ параллельно съ оффиціальнымъ законодательствомъ Юстиніана. Сравнительно съ послѣднимъ Эклога во многомъ представляетъ значительный шагъ впередъ; напр. во взглядѣ на бракъ можно отмѣтить проведеніе болѣе высокихъ, христіанскихъ началъ. Глава о наказаніяхъ изобилуетъ тѣлесными членовредительскими наказаніями, напр., отсѣченіе руки, урѣ-

заніе языка, ослѣпленіе, отрѣзаніе носа. Но послѣднее обстоятельство не даетъ намъ права считать Эклогу варварскимъ закономъ, такъ какъ, въ большинствѣ случаевъ, эти наказанія заступили мѣсто смертной казни. Въ этомъ смыслѣ исаврійскіе императоры могли съ полнымъ основаніемъ заявлять «о большемъ человѣколюбіи» своего законодательства. Не надо забывать и того, что Эклога угрожаетъ одинаковыми наказаниями знатнымъ и простымъ, богатымъ и бѣднымъ, тогда какъ Юстиніаново право, нерѣдко безъ достаточнаго основанія, налагаетъ на нихъ различныя наказанія. Внѣшнею особенностью Эклоги является обиліе ссылокъ на Священное Писаніе для подтвержденія того или другого юридическаго положенія. «Духъ римскаго права, по словамъ историка, преобразился въ религіозной атмосферѣ христіанства». На протяженіи VIII и IX вѣковъ, вплоть до вступленія на престолъ Македонской династїи (867 г.), Эклога служила руководствомъ при юридическомъ преподаваніи вмѣсто прежнихъ институцій и подвергалась неоднократно ученой переработкѣ. Намъ извѣстны, напримѣръ, Частная Эклога (*Ecloga privata*), Частная распространенная Эклога (*Ecloga privata aucta*). Когда со вступленіемъ на престолъ Василия Македонянина произошелъ поворотъ въ пользу Юстиніановыхъ законовъ, то узаконенія императоровъ Исаврійцевъ были объявлены официально несообразностями (дословно «болтовнею»), противорѣчащими божественному догмату и разрушающими спасительные законы. Тѣмъ не менѣе, государи Македонской династїи заимствовали изъ осужденнаго же ими законника многія статьи и внесли ихъ въ свои законники. Этого мало: сама Эклога подверглась еще новой переработкѣ.

Интересно, что Эклога Льва и Константина вошла позднѣе въ составъ судебныхъ книгъ православной церкви, и въ частности русской. Такъ, она находится въ печатной русской Кормчей книгѣ подъ заглавіемъ: «Леона царя премудраго и Константина вѣрною царю главизны» (т. е. главы). Есть и другіе слѣды вліянія Эклоги на древніе памятники славянскаго законодательства.

Конечно, нельзя разсматривать Эклогу какъ «въ высшей степени смѣлое нововведеніе», что утверждаетъ греческій византинистъ Панарригопуло, ярый поклонникъ императоровъ Исаврійскаго дома. По его словамъ, «теперь, когда принципы

составителей *Эклоги* приняты гражданским законодательством наиболее передовых націй, пришелъ, наконецъ, часъ воздать почтеніе генію этихъ людей, которые, тысяча лѣтъ тому назадъ, боролись для того, чтобы освятить доктрины, только въ наши дни восторжествовавшія». Само собою разумѣется, въ подобныхъ фразахъ надо видѣть лишь слова увлеченнаго эллинскаго патріота. Но мы можемъ признать важное значеніе за *Эклогой* въ томъ, что съ ея появленіемъ начинается новый періодъ въ исторіи греко-римскаго или византійскаго права, тянувшійся до вступленія на престолъ Македонской династіи, т. е. до эпохи реставраціи Юстиніанова права. Левъ III своей *Эклогой* пошелъ навстрѣчу требованіямъ жизни и времени.

Къ VIII вѣку, а именно ко времени Льва III, большая часть ученыхъ относитъ еще три небольшихъ законодательныхъ памятника, а именно: Земледѣльческій законъ или Крестьянскій уставъ (*νόμος γεωργικός*), Военный законъ (*νόμος στρατιωτικός*) и Морской родосскій законъ (*νόμος ροδίωυ ναυτικός*). Эти три памятника, существующіе въ многочисленныхъ и отличныхъ другъ отъ друга редакціяхъ или изводахъ, слѣдуютъ въ рукописяхъ часто вслѣдъ за *Эклогой* или другими юридическими памятниками. Ни имена ихъ составителей, ни время ихъ изданія въ рукописяхъ не сообщаются. Поэтому отнесеніе ихъ къ тому или другому времени зависитъ отъ оцѣнки ихъ содержанія, языка и сравненія съ другими однородными памятниками.

Наибольшее значеніе изъ выше названныхъ трехъ памятниковъ имѣетъ Земледѣльческій законъ (*νόμος γεωργικός*, *leges rusticae*).

По содержанію этотъ памятникъ характеризуется большинствомъ ученыхъ, какъ напр., германскимъ ученымъ Цахаріэ фонъ Лингенталемъ, создавшимъ, можно сказать, науку греко-римскаго или византійскаго права, нашими учеными, В. Г. Васильевскимъ и Ѡ. И. Успенскимъ, какъ земское полицейское уложеніе, земскій полицейскій уставъ, трактующій объ обычныхъ проступкахъ въ земледѣльческомъ быту. Законъ главнымъ образомъ занимается разнаго рода кражами: лѣса, полевыхъ и садовыхъ плодовъ, проступками и недомотрами пастуховъ, поврежденіями животныхъ и отъ животныхъ, напр., потравой, и т. д. «Крестьянскій законъ, по

словамъ одного историка, есть дополнительная запись обычного права изъ области крестьянской практики; онъ посвященъ тому для крестьянъ нужному праву, которое не нашло себѣ выраженія въ законодательствѣ». Во всякомъ случаѣ, этотъ памятникъ имѣлъ мѣстное значеніе, для опредѣленной области, а не для территоріи всего государства и былъ вызванъ новыми создавшимися условіями жизни.

Какъ было замѣчено выше, указаній на время составленія этого памятника въ немъ самомъ нѣтъ. Тѣмъ не менѣе, на основаніи нѣкоторыхъ соображеній ученые приурочивали его ко времени Льва III. Но надо сознаться, что это вопросъ далеко еще не рѣшенный. По словамъ русскаго ученаго (Б. А. Панченко), специально занимавшагося даннымъ памятникомъ, «потребность въ такомъ законѣ могла явиться и въ VII вѣкѣ; характеръ памятника, варварскій и наивно-эмпирическій, ближе подходит ко временамъ наибольшаго упадка образованности, чѣмъ ко временамъ составленія Эклоги». Конечно, и послѣднее разсужденіе не рѣшаетъ вопроса. Во всякомъ случаѣ, до сихъ поръ совершенно не доказано, что Крестьянскій законъ былъ изданъ въ VIII вѣкѣ, и вопросъ о болѣе точномъ опредѣленіи времени его появленія принадлежитъ еще будущему; очень возможно, что изданіе этого закона придется перенести на болѣе раннее время.

Земледѣльческій законъ обратилъ особенное вниманіе ученыхъ тѣмъ, что въ немъ нѣтъ никакихъ указаній на колонатъ, т. е. на крѣпостное право, господствовавшее въ поздней Римской Имперіи. За то, въ немъ находятся указанія на нѣчто новое, а именно: на личную крестьянскую собственность и на общинное землевладѣніе. Послѣднія нововведенія приводятся въ наукѣ въ связь съ обширными славянскими поселеніями въ имперіи, принесшимъ туда родныя имъ условія жизни. Положеніе, доказываемое въ книгѣ Б. А. Панченка, объ отсутствіи въ законѣ указаній на общину, въ современной литературѣ отвергается. Другіе ученые, напр. Ѳ. И. Успенскій, переоцѣниваютъ значеніе нашего закона, придавая этому мѣстному памятнику общее значеніе для всей имперіи и считая, что онъ «долженъ послужить точкой отправленія въ исторіи экономическаго развитія на Востокѣ» въ смыслѣ свободнаго крестьянскаго сословія и мелкаго

землевладѣнія. Но въ такомъ случаѣ можетъ получиться впечатлѣніе, что крѣпостное право въ VII или VIII вѣкѣ вообще было отмѣнено въ Византіи, чего на самомъ дѣлѣ не было.

Пока, на основаніи Крестьянскаго закона, можно лишь вывести одно заключеніе, а именно, что въ извѣстной мѣстности или въ извѣстныхъ мѣстностяхъ, на ряду съ продолжавшимъ существовать крѣпостнымъ населеніемъ, существовала также мелкая крестьянская собственность и сельская община. Въ какихъ это было размѣрахъ и въ какихъ мѣстностяхъ, сказать, на основаніи даннаго закона, нельзя. Вѣроятно, этотъ законъ, дѣйствительно, придется поставить въ связь со славянскими крупными поселеніями на Балканскомъ полуостровѣ со второй половины VI вѣка; и тогда тамъ же, можетъ быть, придется отыскивать и мѣсто появленія закона. Итакъ, Крестьянскій законъ, принадлежащій къ неизвѣстной въ точности эпохѣ, имѣетъ лишь значеніе мѣстное, такъ что какихъ либо выводовъ общаго характера на основаніи лишь его одного дѣлать нельзя.

Земледѣльческій законъ имѣетъ большой интересъ съ точки зрѣнія славянской науки. Существуетъ, напр., древне-русскій переводъ этого памятника, вошедшій въ составъ одной въ высшей степени важной по своему содержанію и историческому значенію компиляціи, носящей въ рукописяхъ названіе: «Книги законныя, имиже годится всякое дѣло исправляти всѣмъ православнымъ княземъ». Нашъ извѣстный канонистъ А. С. Павловъ далъ критическое изданіе древне-русскаго перевода Земледѣльческаго закона. Послѣдній вошелъ также въ сербскіе памятники юридическаго содержанія.

Очень часто въ рукописяхъ юридическаго характера, вслѣдъ за Эклогой и другими законодательными памятниками, можно найти Морской законъ и Военный законъ. Оба эти законы не датированы и относятся учеными по нѣкоторымъ соображеніямъ, во всякомъ случаѣ не рѣшающимъ вопроса, къ эпохѣ Исаврійской династіи.

«Морской законъ» (*νόμος ναυτικός*, *leges navales*), или «Родосскій морской законъ въ извлеченіи изъ 14-й книги дигестъ» представляетъ собою уставъ торговаго мореплаванія. Вторая же глава 14-й книги дигестъ, откуда данный законъ извлеченъ, заключаетъ въ себѣ довольно рано заимствованный римскимъ правомъ изъ права греческаго такъ называемый

«Родосскій законъ объ аваріяхъ» (*lex Rhodia de jactu*), гдѣ идетъ рѣчь о разложеніи убытковъ на хозяина корабля и прочихъ товарохозяевъ, въ случаѣ если для спасенія корабля и груза часть послѣдняго будетъ выброшена за бортъ (*jactus*). По стилю Морской законъ несетъ оффиціальнѣйшій характеръ, а по содержанию онъ значительно отличается отъ Юстиніановыхъ дигестъ, т. е. отъ использованнаго Родосскаго закона объ аваріяхъ, отражая на себѣ, очевидно, слѣды вліяній позднѣйшаго времени. Въ этомъ законѣ, напримѣръ, устанавливается отвѣтственность хозяина корабля, его наемщика и пассажировъ за цѣлость судна и груза; въ случаѣ бури или морского разбоя всѣ они должны быть привлечены къ возмѣщенію убытковъ. Это было своего рода страхованіемъ. Подобныя особенности Морского закона объясняются тѣмъ, что со времени Ираклія, т. е. съ VII вѣка, морская торговля и вообще морское судоходство были сопряжены съ большими опасностями въ виду морскихъ нападений арабовъ и славянъ. Морскіе разбои стали обычнымъ явленіемъ; поэтому хозяева судовъ и купцы могли продолжать торговлю лишь на условіи общности риска. Не смотря на возвращеніе государей Македонской династіи къ нормамъ Юстиніанова права, Морской законъ продолжалъ дѣйствовать на практикѣ и вліялъ на нѣкоторыхъ византійскихъ юристовъ X—XII вѣковъ. Сохранившаяся практика Морского закона указываетъ на то, что византійское торговое мореплаваніе послѣ VII и VIII вѣковъ не могло подняться. Завладѣвшіе позднѣе торговлею Средиземнаго моря итальянцы имѣли свое собственное морское право. Съ паденіемъ же византійской морской торговли вышелъ изъ употребленія и Морской законъ, такъ что въ юридическихъ намятникахъ XIII—XIV вѣковъ о немъ уже упоминаній нѣтъ.

Военный же законъ (*νόμος στρατιωτικός*, *leges militares*) представляетъ собою извлеченіе изъ греческихъ изложеній дигестъ и кодекса Юстиніана, Эклоги и нѣкоторыхъ другихъ источниковъ, прибавленныхъ къ закону позднѣе. Главное содержаніе Военнаго закона состоитъ въ перечнѣ наказаній, налагаемыхъ на военныхъ за ихъ проступки (за возстаніе, неповиновеніе, бѣгство, прелюбодѣяніе и т. п.). Наказанія, приводимыя въ законѣ, отличаются большою суровостью. Если правильна точка зрѣнія ученыхъ, что Военный законъ относится ко времени Исаврійской династіи, то онъ можетъ слу-

жить показателемъ той строгой военной дисциплины, которую ввелъ въ войскѣ Левъ III и отчасти благодаря которой онъ смогъ съ честью выйти изъ тяжелыхъ условій, создавшихся въ имперіи въ моментъ вступленія его на престолъ.

Большинство ученыхъ, пачиная съ Финлея, относятъ ко времени Льва III или вообще къ VIII вѣку реорганизацію и завершеніе областного, оемнаго строя, созданнаго, какъ мы видѣли выше, въ VII вѣкѣ. Особенно категорически въ этомъ смыслѣ высказывается Гельцеръ; по его словамъ, «Левъ совершенно устранилъ гражданскую администрацію и передалъ гражданское провинціальное управленіе военнымъ представителямъ». «Лишь со времени Льва Исавра, пишетъ Ѡ. И. Успенскій, происходитъ крутой поворотъ въ сторону усиленія власти стратига оемы на счетъ гражданской администраціи провинцій». Но дѣло въ томъ, что о мѣропріятіяхъ Льва III въ области провинціального устройства нѣтъ прямыхъ извѣстій. Существуетъ перечень оемъ съ нѣкоторыми указаніями на ихъ организацію, принадлежащій извѣстному намъ уже арабскому географу первой половины IX вѣка Ибн-Хордадбеху. Сопоставляя его данныя съ данными о оемахъ VII вѣка, ученые приходятъ къ нѣкоторымъ выводамъ относительно оемныхъ измѣненій въ VIII вѣкѣ, т. е. во время Исаврійской династіи. Оказывается, что въ Малой Азіи, кромѣ трехъ уже перечисленныхъ выше оемъ VII вѣка, были созданы въ VIII вѣкѣ, можетъ быть, при Левѣ III, двѣ новыхъ: 1) *Ѡракисійская оема*, въ западной части Малой Азіи, образованная изъ западныхъ областей обширной оемы Анатолики и получившая свое названіе отъ стоявшихъ тамъ европейскихъ гарнизоновъ изъ Ѡракии, и 2) *Ѡема Вукелларій* (*Букелларій*), представлявшая собою восточную половину уже извѣстной также обширной оемы Опсикія и названная такъ отъ Букелларіевъ (*bucellagii*), какъ назывались нѣкоторыя римскія и иностранныя войска, бывшія на службѣ имперіи. Константинъ Багрянородный говоритъ, что букелларіи слѣдовали за войскомъ, доставляя ему пропитаніе. Такимъ образомъ, къ началу IX вѣка въ Малой Азіи было пять оемъ, которыя въ источникахъ за это время и отмѣчаются какъ «пять восточныхъ оемъ» (напр., подъ 803 годомъ). Европейскихъ оемъ къ концу VIII вѣка, повидимому, было четыре: Ѡракія, Македонія, Эллада и Сицилія. Но если вопросъ о количествѣ оемъ въ Малой Азіи къ началу IX вѣка

можетъ считаться установленнымъ, то вопросъ о полномъ устраненіи гражданскихъ властей и перенесеніи ихъ функций на военныхъ начальниковъ, что, по мнѣнію Гельцера, произошло при Левѣ III, остается пока лишь предположеніемъ. Вообще, несмотря на многочисленныя работы ученыхъ, вопросъ о происхожденіи оемнаго строя, его развитія и значенія для внутренней жизни имперіи далеко еще не выясненъ и не разрѣшенъ.

Левъ III, желая увеличить и упорядочить финансовыя средства имперіи, столь необходимыя для его многостороннихъ предпріятій, увеличилъ на одну треть поголовную подать съ Сициліи и Калабріи и для того, чтобы эта мѣра была проведена полнѣе, приказалъ составить точный списокъ рожденій дѣтей мужескаго пола. Враждебно настроенный къ иконоборцамъ хронистъ сравниваетъ послѣднее распоряженіе Льва съ поведеніемъ египетскаго Фараона по отношенію къ евреямъ. Въ концѣ правленія Левъ III наложилъ на жителей имперіи специальную подать для возстановленія поврежденных сильными и частыми землетрясеніями стѣнъ столицы. Стѣны были исправлены, о чемъ свидѣлствуютъ сохранившіяся до нашего времени надписи на башняхъ константинопольской внутренней стѣны съ именами Льва и его сына и соправителя Константина.

Изъ выше изложеннаго видно, что достовѣрными внутренними дѣлами Льва III могутъ быть признаны Эклога, введеніе нѣкоторыхъ податей и исправленіе столичныхъ стѣнъ. Что же касается до остальныхъ трехъ законовъ, земледѣльческаго, морского и военнаго, а также до завершенія оемной организаціи, то эти явленія внутренней жизни имперіи могутъ лишь съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ быть отнесены ко времени Льва III или вообще къ VIII вѣку. Дальнѣйшая же разработка этихъ вопросовъ заставить; можетъ быть, отказаться, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ нѣкоторымъ изъ нихъ, и отъ этой вѣроятности.

Иконоборство. Происхожденіе иконоборческаго движенія. Первый періодъ иконоборства. Седьмой Вселенскій Соборъ. Исторія иконоборческаго движенія дѣлится на два періода: первый періодъ продолжался съ 726 по 780 годъ и официально закончился седьмымъ вселенскимъ соборомъ 787 года; второй періодъ продолжался съ 813 по 843 годъ и закончился такъ

называемымъ Возстановленіемъ Православія. Въ настоящей главѣ обсужденію будетъ подлежать лишь первый періодъ, какъ современный Исаврійской династіи.

Изученіе иконоборческой эпохи представляетъ очень большія затрудненія изъ-за состоянія источниковъ. Всѣ сочиненія иконоборцевъ, акты императоровъ, дѣянія иконоборческихъ соборовъ 753—754 и 815 годовъ, богословскіе иконоборческіе трактаты и т. д., были уничтожены восторжествовавшими иконопочитателями. Остатки иконоборческой литературы извѣстны намъ изъ отрывковъ, помѣщенныхъ въ твореніяхъ иконопочитателей въ цѣляхъ ихъ опроверженія. Определеніе иконоборческаго собора 753—754 года, напримѣръ, сохранилось въ дѣяніяхъ седьмого вселенскаго собора. Определеніе собора 815 года сравнительно недавно было открыто въ одномъ изъ трактатовъ патріарха Никифора. Не мало отрывковъ иконоборческой литературы заключается въ полемическихъ и богословскихъ трактатахъ иконопочитателей. Особенно важное значеніе въ этомъ смыслѣ имѣютъ три знаменитыхъ «Слова противъ порицающихъ святія иконы» извѣстнаго богослова, полемиста и пѣснопѣвца Іоанна Дамаскина, современника двухъ первыхъ императоровъ-иконаборцевъ. Такимъ образомъ, дошедшія до насъ источники объ иконоборствѣ имѣютъ тенденціозный, враждебный иконоборцамъ характеръ; вслѣдствіе чего и значеніе этого періода оцѣнивалось учеными разное и нерѣдко неправильно.

Очень часто иконоборцы называются въ литературѣ греческимъ словомъ иконокласты, а иконопочитатели — иконодулы.

Прежде всего поднимался вопросъ о причинахъ на первый взглядъ не совсѣмъ понятнаго для VII—VIII вѣковъ движенія противъ иконъ, продолжавшагося съ нѣкоторымъ промежуткомъ болѣе ста лѣтъ и имѣвшаго для имперіи очень серьезныя послѣдствія. Одни изслѣдователи видѣли въ политикѣ императоровъ-иконаборцевъ религіозныя причины, другіе — причины политическія. Думали, что императоръ Левъ III рѣшилъ уничтожить иконы, надѣясь этою мѣрою удалить одну изъ главныхъ преградъ для сближенія христіанъ съ іудеями и мусульманами, отрицательно относившимися къ иконамъ, и этимъ самымъ облегчить ихъ подчиненіе имперіи. Особое вниманіе на иконоборческой періодъ обратилъ извѣстный

намъ греческій историкъ Папарригопуло, съ тенденціознымъ взглядомъ котораго на Эклогу мы уже знакомы. Въ его представленіи, неправильно называть данную эпоху иконоборческой, такъ какъ подобное опредѣленіе неполно; параллельно съ религіозной реформой, осуждавшей иконы, запрещавшей мощи, уменьшившей число монастырей и вмѣстѣ съ тѣмъ не коснувшейся основныхъ догматовъ христіанской вѣры, производилась реформа социальная и политическая; имѣлось въ виду изъять народное образованіе изъ рукъ клира; императоры-иконоборцы дѣйствовали не по личнымъ или династическимъ капризамъ, а послѣ зрѣлаго и долгаго размышленія, съ полнымъ разумѣніемъ общественныхъ нуждъ и требованій общественнаго мнѣнія; на сторонѣ ихъ стояли наиболѣе просвѣщенная часть общества, большинство высшаго духовенства и войско; конечную же неудачу иконоборческой реформы надо объяснять тѣмъ, что много оставалось еще ревнителей прежней крайней набожности, бывшихъ противниками реформы, а именно — простой народъ, женщины и многочисленные монахи; да и самъ Левъ III не сумѣлъ воспитать общество въ новомъ духѣ. Греческій историкъ безусловно переоцѣнилъ реформаторскую дѣятельность императоровъ VIII вѣка, называя ее замѣчательною попыткою революціи социальной, политической и религіозной; но значеніе его трудовъ заключается въ томъ, что онъ первый обратилъ вниманіе на сложность и важность иконоборческой эпохи и заставилъ другихъ внимательнѣе къ ней относиться. Другіе ученые (Шварцлозе) видятъ въ иконоборческой политикѣ императоровъ религіозные и политическіе интересы съ преобладаніемъ послѣднихъ; желая быть единымъ полновластнымъ государемъ во всѣхъ сторонахъ жизни имперіи, Левъ III надѣялся при помощи запрещенія иконопочитація вырвать народъ изъ подъ сильнаго вліянія церкви, для которой иконы служили однимъ изъ главныхъ основаній вліянія, и этимъ самымъ имѣть возможность властвовать надъ объединеннымъ и въ религіозномъ отношеніи народомъ. Итакъ, религіозная жизнь страны должна была подчиниться иконоборческой политикѣ государей, для которыхъ послѣдняя была однимъ изъ средствъ къ достиженію ихъ политическихъ идеаловъ, «окруженныхъ по словамъ историка, сіяніемъ религіознаго (реформаторскаго) рвенія». Въ новѣйшее время ученые (напр. французъ Lombard) видятъ въ иконоборствѣ чисто религіоз-

ную реформу, имѣвшую цѣлью остановить «успѣхи поднимавашаго голову язычества» въ формѣ неумѣреннаго иконопочитанія и «возвратить христіанской религіи ея первоначальную чистоту»; причемъ, религіозная реформа развивалась параллельно съ реформой политической, имѣя отличную отъ послѣдней исторію. Наконецъ, французскій византиnistъ Bréhier обратилъ особое вниманіе на то, что иконоборчество заключаетъ въ себѣ два различныхъ вопроса: во-первыхъ, обычно трактуемый вопросъ о почитаніи иконъ и, во-вторыхъ, вопросъ о законности религіознаго искусства, — позволено ли пользоваться искусствомъ для изображенія сверхчувственнаго міра, можно ли художнику изображать святыхъ, Богоматерь и Спасителя? Другими словами, французскій ученый выдвинулъ вопросъ о вліяніи иконоборства на византийское искусство. Итакъ, въ виду всего только что изложеннаго видно, что иконоборческая эпоха есть явленіе очень сложное и, благодаря состоянію источниковъ, до сихъ поръ вполнѣ еще не освѣщенное.

Прежде всего интересно отмѣтить, что всѣ императоры-иконоборцы были родомъ съ востока: Левъ III и его династія были исаврійцами или, можетъ быть, сирійцами; возобновителями иконоборства въ IX вѣкѣ были Левъ V изъ армянъ и, наконецъ, Михаилъ II и его сынъ Теофилъ, родомъ изъ Фригіи, т. е. одной изъ внутреннихъ областей Малой Азіи. Если же мы обратимся къ возстановителямъ иконопочитанія, то увидимъ слѣдующее: во-первыхъ, оба раза возстановляли иконопочитаніе женщины, Ирина и Θεодора; во вторыхъ, родомъ онѣ были: Ирина — гречанка изъ Аѳинъ, Θεодора — изъ Пафлагоніи, мало-азіатской области на берегу Чернаго моря, рядомъ съ Виѳиніей, недалеко отъ столицы, — однимъ словомъ, не внутри полуострова. Указанная особенность въ происхожденіи иконоборческихъ государей не можетъ быть объяснена случайностью, и ихъ восточное происхожденіе поможетъ лучше понять какъ ихъ роль въ движеніи, такъ и самую суть послѣдняго. Возстановительницы же иконопочитанія были родомъ изъ другихъ областей.

Иконоборство VIII и IX вѣковъ не было явленіемъ совершенно новымъ и неожиданнымъ; оно пережило уже раньше длительную эволюцію. Христіанское искусство, изображавшее человѣческія фигуры, было ли то въ формѣ мозаики, фрески,

скульптуры или рѣзьбы, давно уже смущало многихъ истинно вѣрующихъ людей, напоминая имъ объ отвергнутомъ язычествѣ. Въ самомъ началѣ IV вѣка одинъ изъ испанскихъ соборовъ постановилъ, «что не должно быть рисунковъ (*picturas*) въ церкви, чтобы на стѣнахъ не изображалось то, что почитается и чему поклоняются» (*ne quod colitur et adoratur in parietibus depingatur*). Когда же въ IV вѣкѣ христіанство получило право на законное существованіе, а въ концѣ того же вѣка сдѣлалось государственной религіей, церкви стали украшаться иконами. IV-й и V-й вѣка считаются временемъ, когда иконоупотребленіе въ церкви утвердилось и распространилось. Но тѣмъ не менѣе, смущеніе продолжалось. Церковный историкъ IV вѣка, Евсевій Кесарійскій называетъ почитаніе изображеній Иисуса Христа и апостоловъ Петра и Павла «языческимъ обычаемъ». Въ томъ же IV вѣкѣ Епифаній Кипрскій, увидя въ одной изъ палестинскихъ церквей висѣвшую при входѣ завѣсу (*velum*) съ изображеніемъ Иисуса Христа или одного изъ святыхъ, разорвалъ ее, такъ какъ въ церкви «человѣческое изображеніе висѣло вопреки свидѣтельству Священнаго Писанія» (*contra auctoritatem Scripturarum*), и приказалъ мѣстному священнику «не вѣшать въ Христовой церкви такого рода завѣсы, которыя противорѣчатъ нашей вѣрѣ». Въ V вѣкѣ одинъ сирійскій епископъ, еще до своего посвященія въ этотъ санъ, училъ не признавать иконы. Въ VI вѣкѣ въ Антиохіи было настоящее возмущеніе, направленное противъ почитанія иконъ; а въ Эдессѣ возмущившіеся солдаты бросали камнями въ чудотворную икону Христа. Извѣстны примѣры нападенія на иконы и ихъ уничтоженія въ VII вѣкѣ. Изъ примѣровъ въ Западной Европѣ интересно письмо папы Григорія I Великаго въ концѣ VI вѣка къ епископу Массиліи (Марсели), который приказалъ въ подвѣдомственныхъ ему церквахъ разбить и выбросить иконы. Папа, хваля его за рвеніе въ томъ отношеніи, что ничто, сдѣланное человѣческой рукою, не можетъ служить предметомъ поклоненія (*nequid manufactum adorari posset*), вмѣстѣ съ тѣмъ упрекалъ епископа за то, что онъ, разбивъ иконы, лишилъ историческаго образованія людей неграмотныхъ, «которые, смотря, по крайней мѣрѣ, на стѣны, могли бы прочесть то, чего они не могутъ прочесть въ рукописяхъ». Въ другомъ письмѣ къ тому же епископу папа писалъ: «За то, что ты запретилъ покло-

няться иконамъ, мы тебя вообще хвалимъ; за то же, что ты ихъ разбилъ, порицаемъ... Одно дѣло поклоняться картинѣ (picturam adorare), другое дѣло при помощи содержанія картины узнавать то, чему должно поклоняться... Поэтому не слѣдовало разбивать то, что находилось въ церквахъ не для поклоненія, а лишь для образованія умовъ лицъ несвѣдущихъ». Итакъ, съ точки зрѣнія Григорія Великаго, какъ и многихъ другихъ, иконы являются средствомъ для народнаго образованія. На иконоборческое настроеніе восточныхъ провинцій оказывали нѣкоторое вліяніе іудеи, не признававшіе на основаніи своей религіи иконопочитанія и допускаяшіе иногда рѣзкія выступленія противъ иконъ. Со второй же половины VII вѣка начинаютъ подобнымъ же образомъ вліять мусульмане, которые, помня слова корана о томъ, что «кумиры гнусны и суть дѣло сатаны» (V, 92), видѣли въ иконопочитаніи подобіе идолопоклонства. Часто приводимое историками сообщеніе, будто арабскій халифъ Язидъ II за три года до эдикта Льва издалъ въ своемъ государствѣ указъ, предписывавшій уничтоженіе иконъ въ церквахъ своихъ христіанскихъ подданныхъ, многими учеными подвергается сомнѣнію. Во всякомъ случаѣ, съ мусульманскимъ вліяніемъ на восточныя области въ смыслѣ отрицанія иконъ также надо считаться. Одинъ хронистъ и самого императора Льва называетъ «сарациномыслящимъ» (*saraxhūbrow*), хотя о прямомъ вліяніи ислама на него основаній говорить нѣтъ. Наконецъ, одна изъ извѣстныхъ средневѣковыхъ восточныхъ сектъ, а именно секта павликіанъ, жившихъ внутри Малой Азіи и далѣе къ востоку, также отрицала иконы. Однимъ словомъ, въ восточныхъ областяхъ Византіи, въ Малой Азіи, создалось ко времени Льва III уже довольно сильное иконоборческое движеніе. Одинъ изъ нашихъ церковныхъ историковъ (А. П. Лебедевъ) о данномъ моментѣ пишетъ: «Можно положительно утверждать, что иконоборцевъ до времени иконоборства (въ VIII в.) было много, и что они представляли собою силу, которой считала себя вправѣ опасаться сама церковь». Однимъ изъ иконоборческихъ центровъ въ предѣлахъ имперіи была, между прочимъ, внутренняя малоазіатская область Фригія.

Между тѣмъ, господство иконы въ Византіи достигло широкихъ размѣровъ. Иконами съ изображеніями Іисуса Христа, Богоматери, святыхъ и различныхъ сценъ изъ Ветхаго и Но-

ваго Завѣтовъ обильно украшались храмы. Изображенія въ церквахъ представляли собою мозаику, фреску или рѣзбу на слоновой кости, деревѣ или бронзѣ, т. е. другими словами, были живописныя иконы и иконы-статуи. Небольшія изображенія воспроизводились въ рукописяхъ (мніатюры). Особенно почитались такъ называемыя нерукотворенныя иконы, сдѣланныя, по убѣжденію вѣрующихъ, не рукою человѣка и отличавшіяся чудодѣйственною силою. Икона проникаетъ въ домашнюю жизнь: иногда иконы святыхъ выбирались въ качествѣ воспріемниковъ дѣтей; вытканныя изображенія святыхъ украшали парадное одѣяніе византійской аристократіи. Есть, напр., извѣстіе, что на тогѣ одного сенатора была выткана исторія всей жизни Іисуса Христа.

Люди, воздававшіе поклоненіе иконамъ, иногда понимали это поклоненіе слишкомъ реально, т. е. чтили своимъ поклоненіемъ не то лицо, не ту идею, которыя были изображены на иконѣ, а самую икону, самый матеріаль, изъ которой она была сдѣлана. Послѣднее являлось большимъ соблазномъ для многихъ изъ вѣрующихъ, видѣвшихъ въ этомъ сходство съ язычествомъ.

На ряду съ этимъ, по словамъ Н. П. Кондакова, «въ столицѣ наблюдается характерное размноженіе монастырей, монашескихъ общинъ, всякаго рода обителей, которыхъ число къ концу VIII вѣка (можетъ быть, правильнѣе къ VIII вѣку) возрастаетъ въ небывалой пропорціи». По мнѣнію проф. И. Д. Андреева, въ иконоборческій періодъ въ Византіи число монаховъ можно безъ преувеличенія опредѣлить въ 100.000 чело-вѣкъ. «Вспоминая, продолжаетъ тотъ-же ученый, что у насъ теперь въ Россіи (писано въ 1907 г.) при 120-ти милліонномъ населеніи на необъятной территоріи считается только около 40.000 монашествующихъ обоого пола, легко представить, какою частою сѣтью монастырей была покрыта сравнительно маленькая территорія Византійской имперіи».

Если поклоненіе иконамъ, чудотворнымъ и обыкновеннымъ, и мощамъ могло смущать многихъ людей, выросшихъ въ выше обрисованныхъ условіяхъ того времени, то чрезмѣрное развитіе монашества и великое умноженіе монастырей задѣвали уже чисто свѣтскіе, государственные интересы. Благодаря неумѣренному поступленію въ монахи и уходу въ монастыри молодыхъ и здоровыхъ людей, имперія лишалась необходи-

мыхъ силъ для войска, земледѣлія, промышленности и т. д.; однимъ словомъ, монашество и монастыри дѣлались очень часто прибѣжищами для лицъ, желавшихъ избавиться отъ государственныхъ обязанностей и вовсе не имѣвшихъ искренняго стремленія уйти отъ міра. Кромѣ того, богатые земельныя угодья и другія имущества, отходившія къ монастырямъ, были освобождены отъ государственныхъ налоговъ и этимъ самымъ наносили ощутительный ущербъ казнѣ. Такимъ образомъ, въ церковной жизни имперіи въ VIII вѣкѣ можно различать двѣ стороны: религіозную и свѣтскую.

Императоры-иконоборцы, будучи родомъ съ востока, были хорошо знакомы съ существовавшими тамъ религіозными взглядами; они въ этихъ взглядахъ выросли; они съ ними сроднились и, сдѣлавшись императорами, перенесли ихъ въ столицу, чтобы положить въ основаніе своей церковной политики. Императоры-иконоборцы не были ни невѣрующими, ни рационалистами, какъ о нихъ говорили раньше. Наоборотъ, они были искренно и убѣжденно вѣрующими и хотѣли очистить религію отъ тѣхъ искаженій, которыя съ теченіемъ времени проникли въ нее и отдалили отъ первоначальнаго истиннаго направленія. Съ ихъ точки зрѣнія, поклоненіе иконамъ и почитаніе мощей являлось остатками язычества, которые, во что бы то ни стало, необходимо было уничтожить для возвращенія христіанской религіи къ первоначальному образцу. «Я императоръ и священникъ» писалъ Левъ III папѣ Григорію II. Исходя изъ этого положенія, Левъ III, будучи провозглашенъ императоромъ, считалъ себя въ правѣ сдѣлать свои религіозные взгляды обязательными для подданныхъ имперіи. Въ послѣднемъ нельзя усматривать чего-либо новаго: это былъ обычный взглядъ византійскаго императора, представителя идеи цезарепапизма, особенно знакомый намъ по примѣру Юстиніана Великаго, считавшаго себя полнымъ хозяиномъ какъ въ свѣтскихъ, такъ и церковныхъ дѣлахъ. Левъ III также являлся яркимъ представителемъ идеи цезарепапизма.

Первые девять лѣтъ правленія Льва, посвященные имъ отраженію внѣшнихъ враговъ и укрѣпленію трона, не были ознаменованы какими либо мѣрами относительно иконъ. Церковная дѣятельность императора въ этотъ періодъ выразилась въ его требованіи евреямъ и восточной сектѣ монтеанистовъ принять крещеніе.

Лишь на десятый годъ своего правленія, т. е. въ 726 году, императоръ, по словамъ хрониста Теофана, «началъ вести рѣчь объ уничтоженіи святыхъ и досточтимыхъ иконъ». Большинство современныхъ историковъ говорили объ эдиктѣ Льва III противъ иконъ, изданномъ имъ въ 726 году. На самомъ дѣлѣ, выше приведенный текстъ Теофана говорить объ эдиктѣ не позволяетъ. Въ 726 году Левъ III только началъ свои предварительныя дѣйствія, которыя должны были подготовить населеніе къ его дальнѣйшей иконоборческой политикѣ. Вскорѣ же онъ приказалъ уничтожить очень почитаемую икону - статую Христа, стоявшую надъ одной изъ дверей Халки, какъ назывался великолѣпный входъ въ императорскій дворецъ. Уничтоженіе иконы вызвало возмущеніе, въ которомъ главное участіе приняли женщины. Императорскій посланецъ для уничтоженія иконы былъ убитъ, за что защитники иконы Спасителя понесли тяжелыя наказанія. Это были первые мученики иконопочитанія. О какихъ либо другихъ фактахъ преслѣдованія иконъ свѣдѣній нѣтъ.

Враждебное къ иконамъ настроеніе Льва вызвало серьезное противодѣйствіе. Константинопольскій патріархъ Германъ и римскій папа Григорій II высказались рѣшительно противъ предполагаемой политики императора. Въ Греціи и на островахъ Эгейскаго моря вспыхнуло возстаніе во имя защиты иконъ, подавленное, правда, войсками Льва. Все это не давало ему возможности выступить съ болѣе рѣшительными мѣрами.

Наконецъ, только въ 730 году императоръ созвалъ родъ собора, на которомъ былъ составленъ эдиктъ противъ иконъ. Несоглашавшійся подписать его патріархъ Германъ отказался отъ епископства и удалился въ свое помѣстье, гдѣ мирно и окончилъ жизнь. вмѣсто него патріархомъ сдѣлался Анастасій, который подписалъ эдиктъ. Это былъ первый эдиктъ противъ иконъ, изданный не только отъ имени императора, но и скрѣпленный подписью патріарха, т. е. какъ бы изданный также, что было очень важно для Льва, отъ имени церкви.

Но и послѣ изданія этого эдикта, т. е. за послѣдніе одиннадцать лѣтъ правленія Льва, источники молчатъ о преслѣдованіи иконъ; повидимому, послѣдняго не было на самомъ дѣлѣ. Во всякомъ случаѣ, о какомъ либо систематическомъ гоненіи на иконы при Львѣ III не можетъ быть и рѣчи. Са-

мое большее, что можно предположить, это отдѣльные факты преслѣдованія иконъ. По словамъ одного ученаго, «въ царствованіе Льва больше собирались преслѣдовать иконы и иконопочитателей, чѣмъ преслѣдовали на самомъ дѣлѣ».

Общепринятое почти представленіе о томъ, что иконоборческое движеніе VIII вѣка началось не съ уничтоженія иконъ, а только съ того, что ихъ стали вѣшать выше, чтобы этимъ воспрепятствовать молящимся прикладываться къ нимъ, должно быть оставлено. Въ византійскихъ церквахъ большинство иконъ были изображенія живописныя (фрески) или мозаичныя, т. е. такія, которыя нельзя было отдѣлить отъ церковныхъ стѣнъ.

Враждебная иконамъ политика Льва III нашла отвѣдь въ трехъ знаменитыхъ защитительныхъ словахъ противъ порицающихъ иконы Иоанна Дамаскина, жившаго тогда въ предѣлахъ арабскаго халифата. Два изъ этихъ словъ были написаны, навѣрное, при Левѣ III; время написанія третьяго болѣе или менѣе точному опредѣленію не поддается.

О противодѣйствіи взглядамъ Льва со стороны папы Григорія II было упомянуто выше. Преемникъ его, Григорій III, послѣдній папа, утвержденный византійскимъ императоромъ, созвалъ въ Римѣ соборъ и предалъ отлученію иконоборцевъ. Послѣ этого Средняя Италія ушла изъ подъ вліянія Византіи и вошла окончательно въ область интересовъ папскихъ и западно-европейскихъ. Южная Италія осталась за Византійей.

Иная картина представится, когда мы перейдемъ къ царствованію Константина V Копронима (741—775), преемника Льва III. Константинъ V, получившій еще при жизни отца воспитаніе въ опредѣленномъ направленіи, является настоящимъ императоромъ-иконаборцемъ, который въ позднѣйшіе годы своего правленія открылъ гоненіе и на монастыри и на монаховъ. Ни одинъ изъ иконоборческихъ императоровъ не подвергался въ сочиненіяхъ иконопочитателей такимъ поношеніямъ, какъ этотъ «многоголовый драконъ», «жестокій преслѣдователь монашескаго чина», «Ахавъ и Иродъ». Поэтому весьма трудно составить о немъ безпристрастное сужденіе.

Въ моментъ вступленія Константина на престолъ, положеніе имперіи было таково, что ея европейскія провинціи придерживались иконопочитанія, малоазіатскія же имѣли въ

составъ населенія не мало иконоборцевъ. Первые два года правленія Константина прошли въ борьбѣ его со своимъ зятемъ Артаваздомъ, который поднялъ возстаніе противъ императора въ защиту иконъ, принудилъ его покинуть столицу и заставилъ провозгласить себя императоромъ. Въ теченіе года, когда Артаваздъ правилъ государствомъ, иконопочитаніе было восстановлено. Однако, Константину удалось свергнуть Артавазда и вернуть себѣ тронъ. Главные виновники возстанія понесли жестокія кары. Попытка Артавазда, показавшая Константину возможность при созданіи соотвѣтствующихъ условій безъ труда восстановить иконопочитаніе, заставила послѣдняго принять рѣшительныя мѣры и твердо укрѣпить въ народномъ сознаніи правоту иконоборческихъ взглядовъ.

Константинъ рѣшилъ для этого созвать соборъ, который долженъ былъ бы обосновать иконоборческую политику, одобрить ее и этимъ самымъ создать въ народѣ убѣжденіе въ правильности императорскихъ мѣропріятій. Соборъ, на который съѣхалось болѣе трехсотъ епископовъ, состоялся во дворцѣ Іеріи, на азіатскомъ берегу Босфора, противъ Константинополя, въ 753 или 754 году (о годѣ спорятъ). Однако, патріархи на соборѣ отсутствовали: константинопольская кафедра была въ то время вакантна; Антиохія, Іерусалимъ и Александрія отказались принять участіе въ соборѣ; папскіе легаты также на соборѣ не появлялись. Впослѣдствіи это обстоятельство явилось въ глазахъ противниковъ собора основаніемъ для признанія недѣйствительными его рѣшеній. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ соборъ былъ переведенъ въ Константинополь, гдѣ и былъ избранъ новый патріархъ.

Опредѣленіе собора 753—754 года, сохранившееся въ дѣяніяхъ седьмого вселенскаго собора, вынесло окончательный приговоръ иконопочитанію, который гласитъ, что «всякая икона, сдѣланная изъ какого угодно вещества, а равно и писанная красками при помощи нечестиваго искусства живописцевъ, должна быть извергаема изъ христіанскихъ церквей; она чужда имъ и заслуживаетъ презрѣнія. Да не дерзнетъ никакой человѣкъ заниматься такимъ нечестивымъ и неблагоприличнымъ дѣломъ. Если же кто либо съ этого времени дерзнетъ устроить икону, или поклоняться ей, или поставить ее въ церкви, или въ собственномъ домѣ, или же скрывать

ее, такой, если это будетъ епископъ, или пресвитеръ, или діаконъ, то да будетъ низложенъ, а если монахъ или мірянинъ, то да будетъ преданъ анаѳемъ, и да будетъ онъ виновень и передъ императорскими законами, такъ какъ онъ противникъ Божіихъ распоряженій и врагъ отеческихъ догматовъ». Изъ этого опредѣленія, помимо его общаго значенія для иконъ, важно отмѣтить, что лица, виновныя въ иконопочитаніи, подлежатъ императорскимъ законамъ, т. е. свѣтской власти, чѣмъ въ послѣдствіи участники седьмого вселенскаго собора и будутъ объяснять факты необыкновеннаго насилія, проявленнаго нѣкоторыми императорами въ отношеніи церкви и монаховъ. Анаѳема провозглашалась тому, кто «старается представить посредствомъ вещественныхъ красокъ свойства Бога Слова... и лики святыхъ, неприносящіе никакой пользы, потому что это глупая затѣя и изобрѣтеніе діавольскаго коварства». Въ концѣ опредѣленія соборъ возгласилъ: «Новому Константину и благочестивѣйшему императору многая лѣта!... Благочестивѣйшей и августѣйшей (императрицѣ) многая лѣта!.. Вы утвердили догматы святыхъ шести вселенскихъ соборовъ. Вы уничтожили идолослуженіе»... Анаѳемъ были преданы патріархъ Германъ, «почитатель дерева», и Мансуръ, т. е. Іоаннъ Дамаскинъ, «мыслящій по-сарацински, злоумышляющій противъ имперіи, учитель нечестія, превратно толковавшій Божественное Писаніе».

Единогласное постановленіе собора произвело сильное впечатлѣніе. «Многіе, по словамъ проф. Андреева, кого еще беспокоило смутное сознаніе неправоты иконоборцевъ, теперь естественно должны были успокоиться; у многихъ, которые прежде колебались въ ту или другую сторону, благодаря сильной аргументаціи соборныхъ опредѣленій, могли сложиться сознательныя иконоборческія воззрѣнія». Народъ долженъ былъ клятвенно поручиться въ томъ, что онъ впредь не будетъ поклоняться иконамъ.

Преслѣдованіе иконъ стало послѣ собора проводиться въ жизнь съ неумолимою жестокостью. Иконы разбивались, сожигались, замазывались и подвергались всяческому поруганіямъ. Съ особенною яростью преслѣдовалось почитаніе Божіей Матери. Противъ иконопочитателей было открыто жестокое преслѣдованіе, сопровождавшееся казнями, пытками, тюремными заключеніями, конфискаціями и изгнаніемъ. Въмѣсто

иконъ появлялись изображенія деревьевъ, птицъ, звѣрей или сценъ охоты, цирка, театра и т. д. По словамъ житія, Влахернскій храмъ въ Константинополѣ, лишенный прежняго своего благолѣпія и расписанный по новому, превратился «въ овощную лавку и птичникъ». При уничтоженіи иконъ, живописныхъ (мозаикъ и фресокъ) и иконъ-статуй, погибали многочисленные памятники искусства. Немало погибло въ то время и рукописей съ миниатюрами.

Одновременно съ преслѣдованіемъ иконъ шло и преслѣдованіе мощей. Сохранилась сатира иконоборческой эпохи на чрезмѣрное почитаніе мощей, гдѣ говорится о десяти рукахъ мученика Прокопія, о пятнадцати челюстяхъ Θεодора, о четырехъ головахъ Георгія и т. д.

Большое ожесточеніе проявилъ Константинъ V также по отношенію къ монахамъ, этимъ «идолопоклонникамъ и мраколюбцамъ», и монастырямъ. Борьба съ монахами была настолько напряженною, что нѣкоторые даже считаютъ спорнымъ, какъ точнѣе опредѣлить преобразовательную дѣятельность даннаго періода: было ли это иконоборство или монахоборство, икономахія или монахомахія? Монахи подвергались всяческому преслѣдованіямъ: ихъ заставляли облачаться въ свѣтское платье, вступать въ бракъ; они, держа женщинъ за руки, должны были проходить къ ипподрому при насмѣшкахъ и оскорбленіяхъ собравшагося народа. Монастыри отбирались и обращались въ казармы и арсеналы. Монастырскія имѣнія конфисковались. Свѣтскимъ людямъ запрещалось идти въ монахи. Все это повело къ тому, что многочисленные монахи уходили въ мѣста, незатронутыя императорскою политикою. По мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, въ эпоху Льва и Константина въ одну только Италію переселилось около 50.000 монаховъ; послѣднее обстоятельство имѣло громадное значеніе для судебъ средневѣковой южной Италиі, такъ какъ поддержало тамъ господство греческой народности и православной церкви. Такой же исходъ монаховъ совершился на сѣверное побережье Евксинскаго Понта (Чернаго моря), на островъ Кипръ и побережье Сиріи и Палестины. Изъ мучениковъ, пострадавшихъ при Константинѣ V, особенно извѣстенъ св. Стефанъ Новый.

Пятилѣтнее правленіе преемника Константина V, Льва IV Хазара (775—780), по сравненію съ временемъ его отца,

является нѣкоторымъ успокоеніемъ во внутренней жизни имперіи. Будучи самъ сторонникомъ иконоборства, Левъ не чувствовалъ острой вражды къ монахамъ, которые при немъ снова начали имѣть нѣкоторое вліяніе. Въ свое кратковременное царствованіе онъ не успѣлъ ярко проявить себя и какъ иконоборецъ. Весьма вѣроятно, на Льва оказывала вліяніе его молодая супруга, аеинянка Ирина, извѣстная сторонница иконопочитанія, на которую съ надеждою обращали свои взоры сторонники послѣдняго направленія. Со смертію Льва IV (780 г.) окончился первый періодъ иконоборства.

За малолѣтствомъ его сына Константина государствомъ стала управлять мать, гречанка Ирина, рѣшившая возстановить иконопочитаніе.

Не смотря на опредѣленныя симпатіи къ иконопочитанію, Ирина въ первые три года своего правленія не предпринимала никакихъ шаговъ къ его оффиціальному возстановленію. Подобная медлительность объясняется внутренними и внѣшними затрудненіями имперіи, которая должна была вести борьбу съ претендентомъ на престоль, съ арабами и жившими въ Греціи славянами. Кромѣ того, надо было приступить къ возстановленію иконопочитанія съ большою осторожностью и подготовкой, такъ какъ большая часть войска была настроена иконоборчески, а каноны иконоборческаго собора 753—754 года, объявленные Константиномъ V государственными законами, продолжали еще на многихъ оказывать извѣстное вліяніе. Но надо думать, что многіе представители высшаго духовенства приняли рѣшенія иконоборческаго собора не по убѣжденію, а по неволѣ; и потому представляли собою, по словамъ проф. Андреева, «матеріаль, слишкомъ податливый для реформаторскихъ операцій иконоборческихъ императоровъ, не могущій представить затрудненій и для операцій противоположнаго характера».

Только черезъ четыре года послѣ начала правленія Ирины патриархомъ Константинопольскимъ былъ избранъ Тарасій, заявившій о необходимости созванія вселенскаго собора для возстановленія иконопочитанія, а къ папѣ Адріану I было отправлено посольство съ приглашеніемъ прибыть на предполагаемый въ Константинополь соборъ. Папа отправилъ на соборъ своихъ представителей.

Соборъ состоялся въ 786 году въ храмѣ свв. Апостоловъ.

Однако, настроенныя иконоборчески столичныя войска ворвались въ храмъ съ обнаженными мечами и заставили распустить собраніе. Казалось, иконоборческая партія снова восторжествовала, но не надолго. Ирина хитростью избавилась отъ непокорныхъ войскъ, замѣнивъ ихъ другими ей преданными войсками.

Въ слѣдующемъ 787 году соборъ былъ созванъ въ военномъ городѣ Никеѣ, гдѣ имѣлъ, какъ извѣстно, мѣсто первый вселенскій соборъ. Семь засѣданій собора, на которыхъ императоръ и императрица отсутствовали, происходили въ Никеѣ. Последнее же восьмое засѣданіе происходило въ императорскомъ дворцѣ въ Константинополѣ. Число собравшихся на соборъ епископовъ было болѣе трехсотъ. Это былъ седьмой и послѣдній въ исторіи восточной церкви вселенскій соборъ.

По опредѣленію собора иконопочитаніе было возстановлено. Честныя иконы были приняты, и думающіе иначе подвергались анаемѣ. Анаема объявлялась всѣмъ, «обзывающимъ священныя иконы идолами, говорящимъ, что христіане прибѣгаютъ къ иконамъ, какъ къ богамъ, и что каѳолическая церковь когда либо принимала идоловъ». «Тогда, по словамъ дѣяній собора, сіяющая счастіемъ благочестивѣйшая императрица взяла соборное опредѣленіе и подписала его, а затѣмъ передала его соцарствующему ей своему сыну, чтобы и онъ подписалъ». Послѣ этого епископы возгласили многолѣтія и славословія «новому Константину и новой Еленѣ». По вопросу о мощахъ было постановлено, что, если въ возобновленныхъ храмахъ не положены святыя мощи, то слѣдуетъ это восполнить. Обращеніе монастырей въ обыкновенныя жилища подвергалось великому осужденію, и вмѣстѣ съ тѣмъ требовалось возстановленіе упраздненныхъ иконоборцами и обращенныхъ на мірскія нужды монастырей. Большое вниманіе было обращено соборомъ на поднятіе нравственности духовенства: осуждалось приобрѣтеніе церковныхъ должностей за деньги (симонія); запрещались двойные, т. е. смѣшанные монастыри и т. д.

Значеніе Никейскаго собора заключается не только въ возстановленіи иконопочитанія. Соборъ создалъ иконопочитателямъ организацію, которой у нихъ недоставало въ борьбѣ съ ихъ противниками, собралъ воедино богословскія доказа-

тельства въ пользу иконопочитанія, которыя иконопочитатели послѣ этого могли противопоставить иконоборцамъ. Однимъ словомъ, иконопочитательская партія получила въ руки оружіе, котораго у нея раньше не было и съ которымъ ей въ будущемъ было уже легче бороться съ иконоборцами, когда наступилъ второй періодъ иконоборческаго движенія. Такимъ образомъ, первый періодъ иконоборчества окончился возстановленіемъ иконопочитанія при Иринеѣ и Константинеѣ въ 787 году.

Коронованіе Карла Великаго и значеніе этого факта для Византіи. «Коронованіе Карла, по словамъ историка Брайса, представляетъ собою не только центральное событіе среднихъ вѣковъ: оно одно изъ тѣхъ очень немногихъ событій, о которыхъ, вырывая ихъ изъ общей связи, можно сказать, что, если бы они не произошли, исторія міра была бы иная». Въ настоящій моментъ это событіе имѣетъ для насъ значеніе, главнымъ образомъ, постольку, поскольку оно отразилось на византійскомъ государствѣ.

Какъ извѣстно, въ представленіи средневѣкового человѣка, Римская имперія была едина, такъ что, когда въ предшествующіе вѣка мы видѣли въ имперіи двухъ или болѣе императоровъ, это объяснялось тѣмъ, что два государя управляютъ единымъ государствомъ. Выше было уже указано, что ни о какомъ паденіи Западной Римской имперіи въ 476 году не можетъ быть и рѣчи. Идеей о существованіи единой имперіи объясняется въ VI вѣкѣ военная политика Юстиніана на Западѣ. Эта идея продолжала жить и въ 800 году, когда произошло знаменитое коронованіе Карла Великаго въ Римѣ императорскою короною.

Но въ то время какъ идея о единой имперіи въ теоріи неизмѣнно жила въ сознаніи средневѣковья, въ дѣйствительности восточный или византійскій, греко-славянскій міръ, какимъ онъ былъ уже къ концу VIII вѣка, и западный романо-германскій міръ являлись къ этому времени и по своему языку, и по племенному составу, и по культурнымъ задачамъ совершенно различными, обособленными мірами. Идея единства имперіи пережила себя и сдѣлалась историческимъ анахронизмомъ, конечно, съ нашей современной точки зрѣнія, а не съ точки зрѣнія среднихъ вѣковъ.

Иконоборство сыграло нѣкоторую роль въ подготовкѣ событія 800 года. Папство, энергично протестовавшее противъ

иконоборческих мѣропріятій въ Византіи и предавшее иконоборцевъ отлученію, стало искать себѣ друзей и защитниковъ на западѣ въ лицѣ возвысившихся во франкскомъ государствѣ въ VIII вѣкѣ сначала маіордомовъ, потомъ королей Каролингскаго дома. Въ концѣ VIII вѣка на франкскомъ престолѣ сидѣлъ самый знаменитый представитель этого дома, Карль Великій. Мы оставимъ въ сторонѣ сложный вопросъ, оцѣниваемый разнѡ въ исторической литературѣ, о взаимныхъ интересахъ папы и франкскаго короля, которые, въ концѣ концовъ, привели къ коронованію послѣдняго императорскою короною.

Самый фактъ общеизвѣстенъ. Въ первый день Рождества Христова 800 года, во время торжественнаго богослуженія въ храмѣ св. Петра, папа Левъ III возложилъ на колѣнопреклоненнаго Карла императорскую корону. Присутствовавшій въ церкви народъ возгласилъ: «Карлу, благочестивѣйшему Августу, вѣнчанному Богомъ, великому и миролюбивому императору, многая лѣта и побѣда!».

О значеніи принятаго Карломъ императорскаго титула учеными высказывались различныя мнѣнія. Одни полагали, что титулъ императора не давалъ Карлу никакихъ новыхъ правъ, что на самомъ дѣлѣ онъ остался какъ и прежде «королемъ франковъ и лангобардовъ и римскимъ патриціемъ»; однимъ словомъ, Карль получилъ лишь одно имя. Другіе думали, что въ 800 году, въ лицѣ императора Карла, была создана отдѣльная Западная имперія внѣ всякой зависимости отъ существованія Восточной или Византійской имперіи.

Но оцѣнивать явленіе 800 года съ означенныхъ точекъ зрѣнія, это значитъ привносить въ его оцѣнку взгляды позднѣйшихъ эпохъ. Въ концѣ VIII вѣка не было и не могло быть еще ни представленія о «титулярномъ» императорѣ, ни о созданіи отдѣльной Западной имперіи. Событіе 800 года надо разсматривать съ современной той эпохѣ точки зрѣнія, какъ на него смотрѣли и сами дѣйствующія лица, т. е. Карль Великій и папа Левъ III.

Ни тотъ, ни другой не имѣли въ виду создавать Западную имперію въ противоположность имперіи Восточной. Карль былъ убѣжденъ, что въ 800 году, по полученіи титула императора, онъ сдѣлался государемъ и продолжателемъ прежней единой Римской имперіи. Римъ только возвратилъ себѣ отъ Кон-

стантинополя право императорскаго избранія. Какъ уже не разъ замѣчено было выше, въ умахъ людей того времени не было такого представленія, будто двѣ имперіи могли существовать заразъ; по самому существу своему имперія была едина. «Императорскій догматъ единства имперіи покоился на догматѣ единства Бога, такъ какъ императоръ въ качествѣ Его временнаго намѣстника отправлялъ божественныя полномочія на землѣ». Обстоятельства того времени облегчали для Карла проведение въ жизнь этого единственно тогда возможнаго взгляда на императорскую власть.

Какъ извѣстно, въ Византіи въ 797 году Ирина низложила императора и своего сына Константина и стала самодержавною правительницею имперіи, что шло въ полный разрѣзъ съ традиціями Римской имперіи, гдѣ женщина никогда не правила со всею полнотою верховной власти. Съ точки зрѣнія Карла и папы Льва императорскій тронъ считался вакантнымъ, такъ какъ на немъ возсѣдала женщина, и поэтому Карль, принимая императорскій вѣнецъ, занялъ свободный престоль единой Римской имперіи и сдѣлался законнымъ преемникомъ не Ромула Августула, а Льва IV, Ираклія, Юстиніана, Θεодосія и Константина Великаго, — вообще императоровъ восточной линіи. Интереснымъ подтвержденіемъ этого является то, что въ западныхъ лѣтописяхъ (анналахъ) современныхъ 800 году и послѣдующихъ вѣковъ, которыя велись по годамъ византійскихъ государей, непосредственно за именемъ Константина VI, сына Ирины, слѣдуетъ имя Карла.

Если такова была точка зрѣнія Карла на данный вопросъ, то какъ же отнеслась къ провозглашенію его императоромъ Византія? Она отнеслась также, какъ соотвѣтствовало взглядамъ того времени. Не отрицая, конечно, правъ Ирины на престоль, Византія разсматривала событіе 800 года какъ одну изъ столь многочисленныхъ въ ея исторіи попытокъ возмущенія противъ царствовавшаго государя и не безъ основанія боялась, какъ бы провозглашенный императоръ, какъ то дѣлали прежніе повстанцы, не пошелъ на Константинополь, чтобы силою свергнуть Ирину и овладѣть императорскимъ трономъ. Такимъ образомъ, въ глазахъ византійскаго правительства это было лишь возмущеніемъ нѣкоторыхъ западныхъ провинцій противъ законнаго государя.

Но, конечно, Карль понималъ непрочность своего но-

ваго положенія, такъ какъ вопросъ о восточномъ императорствѣ его коронованіемъ рѣшенъ не былъ; въ Византіи послѣ смерти Ирины будетъ избранъ новый императоръ, права котораго на императорскій титулъ будутъ признаны неоспоримыми на востокѣ. Предвидя въ грядущемъ подобныя затрудненія, Карль открылъ переговоры съ Ириной, предлагая ей вступить съ нимъ въ бракъ и «соединить, по словамъ хроникки, восточныя и западныя области». Другими словами, Карль понималъ всю важность признанія его новаго титула со стороны Византійской имперіи. Ирина благосклонно отнеслась къ предложенію Карла. Но въ дѣло вмѣшался могущественный въ то время патрицій Аэцій, который, низложивъ Ирину, отправилъ ее въ ссылку. Планы Карла на бракъ съ Ириной и на соединеніе подъ одною властью запада и востока не удались.

Можетъ быть, Аэцій тѣмъ, что воспрепятствовалъ браку между Карломъ и Ириной, спасъ Восточной имперіи независимость отъ западнаго государя и избавилъ ее отъ возможности увидѣть на византійскомъ тронѣ представителей фамиліи Каролинговъ.

По низложеніи Ирины на Византійскій престолъ вступилъ Никифоръ. Между нимъ и Карломъ велись переговоры, вѣроятно, о признаніи первымъ императорскаго титула второго. Но лишь въ 812 году послы византійскаго императора Михаила I Рангавэ привѣтствовали Карла въ Ахенѣ титуломъ императора - василевса. Это признаніе 812 года узаконило императорское избраніе 800 года. Съ этихъ поръ было два римскихъ императора при продолжавшей существовать въ теоріи единой Римской имперіи. «Другими словами, пишетъ проф. Бьюри, актъ 812 года оживилъ въ теоріи положеніе V вѣка. Михайль I и Карль, Левъ V Армянинъ и Людовикъ Благочестивый находились въ такомъ же отношеніи другъ къ другу, какъ Аркадій и Гонорій, Валентиніанъ III и Θεодосій II; Римская имперія (*imperium Romanum*) простиралась отъ границъ Арменіи до береговъ Атлантики». Но само собою разумѣется, что подобное единство имперіи было лишь чисто номинальнымъ, теоретическимъ. Обѣ имперіи жили совершенно особою жизнью. Къ тому же, и самая идея о единствѣ имперіи стала забываться на Западѣ.

Императорское достоинство, прибрѣтенное Карломъ для

Запада, было недолговѣчнымъ. Оно во время возникшихъ смуть послѣ распаденія Карловой монархіи стало достояніемъ случайныхъ лицъ и въ началѣ X вѣка совершенно исчезло, чтобы во второй половинѣ этого вѣка снова появиться, но уже въ антиисторической и уродливой формѣ «Священной Римской имперіи германской націи».

Начиная съ 800 года, можно впервые говорить о Восточной Римской имперіи, что и дѣлаетъ, на примѣръ, англійскій византинистъ Бьюри, который, какъ было замѣчено уже выше, озаглавилъ третій томъ своей исторіи Византіи, охватывающій событія съ 802 года, т. е. года низложенія Ирины, до начала Македонской династіи, «Исторіей Восточной Римской имперіи», тогда какъ первые два тома его исторіи озаглавлены «Исторія позднѣйшей Римской имперіи».

Итоги дѣятельности Исаврійской династіи. Въ исторической наукѣ очень высоко цѣнятся заслуги первыхъ представителей Исаврійскаго дома, особенно его родоначальника Льва III. Дѣйствительно, послѣдній, вступивъ на престолъ послѣ періода смуты и безначалія, выказалъ себя недюжиннымъ полководцемъ, талантливымъ администраторомъ и понимающимъ задачи времени законодателемъ. Религіозная политика иконоборцевъ стоитъ особнякомъ. Но въ большинствѣ трудовъ иностранныхъ ученыхъ Левъ III признается, напр., греками «однимъ изъ величайшихъ государей восточной имперіи, однимъ изъ благодѣтелей человѣчества», нѣмцами «однимъ изъ величайшихъ людей на императорскомъ тронѣ», ясно понимавшимъ необходимость «коренной реформы во главѣ и членахъ», «человѣкомъ, которому суждено было кровью и желѣзомъ произвести возрожденіе имперіи, великимъ военнымъ геніемъ». Англійскій ученый называетъ дѣло Льва возрожденіемъ Римской имперіи, а французскій историкъ считаетъ дѣло исаврійскихъ императоровъ «однимъ изъ самыхъ великихъ и наиболее достойныхъ уваженія усилій, которыя когда либо были сдѣланы для поднятія матеріальнаго, моральнаго и умственнаго уровня народа», и сравниваетъ ихъ «обширную организаціонную попытку по степени ея важности съ попыткою Карла Великаго». Въ болѣе или менѣе случайныхъ оцѣнкахъ русскихъ ученыхъ, которые до сихъ поръ, если не считать церковныхъ историковъ, общей исторіей

исаврійскихъ государей не занимались, нельзя замѣтить столь великаго ихъ превознесенія. Не вышедшіе еще второй томъ исторіи *Θ. И. Успенскаго* и четвертый томъ *Ю. А. Кулаковскаго* должны будутъ начинаться именно съ эпохи императоровъ-иконоборцевъ. Въ первомъ же томъ Лекцій по исторіи Византіи *С. П. Шестакова*, гдѣ данный періодъ излагается, никакой оцѣнки не дано.

Признавая выдающуюся энергію и нѣкоторый административный талантъ первыхъ двухъ иконоборцевъ, изъ которыхъ Левъ безусловно спасъ имперію, мы должны, на основаніи доступнаго намъ историческаго матеріала, воздержаться отъ преувеличеннаго ихъ восхваленія западными историками. Во всякомъ случаѣ, ихъ иконоборческая политика, какъ бы она ни была искренна съ ихъ стороны, вызвала въ имперіи на протяженіи болѣе ста лѣтъ тяжелую внутреннюю смуту, нарушившую нормальную жизнь государства и безусловно его ослабившую. Тоже иконоборческое движеніе, уже въ его первый періодъ, т. е. въ VIII вѣкѣ, отдалило отъ Византіи Италію, гдѣ папа, предавъ иконоборцевъ проклятію, обратилъ свои взоры на западъ къ франкскимъ правителямъ, вступилъ съ ними въ тѣсныя сношенія и этимъ самымъ открылъ новую въ высшей степени важную эпоху средневѣковой исторіи, заложивъ вмѣстѣ съ тѣмъ одно изъ основаній для будущаго раздѣленія церквей. Итакъ, въ исаврійскую эпоху Византія потеряла среднюю Италію, включая Равеннскій экзархатъ, завоеванный въ половинѣ того же VIII вѣка лангобардами и позднѣе переданный Пипиномъ Короткимъ папѣ. Иконоборческая политика государей VIII вѣка не позволяетъ, такимъ образомъ, въ нихъ видѣть тонкаго государственнаго ума. Но надо оговориться, что настоящая полная исторія Исаврійской династіи еще не написана, и поэтому многіе важные вопросы того времени не могутъ быть еще усвоены съ желательною ясностью.

Особаго вниманія, напримѣръ, заслуживаетъ вопросъ объ уменьшеніи количества монаховъ и монастырей и о довольно частой, повидимому, секуляризаціи монастырской земельной собственности. Изслѣдованіе этой соціальной стороны дѣятельности императоровъ Исаврійскаго дома и связи ея съ иконоборствомъ является въ настоящее время одною изъ насущнѣйшихъ, очередныхъ задачъ византиновѣдѣнія. Вни-

мательное изученіе даннаго вопроса можетъ и всю такъ называемую иконоборческую эпоху освѣтить съ новой точки зрѣнія, открыть въ ней еще болѣе глубокой смыслъ и вскрыть ея общеисторическое значеніе.

Литература къ шестой главѣ. Сочиненія общаго характера: Общія иностранныя сочиненія (см. первую главу). Терновскій (см. лит. второй главы). А. Лебедевъ. Вселенскіе соборы VI, VII и VIII вѣковъ. С. П. Шестаковъ. Лекціи по исторіи Византіи. Т. I. Изд. 2. Казань, 1915. Монографіи по отдѣльнымъ царствованіямъ: К. Schenk. Kaiser Leon III. 1. Teil. Diss. Halle a. S. 1880. Его-же. Kaiser Leons III Walten im Innern (Byz. Zeitschrift, V, 1896, 257—301). Θ. Смирновъ. Левъ III Исавръ и начало иконоборства (Статья въ Книгѣ для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ подъ ред. П. Г. Виноградова. Вып. I). A. Lombard. Etudes d'histoire byzantine: Constantin V, empereur des Romains (740—775), avec une préface de Ch. Diehl. Paris, 1902. I. Δ. Φοροπούλου Ειρήνη ή 'Αθηναία αυτοκράτειρα Ῥωμαίων. Часть I (769—788). Лейпцигъ, 1887. Общія работы по эпохѣ иконоборства: F. Ch. Schlosser. Geschichte der bilderstürmenden Kaiser des oströmischen Reiches. Frankfurt, 1812 (устарѣло). Karl Schwarzlose. Der Bilderstreit, ein Kampf der griechischen Kirche um ihre Eigenart und um ihre Freiheit. Gotha, 1890. Louis Bréhier. La querelle des images (VIII-e—IX-e siècles). Paris, 1904. Свящ. В. Преображенскій. Борьба за иконопочитаніе въ Византійской имперіи. Москва, 1890 (Брошюра съ церковной точки зрѣнія). И. Андреевъ. Германъ и Тарасій, патриархи константинопольскіе. Очерки ихъ жизни и дѣятельности въ связи съ ходомъ иконоборческихъ смуть. Сергіевъ Посадъ, 1907. Б. Меліоранскій. Къ исторіи иконоборчества. Рѣчь (Христ. Чтеніе за 1901 г.). А. F. Gfröger. Der Bildersturm. Статья въ его Byzantinische Geschichten. II, Graz, 1873, 460—478. По вопросу о законодательствѣ иконоборцевъ, кромѣ общихъ трудовъ по праву (см. первую главу), В. Г. Васильевскій. Законодательство иконоборцевъ (Журн. Мин. Нар. Просв., 1878, т. 199 и 200). Болѣе специальная литература не указывается. Литературу о емахъ см. въ пятой главѣ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Ближайшіе преемники Исаврійскаго дома (802—820) и время Аморійской или Фригійской династїи (820—867).

Государи съ 802 по 867 годъ и ихъ происхожденіе. Время съ начала IX вѣка до вступленія на престолъ Македонской династїи, т. е. до 867 года, разсматривалось обычно историками лишь какъ переходъ отъ эпохи оживленія имперїи при императорахъ-исаврійцахъ къ блестящей эпохѣ императоровъ Македонскаго дома. Но новѣйшія изслѣдованія показываютъ, что данный періодъ представляетъ собою не простой эпилогъ и гораздо большее, чѣмъ прологъ; онъ имѣетъ свое самодовлѣющее значеніе и знаменуетъ новую фазу въ византійской культурѣ.

Какъ извѣстно, въ 802 году происшедшая революція свергла императрицу Ирину и возвела на престолъ Никифора I (802—811). По свидѣтельству восточныхъ источниковъ, Никифоръ былъ арабскаго происхожденія, т. е. происходилъ отъ пограничныхъ съ имперїей арабовъ; вѣроятно, одинъ изъ его предковъ переселился въ малоазіатскую область Писидію, гдѣ и родился Никифоръ. Революція, произведенная въ пользу послѣдняго, является по своему характеру однимъ изъ очень рѣдкихъ примѣровъ въ лѣтописяхъ византійской исторїи. Громадное большинство государственныхъ переворотовъ въ Византїи совершалось военными людьми, вождями арміи. Въ лицѣ же Никифора на престолъ было возведено гражданское лицо, такъ какъ онъ стоялъ во главѣ финансоваго вѣдомства, т. е. былъ министромъ финансовъ. Послѣ того какъ Никифоръ въ 811 году палъ въ битвѣ съ болгарами, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ того же 811 года правилъ тяжело раненый въ той же войнѣ сынъ его Ставра-

кій. Но еще до своей смерти онъ былъ низложенъ въ пользу куропалата Михаила I, принадлежавшаго къ греческой фамилии Рангавэ и женатаго на Прокопiи, сестрѣ несчастнаго Ставракiя и дочери Никифора I. Но и Михаилъ I царствовалъ не долго (811—813). Онъ былъ низложенъ, особенно въ виду его неудачной борьбы съ болгарами, военачальникомъ Львомъ, по происхожденiю армяниномъ, который и извѣстенъ въ исторiи какъ Левъ V Армянинъ (813—820). Въ 820 году Левъ V былъ убитъ, и на престолъ былъ возведенъ одинъ изъ начальниковъ гвардiи Михаилъ II (820—829), съ прозванiемъ «Косноязычный», родомъ изъ укрѣпленнаго города Аморiя въ малоазiатской провинци Фригiи, почему и его династiя, давая трехъ представителей, называется аморiйскою или фригiйскою (820—867). Онъ былъ грубымъ, невѣжественнымъ провинциаломъ, проводившимъ свои молодые годы во Фригiи «среди еретиковъ, евреевъ и полуэллинизованныхъ фригiйцевъ». Одинъ позднiй сирийскiй источникъ утверждаетъ даже, что дѣдъ Михаила былъ обращенный еврей. Послѣ смерти Михаила II царствовалъ его сынъ Теофиль (829—842), женатый на знаменитой возстановительницѣ православiя Теодорѣ, изъ малоазiатской провинци Пафлагонiи. Послѣднимъ представителемъ этой династiи является ихъ сынъ, развратный и безталанный Михаилъ III (842—867), перешедшiй въ исторiю съ презрительнымъ прозвищемъ «Пьяницы».

Въ малолѣтство Михаила мать его Теодора въ теченiе четырнадцати лѣтъ управляла государствомъ, передавъ главное руководительство дѣлами своему любимцу Теокисту. Когда Михаилъ достигъ совершеннолѣтiя, онъ, приказавъ убить Теокиста и постричь въ монахини свою мать, началъ самъ править государствомъ. Въ этомъ переворотѣ главную роль сыгралъ дядя императора и братъ Теодоры Варда, который, достигши быстро высшихъ званiй византийскаго двора, куропалата и кесаря, дававшихъ при бездѣтности Михаила нѣкоторую надежду Вардѣ на занятiе впоследствии трона, добился исключительнаго влiянiя въ государствѣ. Слабый и развратный Михаилъ, нисколько не интересовавшiйся государственными дѣлами, позволялъ Вардѣ въ теченiе десяти лѣтъ управлять государствомъ. Варда являлъ собою типъ въ высшей степени талантливаго человѣка, съ успѣхомъ воевавшего

съ внѣшними врагами, понимавшаго интересы церкви и искренно заботившагося о просвѣщеніи. Однако, и Варда былъ предательски умерщвленъ благодаря проискамъ новаго любимца императора, Василия, будущаго основателя Македонской династіи, объ удивительной судьбѣ котораго будетъ сказано ниже. Василій послѣ убійства Варды былъ усыновленъ бездѣтнымъ Михаиломъ и коронованъ императорскою короною. Но такое совмѣстное императорство продолжалось немногимъ болѣе года. Василій, заподозрѣвъ Михаила въ зломъ умыслѣ противъ него, послѣ одного пира убѣдилъ товарищей убить его благодѣтеля. Послѣ этого Василій (въ 867 г.) сдѣлался единодержавнымъ правителемъ государства, основавъ наиболѣе извѣстную династію въ византійской исторіи.

Такимъ образомъ, въ періодъ съ 802 по 867 годъ на престолѣ сидѣли два араба, т. е. семита; одинъ грекъ, а именно Михаилъ I, женатый на дочери Никифора I, т. е. арабкѣ; одинъ армянинъ и, наконецъ, три фригійца, можно сказать, полугрека. Впервые на византійскомъ престолѣ появились представители семитской расы. Итакъ, и въ данный періодъ восточные элементы играли значительную роль въ управленіи государствомъ.

Византія и арабы въ эпоху Аморійской династіи. Возстаніе Ѳомы Славянина. Первое нападеніе русскихъ на Константинополь. Въ IX вѣкѣ враждебныя отношенія между Византіей и арабами почти не прекращались. На восточной сухопутной границѣ эти отношенія вылились въ форму однообразныхъ, чуть ли не ежегодныхъ столкновеній, сопровождавшихся частыми обмѣнами плѣнныхъ. Въ пограничной области со стороны мусульманъ, на протяженіи отъ Сиріи до предѣловъ Арменіи, былъ устроенъ рядъ укрѣпленныхъ пунктовъ, которые должны были служить защитой противъ нападений византійскихъ войскъ. Такіе же укрѣпленные города были и со стороны византійской границы. Это былъ своего рода малоазіатскій *line*. Сравнительно рѣдко въ IX вѣкѣ столкновенія на восточной границѣ принимали видъ настоящихъ походовъ въ глубь страны. Во всякомъ случаѣ, по мѣрѣ постепеннаго политическаго упадка и ослабленія халифата въ IX вѣкѣ, съ его сильными внутренними смутами и съ полученіемъ въ немъ преобладающаго значенія сначала персовъ, а позднѣе турокъ, постоянныя нападенія мусульманъ на

Византию съ востока уже не грозили, какъ въ VII—VIII вѣкахъ, самому существованію имперіи; но сосредоточиваясь, большею частью, въ близкихъ къ границамъ областяхъ, эти нападенія продолжали наносить сильный вредъ государству, подрывая благосостояніе пограничныхъ провинцій, уменьшая ихъ податную силу, уничтожая населеніе. Современниками византійскихъ государей въ первые три десятилѣтія IX вѣка были въ халифатѣ знаменитые халифы Харун-ар-Рашидъ (786—809) и Мамунъ (813—833), при которыхъ персидское вліяніе получило исключительное преобладаніе, и арабская національность должна была отступить на задній планъ.

Но, если на сухопутной границѣ, за немногими исключениями, византійско-арабскія столкновенія не привели въ данный періодъ къ важнымъ результатамъ для той или другой стороны, то дѣйствія мусульманскаго флота въ Средиземномъ морѣ, повлекшія за собою для Византіи потерю острова Крита, большей части Сициліи и ряда важныхъ пунктовъ въ Южной Италіи, имѣли для имперіи въ высшей степени существенное значеніе.

Однимъ изъ интересныхъ моментовъ арабо-византійскихъ отношеній въ первой половинѣ IX вѣка является участіе арабовъ въ возстаніи Θомы въ царствованіе Михаила II.

Возстаніе Θомы, по происхожденію славянина, поднятое имъ въ Малой Азіи и получившее размѣры настоящей междоусобной войны, длившейся болѣе двухъ лѣтъ, должно быть признано центральнымъ событіемъ времени Михаила II. Оно имѣетъ большой интересъ съ различныхъ точекъ зрѣнія: съ политической, религіозной и соціальной.

Съ политической стороны возстаніе Θомы интересно тѣмъ, что ему удалось привлечь на свою сторону, за исключеніемъ войска двухъ ѳемъ, всю Малую Азію. Подъ его знамена, по свидѣтельству современнаго источника, собрались разнообразныя жившія въ Малой Азіи и на пограничномъ Кавказѣ народности: родственные Θомѣ славяне, которые, какъ было уже замѣчено выше, образовали въ Малой Азіи благодаря переселеніямъ обширныя колоніи, персы, армяне, грузины и представители нѣкоторыхъ другихъ кавказскихъ народностей. На сторонѣ Θомы оказалась столь внушительная сила, что халифъ Мамунъ не задумался вступить съ нимъ въ тѣсный союзъ, обязуясь помочь ему въ сверженіи Михаила и получивъ въ

свою очередь обѣщаніе отъ Θомы уступить ему нѣкоторыя пограничныя территоріи Византіи. Итакъ, въ лицѣ Θомы императоръ получилъ въ высшей степени опаснаго и грознаго соперника. Восточные арабы, какъ видно, были очень заинтересованы ходомъ возникшаго движенія.

Съ религіозной стороны возстаніе Θомы интересно въ томъ отношеніи, что онъ, воспользовавшись недовольствомъ большого числа населенія противъ возобновившагося иконоборства, объявилъ себя сторонникомъ иконопочитанія и даже выдавалъ себя за Константина, сына императрицы Ирины, возстановительницы православія. Этимъ Θома также привлекъ на свою сторону многочисленныхъ приверженцевъ. Наконецъ, въ возстаніи Θомы можно замѣтить и социальную подкладку, такъ какъ въ это время въ Малой Азій, послѣ того какъ сборщики государственныхъ податей перешли на сторону Θомы, по словамъ источника, поднялись «рабы на господъ», т. е. поднялись низшіе классы противъ своихъ притѣснителей, землевладѣльцевъ-помѣщиковъ, въ надеждѣ на лучшее будущее. Вспыхнувшая междоусобная война, по словамъ того же источника, «какъ бы нѣкіе открывшіеся Нильскіе пороги, затопила землю, не водой, а кровью».

Θома, на сторону котораго перешель также флотъ Эгейскаго моря, направилъ свои дѣйствія противъ Константинополя и безъ, труда справившись съ противодѣйствіемъ на пути туда войскъ Михацла, осадилъ съ суши и съ моря столицу. Жившіе въ европейскихъ провинціяхъ Θраксіи и Македоніи славяне, послѣ прибытія Θомы на европейскій берегъ, присоединились къ нему. Осада Константинополя Θомой продолжалась цѣлый годъ. Михаилъ находился въ очень трудномъ положеніи. Однако, ему помогли два обстоятельства: съ одной стороны, ему удалось нанести пораженіе флоту Θомы; съ другой стороны, неожиданно появившіеся съ сѣвера болгары подъ предводительствомъ своего государя Омуртага разбили сухопутное войско Θомы. Послѣ этого Θома уже не могъ вернуть себѣ прежней силы, и дѣло его было проиграно. Вынужденный бѣжать, онъ былъ схваченъ и преданъ казни. Остатки его приверженцевъ безъ труда были уничтожены. Такимъ образомъ закончилось въ 823 году это сложное, тянувшееся болѣе двухъ лѣтъ возстаніе, послѣ чего только Михаилъ могъ почувствовать себя болѣе или менѣе твердо на тронѣ.

Для Византіи возстаніе имѣло довольно важное значеніе. Въ лицѣ Θомы потерпѣла неудачу попытка возстановить иконопочитаніе. Благодаря неуспѣху его возстанія халифъ Мамунъ также потерпѣлъ неудачу въ своихъ наступательныхъ планахъ на Византію. Затѣмъ, возстаніе Θомы, по всей вѣроятности, произвело въ Малой Азіи серьезныя соціальныя измѣненія. Какъ извѣстно, въ VI вѣкѣ, при Юстиніанѣ Великомъ, въ имперіи процвѣтала система крупныхъ земельныхъ помѣстій, обрабатываемыхъ крѣпостными крестьянами. При императорахъ Исаврійскаго дома въ VIII вѣкѣ, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, можно отмѣтить противоположное этому явленіе мелкихъ держаній, мелкихъ крестьянскихъ собственниковъ. Между тѣмъ въ X вѣкѣ снова появится преобладаніе крупной земельной собственности. Поэтому на IX вѣкѣ падаетъ процессъ преобразованія мелкихъ крестьянскихъ держаній въ крупныя угодья, что и можетъ быть приведено въ связь съ возстаніемъ Θомы. Последнее благодаря своей ожесточенности и продолжительности разорило большинство мелкихъ держателей, не могшихъ болѣе нести тяжестей налоговъ, и отдало ихъ земли въ руки богатыхъ сосѣдей. Это обстоятельство, по мнѣнію нѣкоторыхъ историковъ, и было одной изъ важныхъ причинъ появленія въ X вѣкѣ громадныхъ земельныхъ владѣній, безпокоившихъ императорскую власть, особенно, какъ мы увидимъ ниже, въ Малой Азіи.

До конца тридцатыхъ годовъ IX вѣка столкновенія Византіи съ арабами на восточной границѣ большого значенія не имѣли. Халифатъ переживалъ въ то время крупныя внутреннія осложненія, въ которыя иногда искусно вмѣшивалось, поддерживая ихъ, византійское правительство. Но въ 838 году, при императорѣ Теофілѣ, халифъ Мутасимъ снарядилъ большое войско, которое, проникнувъ въ Малую Азію, послѣ продолжительной осады овладѣло важнымъ укрѣпленнымъ городомъ Аморіемъ во Фригіи, мѣстомъ рожденія царствовавшей династіи, «глазомъ и основаніемъ христіанства», по преувеличенной оцѣнкѣ арабской хроники. Послѣ паденія Аморія Мутасимъ думалъ уже о походѣ на Константинополь; но полученныя имъ тревожныя вѣсти о военномъ заговорѣ въ тылу выпудили его вернуться въ Сирію.

Аморійская неудача страшно повліяла на Теофила, который, потерявъ надежду справиться собственными силами съ

арабами и боясь, очевидно, за столицу, обратился за помощью къ западнымъ державамъ. Его послы появились въ Венеціи, въ Ингельхеймѣ при дворѣ франкскаго государя Людовика Благочестиваго и даже на далекомъ западѣ въ Испаніи при дворѣ омайядскаго халифа. Несмотря на эти попытки западныя державы, радушно встрѣтивъ пословъ Теофила, помочь ему не смогли.

Однако, во все остальное время Аморійской династіи, т. е. въ концѣ правленія Теофила и при Михаилѣ III, внутреннія смуты въ халифатѣ не давали восточнымъ арабамъ возможности предпринимать серьезныхъ попытокъ противъ Византіи, и потому военныя столкновенія въ Малой Азіи за эти годы большого значенія не имѣли.

Среди почти ежегодныхъ и однообразныхъ столкновеній имперіи съ восточными арабами неожиданно источники отмѣчаютъ извѣстіе о первомъ нападеніи руссовъ, т. е. русскихъ, на Константинополь. Сравнительно еще недавно это достопамятное для насъ событіе было относимо громаднымъ большинствомъ историковъ къ 865 или 866 году и часто приводилось въ связь съ лѣтописнымъ походомъ Аскольда и Дира. Но послѣ напечатанія въ 1894 году однимъ бельгійскимъ ученымъ (Францъ Кюмонъ) найденной имъ въ Брюсселѣ краткой греческой анонимной хроники это мнѣніе пришлось признать невѣрнымъ, такъ какъ хроника сообщаетъ совершенно точную дату. Руссы подошли къ Константинополю на двухстахъ судахъ 18 іюня 860 года, но, потерпѣвъ сильное пораженіе, были уничтожены. При этомъ, не лишнее вспомнить, что нѣкоторые ученые, еще задолго до появленія анонимной хроники, уже сомнѣвались въ прежней датировкѣ этого событія и путемъ различныхъ хронологическихъ комбинацій склонялись къ 860 году. Такъ, знаменитый ученый XVIII вѣка въ Италіи Ассемани относилъ первое нападеніе руссовъ къ концу 859 или началу 860 года, о чемъ позднѣйшіе ученые совершенно забыли. Вполнѣ независимо отъ Ассемани нашъ извѣстный историкъ церкви Голубинскій, еще за четырнадцать лѣтъ до изданія анонимной Брюссельской хроники, пришелъ также къ убѣжденію, что данное нападеніе руссовъ имѣло мѣсто въ 860 или въ самомъ началѣ 861 года.

Современникъ послѣдняго событія, патріархъ Фотій называлъ въ своей проповѣди нападеніе руссовъ, этого «скиѣскаго

грубаго и варварскаго народа», «варварскимъ упорнымъ и грознымъ моремъ», «сѣвѣрною и страшною грозою».

Одновременно съ военными столкновениями на востокъ шла упорная борьба имперіи съ западными арабами. Сѣверная Африка, съ большимъ трудомъ завоеванная арабами въ VII вѣкѣ, очень быстро освободилась отъ власти восточныхъ халифовъ, такъ что послѣ 800 года, напр., аббасидскіе халифы уже не оказывали никакого вліянія на страны къ западу отъ Египта, гдѣ, въ Тунисѣ, образовалась съ 800 года сильная самостоятельная династія Аглабитовъ, владѣвшая большимъ флотомъ.

Византійскія владѣнія въ Средиземномъ морѣ подвергались со стороны арабовъ серьезной опасности. Уже въ самомъ началѣ IX вѣка, при императорѣ Никифорѣ I, африканскіе арабы помогали жившимъ въ Пелопоннесѣ славянамъ во время ихъ возстанія и осады города Патръ (Патраса). Въ царствованіе Михаила II Византія потеряла важный въ стратегическомъ и торговомъ отношеніи островъ Критъ, захваченный арабскими выходцами изъ Испаніи, нашедшими убѣжище сначала въ Египтѣ и оттуда уже переправившимися на Критъ. Арабскій предводитель основалъ на островѣ новый городъ, окруженный глубокимъ рвомъ, по-арабски хандакъ, откуда и произошло другое названіе острова Кандія. Со времени завоеванія острова арабами Критъ сдѣлался гнѣздомъ пиратовъ, грабившихъ и разорявшихъ острова Эгейскаго моря и прибрежныя мѣстности и наносившихъ этимъ большой ущербъ политическимъ и экономическимъ интересамъ имперіи.

Еще ощутительнѣе для Византіи была потеря Сициліи. Послѣдняя уже въ VII и VIII вѣкахъ подвергалась иногда арабскимъ нападеніямъ, не имѣвшимъ серьезнаго значенія. Но въ эпоху Аморійской династіи обстоятельства измѣнились. Въ концѣ правленія Михаила II въ Сициліи поднялъ возстаніе и былъ провозглашенъ императоромъ Евфимій. Однако, убѣдившись, что собственными силами ему нельзя будетъ справиться съ правительственными войсками, Евфимій призвалъ къ себѣ на помощь въ Сицилію африканскихъ арабовъ. Послѣдніе, прибывъ въ Сицилію, начали овладѣвать островомъ. Евфимій между тѣмъ былъ убитъ сторонниками императора. Тогда арабы, утвердившись въ Палермо, послѣдовательно захватили большую часть Сициліи съ Мессиною включительно,

такъ что къ концу Аморійской династїи изъ большихъ сицилійскихъ городовъ оставался въ рукахъ христіанъ только городъ Сиракузы.

Естественнымъ переходомъ для арабовъ изъ Сициліи былъ переходъ ихъ въ византійскія владѣнія Южной Италїи.

Какъ извѣстно, Аппенинскій полуостровъ оканчивается на югѣ двумя полуостровами, изъ которыхъ юго-восточный въ древности назывался Калабрїей, а юго-западный Бруттіумомъ. Въ византійское время въ этихъ названїяхъ происходитъ перемѣна. Съ середины VII вѣка названіе Бруттіумъ становится все менѣе и менѣе употребительнымъ и замѣняется названіемъ Калабрїи, которое стало такимъ образомъ обозначать оба полуострова. Однимъ словомъ, подъ Калабрїей стали разумѣть совокупность византійскихъ владѣній въ южной Италїи вокругъ Тарентскаго залива.

Политическое положеніе Италїи въ IX вѣкѣ представляется въ такомъ видѣ. Византїя ударживала за собою Венецію, большую часть Кампанїи съ герцогствомъ Неаполитанскимъ и другими герцогствами и два южныхъ полуострова. Венеція и Кампанїя находились лишь въ нѣкоторой зависимости отъ Византїи, имѣя автономное управленіе. Югъ Италїи былъ прямо подчиненъ имперїи. Большею частью Италїи владѣли лангобарды, которые въ концѣ VII вѣка, въ лицѣ герцога Беневентскаго, завоевали у Византїи Тарентъ, т. е. дошли до берега Тарентскаго залива, и этимъ отрѣзали другъ отъ друга оба византійскихъ южныхъ полуострова. Съ тѣхъ поръ послѣдніе могли сообщаться между собою исключительно моремъ. Послѣ итальянскихъ завоеваній Карла Великаго и его коронованія въ Римѣ весь Аппенинскій полуостровъ, за исключеніемъ византійскихъ владѣній, перешелъ формально въ руки западнаго императора. Въ дѣйствительности же власть его не заходила южнѣе границъ Папскаго государства и Сполетскаго герцогства. Герцогство Беневентское осталось самостоятельнымъ.

Въ связи съ постепеннымъ завоеваніемъ Сициліи арабскій флотъ началъ производить нападенія на итальянское побережье. Взятіе арабами Тарента при Теофилѣ сразу явилось серьезною опасностью для византійскихъ южно-итальянскихъ владѣній. Пришедшій на помощь императору въ Тарентскій заливъ венеціанскій флотъ потерпѣлъ сильное пораженіе.

Между тѣмъ арабы хитростью захватили на восточномъ берегу полуострова укрѣпленный важный городъ Бари, откуда стали производить дальнѣйшія завоеванія внутри страны. Пришедшій туда съ войскомъ западный императоръ Людовикъ II понесъ неудачу и долженъ былъ отступить. Съ другой стороны, арабскіе пираты въ сороковыхъ годахъ IX вѣка появились въ устьяхъ Тибра, угрожая Риму, и, завладѣвъ богатою добычею, удалились. Во время этого нападенія особенно пострадали римскіе базилики св. Петра и Павла, находившіяся за городскими стѣнами.

Подведя итоги арабо-византійскимъ отношеніямъ за время Аморійской династіи, мы должны признать, что на западѣ Византіи понесла крупныя неудачи. Она потеряла Критъ и Сицилію, — первый до 961 года, а вторую навсегда, — и рядъ важныхъ пунктовъ въ южной Италіи, хотя въ послѣдней арабы въ половинѣ IX вѣка и не занимали еще большихъ сплошныхъ территорій. Иные результаты борьбы съ арабами были для императоровъ Аморійской династіи на восточной границѣ, гдѣ имперія при нихъ почти цѣликомъ смогла отстоять свои предѣлы; происшедшія незначительныя измѣненія не имѣли на общій ходъ дѣла какого либо вліянія. Въ этомъ отношеніи Аморійская династія имѣетъ немалое значеніе для имперіи: на протяженіи сорока семи лѣтъ она сумѣла выдержать наступательныя дѣйствія восточныхъ арабовъ, иногда очень серьезныя, какъ напр.; Аморійскій походъ, и сохранить въ общемъ цѣлость византійской территоріи въ Малой Азій.

Византія и болгары въ эпоху Аморійской династіи. Въ началѣ IX вѣка въ Болгаріи сидѣлъ на престолѣ энергичный воитель и внутренній организаторъ страны Крумъ, явившійся грозною опасностью для Византіи. Императоръ Никифоръ, чувствуя въ немъ сильнаго врага, который могъ привлечь на свою сторону славянское населеніе Македоніи и Фессаліи, переселилъ туда изъ другихъ частей имперіи большое число колонистовъ. Этою мѣрою, вызвавшею, судя по источнику, большое раздраженіе среди переселенцевъ, императоръ надѣялся предотвратить опасность перехода жившихъ тамъ славянъ къ болгарамъ.

Послѣ нѣсколькихъ столкновеній съ болгарами Никифоръ въ 811 году предпринялъ противъ Крума большую экспедицію, но, будучи завлеченъ въ засаду, потерпѣлъ страшное

пораженіе. Самъ Никифоръ палъ въ битвѣ; его сынъ Ставракій былъ тяжело раненъ; войско со всѣми начальниками было перебито. Послѣ известной битвы при Адрианополѣ въ 378 году, гдѣ палъ императоръ Валентъ въ борьбѣ съ варварами-вестготами, не было до Никифора ни одного случая, когда бы императоръ палъ въ войнѣ съ варварами. Изъ черепа убитаго императора Крумъ сдѣлалъ чашу, изъ которой заставлялъ пить «болгарскихъ боляръ».

На этомъ успѣхѣ Крумъ не остановился и въ 813 году, вскорѣ послѣ провозглашенія императоромъ Льва V Армянина, осадилъ Константинополь, желая, по выраженію источника, «вонзить свое копье въ Золотыя Ворота» (въ константинопольской стѣнѣ). Однако, овладѣть столицей Круму не удалось. Дальнѣйшая опасность для Византіи временно была устранена благодаря неожиданной смерти Крума.

Еще при жизни Льва V одинъ изъ ближайшихъ преемниковъ Крума Омуртагъ заключилъ съ Византіей многолѣтній миръ, однимъ изъ главныхъ условій котораго было опредѣленіе границы между двумя государствами во Фракіи; слѣды этой границы въ видѣ остатковъ земляныхъ окоповъ сохранились до нашего времени. Послѣ заключенія мира съ болгарами императоръ Левъ V отстроилъ разоренные города Фракіи и Македоніи. При немъ же была возведена въ столицѣ новая стѣна для лучшей защиты города противъ возможныхъ въ будущемъ болгарскихъ нападений.

Послѣ этого болгаро-византійскія отношенія ничѣмъ выдающимся не могутъ быть отмѣчены до начала пятидесятихъ годовъ IX вѣка, когда на болгарскомъ престолѣ появился Борисъ (Богорисъ), съ именемъ котораго соединяется известіе объ обращеніи Болгаріи въ христіанство.

Христіанство было известно въ Болгаріи еще задолго до Бориса, главнымъ образомъ, благодаря христіанскимъ византійскимъ плѣннымъ, захваченнымъ болгарами во время войнъ съ имперіей. Языческіе болгарскіе ханы сурово преслѣдовали «совращенныхъ и совратителей». По словамъ О. И. Успенскаго, «нѣтъ сомнѣнія, что христіанство въ Болгаріи стало распространяться весьма рано....; даже въ VIII в. при дворѣ князей были христіане. Борьбой между христіанской и языческой партіей объясняются многія смуты въ болгарской исторіи и частая смѣна хановъ».

Обращеніе Бориса въ христіанство обусловливалось преимущественно политическими условіями страны, которыя заставляли его искать тѣснѣйшаго сближенія съ Византіей. Греческое духовенство отправилось въ Болгарію для проповѣди христіанства. Около 864 года царь Борисъ принялъ христіанскую вѣру съ нареченіемъ во святомъ крещеніи Михаиломъ; за нимъ крестились и его подданные. Непосредственное участіе въ дѣлѣ обращенія Бориса знаменитыхъ братьевъ, славянскихъ первоучителей св. Кирилла и Меѳодія, не подтверждается достовѣрными свидѣтельствами. Итакъ, Болгарія получила крещеніе изъ рукъ византійскаго духовенства, что для увеличенія вліянія имперіи на Балканскомъ полуостровѣ имѣло немаловажное значеніе. Однако, Борисъ, видя, что Византія не соглашается дать болгарской церкви полной независимости и хочетъ сохранить за собой право на руководство духовной жизнью Болгаріи, а также опасаясь попасть одновременно и въ политическое подчиненіе имперіи, рѣшилъ искать церковнаго союза съ Римомъ и отправилъ къ папѣ Николаю I посольство съ просьбою прислать латинскихъ священниковъ. Папа съ радостью отозвался на эту просьбу. Присланные латинскіе епископы и священники явились въ Болгарію, откуда греческое духовенство было изгнано. Однако, торжество папы было непродолжительнымъ: Болгарія снова обратилась къ греческой церкви. Последнее событіе, впрочемъ, относится уже ко времени Македонской династіи.

Не надо забывать, что во время церковныхъ колебаній Бориса, хотя отношенія между Константинополемъ и Римомъ были очень натянуты, церковнаго раздѣленія еще не было. Поэтому въ обращеніяхъ Бориса къ греческому и латинскому духовенству нельзя видѣть его выбора между православіемъ и католичествомъ. Въ тѣ годы официально существовала еще единая вселенская церковь.

Второй періодъ иконоборства и возстановленіе православія. Раздѣленіе церквей въ IX вѣкѣ. Первые государи разбиваемаго въ этой главѣ періода (802—867) не являлись сторонниками иконоборства, и поэтому могло казаться, что возстановленное Ириною иконопочитаніе постепенно укрѣпится и не будетъ подвергнуто новымъ испытаніямъ. Императоръ Никифоръ придерживался политики религіозной терпимости и господства государства надъ церковью. Признавая

постановленія Никейскаго собора и побѣду иконопочитателей, онъ въ то же время не былъ ярко выраженнымъ иконопочитателемъ. Подобная терпимая политика Никифора, въ глазахъ истинныхъ ревнителей почитанія иконъ, граничила съ ересью. По всей вѣроятности, религія сама по себѣ мало интересовала императора. Она имѣла для него значеніе лишь съ точки зрѣнія государства. Монашество при немъ переживало иногда тяжелые моменты, особенно во время избранія на мѣсто умершаго всѣми уважаемаго патріарха Тарасія новаго патріарха Никифора, поставленнаго волею императора непосредственно изъ мірянъ. Противъ этого возстали знаменитый Θεодоръ Студитъ и его послѣдователи студиты. Однако, свѣтская власть взяла верхъ, и Θεодоръ Студитъ съ нѣкоторыми изъ друзей были отправлены въ ссылку.

Недолго правившій Михаилъ I Рангавѣ (811—813), находясь подъ вліяніемъ патріарха и монаховъ, былъ послушнымъ сыномъ церкви. Θεодоръ и студиты были возвращены изъ ссылки.

Четверть вѣка прошло съ тѣхъ поръ, какъ при Принѣ было возстановлено иконопочитаніе. Однако, иконоборческое направленіе продолжало жить въ восточныхъ областяхъ Малой Азіи и въ рядахъ войска. Одинъ изъ военачальниковъ Левъ, по происхожденію армянинъ, сдѣлался въ 813 году императоромъ. Будучи вынужденъ скрывать свои иконоборческіе взгляды во время предшествовавшихъ государей, при которыхъ онъ пользовался большимъ вліяніемъ какъ энергичный и талантливый военачальникъ, Левъ, какъ извѣстно, низложилъ Михаила Рангавѣ и, почувствовавъ себя твердо на престолѣ, сталъ проводить въ жизнь свою иконоборческую политику. Источникъ влагаетъ въ уста императора такія слова, обращенныя имъ къ нѣкоторымъ изъ своихъ единомышленниковъ: «Вы видите, что всѣ государи, которые признавали иконы и поклонялись имъ, умерли или въ изгнаніи, или на войнѣ. Только не почитавшіе иконы (государи) умерли своею смертію на престолѣ и, будучи съ почетомъ перенесены въ императорскія усыпальницы, были погребены въ храмѣ Апостоловъ. Я также хочу имъ подражать и уничтожить иконы, чтобы послѣ долгой жизни моей и моего сына царство наше удержалось до четвертаго и пятаго поколѣнія».

Въ своихъ иконоборческихъ стремленіяхъ Левъ V пошелъ.

упорнаго противника въ лицѣ патріарха Никифора, который былъ императоромъ низложенъ. Столичную архіепископскую кафедру занялъ сторонникъ императора Θεодотъ. Въ константинопольской св. Софіи въ 815 году былъ созванъ второй иконоборческій соборъ.

Дѣянія собора 815 года были уничтожены послѣ возстановленія иконопочитанія. Но самое постановленіе его сохранилось въ одномъ изъ апологетическихъ сочиненій патріарха Никифора и только сравнительно недавно (въ 1903 году) было издано.

Соборъ, «укрѣпивъ и утвердивъ услышанное Богомъ ученіе святыхъ отцовъ и слѣдуя шести святымъ вселенскимъ соборамъ», осудилъ «несогласное съ преданіемъ или, еще вѣрнѣе, бесполезное производство иконъ и поклоненіе имъ, предпочитая этому служеніе въ духѣ и истинѣ». Указавъ далѣе на то, что во время правленія, перешедшаго отъ мужчинъ къ женщинамъ, т. е. Иринѣ, «благодаря женской простотѣ», было возстановлено почитаніе «бездушнаго дерева», «бездушныхъ иконъ», возжиганіе передъ ними свѣчей и куреніе благовоній, соборъ запретилъ «не имѣющее за собою никакого основанія производство лжеименныхъ иконъ католической церкви», отмѣнилъ поклоненіе иконамъ, установленное патріархомъ Тарасіемъ, и осудилъ возжиганіе свѣчей и свѣтильниковъ и приношеніе благовоній. Въ концѣ своего опредѣленія соборъ 815 года, подтвердивъ иконоборческій соборъ 753—754 года и еще разъ провозгласивъ запрещеніе поклоняться иконамъ и бесполезность ихъ производства, «воздержался отъ названія ихъ идолами: ибо одно зло отличается отъ другого».

Итакъ, соборъ 815 года, возстановивъ въ общемъ рѣшенія предыдущаго иконоборческаго собора, выказалъ, однако, сравнительно съ послѣднимъ нѣкоторую умѣренность, не назвавъ иконы идолами.

Императоры-иконоборцы второго періода, т. е. Левъ V Армянинъ, Михаилъ II Косноязычный и Теофилъ, должны были проводить свою политику уже въ иныхъ условіяхъ, чѣмъ государи перваго періода. Если первый періодъ продолжался больше пятидесяти лѣтъ, второй—не полные тридцать лѣтъ (815—843). Это объясняется отчасти тѣмъ, что иконоборцы перваго періода настигли, такъ сказать, иконопочитателей врасплохъ: послѣдніе не были ни достаточно

организованы, ни объединены. Борьба за иконы заставила их сплотиться, укрѣпиться въ вѣрѣ, выработать приемы борьбы, свести догматическій и полемическій матеріалъ. Поэтому иконоборцы второго періода и встрѣтили передъ собою совершенно иное сопротивленіе, чѣмъ ихъ предшественники. Борьба для иконоборцевъ стала гораздо труднѣе. Особенно упорное противодѣйствіе имъ оказывали уже извѣстные намъ игумень Студійскаго монастыря Θεодоръ и его послѣдователи-студиты, убѣжденные защитники иконъ, имѣвшіе большое вліяніе на народъ. Мало того, Θεодоръ открыто говорилъ и писалъ противъ вмѣшательства императорской власти въ дѣла церкви, отстаивая начала церковной независимости и свободы вѣры. Разгнѣванный императоръ отправилъ Θεодора въ суровую ссылку; студиты также были удалены.

Насколько можно судить на основаніи почти единственно дошедшихъ до насъ враждебныхъ иконоборцамъ источниковъ, преслѣдованіе иконъ и ихъ почитателей при Львѣ V велось съ большимъ ожесточеніемъ. До насъ дошли имена мучениковъ, пострадавшихъ въ его время. И тѣмъ не менѣе, даже самые ярые его противники признавали во Львѣ дѣятельнаго защитника имперіи и хорошаго администратора. По словамъ одного историка, низложенный Львомъ «патріархъ Никифоръ послѣ смерти императора сказалъ, что государство ромеевъ потеряло хотя и нечестиваго, но великаго правителя». Но за то, другіе называли Льва «пресмыкающеюся змѣей» и сравнивали его время съ «зимою и густымъ туманомъ».

О преемникѣ Льва V, Михаилѣ II, съ точки зрѣнія его религіозной политики, существуютъ въ наукѣ различныя взгляды. Въ то время какъ одни считаютъ его нейтральнымъ, индифферентнымъ, «ставшимъ на дорогу вѣротерпимости и провозгласившимъ великій принципъ свободы совѣсти», другіе называютъ Михаила «убѣжденнымъ иконоборцемъ, хотя и не фанатикомъ», «рѣшившимъ поддерживать иконоборческую реформу Льва, гармонировавшую съ его собственными личными убѣжденіями, но въ тоже время отказавшимся отъ дальнѣйшаго преслѣдованія иконопочитателей». «Замиреніе религіознаго спора, хотя бы путемъ принудительнаго замалчиванія спорнаго вопроса, говоритъ новѣйшій изслѣдователь, и терпимость къ каждой изъ спорившихъ сторонъ составляли его политическую программу».

Во всякомъ случаѣ, при своихъ иконоборческихъ склонностяхъ, которыя нужно признать въ Михаилѣ, онъ не открывалъ преслѣдованій иконопочитателей. Однако, и при немъ будущій патріархъ Меѳодій, привезшій императору папское посланіе и взывавшій къ возстановленію иконопочитанія, былъ подвергнутъ жестокому бичеванію и суровому заключенію въ гробницѣ. Сравнивая время Льва V съ временемъ Михаила современники говорили: «огонь погасъ, но дымъ остался»; «съ пресмыкающейся змѣей еще не былъ умерщвленъ хвостъ ереси и корчился»; «зима прошла, но не наступала совершенная весна» и т. д. При Михаилѣ скончался и знаменитый боецъ за иконы и за свободу церкви Θεодоръ Студитъ.

Преемникъ Михаила II, Θεοφιλъ, человекъ богословски образованный, отличавшійся ревностнымъ почитаніемъ Богородицы и угодниковъ, подарившій церковную литературу нѣсколькими пѣснопѣніями, является въ тоже время въ религиозной жизни имперіи послѣднимъ императоромъ-иконоборцемъ. Въ исторической наукѣ отзывы о Θεοφилѣ въ высшей степени противорѣчивы, начиная отъ самыхъ отрицательныхъ до хвалебныхъ. Съ точки зрѣнія иконоборства царствованіе Θεοφила было самымъ суровымъ временемъ во вторую эпоху этого движенія. Главнымъ совѣтникомъ и руководителемъ иконоборческой политики императора былъ будущій патріархъ Іоаннъ Грамматикъ, ученѣйшій человекъ того времени, обвиняемый даже, что нерѣдко случалось въ средніе вѣка, за свои исключительныя ученныя познанія въ чернокнижии и сношеніяхъ съ темными силами. Монахи, среди которыхъ было не мало иконописцевъ, подвергались жестокимъ преслѣдованіямъ. Руки иконописца монаха Лазаря были выжжены раскаленнымъ желѣзомъ. Два брата, Θεοφанъ и Θεοдоръ, за ревностную защиту иконъ, подверглись палочнымъ ударамъ и выжиганію на ихъ челѣ насмѣшливаго греческаго стиха, за что и получили прозваніе «начертанныхъ».

Тѣмъ не менѣе, если мы постараемся критически разобратъ въ одностороннихъ дошедшихъ до насъ источникахъ о Θεοφилѣ, придется отказаться отъ утвержденія, будто бы преслѣдованія при немъ были до чрезвычайности суровы. Извѣстій о жестокомъ обращеніи съ противниками мало. Современный англійскій ученый (Бьюри) даже географически ограничиваетъ районъ преслѣдованій Θεοφила, который на-

ставалъ на уничтоженіи иконъ только въ столицѣ и ея ближайшихъ окрестностяхъ; по мнѣнію названнаго ученаго, во второй періодъ иконоборства иконопочитаніе процвѣтало въ Греціи, на островахъ и по берегамъ Малой Азіи, на что не было обращено учеными достаточнаго вниманія; только въ немногихъ исключительныхъ случаяхъ императоръ прибѣгалъ къ суровому наказанію. Отсюда видно, что для надлежащей исторической оцѣнки второго періода иконоборческаго движенія еще далеко не все сдѣлано и выяснено.

Какъ извѣстно, супруга Теофила, Теодора была ревностною почитательницею иконъ, о чемъ прекрасно знали ея супругъ, котораго она пережила. Въ 842 году умеръ Теофилъ, и Теодора сдѣлалась правительницею государства за малолѣтствомъ ихъ сына Михаила.

Первою задачею Теодоры было возстановить иконопочитаніе. Очевидно, сила сопротивленія иконоборцевъ въ 842 году была гораздо менѣе значительною, чѣмъ въ эпоху первой возстановительницы иконопочитанія Ирины, такъ какъ Теодорѣ понадобилось всего годъ съ небольшимъ, чтобы созвать соборъ по данному вопросу, въ то время какъ Ирина должна была на подготовку собора потратить семь лѣтъ.

Патріархъ Іоаннъ Грамматикъ былъ удаленъ съ престола, который занялъ Меѳодій, сильно пострадавшій, какъ было упомянуто выше, при Михаилѣ II. Созванный Теодорою соборъ, дѣянія котораго не дошли до насъ, утвердилъ каноны Никейскаго собора 787 года и возстановилъ иконопочитаніе. Послѣ окончанія работъ собора въ храмѣ св. Софіи было совершено торжественное богослуженіе, въ первое воскресенье великаго поста, 11 марта 843 года. Этотъ день до сихъ поръ празднуется православною церковью какъ торжество православія. Еще недавно общепризнанною датою для этого событія былъ 842 годъ.

Подводя итоги всему иконоборческому движенію, можно придти къ такимъ заключеніямъ: Главными дѣйствующими лицами иконоборческой партіи были войско съ ихъ вождями, изъ которыхъ нѣкоторые сдѣлались императорами, какъ то — Левъ III, Левъ V и Михаилъ II, и придворная партія. Причину иконоборческаго настроенія среди солдатъ ученые видятъ въ томъ, что войска набирались, въ ихъ большей части, изъ восточныхъ народностей, по преимуществу армянъ, которые,

какъ извѣстно, были переселены правительствомъ въ большомъ количествѣ и на западъ, напр. во Оракію. Поэтому въ своемъ большинствѣ войско было настроено иконоборчески по убѣжденію. На нихъ, по словамъ одного историка, «православный культъ производилъ впечатлѣніе чужой религіи, и имъ казались законными всякія насилія противъ тѣхъ, кого они называли идолопоклонниками». Что касается до придворной партіи и до высшаго духовенства, то гражданскія власти и часть епископовъ мѣняли, по большей части, свои взгляды не по убѣжденію, а въ видахъ честолюбія или страха. Константинопольское населеніе и громадное большинство духовенства были на сторонѣ иконопочитанія. Императоры-иконоборцы, талантливые вожди и администраторы, побѣдители арабовъ и болгаръ, спасители въ лицѣ Льва III христіанства и нарождавшейся западной цивилизаціи, преслѣдовали иконы не во имя политическихъ идей; они дѣйствовали такъ во имя искренняго убѣжденія, будучи увѣрены, что работаютъ на пользу церкви и христіанства. Наоборотъ, иконоборство императоровъ уничтожало плоды ихъ иногда мудрой политики: оно держало въ теченіе долгаго времени въ непрестанной внутренней смутѣ государство, ослабляя этимъ его внѣшнее могущество, и повело къ разрыву съ западной церковью и къ постепенному уходу Италіи изъ-подъ вліянія византійской власти. Политическими мотивами объясняется политика императоровъ-иконоборцевъ въ отношеніи монастырей и монаховъ. Что касается до теологической доктрины иконоборцевъ, то о ней въ подробностяхъ очень трудно судить, такъ какъ почти вся ихъ литература уничтожена. Но тѣмъ не менѣе, и среди иконоборцевъ можно различать людей съ тенденціями умѣренными и радикальными. Въ иконописанія иконоборцы видѣли особенно двѣ опасности — впасть въ язычество или, при попыткахъ изобразить Христа, въ одну изъ осужденныхъ вселенскими соборами ересей.

Если теперь мы перейдемъ къ иконопочитательской партіи, то увидимъ, что въ ея составъ входило населеніе западныхъ областей, Италіи и Греціи, откуда происходила и первая возстановительница православія императрица Ирина, затѣмъ многочисленное монашество, вообще почти все духовенство, большая часть населенія столицы, которое иногда въ силу обстоятельствъ внѣшнимъ образомъ поддерживало

иконоборство, и, наконецъ, большое число населенія другихъ частей имперіи, напр., острововъ и побережья Малой Азіи. Главною основою теологической доктрины иконопочитательской партіи въ лицѣ, напр., ея лучшихъ представителей, Иоанна Дамаскина и Θεодора Студита, было Священное Писаніе. Съ ихъ точки зрѣнія, иконы имѣють не только образовательную цѣнность, но и, перенося на себя святость и заслуги изображеннаго на нихъ первообраза, Христа, Богоматери или Святыхъ, владѣють чудотворною силою.

Иконоборческая эпоха оказала сильное вліяніе на искусство. Не мало прекрасныхъ памятниковъ искусства, мозаикъ, фресокъ, статуй, миниатюръ погибло въ этотъ періодъ. Богато украшенныя стѣны храмовъ покрывались штукатуркою и орнаментами. «Словомъ, пишетъ Н. П. Кондаковъ, въ церковной жизни столицы наступило то протестантское запустѣніе, которое рано или поздно должно было бы вытѣснить всю художественную жизнь Византіи... Масса образованныхъ и богатыхъ людей перебрались съ семьями въ Италію, множество монаховъ основали на громадномъ пространствѣ въ южной Италіи, а также въ Малой Азіи и въ Каппадокіи, пещерныя обители и скиты, расписанные греческими иконописными мастерскими. Такимъ образомъ, греческое искусство и иконопись VIII—IX столѣтій приходится искать внѣ Византіи, въ Малой Азіи или же въ южной и средней Италіи». Но, уничтожая памятники искусства съ изображеніями Христа, Богоматери, Святыхъ, иконоборцы обратились къ другимъ сюжетамъ; они ввели орнаментику, стали изображать жанровыя сцены въ родѣ охотничьихъ рисунковъ или сценъ на ипподромѣ, деревья, птицъ, звѣрей. Изъ эпохи иконоборцевъ дошли до насъ нѣсколько вещей изъ слоновой кости, эмали и интересныя миниатюры. Въ искусствѣ иконоборцевъ историки искусства видятъ возвращеніе къ античнымъ традиціямъ Александріи и особенно знаменательное стремленіе къ наблюденію природы и къ реализму (Диль).

Однимъ изъ важныхъ результатовъ иконоборческой эпохи является исчезновеніе въ восточной церкви статуиныхъ изображеній. Ни церковь, ни государство этого не запрещали, такъ что подобное исчезновеніе произошло само собой. Въ этомъ нѣкоторые историки усматриваютъ частичную побѣду иконоборцевъ надъ неумѣренными иконопочитателями.

Иконоборство отразилось также на византийских монетах и печатях. Именно въ VIII вѣкѣ, несомнѣнно подѣ влияніемъ иконоборческихъ идей, создается для монетъ и печатей совершенно новый эпиграфическій типъ, изъ однѣхъ надписей, безъ всякихъ лицевыхъ изображеній; вмѣсто послѣднихъ на печатяхъ появляется иногда крестъ. Съ возстановленіемъ иконопочитанія лицевыя изображенія также были возстановлены.

Иконоборство, какъ было уже отмѣчено выше, отдалило отъ имперіи Италію и папство, что явилось одной изъ причинъ раздѣленія церквей въ IX вѣкѣ. Коронованіе Карла Великаго папою въ 800 году еще болѣе отдалило папу отъ Византіи. Разрывъ произошелъ во второй половинѣ IX вѣка, при Михаилѣ III, когда въ Константинополѣ разыгралось извѣстное дѣло Фотія и Игнатія.

Патріархъ Игнатій, прославившійся уже своимъ рвеніемъ въ защиту иконопочитанія, былъ низложенъ; послѣ чего на патріаршій престолъ былъ возведенъ свѣтскій человѣкъ, ученѣйшій мужъ своего времени Фотій. Въ Византіи тогда образовались двѣ партіи: одна за Фотія, другая за Игнатія, который не соглашался добровольно отказаться отъ патріаршества. Споръ между партіями, предававшими другъ друга проклятію, заставилъ Михаила III созвать соборъ, на который онъ пригласилъ знаменитаго его современника, папу Николая I. Послѣдній, вставъ на сторону Игнатія, отправилъ вмѣсто себя на соборъ легатовъ, которые, подѣ влияніемъ подкупа и угрозъ, вопреки желанію папы признали Игнатія низложеннымъ, а Фотія законнымъ патріархомъ. Созванный въ Римѣ папою соборъ проклялъ Фотія и возстановилъ Игнатія. Михаилъ не обратилъ вниманія на постановленіе римскаго собора и въ рѣзкомъ письмѣ къ папѣ заявилъ, что константинопольская церковь не признаетъ его притязаній на главенство во вселенской церкви. Въ это же время разыгралась уже изложенная выше исторія обращенія болгарскаго царя Бориса въ христіанство, когда константинопольскіе и римскіе интересы также серьезно столкнулись. Созванный въ годъ смерти Михаила (867) соборъ въ Константинополѣ осудилъ и предалъ анаѣмѣ папу за его еретическое ученіе о прибавленіи въ символѣ вѣры *filioque* и за незаконное вмѣшательство въ дѣла константинопольской церкви. Папа и патріархъ въ свою очередь пре-

дали другъ друга анаемѣ. Такимъ образомъ произошло раздѣленіе церквей. Въ 867 году умеръ Михаилъ III, со смертью котораго обстановка измѣнилась: новый императоръ Василій I началъ съ того, что низложилъ Фотія и возстановилъ Игнатія.

Литература къ седьмой главѣ. Сочиненія общаго характера: Общія иностранныя сочиненія (см. первую главу). Самый новый и лучший общій трудъ по данной эпохѣ I. В. Вигу. *A History of the Eastern Roman Empire from the fall of Irene to the accession of Basil I.* (A. D. 802—867). London, 1912. Терновскій (см. лит. второй главы). А. Лебедевъ. Вселенскіе соборы VI, VII и VIII вѣковъ. Монографій по отдѣльнымъ царствованіямъ не существуетъ. Литература по иконоборству указана въ шестой главѣ. По вопросу о Ѳеодорѣ Студитѣ въ связи со вторымъ періодомъ иконоборства: Свящ. В. Преображенскій. Преподобный Ѳеодоръ Студитъ и его время (759—826 гг.). Москва, 1896 (изъ дух. журнала „Пастырскій Собесѣдникъ“ за 1895 г.). G. A. Schneider. *Der hl. Theodor von Studion, sein Leben und Wirken.* Münster i. W., 1900. A. Gardner. *Theodore of Studium, his Life and Times.* London, 1905. E. Marin. *Saint Théodore (759—826).* Paris, 1906 (изъ серіи „Les Saints“). Свящ. Н. Гроссу. Преподобный Ѳеодоръ Студитъ. Его время, жизнь и творенія. Кіевъ, 1907. А. Доброклонскій. Преп. Ѳеодоръ, исповѣдникъ и игуменъ студійскій. I часть. Его эпоха, жизнь и дѣятельность. Одесса, 1913. II часть. Его творенія. Вып. I. Одесса, 1914. Политическія отношенія эпохи: А. Васильевъ. Политическія отношенія Византіи и арабовъ за время Аморійской династіи. Петроградъ, 1900. Вопросъ о раздѣленіи церквей: А. Лебедевъ. *Исторія раздѣленія церквей въ IX, X и XI вѣкахъ.* Изд. 2. Петроградъ, 1905.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Эпоха Македонской династии (867—1056).

Вопросъ о происхожденіи Македонской династии. Чередованіе ея государей. Вопросъ о происхожденіи Василия, перваго представителя Македонской династии, вызвалъ въ наукѣ рядъ разнорѣчивыхъ мнѣній. Дѣло въ томъ, что различные источники приписываютъ ему различное происхожденіе. Въ то время какъ греческіе источники сообщаютъ объ армянскомъ и македонскомъ происхожденіи Василия, а армянскіе—исключительно объ армянскомъ происхожденіи, арабскіе источники называютъ его славяниномъ. Отсюда вытекаетъ съ одной стороны общепринятое названіе династии Македонскою; но съ другой стороны одни ученые считаютъ Василия армяниномъ, другіе, особенно въ русской литературѣ до семидесятыхъ годовъ XIX столѣтія, славяниномъ. Большинство ученыхъ видитъ въ Василии армянина, поселеннаго въ Македоніи, и считаетъ его династію армянскою. Но такъ какъ въ Македоніи жило много армянъ и славянъ, то самое вѣроятное, принимая во вниманіе показанія арабскихъ источниковъ, видѣть въ Василии потомка смѣшаннаго союза армяно-славянскаго. По словамъ новѣйшаго историка времени Василия, его семья могла быть армянскою по своимъ предкамъ; но она постепенно, путемъ браковъ со славянами, которыхъ много было въ этой части Европы (т. е. въ Македоніи), сильно ослабилась. Итакъ, если пожелать опредѣлить Македонскую династію болѣе точно со стороны ея племеннаго состава, то правильнѣе всего называть ее династіей армяно-славянскою.

Судьба Василия, до избранія его на престоль, была очень необычна. Явившись никому невѣдомымъ юношей въ Константинополь искать счастья, онъ обратилъ на себя вниманіе

придворныхъ своимъ ростомъ, громадною силою и умѣньемъ объѣзжать наиболѣе дикихъ лошадей. Слухи объ этомъ дошли до императора Михаила III, который, приблизивъ его къ себѣ, подчинился вполнѣ своему новому любимцу. Василій вскорѣ былъ объявленъ соправителемъ и коронованъ въ храмѣ св. Софіи императорскою короною. Однако, онъ жестоко отплатилъ своему благодѣтелю. Замѣтивъ, что Михаилъ началъ подозрительно относиться къ нему, Василій велѣлъ своимъ людямъ убить Михаила, послѣ чего самъ сдѣлался императоромъ и царствовалъ съ 867 по 886 годъ. Послѣ него правили сыновья его Левъ VI Философъ или Мудрый (886—912) и Александръ (886—913), пережившій на годъ брата. Сынъ Льва VI, Константинъ VII Багрянородный или Порфирородный (913—959), государь, не имѣвшій никакой склонности къ управленію и проводившій почти все свое время за литературною работою въ кругу наиболѣе просвѣщенныхъ людей своего времени, былъ вынужденъ отдать на долгіе годы управленіе государствомъ въ руки своего тестя, начальника флота Романа Лекапина (919—944). Въ 944 году сыновья послѣдняго свергли отца съ престола и заточили его въ монастырь, но сами въ свою очередь были свергнуты въ 945 году Константиномъ Багрянороднымъ, который самостоятельно правилъ послѣ этого съ 945 по 959 годъ. Послѣ смерти процарствовавшего всего четыре года, его сына Романа II (959—963) остались вдова его Теофано и два несовершеннолѣтнихъ сына, Василій и Константиъ. Теофано отдала свою руку талантливому военачальнику Никифору Фокѣ, который и былъ провозглашенъ императоромъ (Никифоръ II Фока—963—969). Послѣ насильственной смерти Никифора Фоки на престолъ былъ возведенъ энергичный военачальникъ, армянинъ по происхожденію, Іоаннь Цимисхій (969—976), женатый на Теодорѣ, сестрѣ Романа II, и дочери Константина VII Багрянороднаго. Только послѣ смерти Іоанна Цимисхія настоящими императорами сдѣлались два сына Романа II, Василій II, прозванный Болгаробойцей (976—1025) и Константинъ VIII (976—1028). Главное управленіе государствомъ находилось въ рукахъ Василія II, при которомъ имперія достигла высшей степени своего могущества и блеска. Съ его смертію начинается эпоха упадка Македонской династіи. Послѣ кончины Константина VIII импера-

торомъ былъ престарѣлый сенаторъ Романъ III Аргиръ (1028 — 1034), женатый на дочери Константина VIII Зоѣ. Послѣ смерти Романа Аргира овдовѣвшая Зоя, имѣвшая уже около 56 лѣтъ отъ роду, вышла замужъ за своего любовника Михаила Пафлагонянина, который и былъ, по настоянію Зои, провозглашенъ императоромъ (Михаилъ IV Пафлагонянинъ — 1034 — 1041). Правленіе Михаила IV и кратковременное царствованіе его племянника Михаила V Калафата (1041 — 1042), двухъ случайныхъ и ничтожныхъ личностей на престолѣ, вызвали сильное броженіе и острое недовольство въ имперіи. Въ результатъ Михаилъ Калафатъ былъ низложенъ и ослѣпленъ. Въ теченіе менѣе двухъ мѣсяцевъ Византія видѣла послѣ этого въ 1042 году на престолѣ необыкновенное зрѣлище: государствомъ управляли двѣ сестры, овдовѣвшая вторично Зоя и ея младшая сестра Θεодора. Однако, Зоя въ томъ же 1042 году вышла въ третій разъ замужъ, и ея новый мужъ, провозглашенный императоромъ, Константинъ IX Мономахъ, правилъ съ 1042 по 1054 годъ. Престарѣлая Зоя умерла раньше своего третьяго супруга. Отстраненная же отъ власти ея сестра Θεодора пережила Зою и послѣ смерти мужа послѣдней Константина Мономаха сдѣлалась, наконецъ, самодержавной правительницей имперіи (1054 — 1056). Послѣ императрицы Ирины, извѣстной первой возстановительницы иконопочитанія въ концѣ VIII и началѣ IX вѣка, Зоя и Θεодора являются въ лѣтописяхъ византійской исторіи вторымъ и послѣднимъ примѣромъ того, что на престолѣ воссѣдала женщина, какъ самодержавная и полномочная василисса, т. е. императрица ромеевъ. Незадолго до своей смерти Θεодора, по настоянію придворной партіи, избрала себѣ въ преемники престарѣлаго патрикія Михаила Стратіотика, который послѣ смерти Θεодоры въ 1056 году и вступилъ на престолъ. Со смертью Θεодоры окончательно прекратилась династія Македонскихъ императоровъ, занимавшая престолъ въ теченіе 189 лѣтъ.

1) Внѣшняя дѣятельность государей Македонской династіи.

Отношенія Византіи къ арабамъ и къ Арменіи за время Македонской династіи. Главная задача внѣшней политики Василия I, основателя Македонской династіи, заключалась въ

борьбѣ съ мусульманскимъ міромъ. Обстоятельства какъ нельзя болѣе благопріятствовали этому, такъ какъ при немъ Византія находилась въ мирныхъ отношеніяхъ на востокъ съ Арменіей, на сѣверъ съ Русью и Болгаріей и на западъ съ Венеціей и западнымъ императоромъ, съ которымъ интересы Византіи сталкивались въ Италіи. Если къ этому присоединить внутреннія смуты въ восточномъ халифатѣ изъ-за все возрастающаго вліянія при арабскомъ дворѣ турокъ, отпаденіе Египта, гдѣ въ 868 году образовалась самостоятельная династія Тулунидовъ, междуусобную борьбу сѣверо-африканскихъ арабовъ и трудное положеніе испанскихъ Омайядовъ по отношенію къ мѣстному христіанскому населенію, то все это еще болѣе уяснить благопріятное положеніе, въ какомъ находился Василій I для борьбы съ восточными и западными арабами.

Однако, имперія, боровшаяся съ арабами почти во все время правленія Василія, не могла использовать благопріятно сложившіяся для нея внѣшнія условія.

Открытыя въ началѣ семидесятыхъ годовъ удачныя военныя дѣйствія на востокъ Малой Азіи противъ послѣдователей извѣстной секты павликіанъ отдали въ руки императора ихъ главный городъ Тефрику и, расширивъ этимъ византійскую территорію, поставили Василія лицомъ къ лицу съ восточными арабами. Но столкновенія съ послѣдними вылились, послѣ нѣсколькихъ значительныхъ сраженій, въ форму обычныхъ ежегодныхъ пограничныхъ столкновеній, не имѣвшихъ общаго значенія и оканчивавшихся съ перемѣннымъ успѣхомъ то для одной, то для другой стороны. Тѣмъ не менѣе, въ результатѣ малоазіатская граница Византіи продвинулась значительно на востокъ.

Гораздо серьезнѣе были отношенія Василія къ западнымъ арабамъ, которые къ тому времени владѣли уже большею частью Сициліи и занимали нѣкоторые важныя пункты въ южной Италіи. Южно-итальянскія смуты повлекли за собою вмѣшательство западнаго императора Людовика II, который овладѣлъ важнымъ городомъ Бари и съ которымъ Василій заключилъ союзъ для общихъ дѣйствій противъ западныхъ арабовъ въ цѣляхъ изгнанія ихъ изъ Италіи и Сициліи. Но союзъ не далъ желанныхъ результатовъ и скоро распался. Послѣ смерти Людовика жители Бари передали городъ византійскимъ властямъ.

Между тѣмъ арабы заняли важный въ стратегическомъ отношеніи островъ Мальту, къ югу отъ Сициліи, а въ 878 году послѣ девятимѣсячной осады приступомъ взяли Сиракузы, послѣ чего во власти Византіи въ Сициліи изъ болѣе или менѣе крупныхъ центровъ оставался лишь лежащій на восточномъ побережьѣ городъ Тавроменій или Таормина. Потеря Сиракузъ является поворотнымъ моментомъ во внѣшней политикѣ Василия. Задуманный имъ планъ общей борьбы съ арабами потерпѣлъ неудачу.

Взятіе войсками Василия Тарента въ южной Италиі и успѣшное продвиженіе въ глубь страны подѣ начальствомъ талантливаго Никифора Фоки въ послѣдніе годы правленія Василия могли служить нѣкоторымъ утѣшеніемъ послѣ сиракузской неудачи.

Въ послѣдніе годы своей жизни Василій, сдѣлавшій уже въ началѣ своего царствованія неудачную попытку заключить союзъ съ западнымъ императоромъ противъ западныхъ арабовъ, заключилъ союзъ, уже въ цѣляхъ борьбы съ восточными арабами, съ армянскимъ царемъ Ашотомъ Багратидомъ. Но въ это время Василия не стало.

Не смотря на потерю Сиракузъ и на отсутствіе выдающихся успѣховъ въ борьбѣ съ арабами вообще, Василию удалось нѣсколько расширить свои пограничныя владѣнія въ Малой Азіи и возстановить утраченное до него значеніе византійскаго имени въ южной Италиі. «Состарившійся Василій, по словамъ новѣйшаго изслѣдователя его времени, могъ умереть въ мирѣ. Онъ выполнилъ какъ на востокѣ, такъ и на западѣ очень большое военное дѣло, которое въ то же время было дѣломъ цивилизаторскимъ; Василій оставилъ имперію болѣе сильною и болѣе уважаемою, чѣмъ та, которую онъ получилъ».

Если Василій I жилъ въ мирѣ со своими сосѣдями, исключая арабовъ, то при его преемникѣ Львѣ VI Мудромъ (886—912) дѣло обстояло иначе. Тотчасъ по вступленіи его на престолъ началась неудачная для Византіи болгарская война, въ связи съ которой впервые въ исторіи Византіи появляются мадьяры (венгры, угры). Къ концу правленія Льва VI у Константинополя стоятъ русскіе. Союзная съ нимъ Арменія, подвергавшаяся непрерывнымъ арабскимъ нашествіямъ, не могла получить ожидаемой отъ Византіи помощи. Вопросъ о четвертомъ бракѣ императора вызывалъ сильное внутреннее бро-

женіе въ государствѣ. Все это указываетъ на то, что условія борьбы имперіи съ исламомъ стали сложнѣе и труднѣе.

Дѣла съ арабами при Левѣ VI шли вообще неудачно. Происходившія съ перемѣннымъ успѣхомъ военныя столкновения на восточной границѣ не имѣли важныхъ результатовъ. На западѣ мусульмане въ самомъ началѣ X вѣка овладѣли городомъ Регіумомъ, на итальянскомъ берегу Мессинскаго пролива, послѣ чего проливъ оказался всецѣло въ рукахъ арабовъ; а въ 902 году они завоевали послѣдній значительный укрѣпленный пунктъ византійской Сициліи, Тавроменій или Таормину. Съ паденіемъ послѣдняго центра Сицилія, можно сказать, всецѣло перешла въ руки арабовъ, такъ какъ оставшіеся еще въ рукахъ грековъ небольшіе пункты въ Сициліи уже не имѣли никакого значенія въ дальнѣйшей исторіи Византіи. Восточная политика Льва VI во вторую половину его царствованія нисколько не зависитъ отъ отношеній къ сицилійскимъ арабамъ.

Начало X вѣка было ознаменовано многочисленными морскими операціями мусульманскаго флота. Еще въ концѣ IX вѣка критскіе пираты опустошали побережье Пелопоннеса и острова Эгейскаго моря. Еще болѣе грозными стали морскія нашествія арабовъ, когда ихъ сильныя два флота, сирійскій и критскій, дѣйствовали часто сообща. Особенно извѣстно нападеніе мусульманскаго флота, подъ начальствомъ греческаго ренегата Льва Триполитянина, на Θεσσαλονικη (Солунь) въ 904 году. Послѣ упорной осады мусульмане взяли Θεσσαλονικη. Однако, черезъ нѣсколько дней они съ большимъ числомъ плѣнныхъ и богатой добычей удалились на востокъ въ Сирію. Только послѣ этого бѣдствія византійское правительство приступило къ укрѣпленію Θεσσαλονικη. До насъ дошелъ подробный рассказъ о завоеваніи Θεσσαλονικη арабами, принадлежащій перу мѣстнаго священника, лично пережившаго всѣ бѣдствія осады, Іоанна Каменіата.

Морскіе успѣхи арабовъ побудили византійское правительство обратить вниманіе на свой флотъ, который былъ значительно улучшенъ. Но обширная морская экспедиція, предпринятая Львомъ VI противъ союзныхъ восточныхъ и критскихъ арабовъ, потерпѣла неудачу. Константинъ Багрянородный, сообщая намъ точный составъ участвовавшаго въ этой экспедиціи флота, отмѣчаетъ присутствіе въ немъ семисотъ русскихъ.

Такимъ образомъ, вазантійская политика по отношенію къ арабамъ при Львѣ VI была въ высшей степени неудачна: на западѣ Сицилія была окончательно потеряна; въ южной Италиі, послѣ отозванія оттуда выше названнаго Никифора Фоки, успѣхи византійскаго оружія прекратились; на восточной границѣ арабы, хотя медленно, но всетаки упорно двигались впередъ; на морѣ Византія потерпѣла рядъ серьезныхъ неудачъ.

Въ продолжительное правленіе Константина VII Багрянороднаго (913—959) и Романа I Лекапина (919—944) Византія до конца двадцатыхъ годовъ X вѣка не могла энергично бороться съ арабами, такъ какъ должна была напрягать всѣ силы на борьбу съ Болгаріей. Для имперіи явилось счастьемъ, что самъ халифатъ въ это время переживалъ эпоху распада, внутреннихъ смуть и образованія отдѣльных самостоятельныхъ династій.

Послѣ окончанія болгарской войны у обоихъ противниковъ, у имперіи и арабовъ, выдѣлились талантливые военачальники. У грековъ появился domestikъ Іоаннь Куркуасъ, тотъ, по словамъ хрониста, «второй Траянъ или Велизарій», завоевавшій «почти тысячи городовъ», о которомъ было даже написано специальное не дошедшее до насъ сочиненіе. Арабы получили энергичнаго вождя въ лицѣ представителя самостоятельной династіи Хамданидовъ, властителя Алеппо въ Сиріи, Сейф-ад-Даулы, при дворѣ котораго образовался богатый центръ литературной дѣятельности и эпоху котораго современники называли «золотымъ вѣкомъ». Въ сороковыхъ годахъ X вѣка Куркуасъ одержалъ цѣлый рядъ побѣдъ въ арабской Арменіи и взялъ много городовъ въ верхней Месопотаміи. Осажденная Эдесса должна была выдать грекамъ свою драгоценную святыню, нерукотворенный образъ Спасителя (мавилій, убрусъ), перевезенный съ большимъ торжествомъ въ Константинополь. Послѣдніе годы правленія Константина Багрянороднаго ознаменовались ожесточенными столкновеніями съ Сейф-ад-Даулой, которыя, послѣ нѣсколькихъ ощутительныхъ для грековъ неудачъ, закончились, тѣмъ не менѣе, пораженіемъ арабовъ въ сѣверной Месопотаміи и переходомъ византійскихъ войскъ черезъ Евфратъ. Въ эти годы тамъ отличались византійскіе вожди Никифоръ Фока и Іоаннь Цимисхій, будущіе императоры. Большая новая морская экспедиція, снаряженная про-

тивъ критскихъ арабовъ, при участіи отряда изъ 629 русскихъ, потерпѣла полную неудачу, потерявъ большую часть своихъ судовъ. Однообразныя столкновенія грековъ съ мусульманами на западѣ, въ Италіи и Сициліи, на общій ходъ событій вліянія не имѣли.

Со времени побѣдъ на востокѣ Іоанна Куркуаса, Никифора Фоки и Іоанна Цимисхія, перенесшихъ границу имперіи за Евфратъ, для Византіи началась блестящая эпоха побѣдъ надъ мусульманами. По словамъ французскаго историка (Рамбо), «все неудачи Василія I были отомщены; дорога была открыта къ Тарсу, Антиохіи, Кипру и Іерусалиму... Константинъ могъ (передъ смертію) радоваться тому, что въ его царствованіе было совершено столько великихъ дѣяній за дѣло Христа. Онъ открылъ какъ для востока, такъ и для запада, какъ для эллиновъ, такъ и для франковъ (т. е. западно-европейскихъ народовъ) эру крестовыхъ походовъ».

Въ кратковременное правленіе Романа II (959—963) энергичный и талантливый военачальникъ, извѣстный уже намъ Никифоръ Фока овладѣлъ островомъ Критомъ и тѣмъ самымъ уничтожилъ гнѣздо арабскихъ пиратовъ, наводившихъ ужасъ на населеніе острововъ и побережья Эгейскаго моря. Въ возвращенномъ Критѣ Византія получила важный стратегическій и торговый пунктъ въ Средиземномъ морѣ. Съ такимъ же успѣхомъ Никифоръ Фока велъ послѣ этого войну на востокѣ съ Сейф-ад-Даулой и послѣ трудной осады даже овладѣлъ, правда временно, столицею Хамданидовъ Алеппо.

Дѣятельность слѣдующихъ трехъ императоровъ, Никифора Фоки, Іоанна Цимисхія и Василія II Болгаробойцы, представляетъ собою блестящія страницы военной исторіи имперіи въ ея борьбѣ съ исламомъ.

Никифоръ Фока во время своего шестилѣтняго правленія (963—969) обратилъ главное вниманіе на востокъ, хотя временами и былъ отвлекаемъ оттуда враждебными отношеніями къ болгарамъ, осложнившимися еще вмѣшательствомъ въ борьбу русскаго князя Святослава, и столкновеніями въ Италіи съ германскимъ государемъ Оттономъ Великимъ. На востокѣ византійскія войска, взявъ Тарсъ, заняли Киликію; въ то же время флотъ отнялъ у арабовъ важный островъ Кипръ. Обладаніе Киликіей и Кипромъ открывали Никифору путь въ Сирію. Послѣ этого онъ приступилъ къ выполненію своей

завѣтной мечты, — къ завоеванію главнаго города Сиріи Антіохіи. Послѣ подготовительнаго вторженія въ Сирію Никифоръ осадилъ Антіохію. Но осада затянулась, такъ что императоръ, оставивъ у Антіохіи войско, возвратился въ столицу. Во время отсутствія Никифора, въ послѣдній годъ его правленія (969), византійскія войска овладѣли Антіохіей. Главная цѣль была достигнута. Громадная добыча досталась побѣдителямъ. «Такъ была отвоевана христіанскимъ оружіемъ, пишетъ французскій историкъ (Schlumberger), великая Антіохія, славный Феуполь (название это дано Юстиніаномъ Великимъ), древняя соперница Византіи на Востокѣ, городъ великихъ патріарховъ, великихъ святыхъ, соборовъ и ересей». Вскорѣ послѣ этого въ руки византійскаго войска перешелъ и другой важный центръ Сиріи, Алеппо, резиденція Хамданидовъ. До насъ дошелъ любопытный текстъ договора, заключеннаго между византійскимъ военачальникомъ и владѣтелемъ Алеппо. Въ этомъ договорѣ точно опредѣлены границы и названія мѣстностей въ Сиріи, которыя или переходили во владѣніе византійскаго государя или становились въ отношеніи къ нему въ вассальную зависимость. Изъ главныхъ завоеванныхъ пунктовъ во власть имперіи перешла Антіохія. Городъ Алеппо (по-арабски Халебъ) становился вассальнымъ. Мусульманское населеніе облагалось опредѣленною податью въ пользу Византіи. Христіане, живущіе въ вассальныхъ областяхъ, отъ всякихъ налоговъ освобождались. Правитель (эмиръ) Алеппо обязанъ былъ помогать императору въ случаѣ войны послѣдняго съ немусульманами въ этихъ областяхъ, давать охрану византійскимъ торговымъ караванамъ, вступившимъ на его территорію. Возстановленіе разрушенныхъ церквей было гарантировано христіанамъ. Обезпечивалась свобода перехода христіанъ въ мусульманство и мусульманъ въ христіанство.

Заключеніе этого договора произошло уже послѣ смерти Никифора Фоки, павшаго отъ руки убійцъ въ концѣ 969 года. Можно сказать, что никогда еще мусульмане не подвергались такому униженію, какъ во время Никифора Фоки. Киликія и часть Сиріи съ Антіохіей были отъ нихъ отняты, а большая территорія признала себя въ вассальной зависимости отъ имперіи.

На западѣ политика Никифора Фоки была неудачна. При немъ послѣдніе пункты, принадлежавшіе еще въ Сициліи

Византія, были завоеваны мусульманами. Сицилія на этотъ разъ всецѣло перешла въ ихъ руки. Главною задачей преемника Никифора Фоки, Іоанна Цимисхія (969—976) было укрѣпить за имперіей пріобрѣтенія въ Киликіи и Сиріи. Первые годы своего правленія Іоаннъ Цимисхій не могъ лично участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ на восточной границѣ. Война съ русскимъ княземъ Святославомъ и Болгаріей и внутреннее возстаніе Варды Фоки, провозглашеннаго императоромъ, требовали со стороны новаго государя неустаннаго вниманія. Но война закончилась удачно; возстаніе Варды Фоки было подавлено. Итальянскія недоразумѣнія разрешились бракосочетаніемъ византійской принцессы Теофано съ наслѣдникомъ германскаго престола, будущимъ императоромъ Оттономъ II. Только послѣ этого Іоаннъ Цимисхій могъ обратиться на востокъ.

Походы его противъ восточныхъ мусульманъ были въ высшей степени удачны. Особенно поразительнымъ является его послѣдній походъ, о которомъ до насъ дошелъ драгоценный источникъ въ видѣ письма Іоанна Цимисхія къ своему союзнику, армянскому царю Ашоту III, сохранившагося у армянскаго историка Матѳея Эдесскаго. Планъ этого похода поражаетъ своею смѣлостью. Императоръ, поставивъ цѣлью освободить Іерусалимъ изъ рукъ мусульманъ, предпринялъ настоящій крестовый походъ. Выступивъ изъ Антиохіи, онъ завладѣлъ Дамаскомъ, послѣ чего, устремившись къ югу, вступилъ въ Палестину, гдѣ ему добровольно подчинились города Назаретъ и Кесарія; изъ самого Іерусалима пришла просьба о пощадѣ. «Если бы жившіе тамъ поганые африканцы, — пишетъ императоръ Ашоту, — испугавшись насъ, не укрылись въ приморскихъ замкахъ, то мы, съ Божьей помощью, побывали бы въ святомъ градѣ Іерусалимѣ и помолились бы Богу въ святыхъ мѣстахъ». Но, очевидно, для дальнѣйшаго наступленія впередъ силъ было недостаточно, такъ что Іоаннъ Цимисхій, не дойдя до Іерусалима, направился вдоль берега моря къ сѣверу, завоевавъ на пути цѣлый рядъ городовъ. «Нынѣ, — пишетъ онъ съ нѣкоторымъ преувеличеніемъ Ашоту, — вся Финикія, Палестина и Сирія освобождены отъ порабощенія мусульманамъ и признали власть византійскихъ грековъ». Византійское войско возвратилось въ Антиохію, послѣ чего императоръ уѣхалъ въ Константинополь, гдѣ

и умеръ въ началѣ 976 года. Одна византійская хроника пишетъ: «Народы испытывали великій страхъ передъ нападеніемъ Цимисхія; онъ расширилъ землю ромеевъ; сарацины и армяне бѣжали, персы боялись, и отовсюду приносили ему дары и умоляли заключить съ ними миръ; онъ прошелъ до Эдессы и рѣки Евфрата, и наполнилась земля войсками ромеевъ; Сирія и Финикія были растоптаны ромейскими конями, и онъ одержалъ великія побѣды; мечъ христіанъ носился (поражалъ) подобну серпу».

Однако, послѣдняя блестящая экспедиція Іоанна Цимисхія не имѣла своимъ результатомъ присоединенія завоеванныхъ областей. Его войска, какъ было уже отмѣчено, возвратились въ Антиохію, главный опорный пунктъ византійскихъ военныхъ силъ на востокъ въ концѣ X вѣка.

При Василии II (976—1025), преемникѣ Іоанна Цимисхія, общее положеніе дѣлъ въ государствѣ не благоприятствовало энергичной политикѣ на востокъ. Грозныя для императорской власти малоазіатскія возстанія Варды Склира и Варды Фоки и продолжавшаяся болѣе тридцати лѣтъ болгарская война требовали напряженнаго вниманія со стороны Василия. Послѣ подавленія выше названныхъ возстаній, несмотря на болгарскую войну, императоръ не разъ принималъ личное участіе въ борьбѣ съ восточными мусульманами. Сирійскимъ владѣніямъ Византіи грозила со стороны египетскаго халифа большая опасность. Находившійся въ вассальныхъ отношеніяхъ къ имперіи Алеппо нѣсколько разъ былъ занимаемъ враждебными ей войсками. Своими личными, иногда совершенно неожиданными появленіями въ Сиріи Василий возстановлялъ тамъ византійское вліяніе. Но какихъ либо новыхъ значительныхъ завоеваній въ этихъ областяхъ Василию сдѣлать не удалось. Въ самомъ началѣ XI вѣка между императоромъ и египетскимъ халифомъ изъ династіи Фатимидовъ Хакимомъ былъ заключенъ миръ. Послѣ этого у Василия II до самаго года его смерти серьезныхъ столкновеній съ восточными арабами не было. Алеппо за это время порвалъ свою вассальную зависимость отъ Византіи.

На западѣ сицилійскіе арабы производили ежегодныя нападенія на южную Италію, и византійское правительство, будучи занято въ другихъ мѣстахъ, ничего не могло предпринять противъ этого. Вмѣшательство въ итальянскія дѣла

родственнаго византійскому двору германскаго государя Оттона II, послѣ нѣкоторыхъ успѣховъ, окончилось неудачно, такъ какъ арабы нанесли ему сильное пораженіе. Въ концѣ своего правленія Василій II задумалъ обширную экспедицію для обратнаго завоеванія Сициліи, но во время ея подготовленія умеръ.

Начавшееся послѣ смерти Василія смутное время въ Византіи ободрило мусульманъ, которые, особенно со стороны Алеппо, перешли въ энергичное и успѣшное наступленіе. Дѣло было нѣсколько поправлено молодымъ и талантливымъ вождемъ Георгіемъ Маниакомъ, которому въ началѣ тридцатыхъ годовъ XI вѣка удалось овладѣть Эдессой и взять тамъ вторую святыню города — апокрифическое письмо Иисуса Христа къ Авгарю, царю Эдесскому¹⁾. Попытки имперіи отвоевать Сицилію, несмотря на нѣкоторые успѣхи Георгія Маниака, окончились ничѣмъ. Въ сицилійской экспедиціи участвовала, между прочимъ, варяго-русская дружина, бывшая на службѣ Византіи, и знаменитый герой скандинавскихъ сагъ Гаральдъ-Гардрадъ.

Уже съ первой половины XI вѣка у Византіи на востокѣ появляется новый врагъ въ лицѣ турокъ-сельджуковъ, отношенія съ которыми разовьются у имперіи въ слѣдующій періодъ ея исторіи.

Итакъ, въ эпоху Македонской династіи, несмотря на смутное время въ имперіи послѣ смерти Василія II (1025), Византія, благодаря Никифору Фокѣ, Иоанну Цимисхію и Василію II, владѣла на востокѣ территоріей до Евфрата и сѣверной Сиріей съ Антіохіей. Это былъ наиболѣе блестящій моментъ въ исторіи отношеній имперіи къ восточнымъ мусульманамъ.

Одновременно съ мусульманскими дѣлами на востокѣ въ эпоху Македонской династіи развивались очень живыя и важныя событія въ области отношеній имперіи къ Арменіи.

Арменія съ давнихъ поръ являлась яблокомъ раздора еще между римлянами и персами. Ихъ вѣковая борьба за это государство-буферъ привела къ тому, что въ концѣ IV вѣка Арменія была подѣлена между соперниками: меньшая западная часть съ городомъ Θεодосіополемъ (теперь Эрзерумъ)

¹⁾ О первой святынь Эдессы—о нерукотворенномъ Образѣ Спасителя—рѣчь была выше.

отходила къ Римской имперіи; восточная болѣе обширная часть Арменіи отходила къ персидскимъ Сасанидамъ и стала называться на востокъ Персарменіей. «Политическое раздѣленіе страны, — пишетъ историкъ (Адонцъ), — на двѣ половины, на восточную и западную, повлекло за собою культурное раздвоеніе въ жизни армянскаго народа, обусловленное различіемъ государственности византійской и иранской». Юстиніанъ Великій провелъ въ Арменіи важныя военныя и гражданскія реформы, имѣвшія цѣлью уничтожить сохранившіеся еще нѣкоторыя мѣстные устои жизни и обратить Арменію въ обыкновенную имперскую провинцію. Въ VII вѣкѣ арабы, послѣ покоренія Сиріи и пораженія Персіи, подчинили Арменію, о чемъ армянскіе, греческіе и арабскіе источники даютъ разнорѣчивыя сообщенія. Армяне, пользуясь обстоятельствами, отвлекавшими по временамъ арабовъ отъ армянскихъ дѣлъ, пытались свергнуть новое иго, за что страна ихъ не разъ подвергалась жестокому опустошенію. Въ концѣ VIII вѣка, когда Арменія была совершенно разорена арабами, пишетъ академикъ Н. Я. Марръ, армянскіе «феодалы подверглись жестокому истребленію, величественныя произведенія христіанскаго зодчества были разрушены. Словомъ, плоды всей культурной работы предшествующихъ вѣковъ были сведены на нѣтъ».

Въ половинѣ IX вѣка арабскій халифъ, нуждаясь въ армянской помощи для своей борьбы съ Византіей, пожаловалъ армянскому правителю Ашоту изъ фамиліи Багратидовъ титулъ «князя князей». Ашотъ своимъ управленіемъ на благо страны заслужилъ общее признаніе и четверть вѣка спустя, въ концѣ IX вѣка, получилъ отъ халифа уже титулъ царя. Это было новое армянское царство съ династіей Багратидовъ. Узнавъ объ этомъ, византійскій императоръ Василій I, незадолго до смерти успѣшилъ воздать новому армянскому царю подобную же честь: онъ также отправилъ ему царскій вѣнецъ и заключилъ съ нимъ союзный и дружественный договоръ, называя Ашота въ письмѣ своимъ возлюбленнымъ сыномъ и увѣряя его, что изъ всѣхъ другихъ государствъ Арменія всегда останется его особенно близкимъ союзникомъ. Изъ выше изложеннаго явствуетъ, что Ашотъ Багратидъ былъ нуженъ какъ императору, такъ и халифу въ ихъ взаимной борьбѣ въ качествѣ союзника.

Наступившія послѣ Ашота смуты снова заставили мусульманъ вмѣшаться во внутреннія дѣла Арменіи, и только Ашоту II «Желѣзному» въ первой половинѣ X вѣка удалось при помощи византійскихъ войскъ и царя Иверіи (Грузіи) болѣе или менѣе очистить страну отъ арабовъ. Самъ Ашотъ даже лично отправился ко двору византійскаго императора Романа Лекапина въ Константинополь, гдѣ встрѣтилъ торжественный приѣмъ. Ашотъ II первый принялъ титулъ шаханшаха, т. е. царя царей. Ашотъ III во второй половинѣ X вѣка перенесъ оффиціальную столицу своего государства въ крѣпость Ани, которая послѣ этого стала постепенно украшаться великолѣпными постройками и превратилась въ богатый культурный центръ. Развалины Ани теперь находятся въ предѣлахъ Россіи и уже довольно давно усердно изучаются академикомъ Н. Я. Марромъ, раскопки котораго дали блестящія, въ высшей степени важные результаты какъ для исторіи Арменіи и культуры кавказскихъ народовъ вообще, такъ и для лучшаго уразумѣнія византійскаго вліянія на христіанскомъ Востокѣ въ частности.

Новыя волненія въ Арменіи, связанныя съ болгарскими затрудненіями Василія II, заставили послѣдняго лично, послѣ подчиненія Болгаріи, направиться походомъ въ прикавказскія страны. Результатомъ его было присоединеніе къ имперіи части Арменіи и приведеніе другой части въ вассальную зависимость. Это новое расширеніе имперіи на востокъ, сопровождавшееся триумфальнымъ вѣздомъ Василія въ столицу, было послѣднимъ военнымъ торжествомъ, увѣнчавшимъ дѣятельное и славное правленіе престарѣлаго василевса. Въ сороковыхъ годахъ XI вѣка, при императорѣ Константинѣ IX Мономахѣ, новая столица Арменіи, Ани перешла во власть Византіи. Этимъ былъ положенъ конецъ владычеству Багратидовъ, послѣдній представитель которыхъ, будучи вѣроломно приглашенъ въ Константинополь, получилъ во владѣніе отъ Византіи взамѣнъ утраченной Арменіи земли въ Каппадокіи, денежную пенсію и дворецъ на Босфорѣ.

Однако, Византія не смогла справиться съ Арменіей, населеніе которой было недовольно какъ административною, такъ и религіозною политикою имперіи. Пользуясь подобнымъ положеніемъ вещей, турки-сельджуки стали вторгаться въ Арменію и постепенно ее завоевывать.

Отношенія Византіи къ болгарамъ и мадьярамъ за время Македонской династіи. Болгаро-византійскія отношенія во время Македонской династіи имѣють чрезвычайно важное значеніе для имперіи. Болгарія, сдѣлавшаяся при царѣ Симеонѣ страшнымъ врагомъ Византіи и угрожавшая даже столицѣ и самой императорской власти, была въ началѣ XI вѣка окончательно побѣждена и превратилась въ византійскую провинцію.

При первомъ Македонскомъ государѣ Василии I, отношенія Византіи къ Болгаріи отличались мирнымъ характеромъ. Тотчасъ послѣ смерти императора Михаила III начавшіеся переговоры о воссоединеніи болгарской церкви съ греческой пришли къ благополучному результату. Сынъ царя Бориса Симеонъ былъ отправленъ для полученія образованія въ Константинополь. Подобныя дружественныя отношенія были очень выгодны для обоихъ государствъ. Василій могъ, не задумываясь о сѣверѣ, направлять свои силы на борьбу съ арабами на востокъ въ глубину Малой Азіи и на западъ въ Италію. Борисъ въ свою очередь хранилъ этотъ миръ, который былъ нуженъ ему для внутренняго упроченія своей незадолго передъ тѣмъ принявшей христіанство страны.

Послѣ вступленія на престолъ Льва VI (886) миръ съ болгарамъ былъ сразу нарушенъ изъ-за таможенныхъ недоразумѣній, наносившихъ ударъ болгарской торговлѣ. Государемъ въ Болгаріи былъ въ это время одинъ изъ самыхъ значительныхъ въ ея исторіи правителей Симеонъ, получившій, какъ извѣстно, образованіе въ Константинополь, «любезнательно перечитывавшій, по словамъ источника, книги древнихъ», оказавшій великія культурныя услуги своему государству и мечтавшій объ исполненіи обширныхъ политическихъ замысловъ на счетъ Византіи. Левъ VI, чувствуя себя не въ силахъ оказать должнаго сопротивленія Симеону, такъ какъ войска его были заняты борьбой съ арабами, обратился за помощью къ дикимъ мадьярамъ, которые согласились сдѣлать неожиданный набѣгъ на Болгарію съ сѣвера и этимъ самымъ отвлечь вниманіе Симеона отъ Византіи.

Это былъ очень важный моментъ въ исторіи Европы. Впервые въ концѣ IX вѣка въ международныя отношенія европейскихъ государствъ было введено новое племя финно-угорскаго происхожденія—мадьяры (венгры, угры; византійскіе

источники часто ихъ называютъ турками, а западные источники — аварами).

Это было, по словамъ одного изслѣдователя (К. Грота), «первое выступленіе мадьяръ на боевое поприще на глазахъ Европы въ союзѣ съ однимъ изъ самыхъ культурныхъ ея народовъ». Симеонъ, потерпѣвшій въ началѣ неудачу въ столкновеніи съ мадьярами, сумѣлъ тѣмъ не менѣе справиться съ обстоятельствами. Выигравъ время при помощи переговоровъ съ Византіей и привлеки на свою сторону печенѣговъ, Симеонъ разбилъ мадьяровъ, направившихся послѣ этого разгрома на сѣверъ къ мѣстамъ своего будущаго обоснованія на среднедунайской равнинѣ. Покончивъ съ мадьярами, Симеонъ устремился на Византію и послѣ рѣшительной побѣды надъ греками дошелъ, по сообщеніямъ арабскихъ хроникъ, до стѣнъ самого Константинополя. Побѣжденному императору удалось заключить съ Симеономъ миръ на условіи не предпринимать противъ болгаръ враждебныхъ дѣйствій и ежегодно доставлять Симеону богатые дары.

Послѣ взятія и разграбленія Солуни арабами въ 904 году, о чемъ рѣчь была выше, Симеонъ возымѣлъ намѣреніе овладѣть этимъ городомъ. Левъ VI избавился отъ этого лишь уступкою болгарамъ другихъ земель. Отъ 904 года дошелъ до насъ пограничный столбъ между Болгаріей и Византіей съ интересною надписью о договорѣ между ними. Болгарскій историкъ (Златарскій) такъ опредѣляетъ важное значеніе надписи: «По этому акту всѣ славянскія земли въ теперешней южной Македоніи и южной Албаніи, которыя до того времени все еще находились подъ властью византійскаго императора, теперь (т. е. въ 904 г.) перешли къ болгарской державѣ; другими словами, этимъ актомъ Симеонъ завершилъ объединеніе на Балканскомъ полуостровѣ подъ скипетромъ болгарскаго государя тѣхъ славянскихъ племенъ, которыя дали окончательную фізіономію болгарской народности».

Послѣ этого до конца правленія Льва VI ни о какихъ враждебныхъ столкновеніяхъ между Болгаріей и Византіей не слышно.

Со времени смерти Льва VI и до смерти Симеона Болгарскаго въ 927 году Византія находилась почти въ непрерывной войнѣ съ Болгаріей. Симеонъ совершенно опредѣленно стремился уже къ завоеванію Константинополя. Напрасно

патріархъ Николай Мистикъ отправлялъ къ нему унижительныя посланія, написанныя «не чернилами, а слезами». Иногда же тотъ же Николай Мистикъ, желая устрашить Симеона, грозилъ ему союзомъ Византіи съ Русью, печенѣгами, ала-нами и западными турками, т. е. мадьярами (венграми). Но этотъ завѣдомо неосуществимый проектъ союза не оказалъ на Симеона желаемого вліянія. Болгарскія войска, нанеся грекамъ цѣлый рядъ жестокихъ пораженій, взяли Адрианополь, проникли на югъ до Дарданеллъ и до Средней Греціи и подошли къ стѣнамъ Константинополя, который находился въ крайней опасности. Императорскіе загородные дворцы были преданы пламени. Симеонъ сдѣлалъ даже попытку вступить въ сношенія съ африканскими арабами для совмѣстной осады столицы. За исключеніемъ Константинополя и Солуни вся Фракія и Македонія находились въ рукахъ болгаръ. Во время раскопокъ, произведенныхъ русскимъ Константинопольскимъ Археологическимъ Институтомъ около деревни Абобы, въ сѣверо-восточной Болгаріи (см. выше), были открыты колонны съ наименованіями византійскихъ городовъ, которыми владѣлъ Симеонъ, предназначенныя для Большой церкви, построенной имъ близъ княжескаго дворца. На обладаніи большею частью терри-торіи имперіи на Балканскомъ полуостровѣ Симеонъ отчасти и основывалъ свое право именоваться царемъ Болгаръ и Грековъ.

Однако, опасность для Симеона со стороны возникавшаго сербскаго государства, завязавшаго переговоры съ Византіей, и неудача его переговоровъ съ арабами заставили болгарскаго царя на время отойти отъ Константинополя. Но въ 927 году Симеонъ, во время новыхъ приготовленій къ походу противъ Византіи, умеръ.

При Симеонѣ Болгарія достигла громадныхъ предѣловъ; границы ея шли отъ Чернаго моря до Адриатическаго и отъ нижняго Дуная до глубины Фракіи и Македоніи, не доходя немного до Солуни. Съ именемъ Симеона связывается первая попытка замѣнить на Балканскомъ полуостровѣ греческое владычество владычествомъ славянскимъ.

Послѣ смерти Симеона на болгарскій престолъ вступилъ кроткій Петръ, породнившійся съ византійскимъ императоромъ. Имперія признала за Петромъ царскій титулъ. Въ то же время было признано Византіей учрежденное еще Симеономъ болгарское патріаршество.

«Великая Болгарія» время СIMEОНА была при ПЕТРѢ раздираема внутренними смутами. Особенно сильно было возстаніе ШИШМАНА въ западной Болгаріи, во время котораго ему удалось, какъ можно предполагать, образовать особое западное самостоятельное болгарское государство, гдѣ царемъ былъ провозглашенъ ШИШМАНЪ.

Подобное ослабленіе Болгаріи было очень выгодно для Византіи. Императоры НИКИФОРЪ ФОКА и ІОАННЪ ЦИМИСХІЙ вели упорную борьбу съ болгарами, въ которой участвовалъ, по приглашенію НИКИФОРА ФОКИ, русскій князь СВЯТОСЛАВЪ. Однако, Византія была встревожена успѣхами русскаго оружія въ Болгаріи, доведшими СВЯТОСЛАВА до византійской границы и позволившими ему затѣмъ вторгнуться настолько глубоко на территорію имперіи, что начальная русская лѣтопись замѣчаетъ: «за маломъ бо бѣ не дошелъ Царяграда». ІОАННЪ ЦИМИСХІЙ, выступившій подъ предлогомъ защиты Болгаріи противъ русскаго вторженія, послѣ своей побѣды надъ СВЯТОСЛАВОМЪ завоевалъ уже для себя всю восточную Болгарію и захватилъ всю болгарскую династію. Такимъ образомъ, произошло при ІОАННѢ ЦИМИСХІИ присоединеніе къ его державѣ восточнаго болгарскаго царства.

Послѣ его смерти покоренные болгары, воспользовавшись внутренними затрудненіями имперіи, подняли возстаніе. Во главѣ болгаръ всталъ энергичный правитель западно-болгарскаго царства, САМУИЛЬ, современникъ новаго византійскаго императора ВАСИЛІЯ II.

Борьба послѣдняго съ САМУИЛОМЪ была въ теченіе долгаго времени неудачна для Византіи, особенно въ виду войнъ имперіи на востокъ. САМУИЛЬ расширилъ территорію завоеваніями и провозгласилъ себя болгарскимъ царемъ. Только съ начала XI вѣка счастье стало переходить на сторону ВАСИЛІЯ, который за свою жестокость въ борьбѣ съ болгарами получилъ прозваніе Болгаробойцы. САМУИЛЬ, увидѣвъ 14.000 ослѣпленныхъ ВАСИЛІЕМЪ и возвращенныхъ на родину болгаръ, умеръ, потрясенный подобнымъ ужаснымъ зрѣлищемъ. По смерти САМУИЛА Болгарія не могла уже продолжать сопротивленія и быстро подчинилась Византіи. Въ 1018 году первое болгарское царство прекратило свое существованіе и было обращено въ византійскую провинцію съ императорскимъ намѣстникомъ во главѣ, но съ сохраненіемъ извѣстной внутренней автономіи.

Вспыхнувшее противъ имперіи около половины XI вѣка сильное болгарское возстаніе подъ предводительствомъ Петра Деляна было подавлено; слѣдствіемъ послѣдняго возстанія было уничтоженіе болгарской автономіи. Въ заселенныя болгарами земли во время византійскаго господства стала проникать эллинизация. Однако, болгарская народность сохранила свою національность, особенно благодаря образованію въ XII вѣкѣ второго болгарскаго царства.

Византія и Русь за время Македонской династіи. Во время Македонскихъ государей русско-византійскія отношенія развивались очень оживленно. По словамъ нашей лѣтописи, русскій князь Олегъ въ 907 году, т. е. въ царствованіе Льва VI Мудраго, стоялъ съ многочисленными судами подъ стѣнами Константинополя и, разоривъ его окрестности и перебивъ большое количество греческаго населенія, заставилъ императора вступить съ нимъ въ соглашеніе и заключить договоръ. Хотя извѣстные до сихъ поръ византійскіе, восточные и западные источники объ этомъ походѣ не упоминаютъ и вообще не называютъ имени Олега, тѣмъ не менѣе надо признать, что въ основѣ русскаго лѣтописнаго сообщенія, не лишеннаго легендарныхъ подробностей, лежитъ дѣйствительный историческій фактъ. Очень вѣроятно, что предварительный договоръ 907 года былъ подтвержденъ въ 911 году формальнымъ договоромъ, который, по сообщенію той-же русской лѣтописи, давалъ русскимъ важныя торговыя привилегіи.

Въ самое послѣднее время (въ 1916 г.) одинъ начинающій русскій византиnistъ (М. Сюзюмовъ) отмѣтилъ въ извѣстной исторіи Льва Діакона, драгоцѣнномъ источникѣ для второй половины X вѣка, интересное мѣсто, на которое раньше не обращалось надлежащаго вниманія и въ которомъ приходится увидѣть единственный пока въ греческихъ источникахъ намекъ на договоры Олега. Левъ Діаконъ влагаетъ въ уста Цимисхія слѣдующую угрозу по отношенію къ Святославу: «Я думаю, что ты не забылъ пораженія отца твоего Игоря, который, презрѣвши клятвенные договоры (*τὰς ἐνὸρκους σπουδὰς*), съ великимъ ополченіемъ и множествомъ судовъ выплылъ къ царствующему граду». Мнѣ кажется, что подъ этими клятвенными договорами, заключенными съ Византіей до Игоря, можно лишь разумѣть выше названные договоры Олега.

Интересно сопоставить съ приведенными данными извѣстіе

византийскихъ источниковъ объ участіи русскихъ съ начала X вѣка въ византийскихъ войскахъ въ видѣ вспомогательныхъ отрядовъ и соотвѣтствующее мѣсто въ договорѣ 911 года нашей лѣтописи о позволеніи русскимъ, если они пожелаютъ, служить въ войскѣ византийскаго императора.

Можетъ быть, не лишнее отмѣтить, что въ 1912 году одинъ еврейскій ученый (Шехтеръ) издалъ и перевелъ на англійскій языкъ въ Америкѣ любопытный, къ сожалѣнію, сохранившійся лишь въ отрывкахъ еврейскій средневѣковой текстъ о хазаро-русско-византийскихъ отношеніяхъ въ X вѣкѣ, переведенный въ слѣдующемъ году по-русски академикомъ П. К. Коковцовымъ. Интересъ этого документа усугубляется тѣмъ, что въ немъ мы встрѣчаемъ имя «царя Русіи Хальгу (Хельгу)», т. е. Олега, и находимъ новыя о немъ извѣстія, напр. о его неудачномъ походѣ на Константинополь. Однако, хронологическія и топографическія трудности, представляемыя даннымъ текстомъ, еще находятся въ стадіи предварительнаго изученія, и поэтому намъ еще не представляется возможнымъ высказать опредѣленное сужденіе объ этой новой и безусловно въ высшей степени интересной находкѣ. Во всякомъ случаѣ, въ связи съ послѣдней теперь дѣлается попытка новаго пересмотра лѣтописной хронологіи Олега.

Въ царствованіе Романа Лекапина столица дважды подвергалась нападенію со стороны русскаго князя Игоря, имя котораго, помимо русскихъ лѣтописей, сохранилось какъ въ греческихъ, такъ и латинскихъ источникахъ. Первый походъ Игоря въ 941 году, предпринятый имъ на многочисленныхъ судахъ къ черноморскому побережью Визоніи и въ Босфоръ, гдѣ русскіе, опустошая страну, дошли по азіатскому берегу пролива до Хрисополя (совр. Скутари, противъ Константинополя), окончился для Игоря полною неудачею. Русскія суда, особенно благодаря губительному дѣйствию греческаго огня, были, большею частью, уничтожены. Остатки судовъ возвратились на сѣверъ. Русскіе плѣнники подверглись казни.

Съ гораздо большими силами былъ предпринятъ Игоремъ второй походъ 944 года. По словамъ русскихъ лѣтописей, Игорь собралъ большое войско изъ «варяговъ, руси, полянъ, славянъ, кривичей, тиверцевъ и печенѣговъ». Испуганный императоръ отправилъ къ Игорю и печенѣгамъ лучшихъ бояръ, богатые подарки и обѣщалъ первому платить дань, которую

бралъ съ Византіи Олегъ. Игорьъ, подошедши къ Дунаю и совѣтовавшись съ дружиной, рѣшилъ принять условія императора и возвратился въ Кіевъ. Въ слѣдующемъ году между греками и русскими былъ заключенъ менѣе выгодный для послѣднихъ, въ сравненіи съ договоромъ Олега, договоръ и миръ, «дондеже солнце съяетъ и весь міръ стоитъ, въ нынѣшнія вѣки и въ будущая».

Намѣченное въ договорѣ Игоря сближеніе съ Русью конкретно выразилось въ томъ, что въ царствованіе Константина VII Порфиророднаго, въ 957 году, русская великая княгиня Ольга пріѣхала въ Константинополь, гдѣ была съ великимъ торжествомъ принята императоромъ, императрицей и наследникомъ. О пріемѣ Ольги въ Константинополь сохранилась официальная современная запись въ известномъ сборникѣ X вѣка «О церемоніяхъ византійскаго двора».

Объ отношеніяхъ Никифора Фоки и Іоанна Цимисхія къ Святославу въ связи съ болгарскими дѣлами рѣчь была уже выше.

Особенно важны отношенія Василя II Болгаробойцы къ русскому великому князю Владиміру, съ именемъ котораго связано представленіе объ обращеніи въ христіанство его самого и русскаго государства.

Въ восьмидесятихъ годахъ X вѣка положеніе императора и его династіи казалось критическимъ. Поднявшій возстаніе противъ Василя Варда Фока, имѣя на своей сторонѣ почти всю Малую Азію, подошелъ съ востока къ самой столицѣ, тогда какъ съ другой стороны побѣдоносные въ то время болгары грозили ей съ сѣвера. Въ столь стѣсненныхъ обстоятельствахъ Василій обратился за помощью къ сѣверному князю Владиміру, съ которымъ ему и удалось заключить союзъ на слѣдующихъ условіяхъ: Владиміръ долженъ былъ отправить на помощь Василю шеститысячный отрядъ, взаменъ чего получалъ руку сестры императора Анны и обязывался за себя и за свой народъ принять христіанскую вѣру. Благодаря русскому вспомогательному отряду, такъ называемой историками «варяго-русской дружинѣ», возстаніе Варды Фоки было подавлено, и самъ онъ погибъ. Избавившись отъ страшной опасности, Василій, повидимому, не хотѣлъ соблюдать обѣщанія, даннаго Владиміру, относительно сестры Анны. Тогда русскій князь осадилъ и взялъ важный византійскій городъ

въ Крыму Корсунь. Послѣ этого Василій II уступилъ. Владиміръ принялъ крещеніе и получилъ въ супружество византійскую царевну Анну. Годъ крещенія Руси, 988-й или 989-й, въ точности неизвѣстенъ; одни ученые стоятъ за первый, другіе за второй годъ. На нѣкоторое время между Византіей и Русью снова настали времена мира и согласія; обѣ стороны безбоязненно вели между собою торговлю.

Въ 1043 году, въ царствованіе Константина Мономаха, въ Константинополь произошла, по словамъ источника, между «скиѣскими купцами», т. е. русскими, и греками ссора, во время которой одинъ знатный русскій былъ убитъ. Очень вѣроятно, что это обстоятельство послужило поводомъ къ новому походу русскихъ на Византію. Русскій великій князь Ярославъ Мудрый отправилъ въ походъ своего старшаго сына Владиміра съ большимъ войскомъ на многочисленныхъ судахъ. Но русскія суда потерпѣли полное пораженіе, особенно благодаря знаменитому греческому огню. Остатки русскаго воинства во главѣ съ Владиміромъ успѣшно удалились. Это было послѣднее нападеніе русскихъ на Константинополь въ средніе вѣка. Этнографическія измѣненія, происшедшія во второй половинѣ XI вѣка въ степяхъ современной южной Россіи, въ видѣ появленія половцевъ, лишили русское государство возможности поддерживать прямыя сношенія съ Византіей.

Печенѣжскій вопросъ въ эпоху Македонской династіи. Печенѣги въ XI вѣкѣ въ теченіе довольно продолжительнаго времени оказывали громадное вліяніе на судьбу Византіи; и былъ даже моментъ, незадолго до перваго крестоваго похода, когда печенѣги единственный разъ во время своей краткой и варварской исторической жизни сыграли немаловажную роль во всемірной исторіи, о чемъ рѣчь будетъ въ своемъ мѣстѣ.

Византія уже давно знала печенѣговъ, поселившихся съ IX вѣка на территоріи современной Валахія, т. е. къ сѣверу отъ нижняго Дуная, и въ равнинахъ современной южной Россіи, такъ что территорія, занятая ими, простиралась отъ нижняго Дуная до береговъ Днѣпра, а иногда заходила и дальше. Если на западѣ граница печенѣговъ соприкасалась съ границею Болгарскаго государства, то на востокѣ постоянной границы быть не могло, такъ какъ съ этой стороны непрестанно тѣснили печенѣговъ другія варварскія кочевья.

племена, особенно узы и куманы или половцы. Для лучшаго уразумѣнія послѣдующихъ историческихъ событій надо всегда помнить, что печенѣги, узы и куманы (половцы) были народы тюркскаго (турскаго) происхожденія, т. е. были, можно сказать, такими же турками, какъ турки-сельджуки, угрожавшіе Византіи со стороны Малой Азіи въ XI вѣкѣ. Дошедшій до насъ куманскій словарь убѣдительно доказываетъ, что куманскій или половецкій языкъ находится въ ближайшемъ родствѣ съ другими турецкими языками, и что различіе между ними есть различіе только діалектическое. Близкое родство между печенѣгами и турками-сельджуками имѣетъ для будущаго большое значеніе.

Византія разсматривала печенѣговъ, какъ одного изъ своихъ самыхъ важныхъ сѣверныхъ сосѣдей, служившихъ основою для сохраненія равновѣсія на сѣверѣ въ отношеніяхъ имперіи къ Руси, мадьярамъ и болгарамъ. Въ X вѣкѣ Константинъ Багрянородный въ своемъ трудѣ «Объ управленіи имперіей», посвященномъ сыну и наслѣднику престола Роману, удѣляетъ не мало мѣста печенѣгамъ. Прежде всего, царственный писатель совѣтуетъ для пользы государства жить съ печенѣгами въ мирѣ и имѣть съ ними дружественныя отношенія; если имперія живетъ въ мирѣ съ печенѣгами, то ни русскіе, ни мадьяры, ни болгары не могутъ открыть враждебныхъ дѣйствій противъ имперіи. Изъ того же сочиненія видно, что печенѣги служили посредниками въ торговыхъ сношеніяхъ византійскихъ владѣній въ Крыму, т. е. оемы Херсонъ, съ Русью, Хазаріей и другими сосѣдними странами. Очевидно, для Византіи печенѣги въ X вѣкѣ имѣли въ высшей степени важное значеніе какъ въ политическомъ, такъ и въ экономическомъ отношеніи.

Хорошо знаетъ печенѣговъ и наша русская лѣтопись.

Во второй половинѣ X-го вѣка и въ началѣ XI вѣка обстоятельства измѣнились. Какъ извѣстно, восточная Болгарія была завоевана Іоанномъ Цимисхіемъ, а вся Болгарія — Василиемъ II; послѣ чего на Дунаѣ печенѣги, которыхъ раньше отдѣляла отъ Византіи Болгарская держава, стали непосредственными сосѣдями имперіи, настолько сильными, многочисленными и упорными, что послѣдняя была не въ состояніи дать надлежащій отпоръ ихъ натиску. Съ тыла печенѣговъ тѣснили половцы. Церковный писатель XI вѣка Теофи-

лакть Болгарскій въ такихъ словахъ говорить о набѣгахъ печенѣговъ, которыхъ онъ называетъ скиоами: «Ихъ набѣгъ — ударъ молніи; ихъ отступление тяжело и легко въ одно и тоже время: тяжело отъ множества добычи, легко — отъ быстроты бѣгства... Самое худшее то, что они своимъ множествомъ превосходятъ весеннихъ пчель, и никто еще не зналъ, сколькоими тысячами или десятками тысячъ они считаются: число ихъ безчисленно».

Однако, до половины XI вѣка серьезной опасности для Византіи со стороны печенѣговъ, повидимому, не угрожало. Около же половины этого вѣка они перешли Дунай.

По словамъ В. Г. Васильевскаго (писано въ 1872 году), впервые выяснишаго роль печенѣговъ въ исторіи, «это событіе, оставляемое безъ вниманія во всѣхъ новыхъ историческихъ сочиненіяхъ, имѣло громадное значеніе въ исторіи человѣчества. По своимъ послѣдствіямъ оно почти такъ же важно, какъ переходъ за Дунай западныхъ готовъ, которымъ начинается такъ называемое переселеніе народовъ».

Императоръ Константинъ Мономахъ (1042—1054) отвелъ въ придунайской Болгаріи печенѣгамъ земли для поселенія и отдалъ въ ихъ руки три крѣпости на Дунаѣ. Обязанность печенѣжскихъ поселенцевъ была защищать границы имперіи отъ нападений своихъ соплеменниковъ, оставшихся за Дунаемъ, и отъ князей русскихъ.

Но задунайскіе печенѣги упорно стремились къ югу. Въ первое время, несмотря на то, что печенѣги, въ громадномъ количествѣ (источники говорятъ даже о 800.000 человѣкъ) перейдя Дунай, доходили до Адрианополя, а отдѣльные отряды и до самыхъ стѣнъ столицы, войскамъ Константина Мономаха удавалось съ ними справляться и наносить имъ чувствительные удары. Но предпринятая имъ въ концѣ правленія экспедиція противъ печенѣговъ за Балканы окончилась погромомъ византійскаго войска. «Въ страшномъ ночномъ побоищѣ смятые полки византійскіе почти безъ сопротивленія были истреблены варварами; только небольшая часть успѣла какъ-то добраться до Адрианополя. Всѣ плоды прежнихъ побѣдъ были потеряны». Императоръ, не будучи въ силахъ начать новую борьбу съ печенѣгами, долженъ былъ купить у нихъ дорогою цѣною миръ. Смягченные щедрыми дарами печенѣги обязались впредь, по крайней мѣрѣ, въ теченіе опредѣленнаго

срока, спокойно жить въ занятыхъ ими областяхъ, на сѣверъ отъ Балканъ. Печенѣжскіе князья были пожалованы византійскими придворными чинами.

Итакъ, къ концу Македонской династіи, особенно во время правленія Константина Мономаха, печенѣги были уже самымъ опаснымъ сѣвернымъ врагомъ Византіи, который въ послѣдующихъ событіяхъ будетъ временами играть въ высшей степени важную роль.

Отношенія Византіи къ Италіи и Западной Европѣ въ эпоху Македонской династіи. Какъ было уже отмѣчено выше, итальянскія отношенія имѣли для Византіи важное значеніе главнымъ образомъ въ виду арабскихъ успѣховъ въ Сициліи и Южной Италіи. Что касается до отношенія Византіи къ Венеціи, то республика св. Марка въ половинѣ IX вѣка, совершенно освободившись отъ византійской зависимости, стала самостоятельной, такъ что, если между двумя государствами завязывались, какъ то и было, на примѣръ, при Василии I, сношенія, то это были уже сношенія двухъ самостоятельныхъ государствъ, интересы которыхъ въ IX вѣкѣ очень близко сходились въ вопросѣ о западныхъ арабахъ и адриатическихъ славянахъ.

Изъ времени Василия I интересна переписка его съ западнымъ императоромъ Людовикомъ II, изъ которой видно, что между обоими государями происходилъ горячій споръ о неправомерности присвоенія Людовикомъ императорскаго титула. Такимъ образомъ, еще во второй половинѣ IX вѣка чувствовались послѣдствія коронованія 800 года. Высказанный сравнительно недавно взглядъ о подложности письма Людовика II къ Василию (Kleinsclausz) новѣйшею литературою не принимается (Gay). Попытка заключить союзъ между Василиемъ и Людовикомъ II, какъ было уже сказано выше, окончилась неудачею. Занятіе византійскими войсками Бари, Тарента и удачныя дѣйствія въ южной Италіи противъ арабовъ византійскаго начальника Никифора Фоки подняли тамъ византійское вліяніе въ концѣ правленія Василия I, о чемъ также рѣчь была выше. Мелкія итальянскія владѣнія, какъ напр., герцогства Неаполитанское, Беневентское, Сполетское, княжество Салернское и другія, придерживались той или иной политики по отношенію къ Византіи въ зависимости отъ успѣшности или неуспѣшности ея дѣйствій противъ арабовъ.

Папа Іоаннъ VIII, забывъ о недавнемъ разрывѣ съ восточною церковью, завязалъ въ сознаниі грозной для Рима арабской опасности съ Василиемъ I оживленные переговоры, соглашался на всевозможныя уступки и явно стремился къ заключенію политическаго союза. Нѣкоторые ученые даже стараются объяснить отсутствіе въ теченіе трехъ съ половиной лѣтъ на Западѣ императора, послѣ смерти Карла Лысаго (877), тѣмъ, что Іоаннъ VIII будто бы намѣренно никого изъ западныхъ государей не короновалъ, не желая оскорбить столь нужнаго ему византійскаго государя.

При Левѣ VI византійскія владѣнія въ южной Италиі дѣлились на двѣ ѳемы: Калабрию и Лонгобардію. Калабрія выдѣлилась изъ ѳемы Сициліи, послѣ того какъ, съ паденіемъ Сиракузь и Таормины, Сицилія фактически перешла въ руки арабовъ. Что касается до Лонгобардіи, то въ силу успѣховъ византійскаго оружія въ Италиі Левъ VI, какъ кажется, окончательно выдѣлилъ ее въ видѣ самостоятельной ѳемы со стратегомъ во главѣ изъ ѳемы Кефалленіи или Іонійскихъ острововъ. При постоянныхъ военныхъ дѣйствіяхъ съ перемѣннымъ успѣхомъ границы Калабріи и Лонгобардіи отличались большою неопредѣленностью.

Съ усиленіемъ византійскаго вліянія въ южной Италиі тамъ въ X вѣкѣ замѣчается умноженіе греческихъ монастырей и церквей, которые создали рядъ культурныхъ центровъ.

Въ томъ же X вѣкѣ у Византіи въ Италиі появляется сильный соперникъ и врагъ въ лицѣ германскаго государя Оттона I, который, будучи въ 962 году коронованъ императорскаго короною въ Римѣ папою Іоанномъ XII, сталъ извѣстенъ въ исторіи, какъ основатель «Священной Римской имперіи германской націи». Сдѣлавшись императоромъ, Оттонъ захотѣлъ быть и хозяиномъ положенія въ Италиі, что уже прямо задѣвало византійскіе интересы, особенно въ ѳемѣ Лонгобардіи. Переговоры между нимъ и восточнымъ императоромъ Никифоромъ Фокой, который, быть можетъ, мечталъ о заключеніи наступательнаго союза съ германскимъ государемъ противъ мусульманъ, затянулись. Тогда Оттонъ сдѣлалъ неожиданное, но неудачное вторженіе въ византійскія южно-итальянскія области.

Для новыхъ переговоровъ въ Константинополь былъ отправленъ въ качествѣ императорскаго посла епископъ города

Кремоны Ліутпрандъ, бывшій уже раньше посломъ въ Византію при Константинѣ Багрянородномъ. Будучи встрѣченъ на берегахъ Босфора педостаточно почетно и переживъ тамъ немало униженій и уколовъ самолюбію, Ліутпрандъ написалъ рассказъ о своемъ вторичномъ пребываніи при византійскомъ дворѣ въ видѣ злостнаго памфлета, который является полною противоположностью благоговѣйному описанію его перваго посѣщенія Константинополя. Изъ его памфлета, называемаго обыкновенно «Донесеніемъ о константинопольскомъ посольствѣ» (*Relatio de legatione constantinopolitana*), видно, что въ Византіи продолжались старые споры о титулѣ «василевса» для западнаго государя. Ліутпрандъ обвинялъ византійцевъ въ слабости и бездѣйствіи и оправдывалъ своего государя. «Кому служить, — читаемъ мы у него, — Римъ, о желаніи дать свободу которому вы шумите? кому онъ платитъ налоги? Развѣ прежде не служилъ онъ куртизанкамъ? И вотъ, въ то время когда всѣ спали и даже находились въ состояніи безсилія, мой господинъ, августѣйшій императоръ, освободилъ Римъ отъ столь постыднаго рабства». Ліутпрандъ, видя, что греки, намѣренно затягивая переговоры и не позволяя послу сноситься съ его государемъ, готовили войска для отправки въ Италію, употреблялъ всѣ усилія, чтобы уѣхать изъ Константинополя, что ему удалось лишь послѣ большихъ хлопотъ и проволочекъ.

Разрывъ между двумя имперіями совершился, и Оттонъ I вторгнулся въ предѣлы Апуліи. Однако, новый византійскій императоръ Іоаннъ Цимисхій совершенно измѣнилъ политику: онъ не только заключилъ миръ съ германскимъ государемъ, но и добился брака сына и наслѣдника послѣдняго, будущаго императора Оттона II, съ византійскою принцессой Теофано. Между имперіями установился союзъ. Арабскія нападенія на южную Италію, противъ которыхъ преемникъ Іоанна Цимисхія, Василій II, занятый внутренними возстаніями, ничего не могъ сдѣлать, заставили предпринять походъ на югъ молодого императора Оттона II. Послѣдній потерпѣлъ сильное пораженіе отъ арабовъ и вскорѣ умеръ. Съ этихъ поръ германскія попытки въ византійскихъ оемахъ Италіи надолго прекратились.

Съ конца X вѣка произошла административная реформа въ византійскою Италіи, гдѣ прежній «стратигъ Лонгобардіи» былъ замѣненъ «катепаномъ Италіи», имѣвшимъ резиденцію

въ Бари. Распри между различными итальянскими княжествами помогали византийскому катепану справляться съ нелегкою задачею защищать югъ Италіи противъ сарацинъ.

Сынъ византийской принцессы Теофано, воспитанный въ глубокомъ уваженіи къ Византіи и къ античной культурѣ, германскій государь Оттонъ III, современникъ и родственникъ по матери Василія II, ученикъ знаменитаго ученаго Герберта, будущаго папы Сильвестра II, не скрывая своего презрѣнія къ германской грубости, мечталъ объ установленіи прежней имперіи со столицею въ древнемъ Римѣ. «Онъ одинъ желалъ, по словамъ историка Брайса, опять сдѣлать семихолмный городъ столицей имперіи, поставивъ Германію, Ломбардію и Грецію на ихъ прежнее настоящее мѣсто подчиненныхъ провинцій. Никто не забывалъ такъ настоящаго для того, чтобы жить въ свѣтѣ античнаго строя; ничья душа не была такъ объята пламеннымъ мистицизмомъ и тѣмъ благоговѣніемъ къ славѣ прошлаго, на которомъ основывалась идея средневѣковой имперіи». Но, какъ-бы ни былъ великъ престижъ древняго Рима, всетаки воображеніе Оттона III несло главнѣйшимъ образомъ къ Риму восточному, къ тому сказочно-пышному двору Византіи, откуда происходила его мать Теофано. Только подражая византийскимъ монархамъ, Оттонъ III надѣялся возстановить императорскій тронъ въ Римѣ. Онъ называлъ себя *imperator romanorum* и будущую всемірную монархію *Orbis romanus*.

Однако, молодой мечтатель на тронѣ, собиравшійся своими несбыточными планами доставить не мало осложненій и хлопотъ Византіи, неожиданно умеръ въ самомъ началѣ XI вѣка, двадцати двухъ лѣтъ отъ роду.

Если въ началѣ XI вѣка византийская южная Италія, благодаря вмѣшательству венеціанскаго флота, была обезопасена со стороны арабовъ, то вскорѣ въ Италіи появился у Византіи новый врагъ, который нѣкоторое время спустя будетъ уже страшною грозою для восточной имперіи. Этимъ врагомъ были норманны.

Первый значительный отрядъ норманновъ прибылъ въ Италію въ началѣ XI вѣка по приглашенію Мела, поднявшаго возстаніе противъ византийскаго господства. Однако, Мель и его норманскіе союзники потерпѣли сильное пораженіе при Каннахъ, столь знаменитыхъ побѣдою Ганнибала во вторую

пуническую войну. Войскамъ Василя II въ этой побѣдѣ оказали существенную помощь служившіе въ рядахъ византійскаго войска русскіе. Побѣда при Каннахъ настолько укрѣпила положеніе Византіи въ южной Италіи, что императоръ Михаилъ IV Пафлагонецъ, въ тридцатыхъ годахъ XI вѣка, снарядилъ экспедицію для обратнаго отвоеванія отъ арабовъ Сициліи подъ начальствомъ знаменитаго полководца Георгія Маниака, въ войскѣ котораго, какъ было сказано выше, участвовалъ скандинавскій герой Гаральдъ Гардрадъ и варяго-русская дружина. Несмотря на успѣхъ кампаніи, который выразился, между прочимъ, въ овладѣніи Мессиною, византійское предпріятіе въ концѣ концовъ не удалось, особенно потому, что Георгій Маниакъ, заподозрѣнный въ честолюбивыхъ замыслахъ, былъ отозванъ.

Между тѣмъ, норманны, пользуясь раздорами между Византіей и римскимъ престоломъ, приведшими, какъ извѣстно, къ окончательному раздѣленію церковей въ 1054 году, и держа сторону Рима, медленно, но успѣшно продвигались въ византійской Италіи. Въ концѣ нашего періода, т. е. въ половинѣ XI вѣка, среди норманновъ въ Италіи началъ выдѣляться энергичный Робертъ Гюискаръ или Гвискардъ, главная дѣятельность котораго разовьется уже послѣ прекращенія Македонской династіи.

2) Внутренняя дѣятельность государей Македонской династіи.

Церковныя дѣла въ эпоху Македонской династіи. Главнымъ событіемъ церковной жизни Византіи за время Македонской династіи является окончательное раздѣленіе церковей, восточной и западной, на восточно-православную и западно-католическую, завершившееся послѣ почти двухвѣковыхъ споровъ въ половинѣ XI вѣка.

Первымъ дѣломъ основателя Македонской династіи Василя I въ церковной жизни имперіи было низложеніе патріарха Фотія и возстановленіе на патріаршемъ престолѣ низложеннаго при Михаилѣ III Игнатія. Этою мѣрою Василій надѣялся укрѣпиться не только что пріобрѣтенномъ захватнымъ путемъ тронѣ, а именно: съ одной стороны, онъ считалъ выгоднымъ для себя жить въ мирѣ съ папою; съ другой стороны, желалъ угодить народу, среди котораго, какъ онъ прекрасно

зналъ, было очень много игнатіанъ, т. е. сторонниковъ низложеннаго Игнатія. Императоръ Василій и патріархъ Игнатій въ своихъ письмахъ къ папѣ признавали силу и вліяніе послѣдняго на дѣла восточной церкви. Императоръ писалъ папѣ: «Отець духовный и божественно чтимый первосвященникъ! Ускори исправленіемъ церкви нашей и черезъ борьбу съ несправедливостью даруй намъ обиліе благъ, т. е. чистое единство, общеніе духовное, свободное отъ всякаго спора и всякой схизмы». Игнатій кончаетъ свое полное уничиженія передъ папою письмо просьбою прислать въ Константинополь папскихъ викаріевъ, чтобы «съ ними добре и по надлежащему устроить церковь»; «мы примемъ ихъ, пишетъ Игнатій, какъ провидѣніе Божіе, являемое при посредствѣ верховнаго Петра и при посредствѣ вашего настоянія». Для папства это былъ моментъ кажущагося торжества на Востокѣ. Папа Николай I не дожилъ до этой побѣды. Отправленные изъ Византіи на его имя письма были получены уже его преемникомъ Адрианомъ II.

На соборахъ въ Римѣ и затѣмъ, въ присутствіи папскихъ легатовъ, въ Константинополѣ (869 г.) Фотій былъ низложенъ и вмѣстѣ со своими сторонниками преданъ проклятію. На западѣ Константинопольскій соборъ 869 года былъ признанъ вселенскимъ, какимъ и считается до настоящаго времени.

Если въ отношеніи византійской церковной жизни имперія, можно сказать, уступила папѣ по всѣмъ пунктамъ, то нельзя того же сказать о церковныхъ дѣлахъ въ Болгаріи, гдѣ, какъ было уже сказано выше, въ концѣ правленія Михаила III восторжествовало латинское духовенство. Но Василій I, несмотря на противодѣйствіе папскихъ легатовъ и недовольство самого папы, добился того, что латинскіе священники были удалены изъ Болгаріи, и болгарскій царь Борисъ снова примкнулъ къ восточной церкви. Послѣднее обстоятельство имѣло громадное вліяніе на дальнѣйшую историческую судьбу болгарскаго народа.

Низложенный и преданный проклятію Фотій, живя въ заточеніи и терпя многочисленныя лишенія, продолжалъ пользоваться прежнимъ обаяніемъ у своихъ сторонниковъ, которые во время патріаршества Игнатія оставались преданными Фотію. Самъ Василій, сознавая свою ошибку въ отношеніи

къ Фотію, сталъ переходить на его сторону, начавъ съ того, что возвратилъ Фотія изъ заточенія, поселилъ его во дворецъ и поручилъ ему воспитаніе и образованіе своихъ дѣтей. Поэтому, когда Игнатій въ глубокой старости скончался, Василій предложилъ Фотію занять патріаршій престоль. Возстановленіе Фотія знаменовало собою начало новой политики по отношенію къ папѣ.

Въ 879 году въ Константинополѣ былъ созванъ соборъ, который по числу собравшихся іерарховъ и по общему великолѣпію обстановки превосходилъ даже нѣкоторые изъ вселенскихъ соборовъ. Этотъ соборъ, по словамъ одного историка (Гергенрѣтера), «представлялъ въ цѣломъ поистинѣ величественное явленіе, какого не видали со времени Халкидонскаго собора». Легаты папы Іоанна VIII присутствовали на соборѣ и не только должны были согласиться на снятіе съ Фотія осужденія и на возстановленіе съ нимъ общенія римской церкви, но и выслушали безъ возраженія прочитанный на соборѣ никеопареградскій символъ вѣры безъ прибавленія уже распространеннаго на Западѣ *filioque*. На послѣднемъ засѣданіи собора папскіе легаты воскликнули: «Кто не признаетъ Фотія священнымъ патріархомъ и не будетъ имѣть съ нимъ общенія, то жребій того да будетъ вмѣстѣ съ Іудою и да не будетъ тотъ причисленъ къ христіанамъ!» «Прославленіемъ Фотія, пишетъ его католическій историкъ (Гергенрѣтеръ), открылись засѣданія собора, и тѣмъ же прославленіемъ закончились». Этотъ же соборъ доказывалъ, что папа является такимъ же патріархомъ, какъ и всѣ другіе патріархи, и что у него нѣтъ правъ на управленіе всею церковью; поэтому и константинопольскій патріархъ въ папскомъ утвержденіи не нуждается.

Папа, будучи страшно раздраженъ постановленіями собора 879 года, отправилъ въ Константинополь своего легата, который долженъ былъ настоять на уничтоженіи неугодныхъ папѣ постановленій собора, а также добиться уступки относительно болгарской церкви. Однако, ни императоръ Василій, ни Фотій ни въ чемъ не уступили папѣ, а его легатъ подвергся даже аресту. Получивъ извѣстіе объ этомъ, папа Іоаннъ VIII въ храмѣ св. Петра, съ евангеліемъ въ рукахъ, въ присутствіи многочисленнаго народа, провозгласилъ противъ Фотія анаѳему.

Такимъ образомъ произошло первое раздѣленіе церквей. Однако, послѣ этого отношенія между Византіей и Римомъ не прекращались, хотя и отличались случайностью и неопредѣленностью.

Фотій не до конца жизни оставался на патриаршей кафедрѣ, которую онъ долженъ былъ покинуть при вступленіи въ 886 году на престолъ своего ученика и сына Василия I, Льва VI. Пять лѣтъ спустя Фотій умеръ, сыгравъ въ высшей степени важную роль какъ въ церковной, такъ и вообще въ культурной жизни Византіи.

Параллельно съ только что изложенными отношеніями къ римской церкви время Василия I было ознаменовано цѣлымъ рядомъ попытокъ распространенія христіанства среди язычниковъ и иновѣрцевъ. При немъ была сдѣлана до сихъ поръ еще не достаточно разъясненная попытка насадить христіанство среди русовъ, которыхъ Василий, по словамъ источника, будто бы «убѣдилъ сдѣлаться участниками спасительнаго крещенія» и принять рукоположеннаго патриархомъ Игнатіемъ архіепископа. Трудно пока точно сказать, о какихъ русахъ здѣсь идетъ рѣчь. При Василии же была обращена въ христіанство большая часть славянскихъ племенъ, поселившихся въ Пелопоннесѣ; славяне-язычники остались въ горахъ Тайгета. При немъ же настойчиво проводилось насильственное обращеніе евреевъ въ христіанство.

Фактъ низложенія Фотія императоромъ Львомъ VI, преемникомъ Василия, объясняется боязнью новаго государя передъ все усиливавшимся политическимъ вліяніемъ Фотія и его партіи, а также желаніемъ Льва возвести на патриаршій престолъ своего брата Стефана, чтобы при помощи послѣдняго получить полную власть надъ церковнымъ управленіемъ имперіи, чему препятствовала бы твердая воля Фотія. При преемникахъ послѣдняго можно замѣтить тенденцію къ примиренію съ римскою церковью на основаніи обоюдныхъ уступокъ.

Церковныя дѣла въ Византіи особенно осложнились въ началѣ X вѣка во время патриаршества Николая Мистика, самаго выдающагося іерарха послѣ Фотія, родственника и ученика послѣдняго, оставившаго намъ въ высшей степени важное съ исторической и церковной точки зрѣнія собраніе писемъ. «Благороднѣйшія стороны Фотія, по словамъ исто-

рика (Гергенрётера), жили въ его ученикѣ Николаѣ Мистикѣ, который болѣе, чѣмъ другіе, стремился слѣдовать предназначенному имъ идеалу патріарха».

Однако, между императоромъ Львомъ и патріархомъ Николаемъ Мистикомъ возникли крупныя разногласія изъ-за четвертаго брака императора, противъ котораго всѣми силами возставалъ патріархъ, доказывавшій, что это противорѣчитъ церковнымъ правиламъ. Несмотря на это императоръ заставилъ одного пресвитера обвинять его съ Зоей, сдѣлавшейся такимъ образомъ четвертою супругою императора, три первыхъ супруги котораго умирали довольно быстро одна за другой. Послѣ вѣнчанія, за отсутствіемъ патріарха, самъ Левъ возложилъ на Зою императорскую корону, что дало поводъ Николаю Мистикѣ впоследствии сказать, будто бы императоръ былъ для Зои «и женихомъ и архіереемъ».

Это дѣло вызвало сильный соблазнъ въ народѣ. Непокорный Николай Мистикъ былъ низложенъ и отправленъ въ изгнаніе. На соборѣ въ Константинополѣ, въ присутствіи папскихъ легатовъ, было рѣшено допустить подвергнутаго эпитиміи императора къ церковному общенію, не расторгая его четвертаго брака. На патріаршій престолъ былъ возведенъ, послѣ долгихъ колебаній, Евѡимій.

Соборъ не далъ имперіи церковнаго мира. Среди византійскаго духовенства образовались двѣ партіи. Одна, стоявшая на сторонѣ Николая Мистика, была противъ признанія четвертаго брака императора и поносила новаго патріарха Евѡимія. Другая партія, представлявшая собою меньшинство, соглашалась съ соборнымъ постановленіемъ относительно брака Льва и признавала въ Евѡиміи избранника всей церкви. Партійное разъединеніе перешло изъ столицы въ провинціи. Повсюду происходила упорная борьба между николаитами и евѡимитами. Нѣкоторые видятъ въ этой борьбѣ продолженіе утихнувшей на время прежней вражды фотиніанъ съ игнатіанами. Наконецъ, самъ императоръ понялъ, что только энергичный и опытный Николай Мистикъ могъ поправить дѣло. Незадолго до своей смерти (912 г.) Левъ VI вызвалъ его изъ заточенія и, послѣ низложенія Евѡимія, возстановилъ на патріаршемъ престолѣ.

• Заботясь о церковномъ мирѣ въ имперіи, Николай Мистикъ хотѣлъ возстановить также отношенія съ Римомъ, прерван-

ныя изъ-за одобренія папою четвертаго брака Льва. Во время регентства Зои, четвертой жены покойнаго императора, управлявшей государствомъ за малолѣтствомъ сына Константина VII Багрянороднаго, Николай Мистикъ былъ лишенъ вліянія. Но, когда въ 919 году управление государствомъ перешло въ руки тестя Константина, начальника флота Романа I Лекапина, и правительница Зоя была пострижена въ монахини, тогда Николай Мистикъ снова получилъ прежнее вліяніе. Главнымъ фактомъ послѣднихъ лѣтъ его патриаршества было созваніе собора въ Константинополѣ изъ николаитовъ и евѣмитовъ, которые съ общаго согласія составили «томъ единенія» (ὁ τόμος τῆς ἐνωσεως). Этимъ соборнымъ актомъ четвертый бракъ вообще былъ «объявленъ безусловно недозволительнымъ и недѣйствительнымъ, какъ запрещенный церковью и нетерпимый въ христіанской странѣ». О четвертомъ бракѣ Льва Мудраго въ «томѣ единенія» упоминанія нѣтъ. Этотъ актъ удовлетворилъ обѣ партіи: николаиты и евѣмиты заключили между собою миръ, можетъ быть, отчасти подъ вліяніемъ, какъ думаетъ проф. Дриновъ, «того ужаса, въ который повергли византіецевъ успѣхи болгарскаго оружія». Послѣ нѣкоторой переписки съ папой послѣдній согласился послать въ Константинополь двухъ епископовъ, которые, съ его соизволенія, осудили соблазнъ, внесенный четвертымъ бракомъ императора Льва. Послѣ этого общеніе между константинопольскою и римскою церквями было возстановлено. Русскій церковный историкъ (А. П. Лебедевъ) по этому поводу пишетъ: «Патріархъ Николай вышелъ изъ этого новаго столкновенія церкви константинопольской съ римскою полнымъ побѣдителемъ. Церковь римская должна была уступить церкви константинопольской и осудить свое собственное дѣяніе!»

Очень интересною личностью съ церковной точки зрѣнія является императоръ Никифоръ Фока. Будучи однимъ изъ наиболѣе одаренныхъ императоровъ-воиновъ, имя котораго связано съ блестящими страницами византійской военной исторіи, онъ, особенно до вступленія своего на престолъ, увлекался иноческими идеалами, носилъ власяницу и поддерживалъ тѣсныя сношенія со знаменитымъ основателемъ большаго монастыря на Аѳонѣ, св. Аѳанасіемъ Аѳонскимъ. Житіе послѣдняго сообщаетъ, будто бы однажды въ порывѣ религіознаго увлеченія Никифоръ открылъ Аѳанасію свою завѣтную мысль

уйти отъ мірской суеты и предаться служенію Богу. Византійскій историкъ Левъ Діаконъ пишетъ, что Никифоръ былъ «непоколебимо стоекъ въ молитвахъ къ Богу и въ ночныхъ бдѣніяхъ, сохраняялъ твердость духа въ пѣснопѣніяхъ и не имѣлъ никакой склонности къ суетному» (V, 8). Онъ, по словамъ одного современнаго византилиста (Schlumberger), былъ наполовину солдатъ, наполовину аскетъ. Многие были смущены, когда по своемъ вступленіи на престолъ аскетически настроенный Никифоръ Фока вступилъ въ бракъ съ молодой и красивой вдовой покойнаго императора Романа II, Теофано, которая пользовалась чрезвычайно сомнительною славою. Впослѣдствіи на гробницѣ Никифора было между прочимъ написано, что Никифоръ «все побѣдилъ, исключая женщины».

Наиболѣе извѣстнымъ мѣропріятіемъ Никифора въ церковной жизни имперіи является его знаменитая новелла 964 года о монастыряхъ и связанныхъ съ ними религіозно-благотворительныхъ учрежденіяхъ.

Въ Византіи въ эпоху Македонской династіи монастырское землевладѣніе приняло чрезмѣрные размѣры и часто расширялось на счетъ свободныхъ крестьянскихъ участковъ, защитниками которыхъ, какъ будетъ сказано ниже, выступили нѣкоторые изъ государей этой династіи. Еще передъ началомъ иконоборства, т. е. въ концѣ VII и началѣ VIII вѣковъ, восточная церковь уже владѣла громадными земельными богатствами, что давало нѣкоторымъ ученымъ основаніе сравнивать земельныя богатства восточной церкви съ такими же богатствами церкви западной эпохи франкскихъ королей, жаловавшихся на пустоту своей казны изъ-за перехода ихъ земельныхъ богатствъ въ руки духовенства. Императоры-иконоборцы VIII вѣка, какъ извѣстно, открыли походъ противъ монастырей; часть монастырей была закрыта, и достояніе ихъ отобрано въ казну. Последняя мѣра совпала по времени съ аналогичной секуляризациею церковныхъ имуществъ на западѣ въ томъ же франкскомъ государствѣ, при знаменитомъ майордомѣ Карлѣ Мартеллѣ. Съ окончаніемъ иконоборства и восшествіемъ на престолъ Македонской династіи число монастырей и количество земли, поступившей въ ихъ владѣніе, стали быстро возрастать. Уже новелла Романа I Лекапина высказывала намѣреніе нѣсколько ограничить ростъ монастырскаго землевла-

дѣнія. Рѣшительно по данному вопросу высказывается новелла Никифора Фоки 964 года.

Эта новелла, отмѣчая «явную болѣзнь» въ монастыряхъ и «другихъ священныхъ домахъ» въ видѣ безмѣрнаго любостяжанія, не считая апостольскою заповѣдью или отеческимъ преданіемъ «пріобрѣтеніе многодесятиныхъ громадныхъ помѣстій и множество заботъ о плодовыхъ деревьяхъ» и желая «вырвать съ корнемъ зло богоненавистнаго славолубія», запрещаетъ строить новые монастыри и дѣлать въ пользу старыхъ монастырей, богадѣленъ и страннопріимныхъ домовъ, или же митрополитовъ и епископовъ, наиболѣе обычные пожертвованія и вклады.

Этотъ суровый законъ, который долженъ былъ вселить сильное раздраженіе среди религіозно-настроеннаго населенія, не смогъ, даже при неполномъ его примѣненіи, долго существовать. Василиій II отмѣнилъ законъ Никифора Фоки, «какъ направленный къ оскорбленію и обидѣ не только церквей и богоугодныхъ домовъ, но и самого Бога», и возстановилъ силу прежнихъ по данному вопросу законовъ Василия I и Льва VI Мудраго, т. е. Василикъ, и новеллы Константина Богрянороднаго. Василиій отмѣнилъ новеллу Никифора Фоки, потому что считалъ ее также причиною гнѣва Божьяго, обрушившагося на имперію въ восьмидесятыхъ годахъ X вѣка, когда извѣстныя уже намъ внѣшнія и внутреннія затрудненія ставили на край гибели судьбу государства.

Никифоръ Фока сдѣлалъ важный шагъ въ дѣлѣ укрѣпленія византійской церковной организаціи въ южной Италиі, т. е. въ Апуліи и Калабріи, куда во второй половинѣ X вѣка стало сильно проникать папское и вообще западное вліяніе, особенно въ связи съ коронованіемъ германскаго государя Оттона I императорскою римскою короною и съ усиленіемъ на югѣ Италиі лангобардскихъ интересовъ. Никифоръ Фока черезъ своего патріарха запретилъ въ Апуліи и Калабріи латинскій церковный обрядъ и предписалъ придерживаться греческаго. Это мѣропріятіе послужило новымъ основаніемъ для дальнѣйшаго отчужденія папства отъ Византіи, тѣмъ болѣе что въ послѣднее время царствованія Никифора папа сталъ называть его императоромъ грековъ, а титулъ императора ромеевъ, т. е. римскаго, какъ оффиціально титуловался византійскій государь, онъ перенесъ на Оттона германскаго.

Не лишена также интереса попытка Никифора Фоки провозгласить св. мучениками всѣхъ воиновъ, положившихъ жизнь свою на полѣ брани. Но противъ этого рѣшительно воспротивились патріархъ и епископы. Императоръ долженъ былъ уступить.

Съ именами Никифора Фоки и Иоанна Цимисхія связывается начало новой эпохи въ жизни знаменитаго монастыря Аѳона. Отдѣльные подвижники жили на Аѳонѣ со времени начала монашества въ IV вѣкѣ. На ряду съ подвижниками въ VII вѣкѣ появились тамъ небольшіе и небогатые монастыри.

Въ эпоху иконоборческихъ смуть VIII вѣка, въ малодоступныхъ мѣстностяхъ Аѳона искали спасенія многіе изъ преслѣдуемыхъ иконопочитателей, привозившихъ съ собою церковную утварь, мощи и рукописи. Но спокойной жизни на Аѳонѣ не было изъ-за неоднократныхъ опустошительныхъ нападений арабовъ съ моря; монаховъ убивали или увозили въ плѣнъ. Поэтому до половины X вѣка Аѳонъ пережилъ нѣсколько заустѣній. Лишь при Никифорѣ Фокѣ аѳонское монашество укрѣпилось, когда уже извѣстный намъ св. Аѳанасій Аѳонскій построилъ первый большой монастырь, ввелъ въ немъ общежительное устройство и далъ своей киновіи новый уставъ (по гречески типикъ, какъ въ Византіи назывались монастырскіе уставы), опредѣлявшій дальнѣйшую жизнь монастыря. Подвижники (анакореты), недовольные введеніемъ на Аѳонѣ общежительнаго (киновитскаго) монашества, подали жалобу преемнику Никифора Фоки, Иоанну Цимисхію на Аѳанасія, обвиняя послѣдняго въ томъ, что онъ нарушилъ древніе обычаи Святой Горы (такъ уже навывался Аѳонъ въ типикѣ Аѳанасія). Цимисхій, разобравъ дѣло, утвердилъ древній аѳонскій уставъ, допускавшій на Аѳонѣ какъ анахоретство, такъ и киновитство. По примѣру св. Аѳанасія стали основываться другіе монастыри, и при томъ не только греческіе. При Василии II былъ уже монастырь Иверскій или Грузинскій; выходцы изъ Италіи основали монастыри Римскій и Амальфитанскій. Около 1000 года, когда умеръ въ глубокой старости св. Аѳанасій, на Аѳонѣ было, по словамъ епископа Порфирія Успенскаго, глубокаго знатока Христіанскаго Востока, 3000 «разнонаrodnыхъ монаховъ». Въ XI вѣкѣ есть извѣстіе уже и о русской обители. Впервые официально Аѳонъ былъ названъ Святою Горою во второмъ его уставѣ (типикѣ), данномъ

около половины XI вѣка императоромъ Константиномъ IX Мономахомъ. Управление монастырями поручалось совѣту игуменовъ во главѣ съ первымъ изъ нихъ—протомъ (отъ греческаго *πρῶτος*—первый); совѣтъ же назывался протомъ. Такимъ образомъ, въ эпоху Македонской династїи на Аѳонѣ окончательно образовался въ высшей степени важный культурный центръ не только для Византіи, но и для другихъ странъ.

Вопросъ о раздѣленіи церквей, рѣзко поставленный въ IX вѣкѣ, нашелъ свое окончательное разрѣшеніе въ половинѣ XI вѣка. Помимо общихъ причинъ догматическаго характера надо имѣть въ виду въ данномъ случаѣ условія южно-итальянской жизни въ половинѣ XI вѣка, безъ сомнѣнія ускорившія фактъ раздѣленія. Несмотря на извѣстную уже намъ мѣру Никифора Фоки относительно церковной организаціи въ Апуліи и Калабріи, латинское церковное вліяніе продолжало туда проникать. Въ половинѣ XI вѣка на папскомъ престолѣ сидѣлъ Левъ IX, который былъ не только религіознымъ, но и политическимъ дѣятелемъ. Ключійское движеніе, охватившее тогда обширные круги западно-европейскаго духовенства и поставившее себѣ задачею реформу церкви въ смыслѣ возстановленія ея павшихъ нравовъ и распатанной дисциплины и уничтоженія вкоренившихся въ церкви свѣтскихъ обычаевъ и привычекъ, симонїи, брака духовенства и инвеституры, развивалось подѣ непосредственнымъ покровительствомъ и руководствомъ папы. Ключійцы, проникая въ определенную область, ставили послѣднюю въ духовномъ отношеніи въ тѣсную зависимость отъ папы. Это движеніе стало дѣлать большіе успѣхи въ южной Италїи, что было въ высшей степени непрїятно восточной церкви. Кромѣ того, Левъ IX со своей точки зрѣнія имѣлъ и политическія основанія для вмѣшательства въ южно-итальянскія дѣла. Между папою и константинопольскимъ патріархомъ Керуларіемъ произошелъ обмѣнъ посланіями. Папа въ своемъ посланіи ссылался на извѣстный «Даръ Константина» (*Donatio Constantini*), будто бы отдававшій римскому епископу вмѣстѣ съ духовной и свѣтскую власть. Но, несмотря на подобныя осложненія, трудно было ожидать скорого разрыва, тѣмъ болѣе что византійскій императоръ Константинъ IX Мономахъ былъ склоненъ къ мирному разрѣшенію вопроса.

Въ Константинополь прибыли папскіе легаты, среди которыхъ находился высокопоставленный кардиналъ Гумбертъ. Легаты и особенно Гумбертъ гордо и заносчиво держали себя въ отношеніи патріарха, который, уклонившись отъ какихъ либо переговоровъ съ ними, не соглашался ни на какія уступки Риму. Тогда лѣтомъ 1054 года легаты положили на алтарь храма св. Софїи отлучительную грамоту, въ которой провозглашалась патріарху «Михаилу и сообщникамъ его, пребывающимъ въ выше указанныхъ заблужденіяхъ и продерзостяхъ, анаѳема... вмѣстѣ со всѣми еретиками, купно же съ діаволомъ и ангелами его». Въ отвѣтъ на это Михаилъ Керуларій созвалъ соборъ, на которомъ была произнесена анаѳема на римскихъ легатовъ и соприкосновенныхъ къ нимъ лицъ, пришедшихъ «въ богохранимый градъ, подобно грому, или бурѣ, или гладу, или лучше, подобно дикимъ кабанамъ, чтобы низвергнуть истину».

Такимъ образомъ въ 1054 году произошло окончательное отпаденіе западной церкви отъ восточной. Три восточныхъ патріарха, антїохійскій, александрійскій и іерусалимскій, поддерживали, повидимому, послѣ 1054 года константинопольскаго патріарха.

Законодательство эпохи Македонской династїи въ связи съ соціально-экономическими отношеніями въ имперїи. Властели и убогіе. Время Македонской династїи отличается оживленною законодательною дѣятельностью.

Василій I задался цѣлью дать общій сводъ греко-римскаго, или византійскаго права, который долженъ былъ бы заключать въ себѣ въ хронологическомъ порядкѣ законодательные акты, какъ древніе, такъ и болѣе новые, т. е., другими словами, Василій I задумалъ возродить законодательное дѣло Юстиніана, приспособивъ его къ измѣнившимся условіямъ времени и дополнивъ позднѣйшими законами. Въ виду малаго знакомства съ латинскимъ языкомъ и указанной выше громоздкости четырехъ частей Юстиніанова свода, право изучалось, обычно, по его греческимъ переводамъ, изложеніямъ, извлеченіямъ и комментаріямъ, которые, получивъ преобладающее вліяніе въ юридической практикѣ, далеко не всегда отличались точностью и не разъ имѣли результатомъ искаженіе первоначальнаго текста. Василій I имѣлъ въ виду удалить устарѣвшіе и отмѣненные послѣдующими новел-

лами законы и ввести въ сборникъ законы новые; сохраненные въ новомъ сборникѣ латинскіе термины и выраженія должны были быть объяснены по-гречески. Общимъ языкомъ законодательнаго предпріятія Василія долженъ былъ быть греческій языкъ. Самъ императоръ характеризовалъ свою попытку въ области законодательства какъ «очищеніе древнихъ законовъ» (*ἀνακάθαρσις τῶν παλαιῶν νόμων*).

Зная, что намѣченное законодательное дѣло займетъ много времени, Василій выпустилъ до его завершения Прохиронъ (*Prochiron*; по-гречески *ὁ πρόχειρος νόμος*), т. е. руководство по праву, имѣвшее цѣлью дать желающимъ въ руки краткое изложеніе тѣхъ законовъ, которые должны управлять государствомъ и прежде всего установить въ имперіи правосудіе, «которымъ, по слову Соломона, какъ говорится во введеніи къ Прохирону, возвышается народъ» (Притчи Солом., XIV, 34). Прохиронъ распадается на сорокъ отдѣловъ (титоловъ) и заключаетъ въ себѣ главныя нормы гражданскаго права и перечисленіе наказаній за различные проступки и преступленія. Главнымъ источникомъ для него служили, особенно для первыхъ 21 отдѣловъ, институціи Юстиніана; другія части Юстиніанова свода привлекались въ гораздо меньшей мѣрѣ. При томъ, составители Прохирона обращались не къ латинскому оригиналу свода, а къ извѣстнымъ намъ уже его греческимъ переработкамъ и сокращеніямъ. Интересно отмѣтить, что Прохиронъ, упоминая во введеніи объ Эклогѣ Льва и Константина, исаврійскихъ императоровъ, называетъ ее «ниспроверженіемъ добрыхъ законовъ, которое было для государства бесполезно и сохраненіе котораго въ силѣ неразумно». Несмотря на подобное суровое сужденіе, эклога исаврійскихъ государей, очевидно, настолько была полезна и пользовалась такимъ распространеніемъ, что Прохиронъ во многихъ отдѣлахъ, особенно послѣ отдѣла 21-го, пользуется ея данными. Тѣ же лица, которыя бы заинтересовались болѣе детальнымъ изученіемъ дѣйствующаго права, должны были, судя по тому же введенію Прохирона, обращаться къ большому своду въ 60 книгахъ, составленному также при Василіи.

Въ концѣ правленія Василія былъ составленъ другой законодательный памятникъ, Эпанагога (*ἡ ἐπαναγωγή*; въ переводѣ «приведеніе, введеніе»), который нѣкоторыми учеными

не совсѣмъ правильно называется новымъ изданіемъ, просмотрѣннымъ и дополненнымъ, Прохирона. Эпанагога, по словамъ этого сборника, является введеніемъ къ сорока томамъ «очищенныхъ» прежнихъ законовъ, составленныхъ при томъ же Василии, и подобно имъ раздѣляется на сорокъ отдѣловъ (титуловъ).

Что это были за законодательные сборники, одинъ въ 60 книгъ, упомянутый въ Прохиронѣ, другой въ 40 книгъ, упомянутый въ Эпанагогѣ, въ точности неизвѣстно. Вѣроятно, они при Василии закончены и изданы не были, а при его преемникѣ Львѣ VI легли въ основу изданныхъ послѣднимъ Василиемъ, о которыхъ рѣчь будетъ ниже.

По мнѣнію однихъ ученыхъ (напр. знаменитаго юриста Цахаріэ фонъ-Лингенталя), Эпанагога никогда не была оффициально опубликована и осталась лишь законопроектомъ; по мнѣнію другихъ (напр. русскаго ученаго проф. В. Сокольскаго), Эпанагога была оффициально опубликованнымъ закономъ.

Эпанагога довольно сильно отличается отъ Прохирона. Во-первыхъ, въ ея началѣ внесены совершенно новые, въ высшей степени интересные отдѣлы о царской власти, о власти патріарха, о другихъ государственныхъ и церковныхъ властяхъ, дающіе намъ представленіе объ основахъ государственнаго и общественнаго строя въ Византіи и объ отношеніи церкви къ государству. Во-вторыхъ, матеріаль, заимствованный Эпанагогой изъ Прохирона, распределенъ иначе. Почти навѣрное можно сказать, что патріархъ Фотій принималъ участіе въ составленіи Эпанагоги; особенно это сказывается въ опредѣленіи отношенія царской власти къ власти патріарха и въ вопросѣ о положеніи вселенскаго патріарха Новаго Рима, передъ которымъ остальные патріархи являются только мѣстными іерархами. Подобно Прохирону, Эпанагога, называя во введеніи Эклогу императоровъ-иконоборцевъ «болтовнею исавровъ, направленною на противодѣйствіе Божественнаго ученія и на уничтоженіе спасительныхъ законовъ», и говоря о ея полной отмѣнѣ, тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ частяхъ пользуется Эклогою.

Для насъ Эпанагога, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими законодательными памятниками Византіи, еще интересна тѣмъ, что она была переведена на славянскій языкъ. Извле-

ченія изъ нея находятся въ славянскихъ кормчихъ и въ нашей печатной кормчей. Идеи Эпанагоги оказывали вліяніе и на позднѣйшую русскую исторію; такъ напр., въ документахъ по дѣлу патріарха Никона, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, прямо приводятся постановленія Эпанагоги о царской власти.

Оба выше названные памятника, Прохиронъ и Эпанагога, вмѣстѣ съ работой надъ «очищеніемъ древнихъ законовъ», составляютъ одну изъ свѣтлыхъ страницъ правленія Василия, который, стремясь къ большому распространенію законодательнаго дѣла Юстиніана, т. е. возвращаясь къ началамъ нѣсколько забытаго въ имперіи римскаго права, освѣжалъ его и приближалъ къ жизни привнесеніемъ въ законники вызванныхъ теченіемъ времени измѣненій въ области права.

Работы Василия въ этой области дали возможность его сыну и преемнику Льву VI Мудрому издать *Василики*, являющіяся наиболѣе полнымъ памятникомъ греко-римскаго или византійскаго законодательства, гдѣ на греческомъ языкѣ переработаны и слиты въ одинъ кодексъ всѣ части Юстиніанова Свода. Названіе *Василикь* происходитъ не отъ имени, какъ иногда неправильно полагали, Василия I, при которомъ, какъ мы знаемъ, былъ подготовленъ для нихъ матеріалъ, а отъ греческаго слова *василевсъ*—царь, императоръ; поэтому *Василики* въ переводѣ обозначаютъ «императорскіе законы». Юридическая компиляція Льва VI, распадающаяся на 60 книгъ, преслѣдовала цѣль, намѣченную его отцомъ, т. е. возстановить въ силѣ законодательство Юстиніана съ опущеніемъ законовъ, потерявшихъ свою силу или чуждыхъ измѣнившимся условіямъ византійской жизни,—другими словами, приспособить его къ дѣйствующему праву. Поэтому *Василики* не представляютъ собою полнаго, буквальнаго перевода Юстиніановыхъ законовъ. Часть новеллъ и другихъ законодательныхъ памятниковъ, вышедшихъ послѣ Юстиніана, включая нѣкоторыя новеллы Василия I и даже Льва VI, также служили источниками для *Василикь*.

Но возстановленіе античнаго права въ *Василикахъ*, не смотря на сдѣланныя въ немъ измѣненія, которыя приблизили его къ жизни, было всетаки искусственнымъ и не могло вполне замѣнить законодательныхъ актовъ, вызванныхъ самою жизнью; напр., многія части *Эклоги* остались въ силѣ и послѣ.

Василикъ, сдѣлавшись предметомъ различныхъ позднѣйшихъ обработокъ и добавленій.

Ко времени Льва VI надо относить одинъ изъ любопытнѣйшихъ памятниковъ, «драгоцѣнное сокровище, по словамъ *Θ. И. Успенскаго*, для исторіи внутренней жизни Константинополя», а именно такъ называемую «Книгу епарха», найденную въ Женевѣ и изданную швейцарскимъ ученымъ Николемъ (*Nicole*) въ концѣ XIX вѣка. Попытка новѣйшихъ исследователей этого памятника отнести его къ серединѣ X вѣка врядъ-ли можетъ считаться доказанною.

Епархомъ назывался въ Византіи константинопольскій градоначальникъ, облеченный громадными полномочіями, стоявшій на самыхъ высшихъ ступеняхъ византійской чиновной лѣстницы. На его обязанности лежало прежде всего охраненіе общественной тишины и безопасности въ столицѣ, для чего въ его распоряженіи находился большой штатъ подчиненныхъ, которые составляли приказъ или, какъ называли въ Византіи, секретъ епарха. Помимо другихъ многочисленныхъ правъ и обязанностей епарха по его должности, его вѣдомству подлежали столичныя корпораціи или цехи ремесленниковъ и торговцевъ. Книга епарха и знакомитъ читателя съ этой до сихъ поръ еще мало извѣстной стороною внутренней жизни Константинополя.

Книга епарха перечисляетъ различные разряды ремесленниковъ и торговцевъ, говоритъ о внутреннемъ устройствѣ ихъ цеховъ, объ отношеніи къ нимъ государства и т. д. Начинаетъ нашъ документъ свое перечисленіе съ такой корпораціи, которая, съ нашей точки зрѣнія, не подходитъ подъ понятіе ремесленной или торговой корпораціи, а именно съ корпораціи стряпчихъ или нотаріусовъ (*тавулларіевъ, табуларіевъ*). Затѣмъ изъ ремесленниковъ идутъ ювелиры, обдѣлыватели шелка-сырца, выдѣлыватели шелковыхъ матерій, полотна, воска, мыловары, кожевники, хлѣбопеки. Изъ торговцевъ Книга епарха называетъ мѣняль, торговцевъ шелковыми тканями и платьями, шелкомъ-сырцомъ, благовонными товарами, воскомъ, мыломъ, различныхъ мелочныхъ торговцевъ, мясниковъ, торговцевъ свиньями, рыбой, лошадьми, булочниковъ, трактирщиковъ. Каждая корпорація пользовалась монополіей, такъ что подъ страхомъ строгаго наказанія запрещалось заниматься двумя различными ремеслами, даже близко подходившими другъ къ

другу. Вся внутренняя жизнь цеховъ, ихъ устройство, производство, мѣсто торговли, нормировка цѣнъ и барыша, ввозъ въ столицу и вывозъ изъ нея и т. д.—все это подлежало строгой регламентаціи со стороны государства. Свободной торговли и свободного производства не существовало. Главнымъ лицомъ, имѣвшимъ право вмѣшиваться лично или черезъ своихъ представителей во внутреннюю жизнь цеховъ и регулировать ихъ производство или торговлю, былъ столичный эпархъ.

Матеріаль о византійскихъ цехахъ, сообщаемый Книгою эпарха, даетъ возможность провести интересную аналогію съ цехами средневѣковой Западной Европы.

Законодательныя работы Василия I и Льва VI вызвали на нѣкоторое время оживленіе въ юридической литературѣ X и XI вѣковъ, выразившееся въ томъ, что, съ одной стороны, юристы занялись толкованіемъ и комментированіемъ *Василикъ* (такія толкованія обычно называются *схоліями*), а, съ другой стороны, составленіемъ разнообразныхъ сокращенныхъ изложеній и руководствъ.

Но X-й вѣкъ отмѣченъ въ высшей степени интереснымъ явленіемъ въ области законодательной дѣятельности византійскихъ императоровъ, которые цѣлымъ рядомъ повелѣй должны были отозваться на одинъ изъ самыхъ острыхъ вопросовъ саціально-экономической жизни той эпохи, а именно на вопросъ о чрезмѣрномъ развитіи крупнаго землевладѣнія въ имперіи въ ущербъ мелкому крестьянскому землевладѣнію и свободной крестьянской общинѣ.

Римская имперія передала Византіи двѣ основныя черты саціального строя: господство крупнаго землевладѣнія (*латифундіи*) и колонатъ или крѣпостное право. Представителямъ римскаго крупнаго землевладѣнія, а именно *куріаламъ* и *поссессорамъ*, на Востокѣ соотвѣтствовали *архонты* и *клиторы*. Обладая крупною земельною собственностью, *поссессоры* пользовались большимъ вліяніемъ въ городскихъ *куріяхъ*, что при существованіи въ первые вѣка Римской имперіи *муниципальнаго устройства*, заключавшаго въ себѣ нѣкоторую долю мѣстнаго самоуправленія, давало имъ еще большую силу. Однако, уже въ IV вѣкѣ обстоятельства измѣнились. Римское правительство, имѣя податныя затрудненія съ обѣднѣвшими къ тому времени городами, сдѣлало *куріаловъ* отвѣтственными за внесеніе полностью тѣмъ или другимъ городомъ требуемой

суммы налоговъ, а, когда куріалы стали стремиться избавиться отъ столь разорительныхъ должностей, оно сдѣлало городскія должности наследственными въ опредѣленныхъ фамиліяхъ. Эти мѣропріятія повели къ разоренію многихъ представителей крупнаго землевладѣнія. Позднѣе, уже въ византійское время, муниципальный строй сталъ разлагаться подъ давленіемъ центральной власти. Левъ VI покончилъ съ остававшеюся еще тѣнью муниципального устройства, закрывъ городскія куріи и подчинивъ города окончательно императорской власти.

Въ эпоху иконоборства, т. е. въ VIII и IX вѣкахъ, по всей вѣроятности, какъ было уже отмѣчено выше, въ связи съ крупными славянскими поселеніями на греко-римской почвѣ, въ имперіи появились мелкіе крестьянскіе землевладѣльцы, многочисленныя крестьянскія свободныя общины; стала отмѣчаться свобода крестьянскихъ переходовъ; въ помѣстьяхъ крупныхъ землевладѣльцевъ земля иногда обрабатывалась не крѣпостными, а вольными людьми—половниками и десятиниками (мортитами). Императоры-иконоборцы, направивъ отчасти свою борьбу противъ монастырскаго землевладѣнія, также могли содѣйствовать возрожденію крестьянской собственности.

Однако, когда въ VIII вѣкѣ и началѣ IX-го въ Византіи создавалась солидная сила въ видѣ крестьянской общины и мелкаго крестьянскаго собственника, могущая, какъ казалось, дать отпоръ притязаніямъ нѣсколько ослабленнаго крупнаго землевладѣнія, въ эпоху Македонской династіи, въ X вѣкѣ, картина снова мѣняется: снова на первомъ планѣ стоитъ могущественное сословіе «людей сильныхъ» (*δυνατοί*), магнатовъ, прежнихъ архонтовъ и ктиторовъ, которыхъ часто называютъ властелями, —выраженіемъ, заимствованнымъ изъ славянскаго быта. Властелямъ противопоставляется сословіе «бѣдныхъ» или «убогихъ людей» (*πένητες*), которыхъ можно сопоставить съ «бѣдными» людьми (*pauperes*) средневѣковой Западной Европы и съ «сиротами» Московскаго періода русской исторіи. Подъ этими «бѣдными, убогими» людьми Византіи X вѣка надо разумѣть выше названныхъ крестьянъ собственниковъ и общинниковъ, которые подъ тяжестью непосильныхъ податей и различныхъ повинностей вынуждены были обращаться подъ защиту людей сильныхъ, отказываясь отъ своей свободы и независимости.

Подобное, на первый взгляд нѣсколько неожиданное усиленіе властелей въ X вѣкѣ отчасти можетъ быть объяснено, особенно для Малой Азіи, гдѣ въ X вѣкѣ источники отмѣчаютъ наибольшее число крупноземлевладѣльческихъ фамилій, результатами возстанія Өомы въ двадцатыхъ годахъ IX вѣка, о чемъ рѣчь шла выше. Ожесточенность и продолжительность этого возстанія были причинами разоренія большинства мелкихъ держателей и перехода ихъ въ руки богатыхъ сосѣдей. Но это лишь одна изъ предполагаемыхъ причинъ. Вообще вопросъ объ усиленіи крупнаго землевладѣнія въ Византіи въ IX и X вѣкахъ еще въ должной мѣрѣ не разъясненъ.

Государи эпохи Македонской династіи, по крайней мѣрѣ, начиная съ Романа I Лекапина (919—944) и кончая временемъ Василия II († 1025), выступали энергичными борцами за дѣло мелкаго землевладѣнія и крестьянской общины противъ властелей. Причины такой борьбы императоровъ съ крупнымъ землевладѣніемъ надо искать именно въ чрезмѣрномъ увеличеніи послѣдняго. Властели, располагая на своихъ обширныхъ территоріяхъ большимъ числомъ крѣпостныхъ, могли иногда выставить изъ нихъ настоящее войско и, пользуясь этимъ, составляли заговоры противъ императора. Поэтому императоры, задавшись цѣлью сломить силу властелей при посредствѣ защиты интересовъ мелкаго крестьянства и крестьянской общины, этимъ самымъ выступали на защиту своего трона и власти, которымъ, особенно изъ Малой Азіи, въ X вѣкѣ угрожала серьезная опасность.

Но императорамъ приходилось защищать не только крестьянскіе интересы, но и такъ называемые воинскіе участки или военно-помѣстное землевладѣніе. Какъ извѣстно, еще во времена Римской имперіи солдатамъ, стоявшимъ на границахъ, а отчасти и внутри государства, отводились земли съ обязательствомъ военной службы. Эти воинскіе участки дожили до X вѣка, хотя и находились въ состояніи упадка. Послѣднимъ въ IX и X вѣкахъ стала точно также угрожать опасность со стороны властелей, которые стремились скупать воинскія помѣстья, какъ они скупали крестьянскія угодья. Поэтому императоры должны были выступить на защиту также и воинскихъ участковъ.

Мѣры, предпринятыя государями Македонской династіи для защиты крестьянскаго и воинскаго землевладѣнія, въ сущ-

ности довольно просты и однообразны. Главнымъ образомъ онѣ заключались въ запрещеніяхъ властелямъ вкупаться въ крестьянскія общины и пріобрѣтать крестьянскіе и воинскіе участки.

Мѣры правительства по данному вопросу открываются новеллою соправителя Константина Багрянороднаго, Романа I Лекапина, изданною въ 922 году. Въ новеллѣ выставлено три положенія: 1) предпочтительное право при продажѣ и при отдачѣ во временную или наслѣдственную аренду недвижимой собственности, т. е. земли, дома, виноградника и др., принадлежитъ крестьянамъ и ихъ свободной общинѣ; 2) властелямъ запрещается дѣлать пріобрѣтенія отъ бѣдныхъ тѣмъ или инымъ способомъ, будетъ ли это посредствомъ дара, завѣщанія, покупки, найма или мѣны; 3) воинскіе участки, отчужденные какимъ-либо способомъ въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ или же имѣющіе впредь быть отчужденными, возвращались безъ всякаго вознагражденія къ своему первоначальному назначенію.

Постигшія имперію вскорѣ послѣ изданія этой новеллы тяжелыя бѣдствія подвергли испытанію мѣропріятія Романа. Необычайные морозы, неурожай, страшный голодъ и моровая язва главнымъ образомъ отразились на судьбѣ крестьянства. Пользуясь отчаяннымъ положеніемъ послѣдняго, властели по ничтожной цѣнѣ, за небольшое количество хлѣба, скупали у бѣдныхъ ихъ земельные участки.

Въ виду столь открыто возмутительнаго отношенія властелей Романъ издалъ вторую новеллу, въ которой самымъ рѣшительнымъ и рѣзкимъ образомъ порицаетъ жестокое любостяжаніе властелей, оказавшихся «для несчастныхъ сельскихъ жителей подобіемъ мора или гангрены, вѣвшейся въ деревенское тѣло и уготавлившей его погибель». Данная новелла представляла крестьянамъ, у которыхъ властели, вопреки закону, купили землю начиная съ голоднаго года, право выкупа ее за ту же цѣну; по полученіи денегъ новые владѣльцы должны быть немедленно удалены. Послѣ упоминанія объ успѣхахъ византійскаго оружія надъ внѣшними врагами новелла заканчивается такими рѣшительными словами: «Если мы достигли такихъ успѣховъ противъ внѣшнихъ враговъ, то какъ намъ не сокрушить домашнихъ, внутреннихъ враговъ природы, людей и добраго порядка справедливымъ желаніемъ свободы и остріемъ настоящаго законодательства».

Однако, и этот указъ Романа I не остановилъ развитія крупнаго землевладѣнія и разложенія мелкаго крестьянскаго хозяйства и общины. Новелла Константина Багрянороднаго оффиціально заявляетъ, что прежніе законы не соблюдались. При немъ противъ властелей были предписаны болѣе рѣшительныя мѣры. Вступившій на престолъ благодаря своему браку съ вдовой Романа II, Никифоръ Фока происходилъ изъ властельскаго сословія; поэтому интересы крупнаго землевладѣнія были для него понятнѣе и ближе, чѣмъ для его предшественниковъ. Его новелла, по словамъ В. Г. Васильевскаго, «несомнѣнно свидѣтельствуетъ о нѣкоторой реакціи законодательства въ пользу властельскаго сословія, хотя въ ней и говорится только о равно справедливомъ отношеніи къ обѣимъ сторонамъ». «Древніе законодатели, по словамъ новеллы, называли царей законными защитниками, общимъ и для всѣхъ равнымъ благомъ», отъ чего предшественники Никифора Фоки въ своихъ законахъ уклонились. «Они, по словамъ той же новеллы, совершенно не заботились о благосостояніи властелей и даже не позволяли имъ оставаться при томъ, чѣмъ они владѣли». Никифоръ Фока, отмѣнивъ своею новеллою прежнія постановленія, далъ новый просторъ своеволю и усиленію властелей.

Самымъ упорнымъ врагомъ властельскаго сословія былъ Василій II Болгаробойца. Представители малоазіатскихъ властельскихъ фамилій, Варда Фока и Варда Склиръ, возстали противъ императора и чуть не лишили его трона. Только вмѣшательство русскаго вспомогательнаго корпуса, посланнаго княземъ Владиміромъ, спасло императорскій тронъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что Василій II видѣлъ въ крупныхъ землевладѣльцахъ опасныхъ, заклятыхъ враговъ, съ которыми онъ не стѣснялся. Однажды, при своемъ проѣздѣ черезъ Каппадокію, Василій былъ роскошно принятъ со всѣмъ войскомъ въ обширномъ помѣстьѣ Евстаѳа Малейна. Императоръ, почувавъ въ послѣднемъ возможность опасности въ родѣ попытокъ Фоки и Склира, увезъ его съ собою въ столицу, гдѣ онъ и окончилъ жизнь. Послѣ смерти Малейна всѣ его обширныя земли были конфискованы. Другой аналогичный случай рассказанъ въ самой новеллѣ Василія. Узнавъ въ Малой Азіи, что нѣкто Филокалесъ, сдѣлавшись изъ простыхъ крестьянъ знатнымъ и богатымъ и достигнувъ высокихъ служебныхъ

чиновъ, захватили все селеніе, гдѣ жилъ, и обратилъ его въ собственное помѣстье, измѣнивъ даже самое названіе его, Василій приказалъ разрушить его великолѣпные дворцы, сравнялъ ихъ съ землею, а бѣднымъ возвратилъ ихъ достояніе; самого же Филокалеса императоръ вернулъ въ первобытное состояніе простого крестьянина. Очевидно, фамиліи Фокадовъ, Склировъ и Малеиновъ и такіе типы, какъ Филокалесъ, представляли собою не всѣхъ крупныхъ землевладѣльцевъ Малой Азіи.

Знаменитая новелла 996 года отмѣнила сорокалѣтнюю давность, которою прикрывались власти, незаконно владѣвшіе крестьянскими участками и старавшіеся, по словамъ новеллы, «то посредствомъ подарковъ, то посредствомъ присущей имъ силы миновать этотъ срокъ и тогда уже получить въ полную собственность то, что они дурнымъ образомъ приобрѣли отъ убогихъ». Имѣнія же, приобретенныя властями въ сельскихъ общинахъ до перваго законоположенія Романа I, должны оставаться собственностью властей, если послѣдніе могутъ доказать свое право на владѣніе или письменными документами или достаточными свидѣтелями. Для требованій казны не существуетъ никакой давности, такъ что казна «можетъ отыскивать свое право, восходя назадъ ко времени Августа Кесаря».

Воинскіе участки также не разъ служили предметомъ заботы новеллъ Македонскихъ государей.

Кромѣ новеллы 996 г. Василій II издалъ или, вѣрнѣе, возстановилъ указъ о налогѣ «аллиленгій», что въ переводѣ значитъ «ручательство другъ за друга, взаимное ручательство» (*ἀλληλέγγυον*). Еще въ началѣ IX вѣка императоръ Никифоръ I Геникъ, насколько мы можемъ толковать краткое сообщеніе источника объ этомъ, издалъ распоряженіе, переносящее отвѣтственность за полный взносъ податей бѣдными на ихъ богатыхъ сосѣдей. Возможно, что это распоряженіе должно быть приведено въ связь съ извѣстнымъ уже мѣропріятіемъ императора Анастасія I о надбавкѣ—*epibolé* (*adjectio sterilium*), которое съ особою суровостью примѣнялось при Юстиніанѣ Великомъ. Распоряженіе Никифора I вызвало такую къ себѣ ненависть, что его преемники, повидимому, къ нему не прибѣгали. Василій II, имѣя сильную нужду въ деньгахъ для болгарской войны и желая нанести страшный

ударъ властелямъ, снова издалъ законъ, который сдѣлалъ властелей въ податномъ отношеніи отвѣтственными за убогихъ, если послѣдніе не были въ состояніи внести причитавшіяся имъ подати. Конечно, если бы подобная мѣра, за которую Василій II стоялъ твердо, продержалась долго, то могла бы привести къ сильному разоренію властелей, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ. Но аллиленгій просуществовалъ лишь короткое время. Въ первой половинѣ XI вѣка императоръ Романъ III Аргиръ, вступившій на престолъ благодаря женитьбѣ на Зоѣ, дочери Константина VIII, будучи самъ не чуждъ властельскихъ интересовъ и желая найти пути къ примиренію съ высшимъ духовенствомъ и землевладѣльческою знатью, отмѣнилъ ненавистный для властелей аллиленгій.

Хотя указы Македонскихъ государей X вѣка и полагали нѣкоторый предѣлъ притязаніямъ властелей, тѣмъ не менѣе рѣшительныхъ результатовъ въ желательномъ для императоровъ смыслѣ они не дали. Постепенно въ XI вѣкѣ знаменитыя новеллы забывались и выходили изъ употребленія, тѣмъ болѣе что въ томъ же вѣкѣ существенно измѣнилась и самая внутренняя политика византійскихъ государей, которые стали явно покровительствовать крупнымъ земельнымъ собственникамъ. Подобныя условія сильно содѣйствовали закрѣпощенію свободныхъ крестьянъ. Однако, какъ свободная крестьянская община, такъ и свободное, не прикрѣпленное къ землѣ крестьянство не совсѣмъ исчезли съ территоріи имперіи, и съ этими институтами приходится встрѣчаться въ позднѣйшее время.

Провинціальное управление въ эпоху Македонской династіи. Провинціальное управление въ IX вѣкѣ и въ эпоху Македонской династіи шло по пути дальнѣйшаго развитія уже извѣстнаго намъ еемнаго строя, которое выражалось, съ одной стороны, въ дальнѣйшемъ постепенномъ дробленіи прежнихъ еемъ и вытекавшемъ отсюда увеличеніи ихъ числа, а, съ другой стороны, въ возведеніи на положеніе еемъ округовъ, носившихъ до этого другое названіе, какъ напр., клисуръ, о которыхъ рѣчь будетъ ниже.

Какъ извѣстно, оба экзархата, рассматриваемые въ наукѣ какъ настоящіе прообразы еемъ, уже давно ушли изъ-подъ власти имперіи: Карѳагенскій или Африканскій экзархатъ былъ съ половины VII вѣка завоеванъ арабами; Равеннскій

экзархатъ былъ въ первой половинѣ VIII вѣка завоеванъ лангобардами, вынужденными вскорѣ уступить присоединенныя земли экзархата франкскому королю Пипину Короткому, который передалъ ихъ папѣ, чѣмъ положилъ въ 754 году основаніе знаменитому въ средневѣковой исторіи папскому государству. Не считая экзархатовъ, въ VII вѣкѣ въ Византіи имѣется уже пять воеводствъ, не носящихъ еще названія *ѳемъ*¹⁾. Къ началу IX вѣка насчитывается десять *ѳемъ*: пять азіатскихъ, одна морская и четыре европейскихъ. На основаніи показаній арабскаго географа IX вѣка Ибн-Хордадбеха и другихъ источниковъ, историки въ IX вѣкѣ насчитываютъ уже двадцать пять военныхъ округовъ, изъ которыхъ, правда, не всѣ еще *ѳемы*; между ними было двѣ клисурархіи (см. ниже), дукать и два архонтата. Составленная въ 899 году обер-гофмаршаломъ (атриклиномъ) Филоѳеомъ табель о рангахъ, обычно входящая въ составъ такъ называемаго сочиненія о «Церемоніяхъ византійскаго двора» времени Константина Багрянороднаго, насчитываетъ двадцать пять *ѳемъ*. Константинъ Багрянородный въ своемъ сочиненіи «О *ѳемахъ*» (въ X вѣкѣ) даетъ списокъ въ двадцать девять *ѳемъ*: семнадцать азіатскихъ, считая четыре морскихъ *ѳемы*, и двѣнадцать европейскихъ, включая сюда еще Сицилію, изъ которой, какъ было отмѣчено выше, послѣ покоренія острова арабами выдѣлилась въ X вѣкѣ *ѳема* Калабрія; въ эти же двѣнадцать европейскихъ *ѳемъ* входитъ у Константина Багрянороднаго *ѳема* Херсона въ Крыму, устроенная еще, по всей вѣроятности, въ IX вѣкѣ и часто носившая названіе «климатовъ» или «готскихъ климатовъ». Въ XI вѣкѣ число *ѳемъ* доходитъ уже до тридцати восьми. Во главѣ *ѳемъ*, какъ извѣстно, стояли воеводы-стратиги.

Конечно, при столь частыхъ измѣненіяхъ и скудости источниковъ, бросающихъ свѣтъ на историческое развитіе *ѳемнаго* строя, вопросъ о послѣднемъ все еще остается далеко не выясненнымъ въ желательной полнотѣ.

Въ предшествующемъ изложеніи приходилось упоминать

¹⁾ Исправляю неточность на стр. 216, гдѣ сказано, что въ VII вѣкѣ округъ Анатолики находился на юго-западѣ Малой Азіи. Воеводство Анатолики занимало всю среднюю часть Малой Азіи отъ границъ Киликіи на востокъ до берега Эгейскаго моря на западѣ; западная часть Киликійскаго побережья Средиземнаго моря на югъ также входила въ составъ этого воеводства.

о клисурахъ и клисурархахъ. Клисура, значущая еще и въ настоящее время по-гречески «горное ущелье», въ византійскую эпоху обозначала «пограничную крѣпость» съ небольшою сосѣднею территоріей или вообще «небольшую провинцію», во главѣ которой стоялъ начальникъ-правитель (клисурархъ), занимавшій менѣе высокое положеніе, чѣмъ стратигъ, и, вѣроятно, не соединявшій въ своихъ рукахъ военныхъ, гражданскихъ и судебныхъ полномочій послѣдняго. Нѣкоторыя клисуры, какъ напр. малоазіатская Селевкія, Севастія и нѣк. др., со временемъ превращались въ ѳемы, т. е. повышались въ своемъ значеніи.

Стоявшіе во главѣ ѳемъ стратиги имѣли многочисленный штатъ подчиненныхъ. Интересно, что, по крайней мѣрѣ, при Львѣ VI Мудромъ стратиги восточныхъ ѳемъ, куда включались и морскія ѳемы, получали опредѣленное содержаніе изъ суммъ государственнаго казначейства; между тѣмъ какъ стратиги западныхъ ѳемъ получали свое содержаніе изъ доходовъ подчиненнаго имъ округа, а не изъ казны.

ѳемный строй достигъ своего наибольшаго развитія при Македонской династіи. Послѣ нея онъ постепенно начинаетъ падать по мѣрѣ развитія завоеваній турокъ-сельджуковъ въ Малой Азіи, а затѣмъ въ силу измѣнившихся условій въ византійской жизни въ эпоху Крестовыхъ походовъ.

Просвѣщеніе, наука и литература въ эпоху Македонской династіи. Время Македонской династіи отличалось не только оживленною дѣятельностью въ области внѣшней и внутренней политики. Эта эпоха должна быть также отмѣчена какъ время напряженнаго культурнаго движенія въ сферѣ науки, литературы и просвѣщенія. Въ эту эпоху съ особенною ясностью выказались наиболѣе характерныя черты византійской науки, а именно: сближеніе свѣтскаго элемента съ богословскимъ, т. е. другими словами, примиреніе старой языческой мудрости съ новыми вѣяніями христіанства, универсализмъ и энциклопедичность и, наконецъ, отсутствіе оригинальнаго творчества. Въ эту эпоху снова ожилъ и сплотилъ около себя лучшія культурныя силы столичный центръ просвѣщенія, науки и литературы въ видѣ высшей константинопольской школы.

Еще до вступленія на престолъ родоначальника Македонской династіи Василія I, при Михаилѣ III, извѣстный уже намъ дядя послѣдняго кесарь Варда устроилъ въ Константи-

нополѣ высшую школу, которая явилась, по всей вѣроятности, возрожденіемъ пришедшей въ упадокъ въ предыдущіе вѣка высшей школы Θεодосія II. Школа Варды помѣщалась во дворцѣ. Въ ней проходились семь главныхъ наукъ, установленныхъ еще въ языческое время и принятыхъ какъ въ Византіи, такъ и въ школахъ Западной Европы. Это были такъ называемыя «семь свободныхъ искусствъ» (*septem artes liberales*), дѣлившіяся на двѣ группы: *trivium*—грамматика, риторика и діалектика—и *quadrivium*—ариѳметика, геометрія, астрономія и музыка. Изучались въ школѣ также философія и древніе классическіе писатели. Желая сдѣлать образованіе общедоступнымъ, Варда объявилъ его бесплатнымъ. Профессора же получали щедрое вознагражденіе изъ государственныхъ суммъ. Однимъ изъ учителей въ школѣ Варды былъ знаменитый Фотій.

Эта школа и сдѣлалась для Македонской эпохи тѣмъ культурнымъ очагомъ, около котораго могли сплотиться лучшіе умы имперіи. Центромъ учено-литературнаго движенія во второй половинѣ IX вѣка сдѣлался Фотій. Обладая выдающимися способностями и любознательностью и получивъ прекрасное для своего времени образованіе, онъ, по окончаніи ученія, устремился всею силою души на обученіе другихъ. Имѣя разностороннія познанія не только въ области богословія, но и грамматики, философіи, естественныхъ наукъ, права и медицины, Фотій собралъ около себя кругъ лицъ, стремившихся къ знанію. Но, будучи ученѣйшимъ мужемъ своего времени, онъ не только училъ; послѣ него осталось богатое и разнообразное литературное наслѣдство.

Особенно важною работою Фотія является его «Библиотека» или, какъ она часто называется, «Миріобиблонъ» (т. е. тысячи книгъ). Въ этомъ трудѣ Фотій сообщаетъ краткія или подробныя извлеченія изъ множества прочитанныхъ имъ сочиненій, иногда даетъ на основаніи ихъ рефераты или дѣлаетъ къ нимъ критическія замѣчанія. Въ «Библиотекѣ» мы находимъ длинный рядъ извѣстій о грамматикахъ, ораторахъ, историкахъ, естествоиспытателяхъ, врачахъ, о соборахъ, житіяхъ святыхъ и т. д. Главное значеніе этого труда Фотія заключается въ томъ, что въ немъ до насъ дошли отрывки изъ произведеній такихъ авторовъ, которые послѣ Фотія пропали и съ которыми мы знакомы, хотя и не въ полномъ

видѣ, только благодаря его сочиненію. Помимо «Библіотеки» Фотій оставилъ другіе труды въ области богословія, грамматики, проповѣдей и писемъ. Въ двухъ проповѣдяхъ, какъ извѣстно, онъ говоритъ въ качествѣ очевидца о первомъ нападении русскихъ на Константинополь въ 860 году.

Фотій, поражая обширностью, универсальностью своихъ знаній и настаивая на изученіи древнихъ писателей, является выразителемъ того умственного движенія въ Византіи, которое замѣчается въ ней, особенно въ столицѣ, начиная съ половины IX вѣка, и однимъ изъ показателей котораго надо считать ранѣе упомянутую высшую школу Варды, гдѣ самъ Фотій былъ усерднымъ преподавателемъ. Въ его время и благодаря ему стало особенно замѣтно стремленіе сблизить и примирить свѣтскія науки съ науками богословскими.

Ученикъ Фотія, императоръ Левъ VI Мудрый, не обладая крупнымъ литературнымъ талантомъ, тѣмъ не менѣе оставилъ нѣсколько проповѣдей, церковныхъ пѣснопѣній и нѣк. др. Но заслугою Льва VI является то, что онъ сумѣлъ поддержать культурную обстановку, созданную Фотіемъ, и этимъ самымъ, по словамъ одного историка (Н. Попова), «заслужилъ себѣ почетное имя въ исторіи византійскаго просвѣщенія вообще и духовнаго въ особенности». Онъ покровительствовалъ ученымъ и вообще образованнымъ людямъ; при немъ иногда «царскій дворецъ превращался въ новую академію и лицей».

Представителемъ культурнаго движенія X вѣка является вѣнценосный писатель и ревнитель просвѣщенія, императоръ Константинъ VII Порфирородный. Проведя большую часть времени своего правленія въ сторонѣ отъ государственныхъ дѣлъ, руководителемъ которыхъ былъ Романъ I Лекапинъ, Константинъ сумѣлъ сдѣлаться центромъ живого литературнаго и ученаго движенія, въ которомъ лично принималъ дѣятельное участіе; причемъ, онъ писалъ самъ, побуждалъ писать другихъ и старался лучше организовать народное образованіе. Съ его именемъ связана постройка многихъ великолѣпныхъ зданій; онъ увлекался живописью, музыкой и тратилъ крупныя средства для составленія обширныхъ сборниковъ, заключающихъ въ себѣ многочисленныя отрывки изъ древнихъ писателей.

До насъ дошло не мало произведеній X вѣка, т. е. времени Константина VII; одни изъ нихъ были написаны

имъ самимъ, другія при его личномъ участіи и, наконецъ, третьи составлены по его предложенію, въ видѣ выше упомянутыхъ сборниковъ древнихъ текстовъ и энциклопедій съ извлеченіями по разнообразнымъ вопросамъ. Константину принадлежитъ хвалебная біографія его дѣда, императора Василия I. Въ другомъ сочиненіи «Объ управленіи государствомъ», посвященномъ его сыну и наслѣднику, Константинъ сообщаетъ интересныя и важныя свѣдѣнія о географіи чужихъ странъ и о сношеніяхъ Византіи съ сосѣдними народами. Въ этомъ сочиненіи даются, между прочимъ, названія днѣпровскихъ пороговъ и интересныя сообщенія о нашихъ ближайшихъ сосѣдяхъ на югѣ въ первыя времена русской исторіи, а именно — о печенѣгахъ. Много географическаго матеріала содержится и въ третьемъ уже извѣстномъ намъ въ связи съ вопросомъ объ областномъ устройствѣ сочиненіи Константина «О ѳемахъ», въ основѣ котораго лежатъ географическія сочиненія VI вѣка. Затѣмъ къ его же времени относится большое сочиненіе «О церемоніяхъ византійскаго двора», представляющее собою, главнымъ образомъ, подробное описаніе сложныхъ обычаевъ жизни императорскаго двора, т. е., другими словами, «Придворный уставъ». Это есть сборникъ, составленный, большею частью, изъ официальныхъ придворныхъ записей различныхъ эпохъ. Всѣ разнообразныя собранныя тамъ свѣдѣнія, какъ напр., о крещеніи, бракѣ, коронованіи, погребеніи императоровъ, о различныхъ церковныхъ торжествахъ, о приѣмахъ иностранныхъ пословъ, о снаряженіи военныхъ экспедицій, о должностяхъ и чинахъ и т. д., имѣютъ очень крупное значеніе и представляютъ въ высшей степени важный интересъ при изученіи не только жизни двора, но и внутренней жизни всего государства. Византійскій придворный обиходъ, выросшій и разившійся изъ придворныхъ церемоній поздней Римской имперіи временъ Діоклетіана и Константина Великаго, оказалъ вліяніе на придворную жизнь Западной Европы и славянскихъ государствъ, включая Россію; даже въ нѣкоторыхъ придворныхъ церемоніяхъ современной Турціи можно замѣтить византійскія вліянія. Какъ было уже отмѣчено выше, въ «Придворномъ уставѣ» мы находимъ современную подробную записку о приѣмѣ нашей великой княгини Ольги въ Константинополѣ.

Въ X вѣкѣ византійская цивилизація переживала блестя-

щее время, и представители варварскаго Запада шли учиться на берега Босфора.

Послѣ нѣкотораго упадка культурной дѣятельности въ концѣ X и началѣ XI вѣка, когда все вниманіе имперіи было поглощено, при Никифорѣ Фокѣ, Иоаннѣ Цимисхійи и Василии II Болгаробойцѣ, веденіемъ войнъ, возведшихъ государство на вершину военной славы, въ XI вѣкѣ снова замѣчается нѣкоторое умственное оживленіе, показателемъ котораго служить, съ одной стороны, преобразование высшей школы, а, съ другой стороны, появленіе такой любопытной личности, какъ Михаилъ Пселль.

Въ половинѣ XI вѣка, при императорѣ Константинѣ IX Мономахѣ, дѣло высшаго образованія въ столицѣ снова возродилось. Прежняя единая высшая школа была при немъ раздѣлена на двѣ школы, или на два отдѣла. Первая школа при церкви св. Петра обучала философіи, т. е. имѣла цѣлью дать желающимъ общее образованіе; во главѣ ея былъ поставленъ знаменитый ученый и писатель Михаилъ Пселль. Въ другой школѣ, помѣщавшейся въ монастырѣ св. Георгія, выстроенномъ въ оградѣ дворца, преподавались науки юридическія. Это былъ родъ юридическаго лицей или юридической академіи. Государство чувствовало большой недостатокъ въ образованныхъ и опытныхъ чиновникахъ, особенно въ юристахъ. За неимѣніемъ специальныхъ юридическихъ школъ молодые люди черпали свои свѣдѣнія отъ юристовъ-практиковъ, нотаріусовъ, адвокатовъ, которые сами не отличались ни глубиною, ни обширностью знаній. Основанный при Константинѣ Мономахѣ юридическій лицей и долженъ былъ помочь этой настоятельной государственной потребности. Во главѣ лицей былъ поставленъ извѣстный въ то время Иоаннъ Ксифилинъ, другъ Михаила Пселла. Какъ и раньше, преподаваніе велось бесплатно, Профессора же получали отъ правительства хорошее жалованье, шелковую одежду, пасхальный подарокъ и пищевое довольство. Доступъ въ лицей былъ открытъ для всѣхъ желающихъ, имѣвшихъ соответственную подготовку, безъ различія происхожденія или состоянія, для знатныхъ и незнатныхъ, для богатыхъ и бѣдныхъ. Новелла объ учрежденіи юридической академіи знакомитъ насъ съ интересными взглядами правительства на просвѣщеніе и юридическое образованіе. Итакъ, юридическая академія XI вѣка,

преслѣдуя практическія цѣли, должна была доставлять государству опытныхъ и знающихъ законы чиновниковъ.

Поставленный во главѣ общеобразовательной школы Константинъ Пселль, обычно называемый по его монашескому имени Михаиломъ, родился въ первой четверти XI вѣка. Получивъ прекрасное образованіе и отличаясь обширными познаніями и выдающимися способностями, онъ настолько выдвинулся, что сдѣлался однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ людей въ государствѣ. Приглашенный ко двору, онъ занималъ высокія должности и жалованъ былъ большими чинами; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ преподавалъ философію и риторику; у него было не мало учениковъ, которымъ онъ писалъ письма. Слѣдуя примѣру своего друга Іоанна Ксифилина, стоявшаго во главѣ юридической академіи, онъ принялъ монашество, назвался Михаиломъ и нѣкоторое время пробылъ въ монастырѣ. Но уединенная монастырская жизнь не подходила къ характеру Пселла. Онъ покинулъ монастырь и, появившись въ столицѣ, снова сталъ играть видную роль при дворѣ; въ концѣ своей жизни онъ занималъ даже постъ перваго министра. Умеръ Пселль, по всей вѣроятности, въ концѣ семидесятыхъ годовъ XI вѣка.

Живя въ эпоху смуть и начинавшагося упадка имперіи, при частыхъ смѣнахъ императоровъ, что нерѣдко означало и смѣну направленій и политики, Пселль умѣлъ хорошо приспособляться къ мѣнявшимся обстоятельствамъ и, служа при девяти императорахъ, продолжалъ возвышаться въ чинахъ и приобрѣтать все болѣе вліятельное положеніе. Пселль не задумывался ни передъ лестью, ни передъ заискиваньемъ, ни передъ взятками, чтобы создать свое благополучіе. Изъ этого видно, что онъ не отличался большими нравственными достоинствами, какъ, впрочемъ, и громадное большинство людей той смутной и тяжелой эпохи.

Но на ряду съ этими отрицательными чертами его натуры въ немъ были и такія стороны, которыя ставили его головой выше современниковъ. Пселль былъ высокообразованнымъ человекомъ; онъ много зналъ, читалъ и работалъ. Обладая обширными и разносторонними познаніями и большимъ трудолюбіемъ, онъ оставилъ много сочиненій въ различныхъ областяхъ знанія и литературы: въ богословіи, философіи, гдѣ онъ особенно выдвигалъ Платона, въ естественныхъ

наукахъ, филологіи, исторіи, правѣ, поэзіи, въ рѣчахъ и письмахъ. Исторія Пселла, описывающая событія со смерти Іоанна Цимисхія до послѣднихъ лѣтъ жизни автора, несмотря на нѣкоторое пристрастіе въ изложеніи, является драгоцѣннымъ источникомъ для исторіи XI вѣка. Какъ извѣстно, въ Исторіи Пселла описывается послѣдній походъ русскихъ на Константинополь. Пселлъ былъ представителемъ свѣтской науки, проникнутой эллинизмомъ. Въ исторической наукѣ при оцѣнкѣ личности и дѣятельности Пселла ученые не пришли еще пока къ согласнымъ результатамъ. Тѣмъ не менѣе, онъ смѣло можетъ занять первое мѣсто въ культурномъ движеніи Византіи XI вѣка подобно тому, какъ въ IX вѣкѣ занималъ его Фотій, а въ X вѣкѣ Константинъ Багрянородный.

Съ эпохой Македонской династіи, а именно съ X вѣкомъ, связано въ византійской литературѣ представленіе о византійскомъ эпосѣ, о византійскихъ былинахъ, героемъ которыхъ является Василій Дигенисъ Акрить.

Напряженная жизнь на восточной границѣ, проводимая въ почти непрерывной войнѣ, представляла обширное поле для смѣлыхъ подвиговъ и опасныхъ приключеній. Наиболѣе глубокое впечатлѣніе въ памяти народа оставилъ на долгія времена герой этой пограничной области Василій Дигенисъ Акрить. Имя этого былиннаго богатыря, какъ видно, Василій. Дигенисъ же и Акрить—его прозванія. Прозваніе Дигениса, что можно передать черезъ «рожденный отъ двухъ народовъ», объясняется тѣмъ, что отецъ его былъ арабъ-мусульманинъ, а мать—гречанка-христіанка. «Дигенисами», надо сказать, вообще называли дѣтей отъ разноплеменныхъ браковъ. Акритами же назывались въ византійское время защитники крайнихъ границъ государства, — отъ греческаго слова «акра-ἄκρα» — граница. Акриты, пользовавшіеся иногда полунезависимымъ положеніемъ отъ центрального правительства, сопоставляются не безъ основанія съ западно-европейскими маркграфами, т. е. правителями пограничныхъ областей-марокъ (въ русскомъ государствѣ — украиня).

Вся жизнь Дигениса Акрита посвящена борьбѣ съ мусульманами и апелатами. Апелатами, что первоначально значить «тѣ кто угоняетъ скоть», затѣмъ «разбойники», назывались въ византійское время на восточной границѣ горные разбойники, эти, по словамъ А. Н. Веселовскаго, «удальцы, крѣп-

жіе духомъ и мышцами, полу-разбойники и полу-герои», которые, не считаясь ни съ императоромъ, ни съ халифомъ, разоряли страну того и другого. Поэтому въ мирное время противъ этихъ несносныхъ грабителей дѣйствовали дружно вмѣстѣ христіане и мусульмане. Въ военное же время каждая сторона старалась привлечь ихъ на свою сторону. «Тамъ, по словамъ историка (Рамбо), чувствовали себя очень далеко отъ Византіи и могли бы считать себя не въ провинціяхъ просвѣщенной монархіи, а среди феодальной анархіи Запада».

По различнымъ намекамъ, разбросаннымъ въ былинѣ о Дигенисѣ Акритѣ, можно съ увѣренностью сказать, что настоящая исторія, легшая въ основу былины, имѣла мѣсто въ половинѣ X вѣка въ Каппадокіи и въ приевфратской области. Дигенисъ совершаетъ свои подвиги и бьется за христіанъ и имперію; въ его представленіи православіе и Романія (т. е. Византія) суть два неотдѣлимыхъ другъ отъ друга понятія. Описаніе дворца Акрита позволяетъ намъ ближе познакомиться съ великолѣпіемъ и богатствомъ обстановки, въ которой жили крупные земельные собственники въ Малой Азіи и которая такъ сильно возмущала Василія II Болгаробойцу. Учеными была даже сдѣлана попытка, правда не доказанная, отождествить былиннаго Дигениса Акрита съ определеннымъ историческимъ лицомъ X вѣка. Близъ Трапезунда до сихъ поръ показываютъ его мѣгилу, предохраняющую, какъ гласитъ народное преданіе, новорожденныхъ отъ чаръ.

Былина о Дигенисѣ по своему содержанію наиболѣе подходитъ къ извѣстнымъ западно-европейскимъ легендамъ, а именно: къ пѣсни о Роландѣ изъ времени Карла Великаго и къ роману о Сидѣ изъ времени войнъ христіанъ съ мусульманами на Пиренейскомъ полуостровѣ. Обѣ средневѣковыхъ западныхъ легенды создались также на фонѣ борьбы христіанства съ мусульманствомъ.

Имя Дигениса осталось популярнымъ и въ позднѣйшія времена Византіи. Поэтъ XII вѣка, желая воздать должную хвалу императору Мануилу Комнину, не нашель для его характеристики лучшаго имени, какъ «новый Акритъ».

Византійская былина о Дигенисѣ Акритѣ, дошедшая до насъ въ нѣсколькихъ рукописяхъ, изъ которыхъ самая древняя относится къ XIV вѣку, пережила Византійскую имперію. Еще и теперь на Кипрѣ и въ Малой Азіи народъ распѣ-

ваетъ пѣсни о византійскомъ героѣ. Византійскій эпосъ въ видѣ былины о Дигенисѣ Акритѣ отразился и на русскомъ эпосѣ. Въ древней русской литературѣ мы встрѣчаемъ извѣстное еще Карамзину «Дѣяніе и житіе Девгеніево Акрита», которое въ началѣ онъ считалъ русскою сказкою. Во всякомъ случаѣ, «Девгеніево дѣяніе» имѣетъ не малое значеніе для исторіи древней русской литературы, потому что древнерусская жизнь и литература, какъ пзвѣстно, наиболѣе испытали на себѣ силу византійскаго вліянія, какъ церковнаго, такъ и свѣтскаго. Интересно, что въ русскомъ переводѣ поэмы о Дигенисѣ мы иногда находимъ такіе эпизоды, которые до сихъ поръ еще не найдены въ ея греческихъ текстахъ.

Л и т е р а т у р а к ъ в о с ь м о й г л а в ѣ. Сочиненія общаго характера: Общія иностранныя сочиненія (см. первую главу). А. G f g ö g e r. Byzantinische Geschichten. II—III, Graz, 1873—1877 (рядъ очерковъ правленій императоровъ, начиная съ Іоанна Цимисхія до конца Македонской династии). Н. С к а б а л а н о в и ч ѣ. Византійское государство и церковь въ XI вѣкѣ. Петроградъ, 1884 (очень содержательный трудъ, особенно для внутренней исторіи). J. V. B u r y. Roman emperors from Basil II to Isaac Komnenos въ The English Historical Review, IV (1889), 41—64; 251—285. G. S c h l u m b e r g e r. L'Épopée Byzantine à la fin du dixième siècle. Troisième Partie (1025—1057). Paris, 1905 (время съ 1025 года). Н. П о п о в ѣ. Очерки по гражданской исторіи Византии за время Македонской династии. Москва, 1916. Монографіи по отдѣльнымъ царствованіямъ: А. V o g t. Basile I-er empereur de Byzance (867—886) et la civilisation byzantine à la fin du IX-e siècle. Paris, 1908. Н. П о п о в ѣ. Императоръ Левъ VI Мудрый и его царствованіе въ церковно-историческомъ отношеніи. Москва, 1892. А. З е р н и н ѣ. Жизнь и литературные труды императора Константина Багрянороднаго. Вып. I. Харьковъ, 1858 (устарѣлая біографія). А. R a m b a u d. L'Empire Grec au dixième siècle. Constantin Porphyrogénète. Paris, 1870 (основной трудъ). G. S c h l u m b e r g e r. Un empereur byzantin au dixième siècle. Nicéphore Phocas. Paris, 1890. G. S c h l u m b e r g e r. L'Épopée Byzantine à la fin du dixième siècle. Jean Tzimiscès. Les jeunes années de Basile II le Tueur de Bulgares (969—989). Paris, 1896 (время съ 969 по 989 годъ). G. S c h l u m b e r g e r. L'Épopée Byzantine à la fin du dixième siècle. Seconde partie. Basile II le Tueur de Bulgares. Paris, 1900. Б а р о н ѣ В. Р. Р о з е н ѣ. Императоръ Василій Болгаробойца. Извлеченія изъ лѣтописи Яхьи Антиохійскаго. Петроградъ, 1883 (Приложеніе къ XLIV-му тому Записокъ Имп. Академіи наукъ, № 1). П. В. Б е з о б р а з о в ѣ. Императрица Зоя, въ его Историческихъ статьяхъ. Выпускъ первый, Москва, 1893, с. 225—251 (популярная статья). Ch. D i e h l. Zoé la Porphyrogénète, въ его Figures byzantines. I, Paris, 1906; есть русскій переводъ „Византійскіе портреты“. I. Москва, 1914 (живо и интересно написанный очеркъ). Н. M ä d l e r. Theodora, Michael Stratiotikos, Isaak Komnenos. Ein Stück byzantinischer Kaisergeschichte. Plauen i. V. 1894 (родъ конспекта съ указаніемъ источниковъ и общіе обзоры правленій; нашего періода касается лишь время императрицы Теодоры, с. 1—5 и 24—27). Политическія отношенія эпохи: М. С. Д р и н о в ѣ. Южные славяне и Византия въ X вѣкѣ, въ Чтеніяхъ въ Имп. Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ, Москва, 1875, книга третья (очень важный трудъ для болгаро-византійскихъ отношеній). А. А. В а с и л ь е в ѣ. Византия и арабы. Политическія отношенія Византии и

арабовъ за время Македонской династiи. Императоры Василій I, Левъ VI Философъ и Константинъ VII Багрянородный (867—959). Петроградъ, 1902. J. Gay. L'Italie Méridionale et l'Empire Byzantin depuis l'avènement de Basile I-er jusqu'à la prise de Bari par les Normands (867—1071). Paris, 1904. M. Amari. Storia dei musulmani di Sicilia. Vol I—III. Firenze, 1854—1872 (классическій трудъ о завоеванiи арабами Сицилии). Церковныя дѣла: J. Hergenröther. Photius, Patriarch von Constantinopel. Sein Leben, seine Schriften und das griechische Schisma. I—III. Regensburg, 1867—1869 (вопросъ о раздѣленiи церквей разобранъ до 1054 г. включительно; трудъ громадной учености историка-католика). О. М. Россейкинъ. Первое правленiе Фотiя, патрiарха константинопольскаго. Сергiевъ Посадъ, 1915. А. П. Лебедевъ. Исторiя раздѣленiя церквей въ IX, X и XI вѣкахъ. Изд. второе. Петроградъ. 1905. А. П. Лебедевъ. Очерки внутренней исторiи византiйско-восточной церкви въ IX, X и XI вѣкахъ. Изд. второе. Москва. 1902. Законодательство: Общiе обзоры см. въ первой главѣ. О „Книгѣ епарха“ и византiйскихъ цехахъ: A. Stöckle. Spättrömische und byzantinische Zünfte. Leipzig, 1911. По поводу этого изданiя Е. Черноусовъ. Римскiе и византiйскiе цехи, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1914, сент. П. Безобразовъ. Ремесленныя и торговныя корпорацiи, въ его переводѣ „Исторiи Византiи“ Г. Герцберга, с. 600—612. Новеллы Македонскихъ государей въ защиту убогихъ въ русскомъ переводѣ у В. Г. Васильевскаго. Материалы для внутренней исторiи Византiйскаго государства. Мѣры въ защиту крестьянскаго землевладѣнiя. Журн. Мин. Нар. Просв. Часть 202 (1879, мартъ). G. Testaud. Des rapports des puissants et des petits propriétaires ruraux dans l'Empire Byzantin au X-e siècle. Bordeaux, 1898.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Смутное время XI вѣка (1056—1081).

Смѣна императоровъ. Уже послѣ смерти Василя II Болгаробойцы въ 1025 году имперія вступила въ періодъ смуть, частой смѣны иногда случайныхъ государей и начинающагося общаго упадка. Императрица Зоя, какъ извѣстно, возвела на престоль трехъ своихъ супруговъ. Въ 1056 году въ лицѣ императрицы Θεодоры, сестры Зои, Македонская династія прекратила свое существованіе.

Имперія послѣ этого пережила смутный періодъ въ 25 лѣтъ, съ 1056 по 1081 г., закончившійся возведеніемъ на престоль Алексѣя Комнина, основателя извѣстной династіи Комниновъ.

Этотъ смутный періодъ, внѣшнимъ признакомъ котораго была частая смѣна случайныхъ и, большею частью, безталанныхъ императоровъ, имѣлъ въ исторіи Византіи важное значеніе, такъ какъ въ значительной мѣрѣ создалъ въ имперіи условія, вызвавшія впослѣдствіи на Западѣ крестоносное движеніе. Въ эти двадцать пять лѣтъ внѣшніе враги Византіи сильно тѣснили ее: съ запада норманны, съ сѣвера печенѣги и узы и съ востока турки-сельджуки. За это время территория имперіи значительно уменьшилась въ своемъ размѣрѣ.

Другою отличительною чертою даннаго періода была борьба военнаго элемента и крупной землевладѣльческой знати, особенно малоазіатской, съ центральнымъ бюрократическимъ правительствомъ,—борьба провинціи со столицей, закончившаяся послѣ ряда колебаній побѣдою войска и крупнаго землевладѣнія, т. е. провинціи надъ столицей, въ лицѣ Алексѣя Комнина.

Всѣ императоры смутнаго времени XI вѣка были греки по происхожденію.

Какъ извѣстно, въ 1056 году престарѣлая, почти уже умирающая императрица Теодора, по настоянію придворной партіи, избрала въ императоры почтеннаго по возрасту патрикія Михаила Стратіотика, послѣ чего вскорѣ умерла. Михаилъ VI Стратіотикъ, ставленникъ столичной придворной партіи, смогъ удержаться на престолѣ всего годъ съ небольшимъ (1056—1057), такъ какъ противъ него поднялись войска въ Малой Азіи, провозгласившія императоромъ военачальника, прославившагося уже борьбою съ турками, Исаака Комнина, представителя крупной землевладѣльческой фамиліи. Это была первая за разбираемый періодъ побѣда военной партіи надъ гражданскимъ центральнымъ правительствомъ, — первая побѣда провинціи надъ столицей. Михаилъ Стратіотикъ былъ вынужденъ отречься отъ престола и окончилъ дни свои частнымъ лицомъ.

Однако, на этотъ разъ побѣда военной партіи была кратковременной: Исаакъ Комнинъ правилъ всего съ 1057 по 1059 годъ, когда онъ, по причинамъ, которыя до сихъ поръ представляются недостаточно ясными, отрекся отъ престола и постригся въ монахи. Возможно, что Исаакъ Комнинъ палъ жертвою искусной интриги со стороны элементовъ, недовольныхъ его самостоятельнымъ и энергичнымъ правленіемъ. Императоръ, ставя на первый планъ интересы государственной казны, наложилъ руку на незаконно пріобрѣтенныя крупными собственниками, какъ свѣтскими, такъ и духовными, земли и уменьшилъ жалованье крупныхъ чиновниковъ. Въ интригѣ противъ Исаака Комнина принималъ участіе, по всей вѣроятности, извѣстный ученый и государственный дѣятель Михаилъ Пселль.

Преемникомъ Исаака былъ Константинъ X Дука (1059—1067), талантливый финансистъ, защитникъ правильнаго правосудія, интересовавшійся преимущественно дѣлами гражданскаго управленія. На войско и вообще на военное дѣло новый императоръ обращалъ мало вниманія. Это было время реакціи гражданскаго управленія противъ восторжествовавшаго при Исаакѣ Комнинѣ военнаго элемента, реакціи столицы противъ провинціи, «несчастное время господства бюрократовъ, риторовъ и ученыхъ». Однако, внѣшняя опасность, грозившая имперіи съ сѣвера и востока, со стороны печенѣговъ и узовъ съ одной стороны, турокъ-сельджуковъ съ другой, не оправдала анти-

военнаго характера правленія Константина Дуки. Чувствовалась настоятельная необходимость имѣть на престолѣ государя-воина, который могъ бы оказать надлежащее сопротивленіе неприятелю. Даже такой антимилицаристъ, какимъ былъ въ XI вѣкѣ ученый Михайль Пселль, писалъ, что въ его время «войско есть нервъ государства ромеевъ». Въ такихъ обстоятельствахъ противъ императора составилаь сильная оппозиція. Когда въ 1067 году Константина X Дуки не стало, государствомъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ управляла его жена Евдокія Макремволитисса въ качествѣ регентши съ тремя сыновьями. Но военная партія нашла для нея супруга въ лицѣ талантливаго военачальника Романа Діогена, родомъ изъ Каппадокіи, который и сдѣлался императоромъ Романомъ IV Діогеномъ (1067—1071).

Вступленіе послѣдняго на престолъ знаменуетъ собою вторую побѣду военной партіи. Четырехлѣтнее правленіе этого императора-воина окончилось для него трагически. Романъ Діогенъ попалъ въ плѣнъ, о чемъ будетъ рѣчь ниже, къ турецкому султану, который, однако, даровалъ ему свободу. По полученіи извѣстія о плѣнѣ императора столица взволновалась. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній императоромъ былъ провозглашенъ сынъ Евдокіи Макремволитиссы отъ Константина Дуки, ея перваго мужа, ученикъ Михаила Пселла, Михайль VII Дука, по прозванію Парапинакъ¹⁾. Евдокія постриглась въ монахини. Возвратившійся изъ плѣна Діогенъ, вопреки торжественно данной ему гарантіи личной безопасности, былъ варварски ослѣпленъ и вскорѣ умеръ.

Михайль VII Дука Парапинакъ (1071—1078), любившій заниматься науками, бесѣдовать съ учеными, самъ писавшій стихи, не имѣвшій никакой склонности къ военнымъ дѣламъ, возстановилъ бюрократическій режимъ своего отца Константина Дуки. Но послѣдній режимъ не соотвѣтствовалъ внѣшнему положенію государства. Новые успѣхи турокъ и печенѣговъ настоятельно требовали, чтобы во главѣ имперіи стоялъ императоръ-воинъ, опиравшійся на армію, въ которой населеніе видѣло спасеніе государства. «Выразителемъ народныхъ

¹⁾ Прозваніе „Парапинакъ“ произошло потому, что во время случившагося при этомъ государѣ неурожая номисму, т. е. византійскій золотой, требовали не за цѣлый медимнъ (мѣра) хлѣба, а за п и н а к і й, какъ называлась четверть медимна.

нуждъ, по словамъ одного историка (Скабалановича), въ этомъ отношеніи, подавшимъ надежду на ихъ удовлетвореніе», явился стратигъ одной изъ малоазійскихъ еемъ Никифоръ Вотаниатъ, который, будучи провозглашенъ императоромъ въ Малой Азіи, принудилъ Паралинака постричься и уйти въ монастырь, послѣ чего вступилъ въ столицу и былъ коронованъ патріархомъ. Правиль Никифоръ III Вотаниатъ съ 1078 по 1081 годъ. Новый императоръ, престарѣлый и физически слабый, не могъ справиться ни съ внутренними, ни съ внѣшними затрудненіями. Крупная землевладѣльческая аристократія провинціи не признавала правъ Никифора III на престоль. Въ различныхъ частяхъ имперіи появились претенденты, оспаривавшіе тронъ у Вотаниата. Особенно искусно воспользовался обстоятельствами одинъ изъ его главныхъ военачальниковъ Алексѣй Комнинъ, племянникъ уже ранѣе царствовавшего Исаака Комнина и родственникъ царствовавшей также фамиліи Дуковъ, поставившій себѣ цѣлью добиться престола, что ему и удалось. Вотаниатъ отрекся отъ престола и удалился въ монастырь, гдѣ былъ постриженъ въ монашество. Въ 1081 году Алексѣй Комнинъ былъ вѣнчанъ на царство и, положивъ конецъ смутному времени въ Византіи XI вѣка, открылъ собою эпоху династіи Комниновъ. Его вступленіе на престоль знаменовало собою побѣду военной партіи и крупнаго провинціального землевладѣнія.

Конечно, при столь частой смѣнѣ императоровъ и почти не прекращавшейся тайной или явной борьбѣ за тронъ внѣшняя политика имперіи не могла стоять на надлежащей высотѣ, особенно въ виду той сложной и опасной для государства обстановки, которая создалась въ виду успѣшныхъ дѣйствій главнѣйшихъ враговъ имперіи: турокъ-сельджуковъ съ востока, печенѣговъ и узовъ съ сѣвера и норманновъ съ запада.

Турки-сельджуки. Византія знала турокъ уже давно. Выше былъ отмѣченъ любопытный проектъ турко-византійскаго союза во второй половинѣ VI вѣка. Не мало было турокъ въ рядахъ арабскихъ войскъ на восточной границѣ имперіи. Но всѣ эти сношенія и столкновенія съ турками до XI вѣка не имѣли важнаго значенія для имперіи. Съ появленіемъ въ первой половинѣ XI вѣка на восточной границѣ турокъ-сельджуковъ обстоятельства измѣнились.

Сельджуки или сельджукиды были потомками туркмен-

скаго князя Сельджука, находившагося около 1000-го года на службѣ у одного изъ туркестанскихъ хановъ. Изъ Киргизскихъ степей Сельжукъ со всѣмъ своимъ племенемъ переселился въ Бухарскую область, гдѣ онъ и его народъ приняли исламъ. Вскорѣ сельджуки настолько усилились, что два вѣка Сельджука во главѣ своихъ дикихъ туркменскихъ полчищъ могли уже произвести нападеніе на Хорасанъ.

Наступательное движеніе сельджуковъ въ передней Азіи составило эпоху какъ въ мусульманской, такъ и въ византійской исторіи. Въ XI вѣкѣ халифатъ, какъ извѣстно, не представлялъ собою единого цѣлаго. Испанія, Африка и Египетъ уже давно жили независимо отъ багдадскаго халифа жизнью. Сирія, Месопотамія и Персія также были подѣлены между различными самостоятельными династіями и отдѣльными правителями. Въ половинѣ XI вѣка сельджуки, завоевавъ Персію, проникли въ Месопотамію и вошли въ Багдадъ. Багдадскій халифъ находился съ тѣхъ поръ подъ протекторатомъ сельджукидовъ, султаны которыхъ не жили въ Багдадѣ, а проявляли въ немъ свое верховенство черезъ назначеннаго туда ими военачальника. Вскорѣ послѣ этого подъ властью сельджуковъ, увеличившихся въ своемъ числѣ благодаря прибытію другихъ тюркскихъ племенъ, соединилась вся западная Азія, отъ Афганистана до границъ Византійской имперіи въ Малой Азіи и Египетскаго халифата Фатимидовъ.

Съ половины же XI вѣка сельджуки стали играть важную роль также въ исторіи Византіи, угрожая ея пограничнымъ провинціямъ въ Малой Азіи и на Кавказѣ. Уже раньше было отмѣчено, что въ сороковыхъ годахъ XI вѣка, при императорѣ Константинѣ IX Мономахѣ, Армения съ ея новою столицею Ани была присоединена къ Византіи. Но послѣднее обстоятельство лишило бывшее Армянское царство его значенія, какъ государства-буфера между имперіей и турками, по крайней мѣрѣ, на сѣверо-востокѣ. Наступая послѣ этого въ Армению, сельджуки наступали уже на византійскую территорію. Одновременно съ этимъ сельджуки стали продвигаться и въ Малую Азію.

Во время энергичнаго, хотя и кратковременнаго правленія Исаака Комнина восточная граница успѣшно оборонялась противъ натиска сельджуковъ. Но съ его паденіемъ антивоенная политика Константина Дуки ослабила военныя силы

Малой Азіи и тѣмъ облегчила вторженіе сельджуковъ въ византійскіе предѣлы. Можетъ быть, центральное правительство, по мнѣнію одного историка (Неймана), даже не безъ удовольствія «взирало на несчастіе этихъ упорныхъ и гордыхъ провинцій». «Востокъ, подобно Италіи, поплатился страшными потерями за ошибки столичнаго правительства». При Константинѣ X Дукѣ и послѣ его смерти, во время семимѣсячнаго регентства его жены Евдокіи Макремволитиссы, второй по счету султанъ сельджукидовъ Алпъ-Арсланъ завоевалъ Арменію со столицею Ани и опустошилъ часть Сиріи, Киликію и Каппадокію. Въ главномъ городѣ послѣдней, Кесаріи, турки ограбили главную святыню города,—церковь Василя Великаго, гдѣ хранились мощи Святого.

Въ такихъ обстоятельствахъ военная партія нашла правительницѣ Евдокіи мужа въ лицѣ энергичнаго Романа Діогена. Новый императоръ сдѣлалъ нѣсколько походовъ противъ турокъ, изъ которыхъ первые были довольно удачны. Но разноплеменное войско, состоявшее изъ македонскихъ славянъ, болгаръ, узовъ и, конечно, печенѣговъ, варяговъ, франковъ, подъ которыми въ это время въ Византіи разумѣли вообще представителей западно-европейскихъ народностей, не являло собою хорошо организованнаго и обученнаго войска, способнаго съ успѣхомъ противостоятъ быстрымъ движеніямъ турецкой конницы и системѣ быстрыхъ и смѣлыхъ кочевыхъ набѣговъ. Особенно ненадежны въ рядахъ византійскаго войска были составлявшіе въ немъ легкую конницу узы и печенѣги, которые при столкновеніи съ турками тотчасъ же почувствовали съ послѣдними племенное родство.

Послѣдній походъ Романа Діогена закончился роковою для него битвою въ августѣ 1071 года при Манцикертѣ (Маназкертъ, теперь Мелазгердъ), въ Арменіи, на сѣверъ отъ озера Ванъ. Незадолго до сраженія отрядъ узовъ со своимъ вождемъ перешелъ на сторону турокъ. Въ войскѣ Романа Діогена было спокойно. Въ пылу завязавшейся битвы одинъ изъ византійскихъ военачальниковъ распростилъ слухъ о пораженіи императорскаго войска, которое, будучи охвачено паникой, обратилось въ бѣгство. Геройски боровшійся Романъ Діогенъ былъ захваченъ въ плѣнъ турками и съ почетомъ встрѣченъ Алпъ-Арсланомъ.

Между побѣдителемъ и побѣжденнымъ былъ заключенъ

«вѣчный» миръ и дружественный договоръ, главные пункты котораго мы узнаемъ изъ арабскихъ источниковъ: 1) Романъ Диогенъ получалъ свободу за уплату опредѣленной суммы; 2) Византія должна платить Алпъ-Арслану ежегодно крупную сумму денегъ и 3) возвратить ему всѣхъ плѣнныхъ турокъ. Какъ извѣстно, возвратившійся Романъ Диогенъ нашелъ престолъ занятымъ Михаиломъ VII Дукой и, подвергшись ослѣпленію, вскорѣ умеръ.

Сраженіе при Манцикертѣ имѣетъ для Византіи перво-степенное значеніе. Хотя, судя по договору, Алпъ-Арсланъ и не приобрѣталъ какой либо территоріи отъ имперіи, тѣмъ не менѣе, особенно если принять во вниманіе наступившее затѣмъ антивоенное и слабое правленіе Михаила VII Дуки, византійское войско, защищавшее малоазіатскія границы, было окончательно разгромлено; послѣднее обстоятельство лишило Византію въ будущемъ возможности сопротивляться дальнѣйшему продвиженію турокъ въ Малую Азію. Манцикертское пораженіе было поэтому смертельнымъ ударомъ для владычества имперіи въ Малой Азіи, другими словами, въ самой насущной и важной части Византійскаго государства. Одинъ ученый (Гфрѣреръ) даже говоритъ, что послѣ этого сраженія уже все Византійское государство оставалось въ турецкой власти. Другой историкъ (Гельцеръ) считаетъ это событіе «смертнымъ часомъ великой Византійской имперіи». «Хотя послѣдствія, — продолжаетъ тотъ же ученый, — во всемъ ихъ ужасѣ не сразу стали ощутительны, но все же востокъ Малой Азіи, Арменія и Каппадокія, области, бывшія родиной столькихъ императоровъ и полководцевъ и представлявшія главную силу государства, были навсегда утрачены, и турокъ раскинулъ на развалинахъ древне-римскаго великолѣпія свои кочевыя палатки. Колыбель цивилизаціи подпала варварству ислама и полнѣйшему огрубѣнію».

Послѣ катастрофы 1071 года и до вступленія на престолъ Алексѣя Комнина въ 1081 году турки, пользуясь беззащитностью страны и внутренними раздорами имперіи, гдѣ та или другая партія не задумывалась приглашать къ себѣ на помощь турокъ и тѣмъ самымъ все глубже вводить ихъ во внутреннюю жизнь государства, доходили по Малой Азіи отдѣльными отрядами до ея западныхъ частей. Поддерживая, напр., Никифора Вотаниата въ его стремленіи захватить

престоль, турки дошли съ нимъ до Никеи и Хрисополя (теперь Скутари, противъ Константинополя).

Но помимо этого, и послѣ смерти Романа Диогена и Алпъ-Арслана, заключившихъ извѣстный намъ договоръ, обѣ стороны, Византія и турки, не считали себя связанными его условіями. Поэтому турки при всякой возможности стали постепенно завоевывать малоазіатскія области Византіи, дѣйствуя, по выраженію современнаго византійскаго хрониста Іоанна Скилицы, уже не въ качествѣ временныхъ грабителей, а настоящихъ властителей того, что они захватывали. Преемникъ Алпъ-Арслана поручилъ малоазіатскія операціи Сулейману-Кутулмышу, который занялъ среднюю часть Малой Азіи, гдѣ вскорѣ образовался выдѣлившійся изъ обширной имперіи Сельджукидовъ, такъ называемый Румскій, или малоазіатскій¹⁾ султанатъ со столицею въ самомъ красивомъ и богатомъ византійскомъ городѣ Малой Азіи, Иконіи (Iconium; теперь Конія), отчего это новое государство сельджуковъ называется часто Иконійскимъ султанатомъ. Сильный Румскій султанатъ, который занималъ центральное положеніе въ Малой Азіи и границы котораго очень скоро стали доходить на сѣверѣ до черноморскаго и на югѣ до средиземнаго побережья, сдѣлался грознымъ врагомъ имперіи, упорно продвигавшимся все далѣе на западъ. Собственными силами Византіи съ сельджукскою опасностью бороться не могла.

Въ связи съ наступленіемъ сельджуковъ, а также, вѣроятно, подъ вліяніемъ узо-печенѣжской опасности для столицы съ сѣвера, о чемъ рѣчь будетъ ниже, Михаилъ VII Дука Паррапинакъ еще въ первые годы своего правленія отправилъ посланіе къ папѣ Григорію VII, прося о помощи Запада и обѣщая за это папѣ соединеніе церквей. Григорій VII, благосклонно отнесшись къ просьбѣ восточнаго императора, разослалъ по Западной Европѣ рядъ посланій къ владѣтельнымъ князьямъ и ко «всѣмъ христіанамъ» (*ad omnes christianos*), гдѣ, между прочимъ, говорилось о томъ, что «язычники сильно тѣснили христіанскую имперію и съ ужасною жестокостью опустошили все уже почти до стѣнъ Константинополя». Воз-

¹⁾ Подъ словомъ „румъ“, что есть не что иное какъ „ромей“, т. е. римляне, мусульманскіе писатели разумѣли средневѣковыхъ грековъ-византійцевъ, а за симъ ихъ владѣнія; въ частности подъ „Румомъ“ разумѣлась Малая Азія.

званія Григорія VII, какъ извѣстно, реальнаго результата не дали. Западная помощь для Византіи въ эти годы не собралась. Самъ же папа былъ вовлеченъ въ упорную и длительную борьбу за инвеституру съ германскимъ государемъ Генрихомъ IV.

Такимъ образомъ, къ моменту вступленія на престолъ Алексѣя Комнина было совершенно очевидно, что продвиженіе сельджуковъ съ востока угрожаетъ имперіи смертельною опасностью.

Печенѣги. Мы знаемъ, что къ концу Македонской династіи печенѣги были самыми опасными врагами Византіи на сѣверѣ. Византійское правительство разрѣшало имъ жить въ областяхъ на сѣверѣ отъ Балканъ. Печенѣжскіе князья получали придворные византійскіе чины. Но, конечно, это не было настоящимъ разрѣшеніемъ печенѣжскаго вопроса, такъ какъ, уже не говоря о неспособности вообще печенѣговъ къ прирученію и осѣдлой жизни, изъ-за Дуная непрестанно прибывали новыя толпы печенѣговъ и родственныхъ имъ узовъ и устремлялись съ цѣлью грабежа къ югу.

Исаакъ Комнинъ оказался въ отношеніи печенѣговъ, «выползшихъ при немъ, по выраженію византійскаго историка, изъ норъ», очень энергичнымъ противникомъ и смогъ возстановить византійскую власть на Дунаѣ. Такимъ образомъ, во время кратковременнаго правленія Исаака Комнина, Византія дала надлежащій отпоръ наступавшему на имперію турецкому элементу: на сѣверѣ печенѣгамъ, на востокъ, какъ было отмѣчено выше, сельджукамъ.

Но при Константинѣ Дукѣ на Дунаѣ появились узы. «Это было, по словамъ В. Г. Васильевскаго, настоящее переселеніе; цѣлое племя, въ числѣ 600 тысячъ, со всѣмъ своимъ имуществомъ и скарбомъ, толпилось на лѣвомъ берегу рѣки. Всѣ усилія воспрепятствовать ихъ переправѣ были напрасны». Солунская область, Македонія, Фракія, даже самая Эллада подверглись страшному опустошенію. Одинъ современный византійскій историкъ серьезно замѣчаетъ, будто «все населеніе Европы обсуждало (тогда) вопросъ о выселеніи». Однако, эта ужасная опасность, въ силу различныхъ условій, была устранена, что въ народѣ объяснялось чудесною помощью свыше. Часть узовъ даже поступила на службу византійскаго императора, получивъ въ надѣль казенныя земли въ Маке-

доніи. Какъ уже извѣстно, печенѣги и узы, служившіе въ византійскомъ войскѣ, сыграли важную роль въ роковомъ для Романа Диогена сраженіи при Манцикертѣ.

Благодаря финансовой политикѣ Михаила VII Дуки Парасинака, который, по совѣту своего перваго министра, сократилъ денежные подарки, отправляемые въ придунайскіе города, среди поселенныхъ тамъ печенѣговъ и узовъ начались волненія. Заключивъ союзъ съ задунайскими кочевниками и вступивъ въ соглашеніе съ однимъ изъ возставшихъ противъ императора византійскихъ военачальниковъ, печенѣги и другія жившія у Дуная племена, по всей вѣроятности, и славяне, двинулись на югъ и, разграбивъ Адрианопольскую область, дошли до столицы, которую и осадили. Константинополь сильно страдалъ отъ недостатка пропитанія. Это былъ тотъ критическій моментъ для имперіи, когда Михаилъ Парасинакъ, какъ было уже сказано выше, подъ давленіемъ сельджукской и печенѣжской опасности отправилъ посланіе о помощи къ папѣ Григорію VII.

Однако, ловкія интриги византійской дипломатіи, повидимому, посѣяли раздоръ среди осаждавшихъ столицу союзниковъ, которые сняли осаду и съ грабежомъ возвратились къ Дунаю. Въ концѣ нашего періода, во время борьбы за престолъ Никифора Вотаниата и Алексѣя Комнина печенѣги принимали довольно живое участіе.

Такимъ образомъ, узо-печенѣжскій вопросъ въ эпоху смутнаго времени передъ началомъ династіи Комниновъ отнюдь рѣшенъ не былъ. Эта сѣверная турецкая опасность, грозившая иногда, какъ мы видѣли, и самой столицѣ, перешла къ Комнинамъ, при которыхъ приняла еще болѣе острые формы.

Норманны. Къ концу эпохи Македонской династіи незадолго прибывшіе въ Италію норманны, пользуясь внутренними затрудненіями Византіи и ея разрывомъ съ Римомъ, уже начали успѣшно продвигаться въ ея южно-итальянскихъ владѣніяхъ. Восточная имперія не могла удѣлять должнаго вниманія на западную опасность со стороны норманновъ, такъ какъ была занята восточными нападеніями турокъ-сельджуковъ, которые вмѣстѣ съ печенѣгами и узами, нападавшими на Византію съ сѣвера, являлись какъ бы естественными союзниками норманновъ. «Имперія, по выраженію одного историка (Неймана), защищалась въ Италіи только лѣвой рукой».

Сильнымъ орудіемъ въ рукахъ норманновъ въ ихъ борьбѣ съ Византіей былъ созданный ими флотъ, оказавшій въ послѣдствіи сухопутнымъ норманскимъ отрядамъ существенныя услуги. Кроме того, у норманновъ въ половинѣ XI вѣка появилась крупная, энергичная личность Роберта Гюискара, «выросшаго изъ вождя разбойниковъ въ основателя государства».

Главнымъ дѣломъ Роберта Гюискара было подчиненіе византійской Южной Италіи. Однако, несмотря на то, что восточная имперія переживала трудныя времена, въ пятидесятихъ и шестидесятихъ годахъ XI вѣка борьба въ Италіи шла съ переменнымъ успѣхомъ. Робертъ подчинилъ, на примѣръ, Бриндизи, Тарентъ и Реджо (Регіумъ); а черезъ нѣсколько лѣтъ первые два города снова были взяты прибывшими въ Бари византійскими войсками, въ составъ которыхъ входили варяги. Но затѣмъ успѣхъ перешелъ на сторону норманновъ.

Робертъ Гюискаръ предпринялъ осаду Бари, главнаго центра византійскаго владычества въ Южной Италіи. Бари былъ въ то время однимъ изъ самыхъ укрѣпленныхъ городовъ Италіи. Въ IX вѣкѣ, о чемъ упомянуто было выше, мусульмане лишь при помощи хитрости смогли на нѣкоторое время овладѣть Бари, а западный императоръ Людовикъ II въ томъ же вѣкѣ встрѣтилъ со стороны этого города упорное сопротивленіе. Осада Бари Робертомъ являлась крупнымъ военнымъ предпріятіемъ, въ которомъ значительную роль игралъ норманскій флотъ; установившій блокаду порта. Осада продолжалась около трехъ лѣтъ. Наконецъ, весной 1071 года Бари вынужденъ былъ сдаться Роберту.

Паденіе Бари знаменовало собою конецъ византійской власти въ Южной Италіи. Въ завоеванномъ городѣ Робертъ приобрѣталъ въ Апуліи наиважнѣйшій опорный пунктъ для быстрого и окончательнаго подчиненія уже небольшихъ остатковъ византійскаго владычества внутри страны. Затѣмъ, подчиненіе Южной Италіи развязало Роберту руки для завоеванія Сициліи отъ мусульманъ.

Завоеваніе Южной Италіи не имѣло своимъ послѣдствіемъ уничтоженія въ странѣ всякихъ византійскихъ вліяній. Преклоненіе передъ Восточной имперіей, ея традиціями и блескомъ, ощущалось, какъ извѣстно, вездѣ на Западѣ. Западная имперія, будетъ ли то имперія Карла Великаго, или Оттона Германскаго, являлась во многихъ отношеніяхъ отраженіемъ

устоевъ, идей и внѣшнихъ жизненныхъ условій освященной многими вѣками Восточной имперіи. Норманскіе завоеватели Южной Италіи въ лицѣ Роберта Гюискара должны были еще въ большей степени подчиниться обаянію Византіи.

Робертъ, герцогъ Апуліи, разсматривая себя послѣ завоеванія законнымъ наслѣдникомъ византійскихъ василевсовъ, сохранилъ въ покоренной странѣ византійскую администрацію. Въ норманскихъ документахъ встрѣчается названіе еемы Калабріи; во главѣ городовъ стоятъ стратиги или экзархи; норманны гордятся византійскими титулами. Греческій языкъ въ богослуженіи сохранился въ Калабріи; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ греческій языкъ при норманнахъ считался даже языкомъ оффиціальнымъ. Вообще, покорители и покоренные жили рядомъ другъ съ другомъ, не сливаясь, а каждый сохраняя свой языкъ, свои обычаи и нравы.

Честолюбивые планы Роберта Гюискара шли гораздо дальше скромныхъ предѣловъ Южной Италіи. Учитывая внутреннюю слабость Византіи и ея внѣшнія затрудненія, норманскій завоеватель сталъ мечтать объ императорскомъ тронѣ, объ императорской коронѣ восточнаго василевса.

Если мы сопоставимъ случившееся весною 1071 года паденіе Бари съ роковою для грядущихъ судебъ Византіи битвою при Манцикертѣ въ августѣ того же года, то придемъ къ заключенію, что 1071 годъ является однимъ изъ самыхъ важныхъ на всемъ протяженіи византійской исторіи. Въ этомъ году Византія потеряла Южную Италію на Западѣ и подписала смертный приговоръ своему владычеству въ Малой Азіи на Востокѣ. Съ этихъ поръ Византія перестаетъ быть міровою державою средневѣковья. Уменьшенная въ своихъ размѣрахъ, лишенная источника своихъ главныхъ жизненныхъ силъ, т. е. Малой Азіи, Восточная имперія, несмотря на нѣкоторый подъемъ при Комнинахъ, не могла уже играть прежней роли и со второй половины XI вѣка какъ въ политическомъ, такъ и въ экономическомъ отношеніи, мало-по-малу, пошла на помочахъ у Западной Европы.

Понявъ опасность со стороны Роберта, императоръ Михаилъ VII Дука Парацинакъ хотѣлъ предовратить ее путемъ брачныхъ узъ между обоими дворами. Сынъ императора былъ обрученъ съ дочерью Роберта. Но это не помогло, и послѣ низложенія Михаила VII норманны усилили свои враждеб-

ныя дѣйствія противъ имперіи и ко времени вступленія Комниновъ на престоль собирались перенести войну изъ Италиі на восточный берегъ Адриатическаго моря.

Только что разобранный смутный періодъ имперіи, закончившійся во внѣшней политикѣ отступленіемъ послѣдней на всѣхъ границахъ Европы и Азіи и бывшей во внутренней жизни свидѣтелемъ почти непрекращавшейся смуты, оставилъ вступившей на престоль въ лицѣ Алексѣя династіи Комниновъ тяжелое государственное наслѣдство.

Литература къ девятой главѣ. Сочиненія общаго характера: Общія иностранныя сочиненія (см. первую главу). A. Gfröger. Byzantinische Geschichten. T. III. Graz, 1877 (часть этого тома содержитъ рядъ монографическихъ очерковъ, начиная съ Михаила Стратіотика и кончая Романомъ Діогеномъ). Н. С к а б а л а н о в и ч ъ. Византійское государство и церковь въ XI вѣкѣ. Петроградъ, 1884 (придворная исторія нашего періода въ связи съ общимъ ходомъ событій). C. Neuman n. Die Weltstellung des byzantinischen Reiches vor den Kreuzzügen. Leipzig, 1894, или во французскомъ переводѣ: La situation mondiale de l'Empire Byzantin avant les croisades. Paris, 1905 (интересно написанный обзоръ общаго положенія имперіи въ XI вѣкѣ; очень цѣнно и для нашего періода). Монографіи по отдѣльнымъ царствованіямъ: Н. M ä d l e r. Theodora, Michael Stratiotikos, Isaak Komnenos. Ein Stück byzantinischer Kaisergeschichte. Plauen i. V. 1894 (родъ конспекта съ указаніемъ источниковъ и общіе обзоры правленій Михаила Стратіотика и Исаака Комнина). П. К а р о л і д и с ъ (Каролидисъ). 'Ο αυτοκράτωρ Διογένης ὁ Ῥωμανός (1068—1071). Афины, 1906 (популярный очеркъ царствованія Романа IV Діогена). Турки: A. Gfröger, III (см. выше). N. Jorg a. Geschichte des Osmanischen Reiches. I, Gotha. 1908. Печенѣги и узы: В. В а с и л ь е в с к і й. Византія и печенѣги, въ Журн. Мин. Нар. Просв. Часть 164 (1872); а затѣмъ эта работа переиздана въ Трудахъ В. Г. В а с и л ь е в с к а г о. Т. I, Птр., 1908 (блестящая, основная работа). Норманны: I. G a u. L'Italie Méridionale et l'Empire Byzantin depuis l'avènement de Basile I-er jusqu'à la prise de Bari par les Normands (867—1071). Paris. 1904. F. Ch a l a n d o n. Histoire de la domination normande en Italie et en Sicile. I, Paris, 1907.

ВАЖНѢЙШІЯ ХРОНОЛОГИЧЕСКІЯ ДАТЫ.

325. Первый Вселенскій Соборъ.
330. Новая столица — Константинополь.
337. Смерть Константина Великаго.
361—363. Юлианъ Отступникъ.
381. Второй Вселенскій Соборъ.
395. Смерть Θεодосія Великаго.
408—450. Θεодосій II.
431. 3-й Вселенскій Соборъ.
451. 4-й Вселенскій Соборъ.
518—582. Династія Юстиніана.
527—565. Юстиніанъ Великій.
532. Возстаніе «Ника».
553. 5-й Вселенскій Соборъ.
610—711. Династія Ираклія.
610—641. Ираклій.
622. Бѣгство Мухаммеда изъ Мекки въ Медину.
627. Сраженіе у развалинъ Ниневіи.
637 или 638. Взятіе Іерусалима арабами.
668—685. Константинъ IV.
680—681. 6-й Вселенскій Соборъ.
717—802. Исаврійская династія.
717—741. Левъ III.
741—775. Константинъ V Копронимъ.
753—754. Иконоборческій соборъ въ Іеріи.
787. 7-й Вселенскій Соборъ.
800. Коронованіе Карла Великаго.
813—820. Левъ V Армянинъ.
820—867. Аморійская династія.
843. Возстановленіе Православія.
860. Первое нападеніе руссовъ на Константинополь.
867—1056. Македонская династія.

- 867—886. Василій I.
913—959. Константинъ VII Багрянородный.
963—969. Никифоръ Фока.
969—976. Іоаннъ Цимисхій.
976—1025. Василій II Болгаробойца.
1018. Присоединеніе Болгаріи.
1054. Раздѣленіе церквей.
1071. Сраженіе при Манцикертѣ и взятіе норманнами Бари.

Перечень византійскихъ императоровъ съ Константина Великаго до вступленія на престолъ Комниновъ въ 1081 году.

Константинъ Великій (единодержавный) 324—337.

Констанцій 337—361.

Юліанъ Отступникъ 361—363.

Іовіанъ 363—364.

Валентъ 364—378.

Оеодосій I Великій 379—395.

Аркадій 395—408.

Оеодосій II Малый 408—450.

Маркіанъ 450—457.

Левъ I Великій 457—474.

Левъ II 474.

Зиновъ 474—491.

Анастасій I Дикоръ 491—518.

Юстинъ I 518—527.

Юстиніанъ I Великій 527—565.

Юстинъ II 565—578.

Тиверій II 578—582.

Маврикій 582—602.

Фока 602—610.

Ираклій 610—641.

Константинъ II 641.

Ираклеонъ (Ираклона) 641.

Константинъ III (Константъ II) 641—668.

Константинъ IV 668—685.

Юстиніанъ II Ринотметъ 685—695.

Леонтій 695—698.

Тиверій III (Апсимаръ) 698—705.

- Юстиніанъ II (вторично) 705—711.
Филиппикъ Варданъ 711—713.
Анастасій II (Артемій) 713—715.
Ееодосій III 715—717.
Левъ III 717—741.
Константинъ V Копронимъ 741—775.
Левъ IV Хазаръ 775—780.
Константинъ VI 780—797.
Ирина 797—802.
Никифоръ I 802—811.
Ставракій 811.
Михаиль I Рангавé 811—813.
Левъ V Армянинъ 813—820.
Михаиль II Косноязычный 820—829.
Ееофилъ 829—842.
Михаиль III 842—867.
Василій I 867—886.
Левъ VI Философъ 886—912.
Александръ 912—913.
Константинъ VII Багрянородный 913—959.
Романъ I Лекапинъ (соимператоръ) 919—944.
Етефанъ и Константинъ, сыновья Романа Лекапина
944 дек.—945 янв.
Романъ II 959—963.
Никифоръ II Фока 963—969.
Юаннъ I Цимисхій 969—976.
Василій II Болгаробойца 976—1025.
Константинъ VIII 1025—1028.
Романъ III Аргиръ 1028—1034.
Михаиль IV Пафлагонецъ 1034—1041.
Михаиль V Калафать 1041—1042.
Ееодора и Зоя 1042.
Константинъ IX Мономахъ 1042—1054.
Ееодора 1054—1056.
Михаиль VI Стратіотикъ 1056—1057.
Исаакъ I Комнинъ 1057—1059.
Константинъ X Дука 1059—1067.
Романъ IV Діогенъ 1067—1071.
Михаиль VII Дука Парасинакъ 1071—1078.
Никифоръ III Вотаніать 1078—1081.
-

РОДОСЛОВНЫЯ ТАБЛИЦЫ ЦАРСТВОВАВШИХЪ ВИЗАНТІЙСКИХЪ ДИНАСТІЙ.

1) Династія Констанція Хлора.

Констанцій Хлоръ.

Константинъ . В. (отъ Елены) † 337.				Юлій Констанцій. (отъ Θεодоры).	
Константинъ. † 340.	Констанцій. 337 — 361.	Константъ. † 350.	Елена = Юліанъ. 361—363.	Галлъ. † 354.	Юліанъ 361 — 363 = Елена.

2) Династія Θεодосія Великаго.

Франкъ Бауто	Θεодосій I 379 — 395.
	= Аркадій Гонорій 395 — 408. 395 — 423.
Евдоксія	= Пульхерія † 453.
Маркіанъ = 450 — 457.	Θεодосій II = Евдовія (Аеинаида). 408 — 450.

3) Династія Льва I.

Левъ I = Верина 457 — 474.
= Аріадна = Анастасій I 474 — 491. 491 — 518.
Левъ II 474.

4) Династія Юстиніана Великаго и Тиверія II.

Юстинъ I 518 — 527.	Сестра Юстина.
	Юстиніанъ В. = Θεодора 527 — 565 † 548
Юстинъ II = Софія 565 — 578.	
Тиверій II (усыновленъ) 578 — 582	
	Константина = Маврикій 582 — 602.

5) Династія Ираклія.

Евдокія = Ираклій = Мартина
† 612. 810 — 641.

Константинъ II Ираклеонъ (Ираклона)
641 641

Константинъ III (Константъ II)
641 — 668.

Константинъ IV
668 — 685.

Юстиніанъ II Ринотметъ
685 — 695 и 705 — 711.

6) Исаврійская или Сирійская династія.

Левъ III
717 — 741.

Артаваздъ = Анна Константинъ V Копронимъ.
741 — 775.

Левъ IV Хазаръ = Ирина
775 — 780. 797 — 802.

Константинъ VI
780 — 797.

7) Время 802 — 813.

Никифоръ I
802 — 811.

Михаилъ I Рангавé = Прокопія. Ставракій
811 — 813. 811.

8) Аморійская или Фригійская династія.

Михаилъ II Косноязычный
820 — 829.

Θеофиль = Θεодора
829 — 842.

Михаилъ III Пьяница
842 — 867.

9) Македонская династія.

Василій I
867 — 886.

Левъ VI Александръ
Философъ 912 — 913.
886 — 912.

Романъ I Лекапинъ
919 — 944.

Константинъ VII
Багрянородный
913—959.

= Елена. Стефанъ. Константинъ.
944 — 945. 944 — 945.

Никифоръ II = Теофанъ = Романъ II
Фока 959 — 963.
963 — 969.

Теодора = Иоаннъ Цимисій
969 — 976.

Оттонъ II = Теофанъ
Герм.

Василій II
Болгаробойца
976—1025.

Константинъ VIII
1025 — 1028.

Анна = Владиміръ
Св., князь
Кіевскій.

Оттонъ III

1) Романъ III 2) Михаилъ IV 3) Константинъ IX = Зоя
Аргиръ. Пафл. Мономахъ
1028 — 1034. 1034 — 1041. 1042 — 1054.

Теодора
1054 — 1056.

(Зоя была замужемъ три раза).

10) Династія Дуковъ.

Константинъ X = Евдокія Макремволитисса = Романъ IV Диогенъ
1059 — 1067. 1067 — 1071.

Михаилъ VII Парапинакъ = Марія = Никифоръ III Вотаниатъ
1071 — 1078. 1078—1081.

